Лейбъ-Эриванцы
въ
Великой Войнѣ

ЛЕЙБ-ЭРИВАНЦЫ
В
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПОЛКА В ОБРАБОТКЕ
ПОЛКОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

К. ПОПОВА

ПАРИЖ
1959

Эту книгу Лейб-Эриванцы благоговейно
посвящают священной памяти своего Царственного
однополчанина и Шефа ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II
и Его АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬИ,
в неизреченной красоты подвиге просиявших.

Петергоф.
1913 год.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР
принимает рапорт от у. о. Кошеленко.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к описанию боевой жизни полка в Великую войну, Историческая комиссия встретила на своем пути много препятствий для восстановления эпизодов грандиозной эпопеи в том виде, как она переживалась полком.

Для того, чтобы уяснить, как было трудно работать в 1938 г. (год начала работ комиссии), нужно оглянуться назад и вспомнить при каких условиях была закончена война. Сделать это необходимо потому, что тогда только станет ясно, каких документов первостепенной важности мы оказались лишенными в своей работе.

После октябрьского переворота, произведенного большевиками в 1917 году, власть перешла в их руки. Этот захват власти большевиками фактически обозначал конец войны. Но какой конец! Весь громадный фронт, с неисчислимым по своей ценности имуществом, был брошен на произвол судьбы. Солдатская масса, окончательно распропагандированная и вышедшая из повиновения, ушла по домам: кто получать обещанные наделы земли, а кто просто "грабить награбленное".

Не вдаваясь в описание этих деталей, которые имеют общегосударственное значение и потому, рано или поздно, получат исчерпывающее объяснение, мы будем фиксировать лишь небольшие участки Всероссийской трагедии в том виде, в каком они затронули полковой организм.

По заключении Брест-Литовского мира все, что оставалось от полка того периода, было направлено в гор. Тулу, для расформирования и сдачи архивов. Эти архивы заключали в себе все журналы боевых действий, реляции, приказы, все списки наличного состава и пр. и пр. Все это — пока, а может быть и навсегда — потеряно. Полк официально перестал существовать. Офицеры полка потянулись, как будет указано ниже, поближе к своей бывшей стоянке — в Манглис, а главным образом, в Тифлис, ибо здесь оставались у каждого свои связующие нити. Перед офицерством вставал серьезный вопрос: нужно было искать себе заработка, начинать совершенно иную жизнь в борьбе за насущный кусок хлеба, ибо никаких средств для существования ни у кого не было. Все офицеры, в том числе и тяжело раненые, причисленные к категориям Александровского комитета — все, решительно все, были брошены новым правительством на произвол судьбы. Мало того, по всей России пронеслась волна кровавого террора, острие которого было направлено, в первую очередь, именно против офицерства, — как тогда выражались, против "прислужников старого режима" и против "золотопогонников".

Подавляющее большинство Эриванцев в 1918 году сосредоточи-

лось в Тифлисе. В Тифлисе не было кровавых гонений и эксцессов, так как Грузия отделилась от России, объявив свою независимость в мае 1918 г. и, в своем новом государственном образовании, всячески старалась поддерживать, хотя и революционный, но все же порядок. Создание новой власти в Грузии затронуло интересы полка. Конфисковано было все золото и серебро полка, находившееся на хранении в Тифлисском отделении Государственного Банка. Большой ценности полковое и офицерское имущество, хранившееся в Полковом собрании, оставшись без охраны, подверглось систематическому расхищению. Погибли все полковые реликвии. Положение было таково, что каждый принужден был думать о своем личном устройстве; о ПОЛКЕ, об его истории, о только что отгремевших боях некогда было думать.

В пределах Грузии создавалась своя грузинская армия, в пределах Армении — своя национальная армянская армия. В полку были офицеры и той и другой национальности. И те и другие естественно потянулись к своим очагам, стараясь занять место в знакомом им военном деле.

Совсем иным оказалось положение русских офицеров; с каждым днем положение их становилось трагичнее. Устроиться в Грузии не было никакой возможности; так или иначе предстояло покинуть насиженные места. Но куда и как? Закавказье, во второй половине 18 года, было почти изолировано от остальной России. Многие офицеры и вообще русские люди, пробираясь в Россию, подвергались всевозможным насилиям, грабежам и убийствам со стороны многочисленных, как грибы расплодившихся, всевозможных банд, революционных комитетов и просто революционной черни. Русским офицерам открывалась только одна возможность: поступать в Красную армию, формировавшуюся в России. Но, в виду царивших там порядков и явно антинациональных и антигосударственных тенденций ее руководителей, охотников поступать в эту армию среди нас, Эриванцев, не оказалось. К счастью, вскоре открылась другая возможность — пойти бороться с большевизмом в Добровольческой армии Юга России. Возможность эта открылась со взятием Новороссийска.

Таким образом, офицерский состав Эриванского полка распался на три основных свои части по национальному признаку. Большинство, почти все русские офицеры полка в конце 1918 и начале 1919 годов покинули Грузию и, влившись в Добровольческую армию, вели вооруженную борьбу. Вновь создавались славные страницы боевой летописи... но в пылу борьбы, в пылу пожара гражданской войны, опять-таки никто не помышлял о сборе каких-то документов, к тому же Эриванцы сражались в Д. А., за тысячу верст от Тулы, на отдаленном Царицынском фронте.

Каждый думал: вот, кончится война, тогда во всем разберемся. Восстановление Эриванского полка рисовалось нам, участникам Белой армии, не за горами, так как из роты, сформированной в июле месяце 1919 года, в октябре того же года Эриванцами был развернут свой батальон. Но судьба готовила иное решение.

Неудача белых армий повлекла за собой эвакуацию ее остатков по всем странам мира. Эта громадная волна вынесла на чужие берега и оставшихся в живых, после всех перипетий Великой и Гражданской

войн, Эриванцев. И вот, только заграницей, получив передышку, оставшиеся стали разбираться в прошлом, чтобы уяснить себе будущее. Разбираясь в этом прошлом, каждый почувствовал к нему особенное тяготение, ибо черпал в нем силы к дальнейшему перенесению всевозможных лишений, находя утешение и поддержку в минуты упадка духа и душевных сомнений.. Ощутилась надобность восстановить, насколько это удастся, главным образом по памяти, годы героической борьбы.

Нашлись среди нас фанатики этого дела. Началась трудная кропотливая работа, в сравнении с которой мозаика имеет отдаленное сходство. Пятнадцать долгих лет шла переписка; письма пересекали Европейский материк из края в край в поисках малейшей детали, могущей помочь восстановить наше прошлое, ибо во всех нас жила и живет вера, что в нашем прошлом, а также и в приобретенном нами опыте, есть те крупицы мудрости, которые не приобретаются в книгах, и которые, по завету Гоголя, нельзя скрывать в себе.

Наше пребывание в эмиграции затянулось. Многие наши друзья и братья уже ушли от нас в иной мир, не дождавшись ВОСКРЕСЕНИЯ... И перед нами встал вопрос о необходимости закончить нашу работу для будущих поколений, придав ей удобочитаемый и усвояемый облик.

Предположено было эту работу закончить к 1942 году, году трехсотлетнего юбилея *нашего славного полка, но удалось это выполнить лишь в конце 1949 года.*

Все осколки нашего славного прошлого, любовно собраны и склеены настолько, что, несмотря на многие изъяны, общая картина всех событий все же оживает в своих подлинных тонах и духе.

Все заключения и выводы, которыми сопровождены те или иные события, являются произведением не одного кого-либо из членов комиссии, но ВСЕГО ПОЛКА в единогласном одобрении; ибо только лишь в таком виде наш голос, видевших все своими глазами, все перечувствовавших лично, сможет звучать авторитетно для будущих поколений русских воинов.

Полковая Историческая Комиссия.

ИСТОЧНИКАМИ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО ТРУДА ПОСЛУЖИЛИ:

Письменные свидетельства: — б. Командующего 10 армией, Ген. от Инф. Флуга, — б. Н-ка Штаба II Кавказского арм. корпуса, Ген. Шт. Ген.-М. Федорова, — б. Ст. ад. штаба Кавказской Гренадерской див., Ген. Шт. Капитана К. Г. Булгакова, — б. Командира Лейб-Эриванского полка, Ген. Шт. Полковника Е. Е. Вышинского и нижеследующих офицеров полка: — Полковника Н. А. Шаншиева, — Полковника К. Н. Тарасенкова, — Подполковника А. Н. Купцова, — Капитана А. Г. Кузнецова; Штабс-Капитанов: — В. В. Шидельского, — В. И. Гранитова, — А. П. Степанова, — Штабс-Ротмистра С. С. Бутурлина; Поручиков: — Р. А. Гвелесиани, — А. Г. Гогоберидзе и подпоручиков: А. И. Снарского, — Г. В. Яхонтова, — В. Р. Зуева, — К. С. Попова, — Е. Ф. Долженкова; Корнета гр. С. А. Чернышева-Безобразова; Прапорщиков: — Б. Д. Хана Сагнахского, — Е. А. Долгополова и военного чиновника Ф. Лазебного.

Приказы по армии, корпусу, дивизии и полку; телеграммы Высочайших Особ; послужные списки г. г. офицеров, официальные реляции о наградах "Русского Инвалида", официальные реляции о действиях полка. Книга советского автора Г. К. Королькова — "Лодзинское сражение" (Гос. воен. изд. Москва 1934 г.) и "Русская Летопись". А из иностранных источников: выписки из Рейхсархива и полковых дневников различных полков Германской армии, сражавшихся против Лейб-Эриванцев на разных участках фронта*).

*) Все чины приводимых авторов относятся ко времени начала военных действий или к моменту их прибытия в полк.

МОБИЛИЗАЦИЯ

Объявление мобилизации произошло в ночь с 17-го на 18-е июля 1914 года. В Манглисе в это время находились I, II и III б-ны, Штаб полка и Команды: учебная,пулеметная и связи. IV-ый б-н с 25 апреля находился в командировке в гор. Эривани, где нес гарнизонную службу, заменяя Кавказских стрелков, находившихся, в свою очередь, в командировке в Персии. Команда же разведчиков с марта месяца находилась на Персидской границе на посту Эшакчи, будучи придана в помощь 29-ой Бакинской бригаде пограничной стражи.

Вот одна из картин мобилизации:

"Мы*), т. е. вся молодежь, человек 12-15, сидели в ротонде (в парке), ужинали и конечно пили "Кахетию № 2". Было часа два ночи. Вдруг вбегают несколько наших денщиков и докладывают, что всех г. г. офицеров требуют в полковую канцелярию и что объявлена мобилизация. До этого за столом много говорили о войне, все безумно радовались возможному походу, но боялись, что "не успеем": — войну кончат до нашего прибытия.

В канцелярии мы застали почти всех офицеров. Поручик Снарский, заведывавший мобилизационной частью полка, вручал каждому из нас по объемистому конверту, который мы должны были тут же вскрыть. Вскрыв конверт, я прочел: "С получением сего вам с 12 гренадерами надлежит выехать немедленно в с. Медведь, Ставропольской губернии, где принять 360 лошадей и запасных для сопровождения оных до ст. Навтлуг, где сдать лошадей и людей приемщикам, которые вас встретят на станции. Самому же, с командой гренадер, немедленно вернуться в Манглис, где вам будет сообщено о вашем новом назначении. Подписи: Флигель-Адъютант Полковник Мдивани. Поручик Снарский".

Получив деньги и бумаги на себя и 12 гренадер, я побежал прямо в роту. Там, конечно, никто не спал. Люди были бодры и веселы. Немедленно обступили меня с расспросами. Я все, что знал, рассказал и добавил, что завтра утром, чуть свет, еду с такими-то (назвал фамилии) в Ставропольскую губернию за лошадьми. В моей 6-ой роте было Ставропольцев человек 30-40 и теперь все они стали меня умолять взять их с собой. Мне стало их жаль. Тогда я решил свой список составить исключительно из Ставропольцев, выбрав только семейных. — Хорошо, сказал я, сами выберете из своей среды 12 человек и через ¼ часа представить мне список.

Через полчаса 12 человек счастливцев стояли предо мной радостные и улыбающиеся. Дальше шел разговор с фельдфебелем, Подпрапор-

*) А. Г. Гогоберидзе.

щиком Гусаковым. Отъезжающие должны были быть снабжены всем необходимым на дорогу. На разгонную станцию был послан унт.-оф. заказать три перекладных, словом все распоряжения были сделаны. Оставалось оформить новый список, для чего пришлось еще раз лететь в канцелярию и просить Поручика Снарского сделать соответствующее изменение, что и было сделано в одну минуту.

Остаток времени прошел в сборах в дорогу и прощании с родными, а в 6 ч. утра на следующий день, разместившись на 3 перекладных, вместе с присоединившимся ко мне Подпоручиком Зуевым, назначенным для приемки лошадей в мою партию, мы отъехали от расположения 6-ой роты, провожаемые чуть ли не всем II-м б-ном.

Вечером в тот же день подкатили прямо к Тифлисскому вокзалу, погрузились и, на вторые, или на третьи сутки, прибыли в Ставрополь, где снова пересели на 2 больших перекладных и покатили почти через всю губернию."...

— "По прибытии в с. Медведь нас ждал сюрприз*). с. Медведь — громадное село. В этом селе был призывной пункт, благодаря чему там, в дни мобилизации, скопилось много запасных, которые, разбив казенный спиртной завод, подожгли его, а сами понапивались и отказались повиноваться распоряжениям воинского начальника. Воинский начальник, увидя нас с вооруженными гренадерами, чуть ли не "на коленях", стал просить принять меры к прекращению беспорядков.

Только благодаря тому, что среди мобилизованных было очень много солдат, проведших действительную службу в нашем полку, нам удалось, не прибегая к оружию, очень скоро восстановить порядок, ибо бывшие гренадеры, увидя погоны своего полка, перебивая друг друга, желали знать: жив ли тот или другой офицер полка, бывший его ротный или батальонный. Остальные мобилизованные, раньше кричавшие: "Что там стали!? Бей их!".... скоро успокоились, видя, что офицеры и гренадеры, что-то весело разговаривают "с их братом" и вовсе не думают стрелять, (об этом и думать было нельзя, так как только мы вышли из Управления воинского начальника на улицу, толпа нас сдавила стальным кольцом, сдавила так, что не только действовать винтовкой, но пальцем нельзя было пошевельнуть). — Спасли нас наши погоны! Мы стали стыдить наших б. Эриванцев, что они бунтуют в такое время. Опустив глаза от стыда, некоторые оправдывались тем, что они вовсе не бунтуют, что они пойдут на войну, но что они не довольны тем, что запрещена продажа водки. Мы тогда пустили в ход все наше красноречие и кончилось тем, что окружавшие нас, бывшие Эриванцы, взялись раздавать данные нам воинским начальником связки билетиков, с именными назначениями на каждого запасного: кому в какую часть.

К вечеру все билеты были вручены, а на другой день прибыли еще приемщики от других частей, и началась приемка лошадей. Лошадей нам дали отличных. Это были львы, а не лошади. Мужики приводили их на цепях, а поставляли на обыкновенных веревках. Многие жеребцы посрывались с коновязей и много труда стоило их переловить, доставить до станции и погрузить. Все эти чудные кони попали в Обозный батальон, приемщикам которого мы и сдали лошадей в Навтлуге.

---

*) В. Р. Зуев.

По прибытии в полк нам была объявлена благодарность, так как о наших действиях полк был уведомлен Ставропольским Губернатором".

Укомплектование запасными полк получил, главным образом, из Кутаисской, Эриванской и Ставропольской губерний*). Запасные прибывшие с Сев. Кавказа и из Кутаисской губ. имели бодрый, здоровый и веселый вид, из Эриванской губернии запасные (пришли без сапог, в чевяках) имели нездоровый вид, ибо большинство, это сразу бросилось в глаза, было поражено малярией.

После выделения кадров для запасного б-на, остающегося в Манглисе, в ротах оставалось по 80-90 гренадер срочной службы, причем роты, будучи доведены до полного штатного состава в 215 штыков, распределялись по национальному признаку, приблизительно, следующим образом: 120-130 чел. русских, 25-30 грузин и 50-60 армян. Вот над сваркой этого разношерстного людского материала лихорадочно закипела работа, используя такой небольшой срок как мобилизационный период.

Наконец, мобилизация закончена. 15 августа в 6 час. вечера, в суровой торжественной обстановке, весь мобилизованный полк выстраивается на церковном плацу перед памятником полковому герою, рядовому Гавриле Сидорову, для напутственного молебна. Перед аналоем 19 полковых знамен... С полком в поход идет лишь одно полковое знамя... ветхое... почти одно древко без полотнища...

Полк прощается со своими знаменами...

Подобных церемоний наш милый, уютный Манглис видел много на своем веку и всегда был свидетелем победоносного возвращения своего детища... даже с таких неудачных для России войн, как Крымская война 1853-1855 г. г., когда Лейб-Эриванский полк вернулся увенчанный лаврами знаменитых побед Баш-Кадык-Лара и Кюрюк-Дара. На этот раз, впервые за свою историю, полк шел на войну... с которой ему не суждено было вернуться...

С утра 16 августа 1914 года батальоны по очереди выступают из Манглиса. Переход до Тифлиса (60 верст) в два этапа, с ночевкой одних б-нов на Белом Духане, других — на ст. Приют.

Разновременно прибывают батальоны в Тифлис и без всякой помпы сосредоточиваются у ст. Навтлуг около военного кладбища, где располагаются биваком. Тогда же, к общей радости всех офицеров, становится известно, что II Кавк. арм. корпус назначен на Западный фронт и нам предстоит посадка в эшелоны. Вместе с этой вестью становится известно, что Командир II Кавк. арм. корпуса, Ген.-от-Инф. Берхман, получает назначение на Кавказе, а наш корпус принимает известный герой Русско-Японской войны, Ген.-Адъютант Ген.-от-артиллерии Мищенко.

18 августа на обширном, голом, выжженном солнцем, поле, у ст. Навтлуг, Лейб-Эриванцы представились новому Командиру корпуса, после чего, в тот же день началась погрузка в эшелоны. Полк движется пятью эшелонами. "II Кавк. корпус, шедший вслед за III Кавказским, следовал на Ю.-З. фронт, в состав 8-й армии, но от Киева-Ромоданы

---

*) Подполковник А. Н. Купцов.

Кавказская Гренадерская дивизия и, следовавшие за ней, 51-я пех. и 1-я Кавк. стрелк. бригада были повернуты веером на Север.

Гибель армии Ген. Самсонова и тяжелое положение 1-й армии Ген. Ренненкампфа, отступавшей из Вост. Пруссии к Неману, создали серьезную угрозу прорыва нашего С.-З. фронта и вторжения немцев за Неман. В связи с этим в районе Гродно спешно создавалась 10-я арм. Ген. от-Инф. Флуга для удара в тыл и по правому флангу, дошедшей уже до Немана, германской армии. В состав этой, вновь формируемой 10-й армии и был направлен II Кавк. к-с"*).

Головные эшелоны начинают прибывать и выгружаться на ст. Гродно-Товарная с 31 августа, 1 сентября ночью, высаживается последний — IV б-н. Дождь, темь, грязь...

Пройдя Гродно, б-ны разведены проводниками по деревням в фортовых промежутках.

СПИСОК № 1.

Г.г. офицерам полка, выступившим в поход 18-8-14 года из ур. Манглис.

№№	Чин	Фамилия Имя Отчество	Должность
1.	Фл. Ад. Полковник	Мдивани Захарий Асланович	Командир полка
2.	Полковник	Шаншиев Николай Александрович	Пом. по строев. части
3.	Штабс-Капитан	Шлиттер Павел Владимирович	Полковой адъютант
4.	Подпоруч.	Снарский Александр Иванович	Пом. Полков. адъют.
5.	Фл. Ад. Подполковник	Силаев Лев Захарович	К-р 1 б-на
6.	Капитан	Пурцеладзе Отар Михайлович	К-р Его Велич. роты
7.	Штабс-Капитан	Солнцев Александр Александрович	Мл. оф. Его Вел. роты
8.	Поручик	Равтопуло Борис Владимирович	Мл. оф. » » »
9.	Капитан	Лазарев Аршак Павлович	К-р 2 роты
10.	Подпоручик	Шмелев Вячеслав Николаевич	Мл. оф. 2 роты
11.	Подпоручик	Четыркин Николай Николаевич	Мл. оф. » »
12.	Капитан	Кузнецов Александр Григорьевич	К-р 3 роты
13.	Подпоручик	Кумпаниенко Назарий Савич	Мл. оф. 3 роты
14.	Подпоручик	Ситников	Мл. оф. » »
15.	Капитан	Кн. Шервашидзе Михаил Леванович	К-р 4 роты
16.	Поручик	Гвелесиани Роман Александрович	Мл. оф. 4 роты
17.	Подпоручик	Тихонов Иван Иванович	Мл. оф. » »
18.	Подполковник	Мануйлов Александр Александрович	К-р II б-на
19.	Капитан	Сабель Адальберт Иванович	К-р 5 роты
20.	Штабс-Капитан	Крупович Вацлав Владиславович	Мл. оф. 5 роты
21.	Прапорщик	Котляревский Николай Дмитриевич	Мл. оф. » »
22.	Капитан	Силаев Виктор Захарович	К-р 6 роты
23.	Подпоручик	Зуев Василий Романович	Мл. оф. 6 роты
24.	Подпоручик	Гаттенбергер Борис Петрович	Мл. оф. » »
25.	Капитан	Кн. Чавчавадзе Михаил Макарьевич	К-р 7 роты
26.	Подпоручик	Кандауров Михаил Феодорович	Мл. оф. 7 роты
27.	Подпоручик	Терпев Константин Иванович	Мл. оф. » »
28.	Прапорщик	Понятовский	Мл. оф. » »
29.	Капитан	Пильберг Густав Карлович	К-р 8 роты
30.	Поручик	Козлов Гавриил Васильевич	Мл. оф. 8 роты
31.	Подпоручик	Якобашвили Антоний Окропирович	Мл. оф. » »
32.	Подполковник	Рутковский Констант. Иулианович	К-р III б-на
33.	Капитан	Кн. Геловани Константин Леванович	К-р 9 роты
34.	Подпоручик	Попов Константин Сергеевич	Мл. оф. 9 роты
35.	Подпоручик	Долженков Евгений Феодорович	Мл. оф. » »
36.	Прапорщик	Гаврюшко Юрий Емельянович	Мл. оф. » »

*) Ген. Шт. Капитан Булгаков.

№№	Чин	Фамилия Имя Отчество	Должность
37.	Капитан	Бабилов Никанор Афанасьевич	К-р 10 роты
38.	Подпоручик	Зродловский Георгий Мечиславович	Мл. оф. 10 роты
39.	Прапорщик	Эпров	Мл. оф. » »
40.	Капитан	Бутулов Василий Александрович	К-р 11 роты
41.	Штабс-Капитан	Степанов Александр Петрович	Мл. оф. 11 роты
42.	Подпоручик	Геппнер Владимир Иванович	Мл. оф. » »
43.	Капитан	Колчин Алексей Алексеевич	К-р. 12 роты
44.	Поручик	Багель Михаил Викентьевич	Мл. оф. 12 роты
45.	Подпоручик	Агарунов Григорий Петрович	Мл. оф. » »
46.	Подполковник	Мачавариани Давид Михайлович	К-р IV б-на
47.	Капитан	Балуев Лаврентий Иосифович	К-р 13 роты
48.	Штабс-Капитан	Шидельский Владимир Владимирович	Мл. оф. 13 роты
49.	Поручик	Кн. Шервашидзе Элисбар Николаевич	Мл. оф. » »
50.	Капитан	Погорелов Анатолий Яковлевич	К-р 14 роты
51.	Поручик	Казумбеков Джангир-Бек	Мл. оф. 14 роты
52.	Подпоручик	Козлов Василий Иванович	Мл. оф. » »
53.	Капитан	Тимченко Николай Владимирович	К-р 15 роты
54.	Поручик	Киншин Павел Дмитриевич	Мл. оф. 15 роты
55.	Заур. Прапорщик	Кисель Сергей Алексеевич	Мл. оф. » » »
56.	Капитан	Шухов Иван Владимирович	К-р 16 роты
57.	Поручик	Кн. Гурамов Иосиф Георгиевич	Мл. оф. 15 роты
58.	Подпоручик	Хржановский Иосиф Феликсович	Мл. оф. » »
59.	Штабс-Капитан	Жлобо Александр Антонович	Н-к Пулеметн. к-ды
60.	Поручик	Кикнадзе Евгений Иванович	Мл. оф. » »
61.	Подпоручик	Черепанов Александр Петрович	Мл. оф. » »
62.	Штабс-Капитан	Кн. Эристов Валериан Арчилович	Н-к Команды связи
63.	Поручик	Гогоберидзе	мл. оф. к-ды
64.	Подполковник	Купцов Александр Никифорович	Н-к Хозяйств. части
65.	Штабс-капитан	Кн. Вачнадзе Николай Михайлович	К-р Нестроевой роты
66.	Полк. Священник	О. Лашхи	
67.	Надв. Советник	Хржановский Карл Валерианович	Казначей
68	Колл. Регистратор	Стельницкий Василий Бронислав.	Квартирмейстр.
		Теплицкий	Капельмейстер.
		Миакович	Врачи
		Бессер	
		Поляков	
		Гельмгольц	Делопроизводитель
Вольноопределяющиеся:		Хан Сагнахский Богдан Давидович	
		Красильников Сергей Соломонович	
		Шах-Багов Дмитрий Артемьевич	
		Кн. Сидамон-Эристов Борис Арчилович	
		Мелик Адамов Сергей Николаевич	
		Цыганков	

СПИСОК № 2.

Подпрапорщикам и сверхсрочнослужащим унтер-офицерам, выступившим с полком в поход из Урочища Манглис.

№ рот.	Звание и фамилия	№ рот	Звание и фамилия
1.	**Его Величества рота.** Фельдфебель Подпрапорщик **Иванисов** Взводные: 1. Подпрап. Щербина 2. Подпр. Башмаков 3. Ун.-оф. Устинов 4. Ун.-оф. Орлов.	2.	Фельдфебель Подпрапорщик **Татаров** Взводные: 1. Подпр. Амбарчук 2. Подпр. Ковтун 3. . . . . 4. . . . .

№ рот	Звание и фамилия
3.	Фельдфебель Подпрапорщик **Ланин** Взводные 1. Подпр. Марченко 2. . . . . 3. . . . . 4. Ст. у.-о. Черненко
4.	Фельдфебель Подпрапорщик **Маломуж** Взводные: 1. . . . . 2. . . . . 3. . . . . 4. . . . .
5.	Фельдфебель Подпрапорщик **Козлов** Взводные: 1. Подпр. Шанович 2. Ст. у.-о. Жекулин 3. Ст. у.-о. Поминов 4. . . . .
6.	Фельдфебель Подпрапорщик **Гусаков** Взводные 1. Ст. у.-о. Кириченко 2. Ст. у.-о. Папков 3. Подпр. Янко 4. . . . .
7.	Фельдфебель Подпрапорщик **Долуденко** Взводные: 1. Ст. у.-о. Андреев 2. . . . . 3. . . . . 4. . . . .
8.	Фельдфебель Подпрапорщик **Буйлов** Взводные: 1. Подпр. Дядченко 2. Ст. у.-о. Мезенцев 3. Ст. у.-о. Лошадкин 4. Ст. у.-о. Сигида.
9.	Фельдфебель Подпрапорщик **Ковтун** Взводные: 1. Подпр. Подхалюзин 2. . . . . 3. . . . . 4. . . . .
10.	Фельдфебель Подпрапорщик **Орехов** Взводные: 1. . . . . 2. . . . . 3. . . . . 4. . . . .
11.	Фельдфебель Подпрапорщик **Козел** Взводные: 1. Подпр. Ковтун 2. . . . . 3. . . . . 4. . . . .
12.	Фельдфебель Подпрапорщик **Шапка** Взводные: 1. Подпр. Гавриленко 2. . . . . 3. . . . . 4. . . . .
13.	Фельдфебель Зауряд-Прапорщик **Кисель** Взводные: 1. Подпр. Фареулидзе 2. Подпр. Кайданов 3. . . . . 4. . . . .
14.	Фельдфебель Подпрапорщик **Пономаренко** Взводные: 1. Подпр. Бондаренко 2. Подпр. Степанов 3. Подпр. Баканов 4. Подпр. Соболь
15.	Фельдфебель Подпрапорщик **Гржибчик** Взводные: 1. Подпр. Томурко 2. Подпр. Титов 3. . . . . 4. . . . .
16.	Фельдфебель Подпрапорщик **Артеменко** Взводные: 1. Подпр. Кинаш 2. Подпр. Гончаров 3. . . . . 4. . . . .
17.	Пул. ком. Фельдфебель Зауряд-Прапорщик **Чилов** Подпрапорщик Швайко.
18.	Ком. связи Ст. у.-о. Линников Ст. у.-о. Боярский Штаб-горнист Ст. у.-о. Богач.
19.	Музык. ком. фельдфебель Подпрапорщик **Доленко.**

Царь и Царевны Великія Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна среди Эриванцевъ въ Красномъ Селѣ въ 1913 году.

Нижний ряд — полулежат: Кап. **Кн. Шерзашидзе,** подпор. **Яхонтов** (без фуражки), поруч. **А. Гогоберидзе,** за ним в фуражке — поруч. **Кн. Э. Шервашидзе,** подпор. **Шмелев,** за ним шт.-кап. **Жлобо,** подпор. **Черепанов** (без фуражки) за ним кап. **Колчин,** подполк. **Рутковский** и шт.-кап. **Шлиттер.**

С колена: без фураж. кап. **Кн. Чавчавадзе,** подпор. **Териев,** шт.-кап. **Пильберг,** шт.-кап. **Крупевич,** за ним поруч. **Гранитов** и без фураж. выше подпор. **Кумпаниенко,** под ним поруч **Козлов I,** шт.-кап. **Кн. Вачнадзе,** поруч. **Б. Гогоберидзе,** поруч. **Раетопуло,** подпор. **Федоров,** шт.-кап. **Кн. Эрнстов** (профиль), подпор. **Казумбеков,** подпор. **Кандауров,** подпор. **Агарунов,** шт.-кап. **Шидельский.**

Стоят пер. ряд: Шт.-кап. **Дробышев,** капит. **Пурцеладзе,** полковн. **Ардишвили,** подполк. **Купцов,** кап. **Ушаков,** шт.-кап. **Ерхан,** капит. **Грамов,** капит. **Бутулов,** капит. **Лазарев,** Фл. Ад. полк. **Мдивани,** Фл. Ад. подполк. **Силаев, Его Величество Государь Император Николай II, Вел. Кн. Татьяна и Ольга Николаевны,** капит. **Кузнецов,** подпор. **Шпилистов,** подпор. **Тихонов,** капит. **Тимченко,** подполк. **Гогоберидзе,** полковн. **Шаншиев,** подполк. **Кибер,** капит. **Балуев,** поруч. **Гвелисиани, О. Голубинский,** капит. **Бабилов** и шт.-кап. **Сабель.**

Последний ряд: Капельм. **Теплицкий,** капит. **Горалевич** (черн. очки), капит. **В. Силаев,** поруч. **Багель,** капит. **Коновалов,** полков. **Чиковани,** подпор. **Геппнер** и полковн. **Стельницкий.**

ГРОДНО И МАРШ-МАНЕВР

(1-20 сентября 1914 г.)

Об этом периоде времени самое точное представление дают записи в полевой книжке Штабс-Капитана Шидельского, офицера 13-й роты.

"1 сентября: Сегодня был в Штабе полка. Узнал о наших неуспехах. 2-я армия Ген. Самсонова 13-17 августа потерпела страшное поражение, половина ее состава уничтожена.

Покончив с нею, немцы набросились на 1-ю армию Ренненкампфа и обходят ее с левого фланга. Понеся потери, и эта армия отходит к нашим пределам. В промежутке между этими армиями решено образовать новую 10-ю армию. Кроме нашего корпуса здесь находятся III Сибирский, I Туркестанский и XXII Финляндский. Армия расположена за р. р. Бобром и Неманом. О противнике сведений нет. Боевой задачи не дано. Приказано помогать гарнизону и ополчению рыть окопы и укреплять промежутки".

"2-4 сентября. Ежедневно с утра до вечера полк выходит в полном составе для земляных работ; роем окопы стрелковой профили во весь рост, или носим землю на брустверы фортов, где произведены бетонные работы. Кухни подвозят пищу ротам на места работ. Офицерская кухня опять организована. Назначен Зав. собранием Подпоручик Козлов 2-ой. Погода дождливая, туман, грязь. На ночлег возвращаемся на бивак".

"Общая обстановка в нашей 10 армии в это время складывалась следующим образом: к 1 сентября в Гродно сосредоточилась вся Кавказ. Гренад. дивизия. Подходили в этот же район 51 пех. див. и 1 Кавказ. стрелк. бригада. Где-то поблизости сосредоточивался XXII арм. корпус Штаб 10 армии еще не был сформирован; видимо, не прибыл еще и Ген. Флуг, т. к. Штаб корпуса получал приказания непосредственно из Штаба фронта.

Ввиду имевшихся сведений о наступлении немцев на восток и о подготовке ими переправ через Неман, как позже выяснилось, у Друскеник, подготовлялся и наш удар 10 армией во фланг и тыл противнику.

Но в это время ни в Штабе корпуса, ни в Штабе дивизии, кроме самых общих, никаких определенных сведений о противнике не было. Ходили втемную, выписывая "кренделя", не понимая маневров и, казалось, бесцельного мотания войск в этом треугольнике Гродно-Сопоцкин—Новый Двор. Все это изматывало и раздражало войска. С 15 же сентября началось наступление через Сопоцкин на Копциово, который, по имевшимся сведениям, занимали немцы с артиллерией, но в каких силах, не было известно. Наступление велось тремя корпусами: II Кавказским, XXII арм. и XXVI арм., не объединенными единым командованием.

По приглашению Ген.-Ад. Мищенко, как старшего в этой группе, в доме лесника, в лесу у самой дороги (между Августовским каналом и Копциово), собрались все три командира корпусов, Штаб Кавказ. Гренад. дивизии и Начальник 51 пех. дивизии. В этом же доме лесника в это время находился и Е. В. Князь Иоанн Константинович, который, по поручению своего Августейшего отца и шефа 15 Гренад. Тифлис-

ского полка, только что благословил Тифлисцев, на походе, присланной им их Шефом иконой.

Ген.-Ад. Мищенко осведомил командиров XXII и XXVI корпусов, что в Копциово, — видимо, какой-то боковой заслон немцев, прикрывающий отход их главных сил от Друскеник, и предложил энергичным наступлением на Север перерезать путь отступления противнику. Ген. Гернгросс (XXVI к-с) немедля же поддержал Ген.-Ад. Мищенко и заявил, что для объединения усилий и единства действий он подчиняется Ген.-Ад. Мищенко, как старшему. Ген. Бринкен (XXII к-с) возражал и, основываясь на "недостаточности сведений о противнике", предлагал "остановиться перед Копциово, произвести тщательную разведку и тогда только перейти в наступление". На это Ген.-Ад. Мищенко решительно заявил буквально следующее (тогда же записанное мною в дневнике): *"Ваше Высокопревосходительство! Вся Россия будет смеяться, когда узнает, что три корпуса топтались на месте перед каким-нибудь батальоном немцев. Я хочу сегодня ночевать в Копциово и буду там ночевать". — "Адъютант Гренадерской дивизии! Догоните сейчас же Тифлисцев, только что получивших благословение своего Шефа и передайте приказание энергично наступать на Копциово, атаковать и взять его".*

И, действительно, в тот же день Копциово было взято. Главные же силы проскочили, пока корпуса стояли около Гродно, а Кавказская Гренад. дивизия выписывала по грязи круг Гродно—Сопоцкин—Новый Двор—Гродно.

После вышеизложенного наш корпус быстро двинулся на Сейны, оставляя далеко позади, не поспевавшие за войсками обозы"....*)

"5 сентября. Выступление. Подъем назначен в 4 ч. утра. Побатальонно подходим на сборный пункт, очень долго кого-то ждем. Наконец двигаемся; не доходя до незаконченного редута, видим стоят Грузинские гренадеры. Мы обмениваемся приветствиями и могучее "ура" многих тысяч людей огласило воздух. Прошли редут и опять ждем кого-то. Лишь в 11 часов дня, выслав охранение, двинулись вперед. Часто останавливаемся. О противнике только слухи, говорят, что он близко, всего в 20-30 верстах, но что он уходит и мы идем вдогонку за ним, но по нашему движению этого не видно.

Может быть, это так нужно по началу, впоследствии все исправится. Наверно учимся.

14 сентября. Район Гродно. После 10 дней беспрерывных переходов наш полк подошел и остановился опять в районе Гродно. Для чего нужно было нам кружиться по Сувалкской губернии? Ежедневно назначается выступление очень рано. Собираемся на сборный пункт, бесконечно кого-то ждем. Наконец двигаемся, иногда с мерами охранения, иногда без них, на пути возмутительные остановки; благодаря этому, на ночлег приходим поздно. Погода удручает: почти ежедневно дожди, туманы... и только иногда солнце. Какую задачу мы преследуем — неизвестно. Полное неведение, где противник и что он делает. Лишь пользуемся слухами. В таком же неведении и наш Штаб полка. Непонятно было одно: почему нужно было изматывать целый корпус де-

---

*) Генер. Штаба Капитан Булгаков.

Полковой праздник 29 июня 1913 года в Петергофе.

сятидневными беспрерывными передвижениями. Возмущение среди офицеров страшное. Продовольственный вопрос налажен сносно, хотя кухни никогда во-время не поспевают за полком, а потому обед, а особенно ужин, запаздывали частенько. Но голодать сильно не приходилось. Что же будет дальше? Очевидно от Гродно начнем сначала? С Австрийского фронта поступают сведения все утешительнее, — там успех за успехом.

Пришел батальонный командир, Подполковник Мачавариани; говорит, что наконец в Штабе полка получена диспозиция и утром назначено выступление на Сапоцкин. Противник сильно продвинулся и дошел до р. Немана, где приступил к переправе. Наш корпус назначен для парирования этой операции; если будет удача, то совместно с частями 1 армии с севера и нашими действиями с юга, мы сможем захватить часть немецких войск у Друскеник.

15 сентября. Бивак у м. Сопоцкина. Сборный пункт у шоссе. Выступаем в 6 ч. утра. Долго подтягиваются артиллерия и Грузинцы. С мерами охранения движемся по шоссе. Прошли мимо укреплений. На них кипит работа. Правее нас нет никого. Левее — 51 пех. дивизия и 1 Кавказ. стр. бригада.

16 сентября. Бивак в лесу у м. Копциово. Выступили в 7 часов. Движение походным порядком. Переход небольшой. Утром прошли вторично Сопоцкин. Сведения о противнике разноречивы. Оба дня нас балует солнце, но вообще сыро. Прошли через Августовский канал.

17 сентября. Бивак в лесу по шоссе на м. Лейпуны. Переход незначительный; уже в 3 ч. дня прибыли на бивак. Утром прошли м. Копциово. Здесь увидели первых пленных немцев и взятый автомобиль с тяжелой пушкой. Пройдя Копциово, впередиидущий Грузинский полк остановился. Стали и мы. Еще до этого момента мы слышали, как воздух прорезывал аэроплан, летевший прямо на нас. До этого случая нам не пришлось видеть ни своих, ни неприятельских аэропланов, а потому, приближение этого “дива” вызвало замешательство и бригада была остановлена.

Грузинские гренадеры вопрос разрешили просто, они целым полком открыли беспорядочную стрельбу, которую, с большим трудом, удалось остановить. Чей был этот аэроплан и почему Грузинцы открыли по нему огонь — неизвестно. Уже на биваке наш К-р полка получил известие из Штаба армии, что аэроплан был наш и что он имеет четыре пробоины. Вместе с тем пришло приказание больше по аэропланам не стрелять.

Грузинский полк занял впереди позицию. Команда разведчиков выслана вперед. По слухам противник уходит.

18 сентября. Резерв у д. Еглювек. Ночь. Могу записать только сегодня. Выступили в 7 ч. утра. Пасмурно. Двигаемся сначала по шоссе; с половины дороги сворачиваем на проселок вправо и углубляемся в лес. Направление движения на Запад. От местного жителя узнал, что мы двигаемся в направлении на г. Сейны. (Карты этого района были выданы только к-рам б-нов. У ротных командиров — карт не было. Ред. К.). Он же подтвердил, что немцы уходят. Проселок, по которому идем, частью лежит по песчанному грунту, частью по непролазной грязи. Двигаемся с трудом. Перед вечером влево была слышна

артиллерийская стрельба. Редкий огонь. Биваком располагаемся в лесу. Полил дождь. Промокли все до костей.

Спим в походной палатке вчетвером: Мачавариани, Балуев, Шервашидзе и я, при этом нужно добавить, лежим прямо в воде. Обоз прибыл с опозданием — офицеры без обеда.

19 сентября. Ночь на 19-ое прошла спокойно. К-р б-на сказал, что, по имеющимся сведениям в Штабе полка, противник ускользнул и быстро уходит к своей границе. Выступили с рассветом; все время до полудня идем по лесу; наконец к 3 часам дня вышли из него и нас осветило на короткое время солнышко. Это было кстати, так как дало нам возможность немного обсушиться. Между тем влево от нас загорелся жаркий бой. Говорят, что это ведут бой наши стрелки. Связи с ними нет. Наш полк следует впереди; между нашим полком и Грузинским движется дивизон артиллерии. Бой слева не останавливает нашего движения и мы не стремимся узнать, что там происходит, но продолжаем в колонне двигаться вперед.

Подойдя к д. Еглювек, голова колонны была обстреляна артиллерийским огнем. Полк остановился и немедленно был разведен побатальонно, а последние поротно. Всем приказано лечь. 1 батарея на рысях выехала вперед вправо и на ровном месте стала на позицию. Наш полк двинут вперед и стал левее батареи шагах в 200 за небольшими буграми.

Грузинцы развернулись вправо. Наша батарея открыла огонь. Артиллерия противника стреляет шрапнелью. Видны попадания по нашей батарее. Тяжело ранен офицер нашей Гренад. артилл. бригады Поруч. Разумовский и Штабс-Кап. бар. Вольф и несколько артиллеристов. Проносят первого раненого офицера Грузинского полка Капитана Тер-Казарова, с развороченной грудью... У нас потерь нет. Наступают сумерки. Бой затих. Вперед был выдвинут 16 Гренад. Мингрельский полк в боевом порядке, он же составил и охранение на ночь. Наши III и IV б-ны были продвинуты вперед и стали за Мингрельцами, составляя резерв*).

"В этот день 19/IX у д. Еглювек разыгрался артиллерийский бой. Гренадеры только развернулись для боя, но в бой введены не были. На следующий день, проходя кровью залитое место расположения немецкой батареи, совершенно изуродованное огнем нашей 1 батареи, гренадеры с восторгом и гордостью убеждались в силе огня и точности стрельбы своей артиллерии.

Немецкая батарея, разбитая нашей 1 грен. батареей, была расположена по обе стороны дороги (седлая ее). Когда наш Штаб дивизии 20 сентября проходил это место, то, я отлично помню, что влево от дороги были места для 2 орудий. Сколько было вправо, я не успел осмотреть ту часть позиции"**).

"Сейчас 3 часа ночи. Сижу в избе. Прибыл солдат с приказанием. Утром приказано атаковать противника. Отдаем соответствующие приказания. Со стороны противника ничего не слышно.

Разведчики доносили, что опросом жителей удалось установить, что

---

*) Шт. Капитан Шидельский.
**) Ген. Шт. Капитан Булгаков.

немцы были в небольшом числе, имели 2 орудия и вечером быстро ушли.

Ночь проходит спокойно.

20 сентября. Бивак у д. Прудзишки. С 6 ч. утра в строгом боевом порядке двигаемся вперед. Мингрельцы впереди, наши III и IV б-ны за ними.

Штаб Мингрельского полка идет между нашими б-нами. На своем пути проходим лес, на опушке которого видны стрелковые и артиллерийские окопы.

Дальше переходим полотно жел. дор. Сувалки—Ораны. Доходим до шоссе. Вдоль него окопы в рост; по брошенным предметам видно, что противник торопился и уходил поспешно.

В таком порядке доходим до с. Прудзишки на шоссе Сувалки — Кальвария. Здесь встретили нас разъезды (если не ошибаюсь, Павлоградских гусар), которые сообщили, что противника нет, он уходит.

Кавалерия свернулась и ушла. Мингрельцы остановились в деревне. Мы присоединяемся к подошедшему полку и располагаемся биваком влево от деревни вдоль шоссе."...*)

"II Кавк. корпусу в тот период наступления была придана 3 кавал. дивизия Ген. Леонтовича", свидетельствует Ген. Шт. Капитан Булгаков. "Дивизия эта вела разведку впереди корпуса. Между тем, наступавшие в боевом порядке части дивизии при выходе к Сувалкскому шоссе видели "*мирно*" располагавшиеся эскадроны 3 Уланского Смоленского полка. Посланный офицер-ординарец к командиру ближайшего эскадрона, где расседланные кони стояли на коновязи, выяснить, что за части и почему так "мирно" расположились, привез ответ, что это части 3 кавалер. дивизии расположились *для перековки лошадей,* и что немцев нет на несколько переходов.

Очевидно такое же, *совершенно не соответствовавшее действительности,* осведомление было донесено и в Штаб нашего К-са и легло в основание приказа на 21/IX, в котором корпусу было приказано следовать *походным порядком* в назначенные районы *на ночлег.*

В частности Кавк. Гренадерской дивизии был назначен район ночлега: Хмелювка—Пецки—Морги—Живавода—Осова. левее 51 пех. дивизии и в корпусном резерве 1 Кавк. стрелковая бригада.

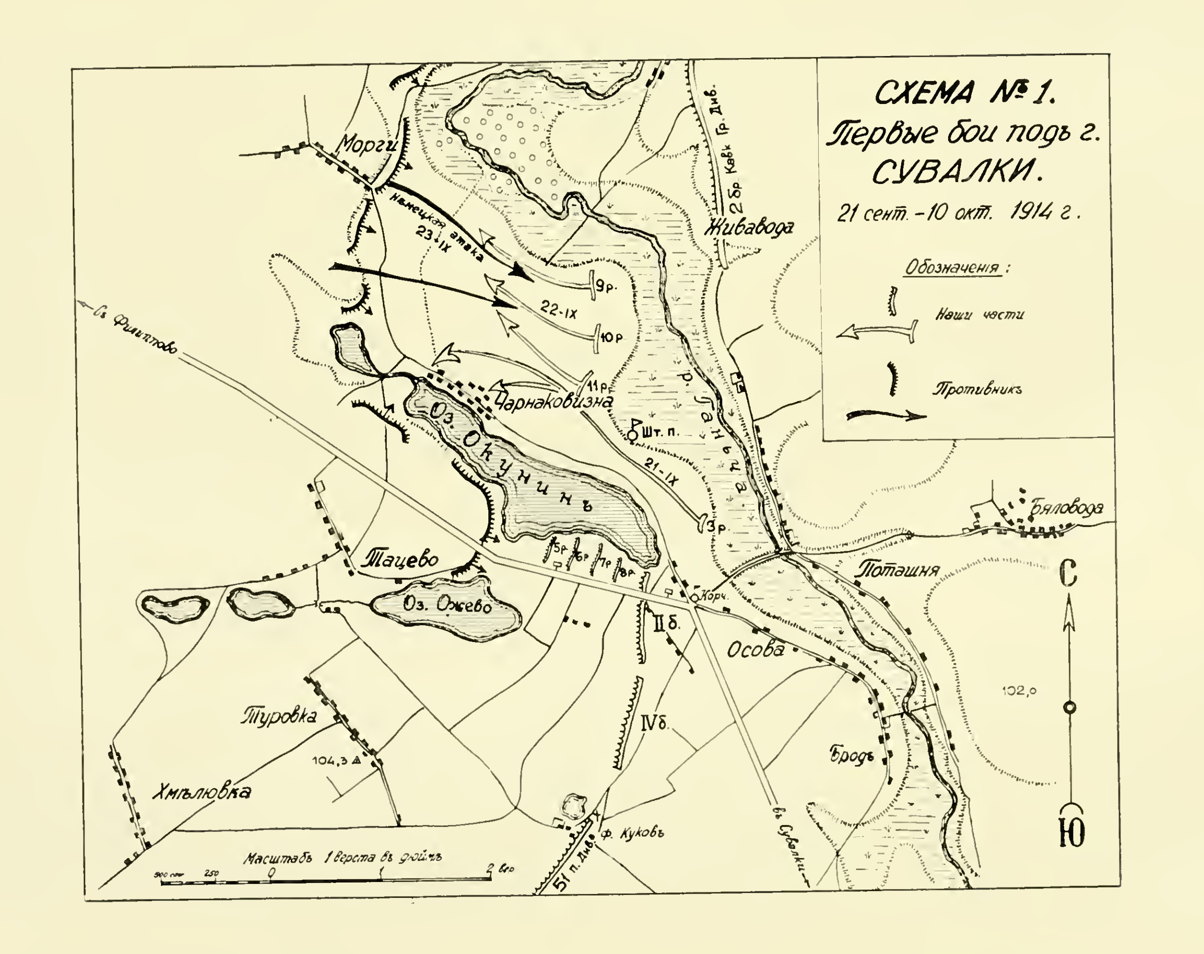
В виду наличия в назначенной дивизии полосе движения двух продольных дорог, приказом по дивизии было указано движение двумя походными колоннами: левая колонна — 1 бригада и 1 артиллерийский дивизон под командой вр. Командующего бригадой Фл.-Ад. Полк. Мдивани на Бяловоды—Осову в свой район Хмелювка—Пецки и правая колонна — 2 бригада, Генер. Бекова, в район Живавода—Морги—Рудка".

*) Штабс-Кап. Шидельский.

СПИСОК № 3.

Г.г. офицерам полка участникам боев с 21 сентября по 10 октября в ройне озер Ожево и Окунин к Сев.-Зап. от гор. Сувалки.

№	Чин и фамилия	Какую исполнял должность	Происшедшие перемены
1.	Фл. Ад. Полк. Мдивани	И. д. ком. бригады до 22-IX.	К-р полка с 23-IX
2.	Полковн. Шаншиев	К-щий полком	21-IX ранен и эвакуиров.
3.	Шт. Кап. Шлиттер	Полковой адъютант	22-IX ранен и эвакуиров.
4.	Подпор. Снарский	Пом. полк. ад.; для связи в Шт. див. до 23	С 24-IX Полков. адъютант
5.	Фл. Ад. Подполк. Силаев	К-р 1 б-на	21-IX заболел и эвакуиров.
6.	Капит. Пурцеладзе	К-р Е. В. роты весь период	Без перемен
7.	Шт. Кап. Солнцев	Мл. оф. Е. В. роты весь период	Назначен к-ром 15 роты
8.	Поруч. Равтопуло	Мл. оф. Е. В. роты до 5-Х	Заболел и эвакуирован
9.	Капит. Лазарев	К-р 2 роты весь период	Без перемен
10.	Подпор. Шмелев	Мл. оф. 2 роты	21-IX ранен, эвакуирован
11.	Подпор. Четыркин	Мл. оф. 2 роты	21-IX ранен, эвакуирован
12.	Капит. Кузнецов	К-р 3 роты до 24-IX	Назначен К-ром III б-на
13.	Подпор. Кумпаниенко	Мл. оф. 3 роты весь пер.	21-IX ранен, остался в строю
14.	Подпор. Ситников	Мл. оф. 3 роты	21-IX убит
15.	Кап. кн. Шервашидзе	К-р 4 роты до 4-Х	4-Х контужен, эвакуиров.
16.	Поруч. Гвелесиани	Командирован в Шт. 51 див. для связи	Без перемен
17.	Подпор. Тихонов	С 4 ротой весь период	Назначен к-щим 4 ротой
18.	Подполк. Мануйлов	К-р II б-на до 24-IX	24-IX контужен, эвакуир.
19.	Капитан Сабель	К-р 5 роты весь период	Без перемен
20.	Шт. Кап. Крупович	С 5 ротой до 21-IX	Контужен, эвакуирован
21.	Прап. Котляревский	С 5 ротой до 24-IX	Тяжело контуж., эвакуир.
22.	Капит. Силаев	К-р 6 роты до 21-IX	Ранен, эвакуирован
23.	Подпор. Зуев	Мл. оф. 6 роты до 8-Х	Заболел, эвакуирован
24.	Подпор. Гаттенбергер	С 6 ротой весь период	Назначен к-щим 6 ротой
25.	Кап. кн. Чавчавадзе	К-р 7 роты до 21-IX	Контужен, эвакуирован
26.	Подпор. Кандауров	С 7 ротой весь период	Назнач. к-щим 7 ротой
27.	Прап. Понятовский	С 7 ротой весь период	Без перемен
28.	Поручик Терпев	В бою не участвовал	Назн. хозяин. оф. собрания
29.	Капит. Пильберг	К-р 8 роты весь период	Без перемен
30.	Поруч. Козлов I	С 8 ротой до 26-IX	Назн. к-щим 16 ротой
31.	Подпор. Якобашвили	С 8 ротой до 23-IX	Командиров. в Мингрельск п.
32.	Подполк. Рутковский	К-р III б-на до 23-IX	Заболел, эвакуирован
33.	Кап. кн. Геловани	К-р 9 роты весь период	Без перемен
34.	Подпор. Попов	С 9 ротой до 27-IX	Переведен мл. оф. в 5 роту
35.	Подпор. Долженков	С 9 ротой весь период	Без перемен
36.	Прапор. Гаврюшко	С 9 ротой до 22-IX	Ранен, эвакуирован
37.	Капит. Бабилов	К-р 10 роты до 21-IX	Контужен, эвакуирован
38.	Подпор. Зродловский	С 10 ротой до 23-IX	Заболел, эвакуирован
39.	Прапорщ. Эпров	С 10 ротой весь период	Без перемен
40.	Капит. Бутулов	К-р 11 роты до 22-IX	Ранен, эвакуирован
41.	Шт. Кап. Степанов	Заболел и остался в Мангл.	Принял 11 роту 10-Х
42.	Подпор. Геппнер	С 11 ротой весь период	Назначен к-щим 2 ротой
43.	Капит. Колчин	К-р 12 роты весь период	Без перемен
44.	Поручик Багель	С 12 ротой до 1-Х	Заболел, эвакуирован
45.	Подпор. Агарунов	С 12 ротой весь период	Без перемен
46.	Подполк. Мачавариани	К-р IV б-на весь период	Без перемен
47.	Капит. Балуев	К-р 13 роты до 25-IX	Принял II б-н
48.	Шт. Кап. Шидельский	С 13 ротой до 22-IX	Ранен, эвакуирован
49.	Поруч. кн. Шервашидзе	С 13 ротой до 23-IX	принял пулеметную к-ду
50.	Капит. Погорелов	К-р 14 роты весь период	Без перемен
51.	Поручик Казумбеков	С 14 ротой до 25-IX	Назначен к-щим 13 ротой

СХЕМА № 1.
Первые бои подъ г.
СУВАЛКИ.
21 сент. – 10 окт. 1914 г.
Обозначенія:
Наши части
Противникъ
Морги
нѣмецкая атака 23-IX
9р.
22-IX
Юр
11р.
Чарнаковизна
Шт. п.
21-IX
3р.
р. Ганьча
2 бр. Кавк. Гр. Див.
Живавода
Бяловода
Поташня
Оз. Окунинъ
Оз. Ожево
Тацево
Корч.
II б.
IV б.
Осова
Бродъ
102,0
Туровка
104,3
Хмѣлювка
ф. Куковъ
51 п. див.
въ Сувалки
въ Филиппово
С
Ю
Масштабъ 1 верста въ дюймѣ

№	Чин и фамилия	Какую исполнял должность	Происшедшие перемены
52.	Подпор. Козлов II	Хозяин собрания до 20-IX	Заболел и эвакуирован
53.	Капит. Тимченко	В боях с 15 ротой не участв.	Назначен Н-ком Хоз. Части
54.	Поручик Киншин	С 15 ротой весь период	Без перемен
55.	Заур. прап. Кисель	С 15 ротой до 21-IX	Ранен и эвакуирован
56.	Капит. Шухов	К-р 16 роты до 30-IX	Заболел, эвакуирован
57.	Поруч. кн. Гурамов	С 16 ротой до 1-X	Заболел, эвакуирован
58.	Подпор. Хржановский	С 16 ротой весь период	Назнач. Н-ком К-ды Разведч.
59.	Шт. Кап. Жлобо	Н-к Пулем. к-ды до 21-IX	Ранен и эвакуирован
60.	Поручик Кикнадзе	В бою не участвовал	13-IX заболел, эвакуирован
61.	Подпор. Черепанов	С Пулем. к-дой весь период	Без перемен
62.	Шт. Кап. кн. Эристов	При Штабе полка весь пер.	Без перемен
63.	Поручик Гогоберидзе	Мл. оф. К-ды Службы связи	21-IX ранен и эвакуирован
64.	Подполк. Купцов	Н-к Хоз. части до 15-IX	Сломал ногу, эвакуирован
65.	Шт. Кап. кн. Вачнадзе	К-р Нестроевой роты	Без перемен

ЗАВЯЗКА БОЯ 21 СЕНТЯБРЯ

"В силу указанного выше приказа", — как дальше свидетельствует Ген. Шт. Капитан Булгаков, — "21 сентября дивизия выступила двумя колоннами в назначенные им районы ночлега. Впереди каждой колонны Штабом дивизии были высланы по одному разъезду от дивизионной конницы (сотня 1 Сибирского каз. полка). Штаб див. следовал с левой колонной, во главе главных сил которой находился со своим Штабом Начальник колонны Полковник Мдивани, а также командир 14 Грузинского грен. полка Полковник Кальницкий. При повороте с шоссе на проселок в д. Бяловоды, Начальник див., Генерал-Лейт. Шатилов, с Нач. Штаба, Ген. Шт. Полковником Федоренко, отправились автомобилем в Сувалки к Командиру корпуса, причем Полк. Федоренко отдал мне следующее приказание: "Ведите Штаб див. с колонной 1 бригады. Мы долго не задержимся в Штабе Корпуса и догоним Вас на шоссе около д. Осова".

Завязка боя, происходившая на моих глазах, представляется в следующем виде: когда Эриванский полк почти весь вытянулся из д. Бяловоды, а голова главных сил колонны 1 бригады находилась, примерно, на полпути между Бяловодами и гатью, послышалась ружейная стрельба со стороны головы авангарда. В это же время прискакал казак из разъезда с первым донесением, что разъезд был обстрелян немцами из окопов со стороны озер. Почти в это же время послышался сильный огонь и с севера, очевидно, во 2 бригаде Ген. Бекова. Обстановка складывалась крайне неблагоприятно: дивизия, шедшая походным порядком "на ночлег" и осведомленная, что далеко впереди немцев нет, неожиданно наткнулась на немецкую позицию, занятую ими заблаговременно; ни Начальника дивизии, ни Начальника Штаба не было со Штабом и связь с ними не представлялось возможности быстро установить. Между тем необходимо было сразу же установить управление боем дивизии. Я предложил временно командующему 1 бригадой Полковнику Мдивани взять на себя управление боем "именем Начальника Дивизии", но Полк. Мдивани сказал мне, что он сделать этого не может, т. к. 2 бригадой командует старший — Ген. Беков. Тогда я отправил к Ген. Бекову Поручика Зродловского — ординарца Начальника ди-

визии с запиской, в которой, осведомляя его об обстановке в 1 бригаде (столкновение с немцами в районе оз. Окунин-Ожево), докладывал, что "Начальник дивизии, уезжая с Нач. Штаба в Штаб Корпуса в Сувалки, приказал в случае столкновения с немцами Вашему Превосходительству вступить в командование дивизией до возвращения Начальника дивизии". В связи с этим просил его указания, прибыть ли мне со Штабом дивизии к нему, или он прибудет к 1 бригаде, имея в виду, что Нач. дивизии предполагал присоединиться к дивизии на шоссе около д. Осова. В ответ на это офицер-ординарец привез записку от Ген. Бекова с адресом: *"в Штаб дивизии"*, в которой, сообщая обстановку в своей бригаде (начало боя), писал, что он остается при своей бригаде, что Штабу дивизии к нему нет надобности присоединяться и в заключение просил дальнейших указаний Начальника дивизии. В результате обе бригады вели бой вне единого управления, каждая самостоятельно и каждая посылала донесения *"в Штаб дивизии"*. Начальник дивизии с Нач. Штаба тем временем пытались проехать через Осову к дивизии, но вынуждены были возвратиться в Сувалки, откуда только к вечеру верхом прибыли в Бяловоды, где находился Штаб дивизии, связавшийся уже со Штабом Корпуса и с частями дивизии. На следующий день Штаб див. перешел в д. Поташня.

В тот момент, когда прискакал казак из разъезда с донесением, довольно большая конная группа оказалась на дороге из Бяловоды к гати (Полковник Мдивани и Полковник Кальницкий, каждый с несколькими офицерами Штаба полка и ординарцами и несколько офицеров Штаба дивизии), Грузинский полк втянулся в дер. Бяловоды, а артиллерийский дивизион остановился на извилистой дороге этой деревни. В это время немцы начали интенсивным огнем "крыть чемоданами" пространство перед д. Бяловоды, северная часть деревни и через нее в тыл. Полковник Мдивани последовал за полком, а Полковник Кальницкий буквально втиснул свой полк под извилистые, крутые южные склоны Бяловодской лощины и, после окончания обстрела д. Бяловоды, начал разворачивать свой полк южнее Эриванцев.

Необходимо отметить, что Ген. Леонтович по представлению Ген.-Ад. Мищенко был отрешен от командования дивизией".

Поздно вечером, с 20 на 21 сентября, пришло приказание Эриванскому полку, в составе бригады, двигаться в с. Хмелювку, что в 10 верстах в северо-западу от Сувалок. Во исполнение этого приказания, вр. Командующий бригадой, наш командир, фл.-Ад. Полковник Мдивани, утром отдал соответствующие распоряжения и бригада стала вытягиваться по шоссе на г. Сувалки, имея впереди наш полк в таком порядке б-нов: IV, II, I и III; затем шел дивизион артиллерии и Грузинцы. Пройдя по шоссе около 2-х верст, колонна круто свернула на запад на проселочную дорогу, ведущую в с. Бяловоды.

"В это время полил сильный дождь", — отмечает в своей полевой книжке Шт.-Кап. Шидельский, офицер 13 роты, — "Колонна стала. Когда дождь прошел, появилось солнце и сразу все повеселело. Приказано было командующим полком Полковником Шапшиевым выслать дозоры. К-р IV б-на приказал выслать от рот 13, 14 и 15 по взводу с офицерами, вперед, чтобы осветить местность. Взводы были вызваны, дозоры высланы и я, Поручик Казумбеков (вправо) и Кипшин (влево)

стали продвигаться вперед. Впереди нас была д. Бяловоды. Беспрепятственно я вошел в указанную деревню. Местные жители, попрятавшиеся по подвалам, повылезали, когда увидели наших солдат. От жителей узнали, что в деревне ночью были немцы и с полчаса тому назад ушли в западном направлении. Немедленно я направил взвод по указанному направлению, поручив взводному унт.-оф. подняться на видневшийся крутой обрыв и осмотреть местность, а сам стал писать донесение. Написав, отправил его с гренадером, а сам бегом бросился догонять свой взвод по узкой гати (через речку Ганча). Поднявшись на обрывистый скат (высотой до 10 саж.), я увидел всю впереди лежащую местность. Здесь, среди разбросанных домов д. Осова, пролегало шоссе из Сувалок на м. Филиппово, по которому, вразброд, шла немецкая часть, — приблизительно рота.

К этому времени мой взвод весь подтянулся и я, послав второе донесение, стал перебежками, от дома к дому, догонять немцев. Наконец, видя, что догнать немцев нам не удастся, я приказал открыть огонь с прицелом 600 (постоянным). Защелкали первые выстрелы... Немцы бросились бежать и, пробежав по шоссе шагов 200, скрылись в своих окопах. Удачными выстрелами два немца были свалены, они продолжали лежать на шоссе.

Между тем, видимо не считаясь с моими донесениями, колонна не только подошла к д. Бяловоды, но прошла ее и вытянулась на плато тремя ротами IV б-на, за которыми следовала вся колонна. Считая свое положение невыгодным, я стал со взводом продвигаться вперед и, дойдя до придорожного каменного креста, приказал взводу окопаться вправо от шоссе. Обернувшись назад, я увидел, что колонна стала, а по шоссе из Сувалок мчится автомобиль. Подъехав к колонне, автомобиль остановился и к нему подъехал наш полковой адъютант Шт.-Кап. Шлиттер"...

Чтобы уяснить, что происходило в это время в авангарде, состоявшем из IV и II б-нов, обратимся к показаниям самого начальника авангарда, Вр. Ком. полком Полковника Шаншиева.

"Я находился при IV и II б-нах Эриванского полка, составлявших авангард; остальные шесть б-нов с артиллерией составляли главные силы. Перейдя через гать, я приказал б-нам авангарда перейти в боевой порядок. IV б-н был впереди. При мне находился только Шлиттер. Ни штаба, ни связи, ни ординарцев, кроме одного, при мне никого не было. Все это осталось при Полковнике Мдивани. Когда IV б-н, развернутый в строю поротно в одну линию у корчмы, перешел с шоссе на проселочную дорогу на д. Хмелювку, появился автомобиль с Н-ком Штаба нашей дивизии, Полк. Ген. Шт. Федоренко. Подозвав полкового адъютанта Шт.-Кап. Шлиттера, Полк. Федоренко спросил его, зачем полк двигается в боевом порядке. На заявление Шлиттера, что возможна встреча с неприятелем, ответил: "какой неприятель, сворачивайтесь и идите на ночлег".

Когда Шлиттер сообщил мне распоряжение Полк. Федоренко, я подъехал к Мачавариани и говорю: не пора ли нам, Давид, сворачиваться? Он ответил: — "А если неприятель близко?" — "Если бы был неприятель, — говорю я, — он давно бы снял меня и Шлиттера с коней". (Мы двое только и были верхом). Только я сказал это, как

послышалась стрельба, повидимому начатая нашей разведкой, и вслед за этим полетели на нас "чемоданы". Я с Шлиттером соскочили с лошадей, с которыми ускакал ординарец, а б-н стал менять направление под огнем, заходя левым флангом, чтобы стать лицом к неприятелю"....

В момент, когда начали развиваться вышеописанные события, батальоны, не ожидая каких-либо указаний, повинуясь инстинкту выучки, стали рассыпаться в цепи и двигаться на выстрелы.

13, 15 и 16 роты, переменив направление, продвинулись вперед до того каменного креста, у которого окопался взвод 13 роты Шт.-Кап. Шидельского и, залегли влево от шоссе. 14 же рота, не выполнила маневра и бросилась назад к д. Осова, стараясь укрыться от артиллерийского огня за крутым скатом р. Ганьча.

II б-н, шедший за IV б-ном, едва успел вытянуться на шоссе, как попал под огонь артиллерии. Что происходило во II б-не, видно из показания Подпоручика Зуева, мл. оф. 6 роты. ..."Пройдя гать мы развернулись в строй поротно, т. к. впереди шла перестрелка, а подъехавший казак доложил, что впереди — немцы. Затем, по приказанию командира полка, снова свернулись в походную колонну. Вновь свернувшись, мы стали подниматься к д. Осова. Как только б-н вытянулся на шоссе, нас обстреляла немецкая артиллерия. Командир 6 роты Капитан Силаев рассыпал роту в цепь и мне, командовавшему первой полуротой, дал приказание наступать правее шоссе. Получая от него приказание, я обратил внимание, что какая-то часть, левее нас, обстрелянная, как и мы, артиллерийским огнем, в беспорядке бросилась назад под обрыв. После уже выяснилось, что это была 14 рота.

Я, получив приказание наступать вдоль шоссе с правой стороны, дабы скорее вывести полуроту из сферы артиллерийского огня, который морально действовал на гренадер, повел мою полуроту перебежками, сначала взводами, а затем отделениями и таким образом быстро докатился до того места (на схеме обозначено: окоп 6 роты), откуда стало видно, где именно находятся окопы противника.

Определив расстояние до окопов противника в 600 шагов, я открыл частый огонь. В ответ получил пулеметный огонь и очередь шрапнели. Гренадеры принялись окапываться. Пока они углублялись в землю, я послал одного гренадера с донесением, так как сзади себя, вправо и влево, я никого не видел.

Гренадер вернулся и доложил, что ротный командир ранен и был эвакуирован, приказав роту принять мне и, что все роты далеко позади нас окопались. В это время, с правой стороны озера Окунин, перед д. Чарнаковизна, появились наши цепи (как потом узнал, это была наша 3 рота). Немецкая артиллерия быстро переносит свой огонь с нас на них, но несмотря на обстрел, 3 рота занимает Чарнаковизну и почти во фланг стала обстреливать немецкие окопы на перешейке между озерами.

Немцы зашевелились, видно было, как они стали перебегать со своего левого фланга на правый. Мы приняли это за отступление. Гренадеры, уже стоя, стали обстреливать немцев. С другой стороны озера кто-то кричал и знаками показывал нам, чтобы мы двигались вперед. В это самое время наша артиллерия, молчавшая до сих пор, сделала несколько выстрелов. Я поднял свою полуроту, воспользовавшись подъ-

емом духа гренадер, вызванным этими несколькими выстрелами нашей артиллерии, но пулеметный огонь и огонь немецкой артиллерии быстро был перенесен с 3 роты снова на нас и мы, пробежав шагов 50, вынуждены были остановиться и начать окапываться. Артиллерия наша, сделав несколько выстрелов, замолчала и больше в этот день огня не открывала (как потом нам артиллеристы говорили, — эти несколько выстрелов были пристрелкой, которая показала, что наши снаряды давали недолет, ближе они не могли найти позиции)".

Вслед за II б-ном гать перешли три роты I б-на: сначала Его Величества рота, за ней 2 и 3.

4 рота осталась на левом берегу р. Ганьчи у д. Поташня, в прикрытие артиллерии. Капитан Кузнецов, командир 3 роты, так описывает этот момент боя: "Перейдя гать и подойдя к обрыву, я увидел к-ра б-на Подполковника Силаева с Е. В. ротой со знаменем. Подойдя, я спросил: "что будет дальше?"

— "Приказано наступать", — сказал Силаев. — "Прошу дать направление". Силаев указал на облако и сказал: — "вот в этом направлении". Я рассыпал первую полуроту (Кумпаненко) в цепь, а Ситников со второй полуротой стал во второй линии в резерве. Как только мы вылезли наверх, нас засыпали шрапнелями и сильным ружейным огнем. Во время перебежки, у последнего сарая дер. Осова, у самого юго-восточного выступа озера Окунин, был смертельно ранен двумя пулями Подпоручик Ситников.

Неожиданно увидев перед собою большое озеро Окунин, я взял направление на высоту правее озера. Наступала рота как на плацу: перебежки, накапливания, все как полагалось (никогда не забуду этого)...

Вот тут я увидел правее себя пулеметную команду и Н-ка команды Шт.-Кап. Жлобу. Просил его открыть огонь. Он отказался под предлогом, что артиллерия немцев его уничтожит. Тогда я решил один занять деревню (это была Чарнаковизна). С горки мы прямо бросились в деревню, стараясь правым флангом прижать немцев к озеру и захватить их, но они успели убежать через перешеек на другую сторону.

Заняв деревню, я хотел двигаться дальше, но никого не было правее меня; а выход из деревни сильно обстреливался. Очутившись почти в тылу немецких окопов на перешейке между озерами, я их взял под огонь. Лихой унт.-оф. Черненко, к-р 4 взвода, не позволял немцам высунуться. Увидя на противоположном берегу озера одну из наших рот, я им стал кричать, чтобы они не боялись и наступали, так как я уже стреляю в тыл немцам. Но рота лежала и не двигалась. Тогда я послал двух гренадер обойти озеро и передать роте, что мы уже в деревне и пусть наступают. Связники дошли до роты, которая оказалась нашей 2 ротой, мы все видели, как 2 рота два раза поднималась сразу вся, вместо того, чтобы перебегать частями. Ее сейчас же встречали "чемоданами" и она ложилась. Тогда же был ранен мой Черненко в щеку навылет. В этой перестрелке надвинулись сумерки. Поздно вечером, уже после 7 часов к расположению моей роты пришел к-р б-на Фл.-Ад. Подполк. Силаев с Его Величества ротой с Отаром Пурцеладзе. Е. В. рота расположилась вправо, вдоль дороги, и окопалась. Там мы и заночевали".

III б-н переправился через гать последним, вслед за I б-ном, также в трехротном составе, так как 12 рота осталась на левом берегу Ганьчи, в прикрытие артиллерии. Офицер этого б-на, Подпоручик Попов, рисует обстановку, в этом батальоне так: "III б-н был остановлен у д. Бялловода, когда раздались первые выстрелы. Немедленно б-н двинулся вперед и, подойдя к д. Поташня, увидел на противоположном крутом и обрывистом берегу р. Ганьчи силуэты цепей, отходящих от д. Осова. Над цепями рвались рядами очереди шрапнелей. Цепи сначала залегли, но пролежав всего минут десять, поднялись и снова двинулись вперед. Это была 14 рота. Перейдя гать, III б-н принял вправо и, пройдя версты полторы, расположился под крутым скатом правого берега Ганьчи. Тут III б-н провел ночь с 21 на 22 сентября. Штаб полка обосновался также под обрывом правого берега Ганьчи, но ближе к гати, примерно, в центре расположения полкового участка".

БОЙ 22 СЕНТЯБРЯ.

На рассвете 22 сентября, III б-ну Эриванцев (без 12 роты) и III б-ну Грузинцев, приказано было, выйдя на плато, атаковать противника прямо перед собой. Если взглянуть на карту, то направление атаки нацеливалось на д. Морги (ближайший населенный пункт, примерно, в 2½ верстах от исходного положения), перед которой тянулась позиция немцев, занятая частями I герм. корпуса. Итти нужно было по совершенно ровному месту, на виду у немцев. III б-н Эриванцев развернулся в одну линию, как на параде, сохраняя равнение, и двинулся ускоренным шагом вперед. Наша артиллерия, по неизвестной причине, не поддержала атаку своим огнем.

Пройдя шагов 500, б-н попал под сильный огонь германской пехоты и артиллерии; пройдя под таким огнем еще шагов 200-300, б-н не выдержал огня и залег. Началось продвижение вперед перебежками, причем б-ну не удалось продвинуться больше чем на 200 шагов. Тут, среди поля, на котором правильными пирамидами были собраны там и сям кучи камней, б-н стал окапываться. В довершение всего, холодный дождь, моросивший с утра, обратился в мокрый снег; люди лежали в грязи и мокли, расстреливаемые артиллерийским огнем. Связь была плохо налажена и К-р б-на, Подполковник Рутковский, выпустил из рук управление б-ном.

Вследствие этого, около 5 ч. пополудни, по совершенно невыясненной причине и без всякого давления со стороны противника, б-н стал отходить. Осадив версты на четыре, III б-н обнажил фланг II б-на, расположенного против озерного дефиле. К счастью, II батальон, не имея с III батальоном ни телефонной, ни зрительной связи, остался на месте, а III б-н, переведя дух в обозе I разряда, к наступлению темноты подтянулся и был возвращен на свое прежнее место, откуда утром было начато наступление. Здесь он начал окапываться и закрепляться.

III б-н Грузинцев, наступавший за III б-ном Эриванцев, с разбега влетел в д. Чарнаковизна, где уже стояли 3 и Е. В. роты и, привлекши на себя сосредоточенный огонь артиллерии, понеся чувствительные потери, дальше продвинуться не мог.

На участке остальных б-нов в этот день шла оживленная ружейная и артиллерийская перестрелка.

День 23 сентября в районе полка прошел спокойно. Сильнейший бой идет вправо, на высотах у д.д. Живавода, Рудка, где расположена 2 бригада Кавказских гренадер. Стоит сплошной гул. Снаряды рвутся массами. Немецкая артиллерия свирепствует. Тифлисцы и Мингрельцы истекают кровью, но держатся.

Эриванцы пользуются временным затишьем и улучшают свои окопы. За день 23 сентября весь полк довел окопы до полной профили. Обстановка прояснилась и первое нервное напряжение улеглось.

"2 бригада Ген. Бекова, также шедшая в "свой район на отдых", как и 1, вследствие тех же сведений от 3 Кавалерийской дивизии, напоролась, как и 1 бригада на сильную немецкую позицию. Бригада понесла жестокие потери, особенно Мингрельский полк, потерявший за первые же дни боя 21-22 офицера убитыми и ранеными"*).

24 СЕНТЯБРЯ...

День 24 сентября славный, незабываемый день!

Чуть забрезжил рассвет, немцы повели наступление на III б-н. Батальон, успевший прочно окопаться, спокойно и уверенно отбил атаку, без поддержки артиллерии и пулеметов, одним ружейным огнем, не подпустив противника ближе чем на 500-600 шагов, причем своим метким огнем нанес наступавшим немецким гренадерам серьезные потери.

Буквально, в этот день роли переменились: пролежав до 4-5 часов дня в грязи перед нашими окопами немцы вдруг не выдержали, поднялись и бросились бежать назад, преследуемые сосредоточенным огнем. Нужно отметить, что как раз во время наступления немцев, к б-ну вернулась 12 рота. Эта рота не имела готовых окопов и можно было наблюдать редко красивую картину, как рота, как бы на показном тактическом ученье удлиняла цепь б-на, выходя на его правый фланг... Незабываемая картина первых боев! Какие спокойствие и выдержка, какой редкий прицельный огонь, когда каждый выцеливает... плавно нажимая на спусковой крючек, затаив дыхание, ... не моргнув глазом....

В б-не царит подъем духа.

Невзирая на сильный артиллерийский огонь, продолжавшийся до наступления сумерек, никто не дрогнул, даже 12 рота, лежавшая на открытом месте, едва-едва успевшая врыться в землю для стрельбы с колена.

Но редчайшую стойкость проявил в этот день II б-н. Этот б-н, стиснутый в междуозерном дефиле, окопался в несколько линий, вправо от шоссе Сувалки-Филиппово, преградив немцам удобную шоссейную дорогу от д. Тацево на Сувалки. Ближайшая рота к немцам, 5 рота Капит. Сабеля, окопалась у южного выступа озера Окунин, как раз на высоте верстового столба (двухверстная карта изд. 1913 г.). На ней, как на главном препятствии на своем пути, немцы сосредоточили с утра сильный огонь тяжелой и легкой артиллерии, подготовляя про-

*) Генеральн. Шт. Капитан Булгаков.

рыв II Кавказского арм. корпуса. Удар, за которым с таким напряжением следили в Штабе 10 армии, заносился от д. Тацево.

От стойкости Эриванцев зависела участь боя. Резерва не было и в случае неустойки, отход по всему фронту делался неизбежным.

Для уяснения картины боя, нужно сказать, что позиция II б-на не была специально выбрана. Б-н просто-напросто окопался там, где его остановил немецкий огонь 21 сентября. Немцам отлично было *видно* все наше расположение до мельчайших подробностей. Открывая огонь, они били наверняка, на выбор. С утра до вечера методически неслись очереди за очередями. Это не был ураганный огонь последующих времен, когда эффектно сносилось с лица земли все на целых площадях, не считая числа выпущенных снарядов, — нет, это был огонь прицельный, где виден результат от каждой очереди снарядов. Уже, живя во Франции, в годы эмиграции, всем нам приходилось просматривать известный французский журнал "Иллюстрасион" за годы Великой войны, в котором, среди массы интересных фотографий боевых эпизодов на Западном фронте, особенное впечатление производят снимки с аэропланов Верденских фортов "Дуомона" и "Во": вашему взору рисуется, как кавернами оспы изрытое, громадное поле, на котором едва-едва проступает контур бетона фортов, занесенный землею...

Воронка на воронке! Ничего живого. Все снесено с лица земли!... И непонятно "непосвященному", — кто и как мог держать эти форты?...

Изумительная и страшная картина! Ибо, ведь, неоспоримо документальна фотография, зафиксировавшая проявленный здесь человеческий героизм!

Кажется, приложи такой снимок и не нужно будет никакого текста. Но, "посвященным", видевшим своими глазами картину разрушений в 5 роте 24 сентября 1914 года, понятно, что без пояснительного текста, все-таки, не обойтись, ибо все в жизни относительно и познается сравнением.

Снимок фортов "Дуомона" и "Во" сделан после целого ряда многодневных боев, когда части войск, их защищавшие, многократно сменялись. Фотографический аппарат передал не событие дня, а целый комплекс наслоенных друг на друга событий. К тому же, под слабыми, едва заметными очертаниями бетонных контуров фортов где-то, на значительной глубине, шла, неуловимая для объектива фотографического аппарата, жизнь... Атака!!! И люди выползали из всех уцелевших участков форта наружу, для отражения атаки...

Что же сказать про II б-н Эриванцев и особенно про его 5 роту, наспех окопавшихся в болотистом грунте и прикрывшихся как щитами, рыбачьими лодками? Что же подумать, когда края воронок разорвавшихся снарядов на маленьком клочке земли сошлись своими краями... над одними и теми же защитниками, в один и тот же день 24 сентября?! И когда, при этом, никто не дрогнул, никто не побежал!

54 убитых, 112 раненых, двое лишились рассудка; все, в той или иной степени, оглушены и контужены; Мл. оф. роты Прапорщик Котляревский откопан гренадерами в бессознательном состоянии. — Вот потери в одной только 5 роте Капитана Сабеля за этот день.

Капитан Адальберт Иванович Сабель с восторгом отзывался о гре-

надерах. Ведь находились люди, которые в этом аду, сами вызывались бежать на нашу батарею, чтобы она открыла огонь и тем облегчила бы положение роты, лежащей под расстрелом, как на ладони.

Гренадер из латышей Янулис, под сильнейшим артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, ушел в тыл с донесением, разыскал батарею, передал о положении 5 роты и б-на, благополучно вернулся назад... но все-таки был разорван на куски, несколько позже, в тот же день, войдя в число пятидесяти четырех.

Кто думал тогда о героизме? Кто понимал тогда, что именно тут наносится мощный удар, на пути которого оказался II б-н Лейб-Эриванцев?

Нужно было, чтобы прошли годы, чтобы немногие уцелевшие рядовые бойцы 24 сентября, узнали, что в этот день на Лейб-Эриванцев с верой и надеждой взирало высшее начальство... что день 24 сентября не совсем обычный день, а день *их* славы.

Вот как свидетельствует об этом эпизоде сражения б. Командующий 10 армией Ген. от инф. Флуг, записью в своем дневнике: ... "25 сентября 1914 г. Вчера, после треволнений, испытанных утром, наступил еще тяжелый кризис днем. Воспользовавшись приостановкой действий, особенно на опасном для немцев направлении III Сибирского корпуса, противник решил сокрушительным ударом прорвать наш центр... Никогда в жизни я не испытывал того, что пришлось испытать вчера, когда была получена телеграмма Мищенко, что противник направил удар от дер. Тацево и что противопоставить этому удару Мищенко может только Эриванский полк, единственный оставшийся в его распоряжении. Минуты казались вечностью, пока не получилась наконец депеша: Эриванцы отбили все атаки"...

В письме своем от 16 августа 1925 года на имя Ген. Шапшиева, старейшего Эриванца находящегося "за рубежом", Ген. от инф. Флуг, по поводу боя 24 сентября пишет: ..."память о дне 24 сентября жива во мне и поныне, так как минуты, подобные пережитым мною в тот день, не забываются. Несомненно, что Эриванцы своею доблестью выручили 10 армию из тяжелого кризиса и я до сих пор не могу освободиться от чувства досады на то, что бюрократическое отношение к делу со стороны начальства С.-З. Фронта не позволило мне выхлопотать полку ту высокую награду, которую он безусловно заслужил"...

Поздно вечером 24 сентября, на позицию II б-на прибыл Командир полка Фл.-Ад. Полковник Мдивани, в сопровождении Поручика Снарского, чтобы на месте ознакомиться с положением в б-не. Поручик Снарский, вспоминая об этом посещении, рассказывал, что впечатление от разрушений и морального состояния людей, все говорило за то, что II б-н пережил "ад".

Так как из докладов выяснилось, что позиция совершенно открытая и к тому же сильно стеснена с одной стороны озером, а с другой котловиной, б-ну приказано было осадить на версту назад и окопаться на линии IV б-на, что и было выполнено за ночь.

На этих местах полк бессменно простоял до 10 октября, когда, наконец, пришла первая за войну смена — Мингрельский полк. Эриванцы отошли на отдых в дер. Бяловоды.

Общие потери за эти бои выразились следующими цифрами: убит

1 офицер, 17 офицеров ранено и контужено и выбыло из строя около 500 гренадер убитыми и ранеными.

Все офицеры за эти бои получили первые боевые награды, а гренадеры — по 2 Георгиевских креста на роту. Среди первых Георгиевских кавалеров, — будущий знаменщик и кавалер всех четырех степеней Георгия и Георгиевской медали унт. оф. Уваров. Вольноопределяющийся 9 роты Цыганков, за отличное поведение в бою награжден Георгиевским крестом 4 степени и откомандирован в военное училище.

д. БЯЛОВОДЫ.

(11-15 октября 1914 года).

После трехнедельных боев короткий отдых. В Бяловодах пришло первое пополнение запасными солдатами, маршевая рота в 150 человек, которыми пополнена убыль в наиболее пострадавших ротах 3 и 5.

Особенно памятен первый общий обед.

Сколько искренней неподдельной радости при встрече друзей и товарищей! Все делятся впечатлениями своего боевого крещения. Шутки, смех и веселье.

Из обмена мнений единогласно констатируется, что много людей в ротах гибнет зря из-за неосторожности: причины — чай и картошка...

Так, например, в IV б-не, в халупу, из трубы которой шел дым, немцы пустили тяжелый снаряд, который разорвался среди компании, варившей чай. Изба вспыхнула, как спичечная коробка, и из 16-ти гренадер, находившихся в ней, никто не спасся. Когда все догорело и остались одни угли, другая партия гренадер, как ни в чем не бывало, явилась печь на этих углях и золе картошку!

Князь Гелованн тогда же, под общий хохот, заметил, что нашим солдатам нужно класть жаренного гуся на немецком окопе, тогда они возьмут и то, и другое без команды.

В Бяловодах получено приказание срочно представить к наградам отличившихся в бою гренадер. Все хватаются за статут и, тут-то неожиданное затруднение: никто прямо не подходит под статут. Все офицеры б-на коллективно ломают над этим делом голову. Ничего не получается. Архаический статут категорически требует таких определенных вещей, как взятие знамени, орудия, первым войти в неприятельское укрепление... и, как единственная лазейка: "ранен, но по собственному желанию остался в строю".

Ничего "ТАКОГО" — нет, а между тем по два креста на роту ассигновано и притом каждый ротный командир отлично понимает, что многие гренадеры действительно показали себя достойными этого высокого отличия. Все сходятся на том, что писать представления с нашим статутом — одно мученье. В конце концов, с грехом пополам, все кандидаты подводятся... и в ротах появляются первые Георгиевские кавалеры.

Настоящего отдыха в Бяловодах не было; каждую ночь б-ны шли на высоты левого берега р. Ганьчи строить тыловую позицию. К утру возвращались усталые, мокрые и грязные.

Флигель-Адъютант
Генерального Штаба Полковник
Захарий Асланович
Мдивани.
(Июль 1912—апрель 1915 г.).

В результате, все помыслы сводились к одному: хоть бы никуда не послали, пока не обсохнут сапоги и одежда.

Что касается III б-на, который от Подполк. Рутковского принял Капитан Кузнецов, то он не отдыхал вовсе: уже 11 октября он был вызван на помощь 51 пех. дивизии, у которой, на левом фланге корпуса шли тяжелые бои. Прямо из-за обеденного стола, новый К-р III б-на, Капитан Кузнецов, попросил своих офицеров по ротам и б-н ушел на левый фланг 51 дивизии, где особенно напирали немцы.

СПИСОК № 4.

Г.г. офицерам участникам боя 16-17 октября 1914 года, в лесу у д.д. Орлово — Подвысоке.

№	Чин и фамилия	Должность	Происшедшие перемены
1.	Фл.-Ад. Полковн. Мдивани	Командир полка	В штабе полка в д. Пржеброд; 17-го октября, Шт. полка перемещен в дер. Выходне.
2.	Подпор. Спарский	И. д. Полк. адъютанта	
3.	Шт. Кап. кн. Эристов	Н-к Команды связи	
4.	Капит. кн. Шервашидзе	К-р I б-на	
5.	Капит. Пурцеладзе	К-р Его Велич. роты	
6.	Подпоруч. Геппнер	К-р 2 роты	
7.	Подпоруч. Кумпаниенко	К-р 3 роты	
8.	Подпоруч. Тихонов	К-р 4 роты	Ранен. Роту приняк Киншин.
9.	Капит. Сабель	К-р II б-на	Вместо заболев. Балуева.
10.	Подпоруч. Попов	К-р 5 роты	
11.	Подпоруч. Гаттенбергер	К-р 6 роты	16-го в прикрыт. артилл.
12.	Подпоруч. Кандауров	К-р 7 роты	
13.	Прапорщ. Понятовский	Мл. оф. 7 роты	
14.	Капитан Пильберг	К-р 8 роты	
15.	Капит. Кузнецов	К-р III б-на	
16.	Подпоруч. Долженков	К-р 9 роты	Ренен. Роту принял Эпров.
17.	Шт. Кап. Крупович	К-р 10 роты	
18.	Прапорщ. Эпров	Мл. оф. 10 роты	
19.	Шт. Кап. Степанов	К-р 11 роты	
20.	Капит. Колчин	К-р 12 роты	Ранен. Роту принял Багель.
21.	Подпоруч. Агарунов	Мл. оф. 12 роты	
22.	Поручик Багель	Мл. оф. 12 роты	
23.	Капит. кн. Геловани	К-р IV б-на	
24.	Подпоруч. Казумбеков	К-р 13 роты	
25.	Капит. Погорелов	К-р 14 роты	
26.	Капит. Солнцев	К-р 15 роты	
27.	Подпоруч. Киншин	Мл. оф. 15 роты	
28.	Поруч. Козлов I	К-р 16 роты	
29.	Подпоруч. Хржановский	Мл. оф. 16 роты	Назн. Нач. К-ды Разведч.
30.	Поруч. кн. Шервашидзе	Н-к Пулем команды	
31.	Подпоруч. Черепанов	Мл. оф. Пулем. команды	
32.	Подполк. Мачаваршани	К-р IV б-на	15 окт. веч. ранен. Б-н принял кн. Геловани.

БОИ В ЛЕСУ У д. д. ОРЛОВО-ПОДВЫСОКЕ

16 и 17 октября 1914 г.

Обстановка перед боем 16 октября рисуется в таком виде: части 1 герман. дивизии, занимавшие линию от опушки леса у д. Волька — юго-вост. выступ д. Подвысоке — болото сев.-зап. д. Орлово, вели на-

ступление при поддержке частей 4 бригады 2 пех. дивизии того же I герм. корпуса, на участок позиции нашего XXII (Финляндского) корпуса, части которого примыкали слева к 51 пех. див. II Кавказ. арм. корпуса у отметки *"13"* на шоссе у д. Орлово. 15 октября в этом районе шел сильный бой.

В полдень, позиция Финляндских стрелков оказалась прорванной в нескольких местах: так, 1 Гренад. полк 1 бриг. 1 герм. дивизии захватил окопы на линии оз. Ролесиг — выс. 81,8; 43 пех. полк 2 бригады 1 дивизии взял высоту 91,8. Части 41, 33 и 43 герм. полков атаковали севернее высоты 91,8. После полудня наступил кризис боя, который угрожал флангу и тылу нашей 51 пех. дивизии.

III б-н Эриванцев, под командой Капитана Кузнецова, вызванный еще 11 октября в распоряжение начальн. 51 п. див., был направлен Начальником этой дивизии, Ген.-Лейт. Вороновым, на свой крайний левый фланг, где у д. Орлово находился кольцевой окоп 202 Горийского полка.

Капитан Кузнецов занял 10 ротой, под командой Шт.-Кап. Круповича, редут, седлавший шоссе из г. Сувалок в м. Бакаларжево, что у креста в полуверсте к востоку от отметки "13" под надписью Орлово.

9 и 12 роты стали за редутом в резерве, а 11 рота, под командой Шт.-Кап. Степанова, заняла окоп на опушке леса влево от редута у дороги, от того же креста, на ф. Волька.

Впереди расположения 11 роты — кочковатое болото.

15 октября идет ожесточенный бой. Немцы ведут наступление на стык 51 дивизии и 2 бригады Финляндских стрелков. Гремит артиллерия с двух сторон; строчат пулеметы; то вспыхивает, то затихает ружейный огонь. Горийцы стойко держатся, отбивая все попытки наступления немцев своим огнем. У них из кольцевого окопа отличный обзор и обстрел. Там же находится артиллерист-наблюдатель от горной батареи. Три орудия этой батареи ведут непрерывный огонь, два орудия, вскоре, портятся, но одно продолжает действовать до конца боя. Работа артиллеристов отчетливая.

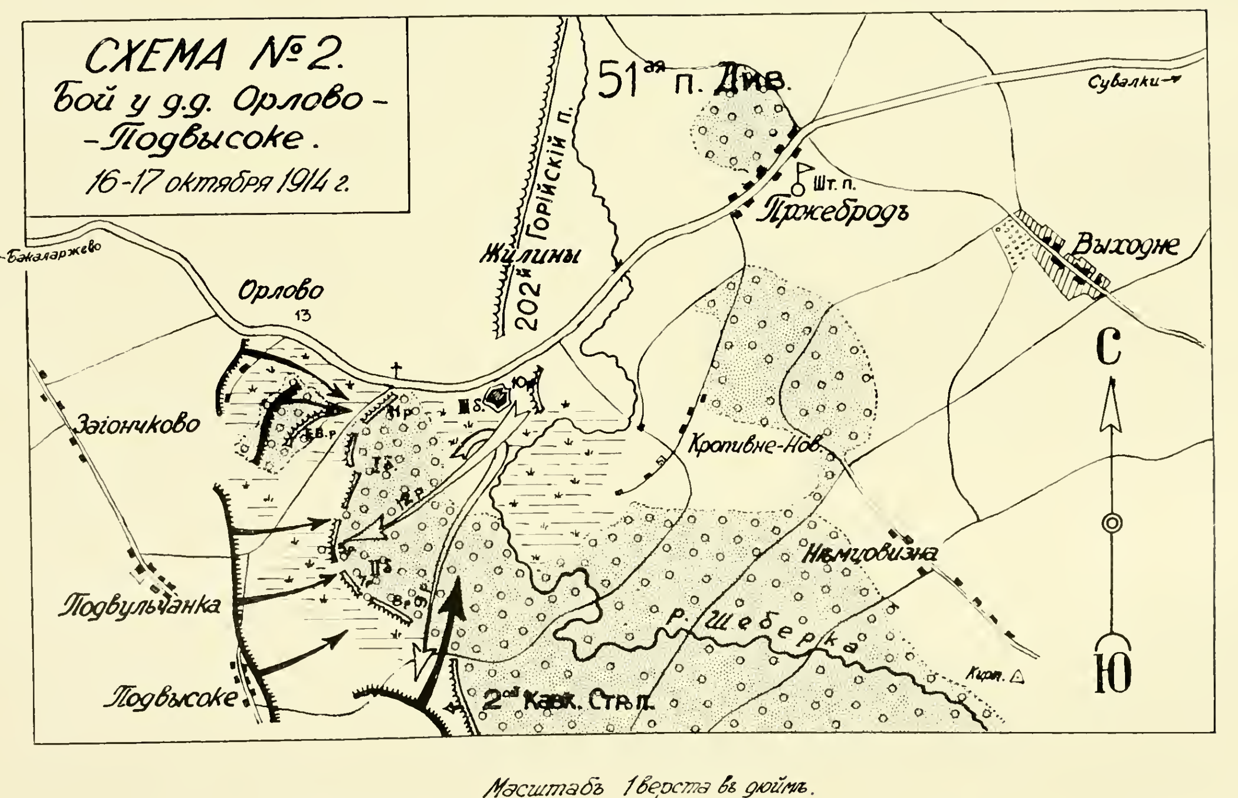
Утром 16 октября кризис достиг высшего напряжения. На поддержку Финляндцам была отправлена 9 рота в 190 штыков под командой Подпоручика Долженкова, при двух подпрапорщиках — Фельдфебеле Ковтуне и Подхалюзине.

Вот что застает Подпоручик Долженков у Финляндцев: "Утром 16 октября я получил приказание отправиться в расположение стоящих левее нас Финляндских стрелков, для усиления их боевого участка.

Местом расположения Штаба Финляндцев оказалась одна большая сосна в лесу, приблизительно в версте к югу от нашего редута. Начальником участка (там не было определенных частей, а были сводные б-ны из остатков рот) был один довольно старый Полковник, которому я и представился.

Каково было мое удивление, когда я услышал его распоряжение: оставить мою роту в его личном распоряжении, а самому отправиться на участок б-на, где и принять командование над тем, что я там найду, так как там не было офицеров. Пришлось подчиниться.

Проводник привел меня к каким-то отдельным ямам, а не окопам,

Масштабъ 1верста въ дюймѣ.

вырытым на заднем скате холма. Впереди никакого обзора, ни обстрела, так как все пространство впереди покрыто кустарником. Сзади — болото, которое нужно обходить по тропинке. На месте я нашел человек 50, деморализованных постоянными боями и страшными потерями, финляндских стрелков. Люди были предоставлены самим себе, так как ни офицера, ни даже подпрапорщика с ними не было. Вправо от меня, приблизительно в полуверсте, был окоп; левее, шагах в 400 — на опушке леса еще один, и это все. Из разговора со стрелками узнал, что обстрел и атаки продолжаются чуть ли не неделю. Вся эта обстановка произвела на меня удручающее впечатление. Я обратился к н-ку участка с просьбой прислать мне, хотя бы, одну полуроту моей роты. В ответ получил один взвод в 30-40 гренадер. Тем временем, судя по обстрелу, немецкое наступление шло полным ходом. Говорю, судя по обстрелу, так как сам я ничего не видел, не имея абсолютно никакого обзора. К 2 часам стало ясно, что немцы приблизились, так как огонь артиллерии был переброшен вглубь нашего расположения. Тогда я прибег к решительной мере, бросил лунки и приказал залечь на самом гребне. В результате, при выполнении этого маневра все Финляндцы куда-то скрылись и я остался только со своими гренадерами. Между тем, наступление продолжалось, но, главным образом, на окопы левее и правее; меня же пока не трогали, и в результате, как один, так и другой были захвачены немцами. Точно, как это произошло, не могу сказать, так как, повторяю, все было закрыто кустами. Видел какую-то "кашу" и "драп" отдельных стрелков, большая часть которых, очевидно, попала в плен. Таким образом, я оказался со своим взводом в самом центре прорыва. По мне начался фланговый огонь из занятых немцами окопов. Решил помешать полному окружения и бросился в атаку вперед и вправо, но это предприятие мне стоило еще дороже: потерял убитыми и ранеными еще около 20 гренадер. Здесь, между прочим, был убит пулей прямо в сердце гренадер Гаврила Сидоров (с такой исторической Эриванской фамилией и именем). И остался я с 15-16 гренадерами... осмотрелся и решил отступать и искать свою роту. Послал гренадер через болото, а сам остался искать обхода. Один момент был довольно жуткий: когда я вышел из-за бугорка, мне представилась картина: в 200 шагах от меня, на опушке кустарника ряд немецких касок в цепи. И только я вышел из-за бугорка, как меня заметили и открыли огонь. Удивляюсь, как меня там не прихлопнули. Я благополучно добрался до леса и направился к Штабу Финляндцев, но ни Штаба, ни стрелков не нашел и только за Штабом встретил свои полуроты с подпрапорщиками. Их, как и меня, обошли и они принуждены были отойти. Таким образом, я вышел из леса, потеряв всего 20-25 гренадер. В таком состоянии, имея в роте около 160 штыков я явился Капитану Кузнецову. Еще до моего прихода, когда стало известно о прорыве у Финляндцев, Кап. Кузнецов начал посылать роты для ликвидации прорыва. После моего доклада о положении у Финляндцев, я с ротой немедленно был отправлен Кап. Кузнецовым в лес и принял участие в контр-атаке, идя левее и уступом сзади нашей 12 роты. Там же в лесу, при атаке, я был ранен в ногу и ушел на перевязочный пункт"*).

---

*) Подпоручик Долженков.

Капитан Кузнецов, еще до подхода 9 роты с Подпоручиком Долженковым, был информирован о критическом положении дел у Финляндцев адъютантом 8 Финл. стр. полка, который явился лично к Кап. Кузнецову в редут и заявил, что их полка не существует.

Тогда Кап. Кузнецов немедленно сообщает в Штаб Эриванского полка, перешедший к тому времени в д. Пржеброды, всю обстановку и просит его поддержать, а сам, в первую очередь, по своей инициативе, бросает навстречу прорвавшимся немцам 12 роту с Кап. Колчиным, а затем, как мы только что видели, и 9 роту с Подпоручиком Долженковым.

Едва упомянутые роты углубились в лес, как к редуту, бегом, во главе со своим командиром Капит. Пурцеладзе, подошла Его Величества рота. Капитан Кузнецов направляет ее в лес, вслед за первыми двумя ротами. В глубине леса, прорвавшиеся немцы и контр-атакующие Эриванцы столкнулись... После короткого рукопашного боя немцы были смяты и отброшены, причем 9 рота, преследуя немцев, дошла до основных немецких окопов, но потеряв ротного командира раненым, не могла развить этого успеха.

12 и Его Величества роты понесли особенно большие потери. Капитан Колчин был ранен, а Его Величества рота, попав при выходе из леса под пулеметный огонь, потеряла одними убитыми свыше 40 гренадер. Эти громадные красавцы были снесены потом на поляну в лесу и положены в ряд в вырытую братскую могилу. Среди убитых гренадер: ст. ун.-оф. Кошеленко, постоянный ординарец Его Величества в почетных караулах. Вслед за Его Величества ротой к редуту стали подходить одна за другой остальные роты I б-на, а затем на поле боя подоспел II, а затем и IV б-ны. II б-н в трехротном составе (без 6 роты) под командой Капитана Сабеля, принял влево и занял окопы Финляндцев на опушке леса против дер. Подвульчанка. IV б-н под командой кн. Геловани стал в резерв за редутом, за левым флангом Горийского полка.

В этом бою осью разворачивания полка послужила 11 рота, под командой Шт.-Кап. Степанова, которая, несмотря на губительный огонь артиллерии и повторные атаки немецких гренадер, блестяще отбила все атаки и захватила пленных.

С наступлением темноты бой затих. Положение было восстановлено. Штаб II Кавказ. корпуса, готовившийся покинуть Сувалки, приостановил эвакуацию корпусных тыловых учреждений и сам остался в Сувалках.

На занятой Эриванцами позиции б-ны и роты налаживали связь и готовились к возможной контратаке. Ночь с 16 на 17 проходит тревожно. В лесу разбрелось много одиночных немцев; их вылавливают и отправляют в тыл. Левый фланг Эриванцев висит в воздухе. Соседей слева нет. Разведчики, под командой ст. ун.-оф. Жекулина, не могли отыскать соседей слева. В Штабе полка, по свидетельству полк. адъют. Поручика Снарского, в ночь с 16 на 17 октября происходит следующее: Командир полка, Фл.-Ад. Полковник Мдивани, не желая расходовать своего последнего резерва, отдал приказание IV б-ну, под командой Кап. кн. Геловани, расположиться на линии дер. Жилино ус-

тупом сзади за II б-ном и, выслав дозоры, постараться войти в связь с какой-либо частью левее нас.

В это время к телефону был вызван наш Командир. У аппарата был сам Корпусный Командир Ген.-Ад. Мищенко. Ген. Мищенко, получив соответствующие донесения, благодарил Командира полка за доблесть Эриванцев и долго в телефонную трубку кричал: "Ура, доблестным Эриванцам!" По полученным потом верным сведениям, этот разговор по телефону происходил в то время, когда вся громоздкая часть Штаба корпуса была уже эвакуирована. Между тем, наступила ночь, разобраться в обстановке было трудно. Левее II б-на густой лес и в нем все время шла перестрелка между остатками немцев, финляндцев и нашими дозорами и разведчиками. Командир полка Полк. Мдивани, обеспокоенный за свой левый фланг, несколько раз доносил об этом по команде; наконец, получил сообщение, что в его распоряжение двинут 2 Кавказ. стр. полк, и что в лес, левее нашего II б-на, направлен 17 стр. полк. Через некоторое время стало известно, что 17 стр. полк донес в свой Штаб (5 стр. бригады) о прибытии на указанное ему место и о занятии остававшегося промежутка.

Между тем, высланная II и IV б-нами разведка нигде не обнаружила частей 17 стр. полка. Донося об этом в свой Штаб, Фл.-Ад. Полковнику Мдивани удалось связаться и со Штабом XX корпуса, в который входил 17 стр. полк.

Произошел очень крупный разговор. Штаб XX корпуса утверждал, что 17 стр. полк на месте, одновременно заявив, что Мдивани слишком много на себя берет, утверждая противное и может очутиться в неловком положении.

Тогда, возмущенный Полковник Мдивани приказал Поруч. Спарскому с 5-ю ординарцами отправиться разыскать 17 стр. полк. Поручик Спарский, дойдя до фланга II б-на, двинулся по лесу, принимая влево, причем выделил вольноопр. Красильникова с 2 ординарцами в несколько другом направлении. Пройдя не менее 8-9 верст, ни Поруч. Спарский, ни вольноопред. Красильников — 17 стр. полка не обнаружили. Только на рассвете, возвращаясь уже в Штаб полка, в районе расположения резервного IV б-на, Поруч. Спарский встретил 2 Кавк. стр. полк во главе с его Командиром Полковником Томиловым, спешащим на заполнение прорыва, по приказанию Полковника Мдивани. Только около 11 ч. дня Полковник Томилов донес, что связался с только что подошедшим 17 стр. полком.

2 Кавк. стр. полк подошел во-время. Немцы с утра 17 октября открыли сильнейший артиллерийский огонь по участку, занимаемому II б-ном Эриванцев, стоявшим на опушке леса, и по тому участку, к которому подходили Кавказские стрелки. Сильному артиллерийскому огню подвергся и Штаб Эриванского полка, находившийся в д. Пржеброды. Несколько снарядов попало одновременно во двор и в громадный сарай, где стояли ординарческие лошади. Восемь лошадей, в том числе командирская лошадь сгорели живьем, так как из-за обвала соломенной крыши, вспыхнувшей как порох, не было никакой возможности лошадей вывести.

Халупа, в которой помещался Штаб полка, также загорелась. Фл.-Ад. Полковник Мдивани, по общему свидетельству офицеров, со-

хранил невозмутимое спокойствие и покинул дом последним, когда входная дверь была уже объята пламенем. Так как дер. Пржеброды, в какой-нибудь час времени, была вся сожжена и превращена в груды развалин, Штаб полка принужден был во второй половине дня 17 октября перейти в соседнюю дер. Выходне.

Тем временем, бросившиеся в атаку немцы наткнулись на дружный отпор соединенных усилий Эриванцев и доблестного 2 Кавк. стр. полка, причем особенно важную роль в отражении этой атаки сыграла пулеметная команда стрелков под командой Шт.-Кап. Варганова. Так блестяще закончился бой, отмеченный в сводках Верховного Командования, как — "Упорные бои у Бакаларжево".

В бою 16-17 октября полк потерял 4 офицеров и свыше 200 гренадер раненными и убитыми.

За описанный бой последовали, особенно отличившимся офицерам, следующие Георгиевские награды:

Орденом Св. Георгия 4-ой ст.:

Подполковник Александр *Кузнецов* за то, что, командуя в бою 16 октября 1914 г., под г. Сувалками, батальоном, когда немцы, обстреляв наши пехотные части, находившиеся в окопах, перешли в атаку и вследствие значительного превосходства в силах, стали теснить наши части, образовав в нашем боевом порядке прорыв, под убийственным огнем противника, непосредственно лично распределяя и распоряжаясь частями своего б-на, рядом решительных и энергичных мер не допустил неприятеля воспользоваться прорывом, а затем перешел в штыки, оттеснил немцев от наших окопов и удержался на занятом месте, чем не только предотвратил потерю всей позиции, но и вызвал отступление неприятеля.

("Русский Инвалид" № 83 от 14 апреля 1915 г.).

Капитан Алексей *Колчин,* за то, что в бою 16 октября 1914 г. под Сувалками, когда одна из наших пехотных частей оказалась в критическом положении, вследствие того, что противник обошел ее фланг и даже зашел в тыл, будучи со своей ротой выслан на выручку этой части, бегом повел роту и, ворвавшись в лес, атаковал значительно превосходившего в силах противника, обстрелял его, а затем бросился в штыки, причем сам был ранен, но остался в строю. Стремительная штыковая атака приостановила наступление противника, что в значительной степени способствовало занятию имевшегося в боевом участке прорыва, угрожавшего потерею позиции.

("Русский Инвалид" № 83, от 14 апреля 1915 г.).

Штабс-Капитан Александр *Степанов,* за то, что в бою 16 октября 1914 г. под Сувалками, когда бывшая под его командой рота, будучи обойдена немцами во фланг и тыл, вследствие оставления соседней частью своих окопов, попала в очень тяжелое положение, являя собой пример высшей храбрости, мужества и редкого хладнокровия, под сильнейшим артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, все время ободрял нижних чинов, которые, поддерживаемые его примером и словами, стойко отбивались в окопах от значительно превосходящего в силах противника и, удержавшись на позиции, дал возможность под-

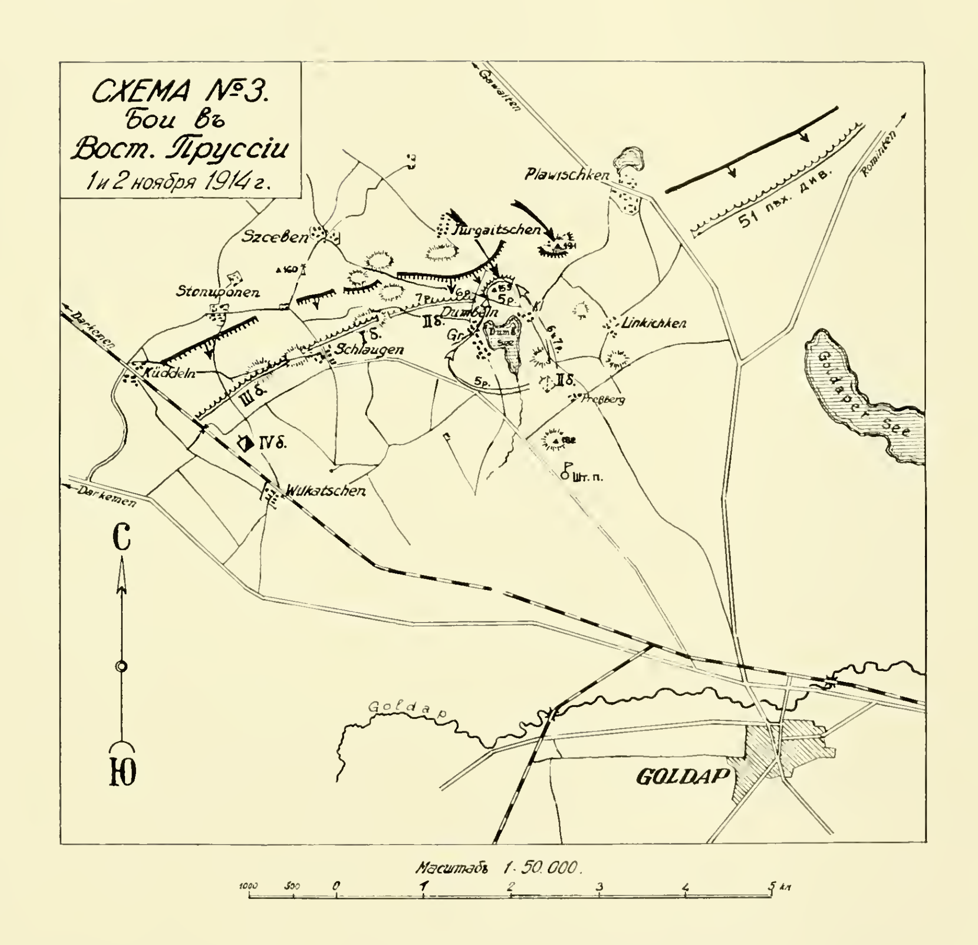

СХЕМА №3.
Бои въ
Вост. Пруссіи
1 и 2 ноября 1914 г.
Gawaiten
Plawischken
51 пхх. див.
Rominten
Jurgaitschen
Szceben
Stonuponen
Dumbeln
Linkichken
Darkemen
Küddeln
Schlaugen
Goldaper See
Preßberg
IV б.
Шт. п.
Wilkatschen
Darkemen
С
Ю
Goldap
GOLDAP
Масштабъ 1:50.000.
1000
500
0
1
2
3
4
5 км

ходившим подкреплениям, опираясь на эту позицию, отбить все атаки немцев, стремившихся использовать образовавшийся в боевом порядке прорыв, который угрожал нам потерей всей позиции.

("Русский Инвалид" № 83, от 14 апреля 1915 г.).

Георгиевским оружием:

Капитану Отару *Пурцеладзе,* за то, что в бою 16 октября 1914 г. под гор. Сувалками, когда одна из наших частей под натиском превосходных сил противника была вынуждена очистить свои окопы и отойти, бегом повел свою роту на выручку и, стремительно ударив в штыки, выбил противника из только что занятых им окопов.

("Русский Инвалид" № 134 от 19 июня 1915 г.).

Поручику Михаилу *Багелю,* за то, что в бою 16 октября 1914 г. под г. Сувалками, вступив в командование ротой после того, как командир роты, подав команду к удару в штыки на неприятеля, занявшего только что взятый у нас окоп, был ранен и выбыл из строя, лихо ударил в штыки и выбил противника из захваченного им окопа, чем устранил прорыв немцами фронта наших позиций.

("Русский Инвалид" № 134 от 19 июня 1915 г.).

19 октября почью полк был сменен второочередными частями и отошел в тыл, после чего двинут на преследование немцев, отступивших по всему фронту 10 армии.

"19 октября в Штаб дивизии был доставлен перебежавший из д. Пецки крестьянин, который сообщил, что немцы уходят, и что около д. Пецки стоит только одна тяжелая батарея в 4 орудия. Сведения эти были немедленно сообщены в Штаб корпуса и туда же отправлен и перебежавший крестьянин. Он подтвердил своим сообщением уже имевшиеся в Штабе армии сведения, что немцы, понеся тяжелую неудачу в Августовских лесах, где выдающуюся роль в их поражении сыграли доблестные Эриванцы и Кавказские стрелки 2 полка, постепенно оттягивают свои силы к границе. Донесения полков также указывали на ослабление огня противника на всем фронте дивизии. В виду такой обстановки, дивизии было приказано рано утром 21 октября перейти на всем фронте в наступление"*).

21 октября полк прошел свое бывшее поле боя в междуозерном дефиле, где все еще носило ужасные следы недавнего побоища.

Это была трогательная и жуткая минута.

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

21 октября 1914 г. Кавказская Гренадерская дивизия, в составе всего корпуса, была двинута за отступавшими немцами.

Дорога, по которой пришлось итти Эриванцам, шла по шоссе Сувалки—Тацево—Филиппово и дальше вглубь Восточной Пруссии.

Полк прошел места своих сентябрьских боев между озерами Ожево и Окунин. На самом перешейке, где немецкие окопы седлали шоссе, б-ны по очереди останавливались; всех интересовало взглянуть из

---

*) Генер. Шт. Капитан Булгаков.

немецких окопов “на нас самих”, когда мы 21 сентября, впервые, выйдя на шоссе, попали под их огонь.

Обзор из немецких окопов был версты на две, — все как на ладони. Общее мнение: “что мы еще легко отделались” — могли прямо быть уничтоженными артиллерийским огнем, по крайней мере II и IV б-ны.

“И действительно, при нашем движени *походным порядком* 21 сентября, немцы, хотя и занимали прекрасные позиции, не сумели использовать обстановку. Не выдержали нервы: они преждевременно открыли артиллерийский огонь, не дав вытянуться по узкому и грязному проселку длинной походной колонне с 24 орудиями и втянуться ей на гать, что представляло бы для них исключительно выгодную цель”*).

21-го и 22-го двигаемся за немцами по пятам. 23-го — задержка. У Филиппово — бой с немецким арьергардом.

“Наступавшие левее Эриванцев, Грузинцы натолкнулись у болот и речки Роспуды на сильно укрепленную позицию немцев. Грузинцы вели бой 22 и 23 октября, лихой и тщательно подготовленной атакой прорвали эту позицию и погнали отступавших немцев за границу”.

Немцы сбиты и движение продолжается. 24/X, во второй половине дня, полк впервые вступил на вражескую территорию.

По колонне несется перекатами восторженное “ура!”... Первый ночлег в дер. Мирунскен. Войдя в деревню, уже в темноте, полк расположился по чистеньким немецким домикам, в которых вся домашняя утварь осталась на месте. Видно было, что хозяева ушли за 2-3 часа до нашего прихода. В деревне ни одной души. Все гражданское население ушло. Объясняли этот уход тем, что немцы боялись репрессий с нашей стороны за их поведение при первом отступлении наших корпусов из Восточной Пруссии, когда гражданское население стреляло в отступавших солдат из засад.

Почти весь скот, вся живность остались на месте. Свиньи, гуси, куры, утки... в громадном количестве стали добычей наших солдат. Гренадеры из кавказцев шутили, говоря: “бели мясо надоел”...

27 октября после незначительного сопротивления немцы оставили г. Гольдап, “внезапно атакованный с фронта с охватом обоих флангов Эриванским гр. полком, левее которого наступал Грузинский гр. полк, имевший задачу в случае необходимости поддержать Эриванцев. Наше наступление на город и решение немецкого командования оставить его были неожиданны не только для населения, но и для самого коменданта города. Как население, так и комендант города Хауптман Бютнер покинули город ночью, очевидно прямо из кроватей. Все в домах свидетельствовало об этом: — “теплые” неубранные постели, разнообразные ночные вещи, халаты, на вешалках пальто и шляпы и т. д. В доме коменданта разбросанные на столе письма, бумаги, частью изорванные на полу, разбросанные вещи, фотографии и т. п. показывали на крайнюю поспешность оставления города.

В Гольдап на следующий же день прибыл и Командир корпуса

---

*) Генер. Шт. Капитан Булгаков.

Ген.-Ад. Мищенко со Штабом; гренадеры же, не задерживаясь там, продолжали свое быстрое движение к р. Ангерап"*).

Головные батальоны полка I и IV вступают и ночуют в Гольдапе. На другой день подходят два других б-на и I и IV б-ны выдвигаются вперед, преследуя немцев в направлении на Даркемен. Встреча с немцами произошла на высотах у д. д. Шлауген—Думбельн, что между ж. д. Гольдап—Даркемен и шоссе Гольдап—Гавайтен.

СПИСОК № 5.

Г.г. офицерам участникам боя 1-2 ноября 1914 года у д.д. Гросс-Думбельн-Шлауген в Восточной Пруссии.

№	Чин и фамилия	Должность	Примечания
1.	Фл.-Ад. Полковн. Мдивани	Командир полка	
2.	Полковник Шаншиев	Пом. командира полка	Штаб полка.
3.	Подпор. Снарский	И. д. Полков. адъютанта	
4.	Шт.-Кап. кн. Эристов	Н-к службы связи	
5.	Капит. кн. Шервашидзе	К-р I б-на	
6.	Капит. Пурцеладзе	К-р Е. В. роты	
7.	Подпоруч. Геппнер	К-р 2 роты	
8.	Подпоруч. Кумпаниенко	К-р 3 роты	
9.	Подпоруч. Киншин	К-р 4 роты	
10.	Капит. Балуев	К-р II б-на	
11.	Капит. Сабель	К-р 5 роты	
12.	Подпоруч. Попов	Мл. оф. 5 роты	
13.	Подпоруч. Гаттенбергер	К-р 6 роты	
14.	Подпоруч. Кандауров	К-р 7 роты	
15.	Прапорщик Понятовский	Мл. оф. 7 роты	
16.	Капитан Пильберг	К-р 8 роты	
17.	Капитан Кузнецов	К-р III б-на	
18.	Подпоруч. Долженков	К-р 9 роты	
19.	Шт.-Кап. Крупович	К-р 10 роты	
20.	Прапорщик Эпров	Мл. оф. 10 роты	
21.	Подпоруч. Агарунов	К-р 11 роты	
22.	Поручик Багель	К-р 12 роты	
23.	Капит. кн. Геловани	К-р IV б-на	
24.	Поручик Казумбеков	К-р 13 роты	Ранен. Роту принял Эпров.
25.	Подпоруч. Зуев	К-р 14 роты	
26.	Шт.-Кап. Солнцев	К-р 15 роты	
27.	Поручик Козлов I-й	К-р 16 роты	
28.	Подпор. Хржановский	Н-к Ком-ды разведчиков.	Убит. К-ду принял Попов.
29.	Поручик кн. Шервашидзе	Н-к Пулем. команды	
30.	Подпор. Черепанов	Мл. оф. Пулем. команды	

БОЙ У д.д. КЛЕЙН И ГРОСС ДУМБЕЛЬН

1-2 ноября 1914 года.

В эти дни наступления в Восточной Пруссии наш полк потерял свою молодецкую команду разведчиков в полном составе, во главе с начальником команды Подпоручиком Хржановским. Увлекшись постоянными успехами в ежедневных мелких стычках, команда глубоко проникла в расположение противника (до 15 верст), была окружена

---

*) Генер. Шт. Капитан Булгаков.

у дер. Нидервиц и полностью уничтожена. Вернулся лишь один разведчик, чудом проскочивший через немецкие линии. Он же сообщил о геройской смерти Подпоручика Хржановского.

В описываемые дни стояла отвратительная погода. Шел проливной дождь, холод, ночи непроницаемой темноты. Батальоны прекрасно разместились в казармах 44 Восточно-Прусского полка, квартировавшего в мирное время в Гольдапе. После бессонных ночей, переходов, боев и всевозможных лишений, в казармах люди получили, наконец, возможность обогреться, обсушиться и заснуть.

"И вот", — вспоминает Подпоручик Попов, — "в 1 час ночи, получен приказ: набрать 30 человек желающих итти на разведку. На дворе завывает ветер, дождь, не видно ни зги. Я вхожу в ротное помещение. Дежурный по роте рапортует.

— Обойди взводы и объяви, что нужно 30 человек охотников на разведку, — приказываю я, а сам думаю: ну, вряд ли желающие найдутся, придется просто сделать наряд.

Фельдфебель и дежурный по роте обходят взводы и вызывают желающих. К моему великому изумлению я слышу голоса из всех углов: "И я", "И меня, господин подпрапорщик"... Не проходит и 15 минут, как люди стоят выстроенными в полном снаряжении. Мне пришлось довести этих молодцов до Штаба полка, находившегося уже в 14 верстах за Гольдапом, и сдать их, по приказанию Полковника Шапшнева Подпоручику Хржановскому. Подпоручик Хржановский присоединил этих людей к своей команде и с усиленной, таким образом, командой ушел на разведку... и больше не вернулся.

Таков был дух и настроение тех дней"*).

30 октября, войдя в соприкосновение с противником (5 рез. бриг.) наши I и III б-ны окопались на высотах севернее болота Шлауген. Правый фланг Эриванцев упирался в перекресток дорог из д. Гросс Думбельн в д. Юргайтшен к зап. от отм. 153. Левый фланг доходил до ж.-д. линии Гольдап-Даркемен, несколько южнее ст. Кюдельн, проходя через д. Шлауген.

С рассветом, 1 ноября, 2 рез. п. п. (герм. армии) при поддержке огня двух батарей, обрушивается на наш правый участок, занимаемый I б-ном. Правее I б-на должны быть части 51 пех. дивизии нашего корпуса, но связи с ними наладить не удается. Известно только, что вправо где-то должен быть 201 пех. Потийский полк.

Тем временем, под прикрытием сильного артиллерийского огня, немцы начинают продвигаться вперед, угрожая флангу I б-на. С места расположения резерва (нашего II б-на), стоявшего за высотой 182 к юго-востоку от Думбельнзее, видны нескончаемые разрывы над буграми, где окопался наш I б-н. Видно как с бугров все время спускаются люди с носилками. Обычная картина боя, к которой уже привык глаз. Гул боя все усиливается. Отчетливо вырисовывается вся картина боя. Пасмурно, но дождь перестал. Около 2 часов пополудни немцы появились на высоте 153, что к северу от Думбельнзее. Положение приняло угрожающий характер. Тогда II б-ну, под командой Капитана Балуева, приказано было сбить немцев с выс. 153 и обеспечить правый фланг нашего I б-на. 5 рота, под командой Кап. Сабеля, при мл.

*) Подпоручик Попов.

оф. Подпор. Попове, была направлена в обход озера Думбельнзее, слева (через д. Гросс Думбельн), а 6 и 7 роты, под командой Подпор. Гаттенбергера и Поручика Кандаурова при мл. оф. Прапор. Понятовском, в обход того же озера справа, (через д. Клейн-Думбельн), прямо на север. 8 же рота, под командой Капитана Пильберга, была вызвана в прикрытие артиллерии и стала в низине, у мельницы дер. Гросс-Думбельн.

Указанные роты II б-на, через какой-нибудь час времени, справились с задачей образцово, как на тактическом ученье, проведя наступление на выс. 153, охватив последнюю с обоих флангов. Необходимо отметить, что в этом продвижении сильную поддержку 5 роте оказал огонь пулеметного взвода (2 пулем. Максима), под командой Подпоручика Черепанова, двигавшегося перекатами вместе с цепями 5 роты.

Заняв высоту 153, 5 рота окопалась на ней, построив подковообразный окоп. 6 и 7 роты, взойдя на указанную высоту, приняли левее 5 роты и соединились с общей линией I и III батальонов, а IV б-н кн. Геловани стал за III б-ном у ж.-д. насыпи.

Наступившая ночь проходит тревожно. Вперед высылается сильная разведка, под командой Подпор. Попова. Немцы всю ночь поддерживают редкий огонь. По телефону слышны усилия штабов связать 51 пех. див. с нашей Кавказской гренадерской.

Чуть забрезжил рассвет 2 ноября, немцы повели наступление на выс. 191, что в полуверсте к сев.-востоку от полукольцевого окопа, занятого 5 ротой. В утреннем тумане не сразу удалось установить, что сомкнутая часть, поднимающаяся на указанную высоту, — немцы. Могло статься, что это Потийцы, прибытие которых мы ожидали.

Командир б-на Кап. Балуев, находившийся при 5 роте, не разрешал открывать огня до тех пор, пока точно не было установлено, что это немцы. Тогда 5 рота и два бывшие при ней пулемета одновременно открывают сильный огонь. Наша артиллерия также открывает удачный, а главное большой мощности огонь и колонна немцев рассеивается. Тем не менее, выс. 191 остается в руках немцев, а она командует решительно над всем районом. После описанного боя, когда немцы отступили, группа офицеров II б-на поднялась на эту возвышенность. С нее, как на ладони, были видны окопы нашей правофланговой роты, чем и объясняется сила артиллерийского огня немцев в течение всего дня 2 ноября против этого ротного участка.

Огонь велся непрерывно весь день. К счастью, почему-то немецкая артиллерия стреляла по нашим окопам шрапнелью, тяжелые же снаряды неслись через головы II и I б-нов и падали или в озеро Думбельнзее или в болото Шлауген, не нанося нам никаких потер. В течение дня 2 ноября немцы поднимались три раза и пытались атаковать. Но только немецкие цепи делали несколько шагов, как сосредоточенный огонь наших рот, пулеметов и артиллерии укладывал их на землю.

Этот бой не захватил (по фронту) всего Эриванского полка; он ограничился всего лишь какими-нибудь двумя верстами фронта I и III б-нов; но бой этот памятен именно тем, что никогда уже за всю войну, — ни до, ни после этого боя, — наша артиллерия не оказывала

нам такой мощной поддержки, как в этом бою. Когда 3 ноября, утром, II б-н двинулся вперед, всем участникам боя представилась необычайная, невиданная доселе картина: все поле вокруг было усеяно нашими шрапнельными стаканами. Всюду были видны лужи крови. Потери, нанесенные нашим огнем были соответственными: всюду видны могильные холмики с касками, в немецких окопах лужи крови и обрывки окровавленной одежды.

Эта помощь нашей артиллерии (выпустившей за один день 3.000 снарядов), стрелявшей без устали целый день 2 ноября, отвечая на каждый неприятельский выстрел — выстрелом, поддерживала дух защитников ключевой позиции выс. 153. Высота эта была увенчена небольшой хвойной рощицей; к вечеру 2 ноября на выс. 153 стояли не деревья, а телеграфные столбы". Окопы наши имели многочисленные прямые попадания, но гренадеры хладнокровно отбили все попытки немцев подняться.

Ночь с 2 на 3 ноября также прошла тревожно. Разведка не высылалась. Утром, как только ружейный огонь стих, оказалось, что немцы ушли. Эриванский полк, свернувшись в колонну, вышел на шоссе и с мерами охранения двинулся вперед, преследуя отступивших.

Полк понес в этом бою сравнительно незначительные потери: убит 1 офицер, 2 ранено. погибла команда разведчиков 60 человек и 200 чел. убитыми и ранеными. Сильнее других пострадала 5 рота. В числе павших в этом бою — три Подпрапорщика-фельдфебеля: 9 роты Ковтун, 12 роты Шапка и 15 роты Гржибчик.

Дальнейшее движение по Восточной Пруссии шло беспрепятственно вплоть до района Мазурских озер, к которому полк подошел 8 ноября. Дождь и слякоть вдруг прекратились. Ударил мороз, повалил снег.

Когда корпус подошел к линии р. Ангерап, он был сменен частями XX корпуса и, в частности, наша дивизия сменена 53 пех. дивизией. Полк же смененный второочередными частями, сформированными из Московских гренадерских полков, отошел в тыл.

"В Маркграбово (стоянка Штаба 10 армии), 10 ноября, на походе произвел смотр Кавказской Гренад. дивизии вновь назначенный Командующий армией Ген. Сиверс. Затем части дивизии были выстроены на огромной площади на окраине города и представились Ген.-Адъютанту Пантелееву, передавшему частям дивизии Высочайшую благодарность и раздававшему гренадерам пожалованные Георгиевские кресты. Смотр Ген.-Ад. Пантелеева и раздача Георгиевских наград протекали очень медленно, несмотря на сильный мороз до — 20°. Уже в сумерках полки, сильно прозябшие, расходились в назначенные им места ночлегов.

И вот только в Маркграбово мы узнали цель нашего движения — к Варшаве*). Из Маркграбово полк двинулся к Сувалкам.

На этот раз Эриванцам опять пришлось пройти свое бывшее поле сражения (что случается на войне очень редко). Только прошли Бакаларжево, как открылась панорама незабываемых боев 16-17 октября... Теперь мы видели свои позиции со стороны немцев. Подойдя к д. Жилины, у редута полк остановился. Все пошли вправо от дороги

*) Генер. Шт. Капитан Булгаков.

в лес, где так недавно еще было столько пережито славных незабываемых минут.

Люди идут с обнаженными головами. Кто крестится, читая надпись на надмогильном кресте, кто измеряет шагами расстояние до немецких окопов, кто делает снимки... Всюду воронки, обломки оружия, осколки снарядов, шрапнельные стаканы, окровавленные обрывки одежды и снаряжения... и изувеченный лес с братскими могилами солдат 8 Финляндского стрелкового и Лейб-Эриванского гренадерского полков.

Ближе всех к немцам была 7 рота: — в 40 шагах. Проходим пепелище д. Пржеброд, где стоял Штаб Эриванского полка в этом памятном бою. С трудом устанавливается лишь место... Груда пепла и развалин.

Наконец — Сувалки. Сувалки ожили совершенно. Жизнь кипит. Все можно купить. Каждый старается запастись теплыми вещами. Для всех уже ясно, что война приняла затяжной характер. Полку объявлена дневка. После длительных боев, бессонных ночей, грязи и вшей — отдых, тепло и... баня. Баня кажется земным раем. Нам отведены казармы и офицерское собрание 20 стр. полка, квартировавшего в Сувалках.

В полку царит бодрое настроение. Два дня, 12 и 13 ноября, проходят, как один миг. 14 ноября начинается погрузка в поездные эшелоны. Следуем через Гродно—Белосток на Варшаву. На ст. Новый Двор разгружаемся и движемся, обходя Варшаву. Идем форсированным маршем через Блоне,ココココココ

В Сохачеве переходим реку Бзуру, через месяц ставшую исторической.

СПИСОК № 6.

Г.г. офицерам участникам восьмидневного боя у д.д. Кржижик-Хруслинский, Пржече, Ольшаны. С 22 по 29 ноября 1914 года.

№	Чин и фамилия	Должность	Примечания
1.	Фл.-Ад. Полковн. Мдивани	Командир полка	Весь период.
2.	Полковник Шаншиев	Пом. ком-ра полка	Весь период.
3.	Подпор. Снарский	И. д. адъютанта полка	Весь период.
4.	Шт.-Кап. кн. Эристов	Н-к службы связи	28-IX ранен.
5.	Поручик Кикнадзе	Н-к пулеметн. к-ды	Весь период.
6.	Капит. кн. Шервашидзе	К-р I б-на	28-XI контуж. эвак.
7.	Капитан Пурцеладзе	К-р Е. В. роты	28-XI взят в плен.
8.	Подпоруч. Геппнер	К-р 2 роты	28-XI взят в плен.
9.	Поручик Кумпаниенко	К-р 3 роты	28-XI взят в плен.
10.	Поручик Киншин	К-р 4 роты	Ранен, эвакуирован.
11.	Капитан Балуев	К-р II б-на	Ранен, эвакуирован.
12.	Капитан Сабель	К-р 5 роты	Весь период.
13.	Подпор. Гаттенбергер	К-р 6 роты	Ранен, остался в строю.
14.	Подпор. Кандауров	К-р 7 роты	Контужен.
15.	Прапорщик Понятовский	Мл. оф. 7 роты	Ранен и контужен.
16.	Капитан Пильберг	К-р 8 роты	Ранен, эвакуирован.
17.	Капитан Кузнецов	К-р III б-на	Ранен, остался на поле ср.
18.	Подпоруч. Долженков	К-р 9 роты	Ранен, остался на поле ср.
19.	Шт.-Кап. Крупович	К-р 10 роты	Ранен, эвакуирован.

№	Чин и фамилия	Должность	Примечания
20.	Подпоруч. Агарунов	К-р 11 роты	Контужен.
21.	Поручик Багель	К-р 12 роты	Прикрывал артилл.
22.	Капитан кн. Геловани	К-р IV б-на	Контужен, эвакуирован.
23.	Прапорщик Эпров	К-р 13 роты	Убит.
24.	Подпоруч. Зуев	К-р 14 роты	28-XI взят в плен.
25.	Шт.-Кап. Солнцев	К-р 15 роты	Убит.
26.	Поручик Козлов І-й	К-р 16 роты	Убит.
27.	Подпоруч. Черепанов	Мл. оф. пулем. к-ды	Убит.
28.	Подпоруч. Попов	Н-к к-ды разведч.	Контуж. остался в строю.

ГИБЕЛЬ КАДРОВ ЛЕЙБ-ЭРИВАНЦЕВ

(в последней фазе Лодзинского сражения, у деревень Кржижик-Хруслинский, Пржече, Ольшаны 22-29 ноября 1914 года).

II Кавказ. арм. корпус Ген.-Ад. Мищенко, оттеснивший немцев из наших пределов в район Мазурских озер, после упорных полуторамесячных боев с частями I герм. арм. корпуса 8 армии 8 ноября 1914 года был сменен на позиции у м. Даркемен и срочно переброшен в 1 армию Ген. от кавалерии Литвинова, атакованную по всему фронту частями 9 германской армии.

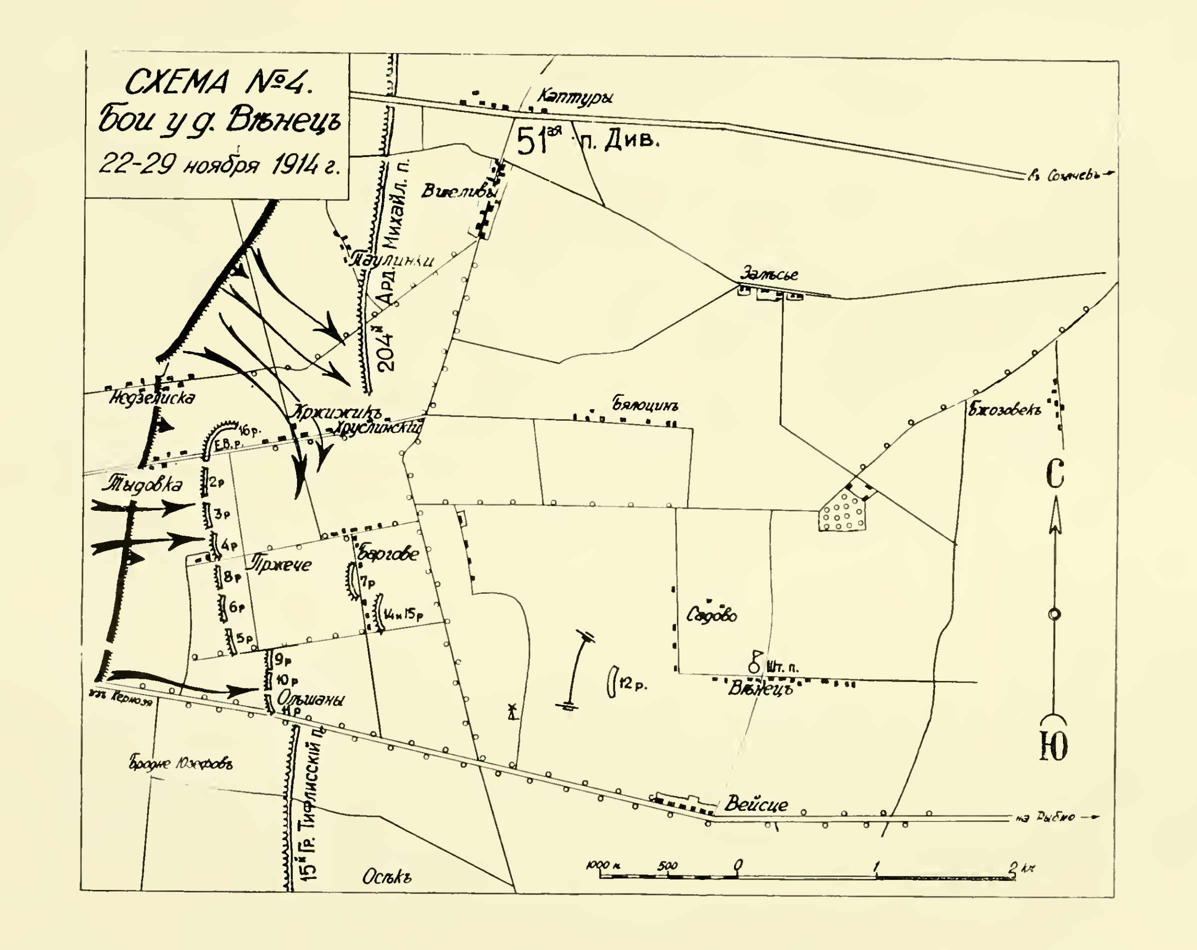
Лейб-Эриванский полк за полтора месяца непрерывных боев, к моменту указанной переброски, потерял 2/3 того наличного состава, с которым он вышел на войну из урочища Манглис, получив лишь раз (в Бяловодах) за эти бои маршевую роту пополнения в 150 человек. В описываемый момент в полку состояло в строю 28 офицеров и 1.300 гренадер (при 8 пулеметах), что составляло в среднем 75-80 штыков штыков при том же количестве офицеров.

17 ноября, на походе, в г. дв. Сороки полк получил свое первое крупное пополнение в 1.500 человек, что довело силу рот до 150-160 штыков при том же количестве офицеров.

После целого ряда победоносных боев под Сувалками и в Восточной Пруссии, в полку царило отличное настроение; предшествовавшие бои закалили дух, дали необходимые боевые сноровки, отлично натренировали полк в походах, отсеяли все слабое... и, Лейб-Эриванцы в стройном порядке, отбивая ногу, с песнями, подошли к г. Сохачев — району действий 1 армии.

В таком составе, с таким отличным и бодрым настроением Лейб-Эриванцам пришлось принять участие в последней фазе Лодзинского сражения, на линии Лович-Илов, с 22 по 29 ноября, включительно.

“Корпус к 20 ноября сосредоточился в районе Сохачева и, в соответствии с директивой Командующего 1 армией, К-р корпуса отдал приказ Кавк. Гренад. дивизии выступить 22/XI и сменить части V Сиб. к-са на занимаемых ими позициях, где они вели тяжелые бои с немцами, наступавшими к Варшаве. По получении этого приказа 21/XI Нач-к дивизии Ген.-Лейт. Шатилов послал офицеров Ген. Шт. — Полк. Федоренко и Кап. Булгакова — в Штаб Сибирского корпуса для ознакомления с обстановкой на месте. Когда названные офицеры

СХЕМА №4.
Бои у д. Вѣнецъ
22-29 ноября 1914 г.
Каптуры
51ая п. Див.
въ Сохачевъ
Вѣлевы
Паулинки
204й Ард. Михайл. п.
Замьсье
Недзелиска
Бялоцинъ
Бжозовекъ
Кржижинъ
Хруслинскій
16р.
Е.В. р.
Тыдовка
2р
3р
4р
8р
6р
5р
7р
14 и 15р
9р
10р
11р
Прժече
Барговe
Ольшаны
Садово
Шт. п.
12р.
Вѣнецъ
С
Ю
Бродне Юзефовъ
15й Гр. Тифлисскій п.
Осѣкъ
Вейсце
на Рыбно
1000 м
500
0
1
2 км

приехали в дер. Вейсце, на половину сгоревшую, то в дверях хаты стоял Ген. Бердяев — Начальник боевого участка, который должны были занять наши гренадеры. Он пригласил к себе в комнату и, узнав зачем мы приехали, грустно сказал, показывая через окно в поле, где брели небольшие группы солдат в тыл: *"Вот Вам настоящая обстановка! Видите все тянется в тыл. А если Вам хочется знать и видеть на карте, где дрались, то сейчас придет Н-к Штаба и покажет Вам. Доложите Ген. Мищенко, что если он не заменит нас сегодня же ночью, то завтра мои части будут, вероятно, на Бзуре".* С этими "сведениями" мы и уехали. Начальн. див., Ген. Шатилов, выслушав доклад Начальн. Штаба, отдал приказ дивизии немедленно выступать *для занятия* указанного приказом К-ра К-са боевого участка.

Офицер, посланный к Командиру Корпуса доложил о решении Начальника дивизии выступить немедленно. Ген.-Ад. Мищенко на это сказал: "Отлично! Благословляю гренадер".

Вечером 21 ноября все части дивизии и выступили на назначенные им боевые участки. 22 ноября V Сибирский к-с (вернее его остатки) был заменен II Кавк. корпусом и поставлен в тылу II Кавк. к-са, западнее р. Бзуры, в резерв Командующего армией"*).

22 ноября 1914 г. Командиру II Кавк. арм. корпуса Ген.-Ад. Мищенко было приказано, сменив части Сибирского к-са, овладеть линией д. д. Залусков, Александрово-Каптуры, Вшеливы, Кржижик-Хруслинский, Бродне, Юзефов, Петрово, Язвин, все пункты включительно. Овладев указанными пунктами, сейчас же укрепиться.

Во исполнение этой директивы, на рассвете 22 ноября, Лейб-Эриванцы подошли к д. Венец. I, II и III б-ны, получив задачу сменить находившиеся впереди части Сибирских стрелков, тотчас же развернулись в боевой порядок и скрылись за складками местности. IV б-ну Кап. кн. Геловани приказано было остаться при Штабе полка в д. Венец в качестве полкового резерва. Через несколько минут после начала выдвижения б-нов, немцы, увидя двигающиеся цепями б-ны Лейб-Эриванцев, открыли по ним беглый ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Сибиряки (к немалому удивлению всех, оказавшиеся Александро-Невцами), увидя идущую к ним смену, бросили свои окопы раньше, чем роты Эриванцев успели к ним подойти. Немцы, которые к брошенным окопам были гораздо ближе, воспользовались этим и заняли их.

Таким образом, пришлось сначала выбивать немцев из наших окопов. Для того, чтобы поддержать атаку Эриванцев, тяжелому артиллерийскому дивизиону V Сиб. корпуса приказано было не сниматься с позиции, а открыть огонь совместно с Кавказской Гренадерской арт. бригадой. Благодаря столь мощной поддержке артиллерии, Эриванцам удалось не только выбить немцев из занятых было ими наших окопов, но на некоторых участках проникнуть даже в окопы противника.

Так обстояло дело в I и II б-нах. В III б-не, по свидетельству командира 9 роты Подпоручика Долженкова, смена происходила так: "К исходному пункту д. Венец, мы подошли, едва на рассвете. Очевидно наше походное движение, как это бывало, впрочем, очень часто, было

---

*) Генер. Шт. Капитан Булгаков.

плохо рассчитано и, благодаря этому, смену предстояло производить на виду у немцев. Мне с 9 ротой, как головной, пришлось первой выступать на смену стрелкам (сказано было, что мы сменяем Сибирских стрелков). Я двинулся. Было уже совершенно светло, сзади за ротой вставало солнце, оттеняя силуэты гренадер, двигавшихся цепью прямо на запад.

Итти пришлось около версты. Первую половину пути наше движение было скрыто от противника какой-то незначительной складкой местности, а на второй совершенно открыто, как на ладони. Конечно, немцы нас заметили и открыли ружейный и пулеметный огонь. Огонь был довольно редкий. Стреляли, как сейчас помню, два пулемета: первая очередь прошла над головами, вторая — недолет, а третья ударила в двух-трех шагах перед нами, но так как стреляли не прямо против нас, а откуда-то слева, то достаточно было повернуть немного вправо (что мы и сделали), чтобы двигаться параллельно пулям. Все же в моей 9 роте сразу же оказалось 10-12 раненых. Таким образом, мы подошли к окопам, в которых оказались Александро-Невцы, которые этой смены ждали, как манны небесной... и не ожидая подхода других наших рот стали отходить в тыл"...

Сменив, таким образом, 198 пех. Александро-Невский полк 50 пех. дивизии, входившей в состав V Спб. арм. корпуса, Лейб-Эриванский полк занял указанную ему линию, уперев свой правый фланг в дома и огороды д. Кржижик-Хруслинский, пересекая д. д. Тыдовку, Пржече и уперев свой левый фланг в шоссе у дер. Ольшаны. Первый и второй б-ны оказались выдвинутыми значительно вперед по отношению к своим соседям: справа — к 204 пех. Ардагано-Михайловскому полку, оказавшемуся уступом сзади в 600-800 шагах, и слева, по отношению к III б-ну, расположенному в 400-500 шагах, также уступом сзади. Левее Эриванцев, рядом с III б-ном, отделенный от него шоссе, обсаженным деревьями, окопался I б-н 15 гр. Тифлисского полка под командой Капитана Иванова.

Во время смены и занятия названной линии, происходившей вышеописанным образом, полк понес, хотя и незначительные, но совершенно напрасные потери.

23 ноября: В течение целого дня полк окапывался, совершенствуя окопы. Ночью саперы, впервые для нас за войну, подвезли колья и колючую проволоку. Артиллерийский огонь по всему фронту. Особенно сильно гремит слева, в расположении 2 бригады Кавказских Гренадер, которая должна выравнять фронт, выйдя на одну линию с Эриванцами. Разведка выяснила присутствие против нас частей 26 пех. Вюртембергской дивизии XIII герм. арм. к-са Ген. Фарбека (119 Гренадер. 121 пех., 122 фузелерный и 125 пех. п.).

24 ноября: Попытки немцев наступать в районе Кржижик - Хруслинский — отбиты I б-ном. Целый день идет обстрел позиции I и II б-нов, горят десятки халуп в расположении полка. Наша артиллерия интенсивно отвечает. Сильнейший огневой бой в районе расположения 2 бригады. Разведка выяснила появление частей резервной дивизии того же XIII герм. арм. корпуса (116 рез. п .п., 118 р. п. п., 168 п .п. — первой очереди — и 83 р. п. п.).

Начальник Штаба 1 армии, Ген. Одишелидзе, донес Ген. Оранов-

Полковник **А. Г. Кузнецов.**
Кавалер Ордена Св. Георгия 4 ст.
Киевского военного училища вып. 1897 года.
(Снимок 1936 года).

скому в Штаб Фронта: ...“Командующий Армией приказал мне донести, что недостаток снарядов является наиболее опасной стороной нашего боя и пополнение снарядов в настоящее время составляет насущнейшую необходимость; на все 70 горных орудий армии к вечеру 23 ноября в местных парках было лишь 3.485 шрапнелей, а на 3 дивизиона 12 см. гаубиц 2.718 бомб и 1.242 шрапнели. Легкие местные парки все израсходованы. Быть может признается возможным воспользоваться запасом снарядов Новогеоргиевской крепости, так как даже временное прекращение огня нашей артиллерии действует ободряюще на немцев, ухудшая настроение наших войск, не говоря уже о потерях, которые будет безнаказанно наносить нам артиллерия неприятеля...”

К этому донесению, для уяснения обстановки, нужно добавить и иметь в виду, что состав немецких дивизий XIII герм. арм. корпуса был:

12 б-нов, 4 эскадрона, 80 орудий и 13.000 штыков,

а Кавказской Гренадерской дивизии:

16 б-нов, 2 каз. сотни, 36 орудий и 11.390 штыков.

25 ноября: С утра немцы повели наступление на фронте Паулинки — Кржижик-Хруслинский. Их удар пришелся по 204 п. Ардагано-Михайловскому полку и I б-ну Эриванцев. Е. В. рота открывает убийственный огонь во фланг немцам, наступающим густыми цепями на Ардаганцев. Немецкие сомкнутые части, скоплявшиеся под прикрытием ближайших домов д. Кржижик-Хруслинский, разогнаны огнем Кавк. грен. артил. бригады и сосредоточенным пулеметным и ружейным огнем I б-на. Тем не менее немцам удается проникнуть в интервал между Эриванцами и Ардаганцами и потеснить последних. IV б-н Эриванцев, под командой Кап. кн. Гелованн, двинут из полкового резерва на помощь Ардаганцам.

Командир 14 роты Подпоручик Зуев так рассказывает об этом эпизоде: “25 ноября, часов около 11, меня и Кап. Солнцева, командира 15 роты, вызвал к себе кн. Гелованн. Взволнованным голосом он нам объявил, что 14 и 15 ротам приказано восстановить положение на левом фланге Ардагано-Михайловского полка, где противник прорвал позицию, заняв наши окопы. В момент получения приказания IV б-н стоял в дер. Баргове, куда пришел накануне утром из дер. Венец. Приказано было наступать вдоль дороги, ведущей из д. Баргове в д. Вшеливы. Получив приказание, я сейчас же повел роту, сначала по канаве идущей вдоль дороги, прикрываясь домами, а затем рассыпал в цепь, так как противник нас заметил и справа и слева от дороги начали ложиться снаряды. Спустя 10-15 минут 14 и 15 роты находились буквально в аду... Снаряды разных калибров рвались и между нашими цепями и над нами... Кряканье бризантных снарядов особенно производило сильное моральное впечатление на гренадер; они моментально ложились, и их было трудно поднять. От ужасного артиллерийского огня, они, на мои вразумительные пинки и удары палкой по мягкому месту, смотрели на меня как сумасшедшие, но, все же, поднимались и бежали вперед. Многие из них, поднявшись, сейчас же падали мертвыми. Зная, как трудно заставить себя отделиться от земли, если ляжешь, я все время бегал с одного фланга на другой и,

в буквальном смысле слова, подгонял своих гренадер. То же самое вправо от меня делал Капитан Солнцев. Наступая таким образом, мы прошли одиночные окопы нашей 7 роты, стоявшей в резерве II б-на; всюду попадались убитые гренадеры, а в наскоро вырытых ямках ютились гренадеры, прижавши голову к земле. Оказалось, что К-р 7 роты Подпоручик Кандауров контужен и рота осталась без управления. Влив в свою цепь остатки 7 роты, я продолжал наступление в указанном мне направлении.

Выйдя из сферы артиллерийского огня, гренадеры стали веселее наступать. Свист пуль на них не действовал так, как разрывы снарядов, но ружейный огонь, а затем и пулеметный, стал вырывать из рядов гораздо больше людей, чем артиллерийский огонь. Заметив впереди, шагах в 150-ти, несколько разрушенных домов с кирпичным фундаментом, я стал сосредоточивать там свою роту. Противник засыпал нас пулеметным огнем... Когда вся рота собралась, я крикнул: "вперед за мной!" и выбежал из развалин. Вся рота последовала за мной. Под ногами от пулеметного огня земля кипела... Пробежав шагов сто, я заметил, что огонь противника стал слабеть, а вскоре затем увидел выбегающих из окопов немцев. Когда мы ворвались в окоп, то в нем оказались только убитые Ардаганцы и немцы. Заняв окопы, я сейчас же связался с нашим I б-ном, а Кап. Солнцев — вправо с остатками Ардаганцев. На наше донесение, что нами заняты окопы и положение восстановлено, нам было приказано держаться до прибытия смены. Ночью, около 2-х часов, нас сменили Ардаганцы, и мы вернулись к Штабу полка в д. Венец. Перед самой сменой ко мне подошел Кап. Солнцев. — "Знаешь, — сказал он мне, — если меня в таком аду не убили, то значит никогда не убьют"... Ровно через 2-3 минуты, отойдя всего несколько шагов, он был убит пулей в сердце, и это, как мне показалось, был последний выстрел в эту ночь".

26 ноября: По всему фронту — сильнейшая канонада; то там, то сям, вспыхивает ружейный и пулеметный огонь. Из Штаба полка видно, как из леса, что впереди, тянутся одиночные люди и носилки, идут и идут, понемногу... один, два... группа в несколько человек... чувствуется, что полк постепенно тает, как свеча...

С наступлением сумерек, после сильной артиллерийской подготовки, при зареве бесконечных пожаров, немцы произвели стремительную атаку на II б-н Эриванцев.

Эта атака была отбита с большими потерями; немцы бежали в полном беспорядке. Командир 8 роты Кап. Пильберг ранен, офицер пулеметной команды Поруч. Черепанов убит, находившийся при 5 роте артиллерист-наблюдатель, Шт.-Кап. Колзаков, тяжело ранен в голову. Сильно контужен Прап. Понятовский.

27 ноября: Сильнейший обстрел позиции всего корпуса. Немцы ведут атаки густыми построениями, вводя в бой все новые и новые части. Все поле впереди I и II б-нов Эриванцев, насколько хватает глаз, покрывается телами убитых и раненых немцев.

Выписка из полковой истории 116 рез. п. п. XIII гер. ар. корп.: — "по сравнению с французским фронтом русская артиллерия слаба. Зато ружейный и пулеметный огонь русской пехоты чрезвычайно меток и полк сразу же стал нести большие потери". *Справка:* I б-н

116 р. п. п. насчитывавший 24 ноября 1.103 штыка, имел через 12 дней, т. е. 6 декабря, только 190 штыков.

Эриванцы ежедневно несут все увеличивающиеся потери. 26 вечером Командиру полка было донесено с полкового перевязочного пункта, что с начала боев через пункт прошло свыше 800 раненых, не считая тех, что могли попасть на перевязочные пункты соседних полков.

..."Завтра армия продолжает усиление своих позиций, выполняя поставленную ей задачу по удержанию наступления неприятеля"... Одишелидзе.

28 ноября: Всю ночь стрельба по всему фронту, впечатление — будто кипит гигантский котел. С утра сильнейший артиллерийский обстрел. Наша артиллерия, за израсходованием снарядов, не отвечает... Около 5 часов дня немцы пошли в атаку на Ардаганский и Эриванский полки. Убиты командиры 16 роты Пор. Козлов I-й и 13 роты Прапорщик Эпров. Контужен Команд. I б-на Кап. кн. Шервашидзе.

По поводу этих событий, Н-к Штаба I Армии Ген. Одишелидзе донес в Штаб Фронта Ген. Орановскому: "около 5 ч. дня немцы атаковали Эриванский и Ардаганский полки у Кржижика-Хруслинского и Карнкова*); от последнего Ардаганцы отбросили немцев штыками, но затем противник открыл по их окопам столь сильный артиллерийский огонь, что вынудил Ардаганцев отойти в задние окопы"...

Как было отмечено выше, Ардаганцы были расположены далеко сзади I б-на Эриванцев; разрыв между двумя полками, примерно, шагов в 700, никем не прикрывался. Теперь Ардаганцы осадили еще глубже... "отойдя в задние окопы"...

Этот отход в "задние окопы" оказался для Эриванцев роковым, так как, отбивая атаку с фронта, измученные остатки рот, многие без офицеров, внезапно увидели выростающие из густого молочного тумана, спустившегося на землю, тяжелые силуэты немецких солдат, атакующих их с тыла... Командир 4 роты, Поручик Киншин, ранен и вынесен из боя, остатки трех правофланговых рот I б-на, ближайших к Ардаганцам, после горячей свалки захвачены в плен с тремя офицерами.

Штыковой бой распространяется влево, перекидываясь в 8 и 6 роты. Последняя рота полкового резерва — 14 рота, под командой Подпоручика Зуева, идет в контратаку. Подпоручик Зуев так рисует эту фазу боя:

"Ночью с 27 на 28 ноября мне с ротой было приказано стать в резерв II б-на за 6 ротой, в окопах вырытых стоявшей тут раньше 7 ротой. С рассветом, артиллерийский огонь по всему фронту позиции превратился в сплошное завывание и рев беспрерывно рвущихся снарядов. Немцы бешено наседали на I и II б-ны, отбивавшие их атаки своим ружейным огнем, совершенно без поддержки нашей артиллерии, не имевшей снарядов.

В окопе я назначил часовых наблюдателей, а остальным гренадерам приказал не показываться из окопа. Окопы 6 роты от нас в 200 шагах. Изредка я сам наблюдал и видел людей 6 роты. Между

---

*) На карте, в районе расположения Ардаганского полка такого пункта не имеется. И. К.

3-4 часами дня, когда артиллерийский огонь, как-то неожиданно, был прекращен, наступила тишина... и в тот же момент часовой наблюдатель закричал: — "Ваше б-дие, немцы в окопах 6 роты!". Вскочив моментально на бруствер, я действительно увидел в окопе каски. Для размышления не было времени, одна только мысль молнией пронеслась в голове: — там Борис Гаттенбергер! Мой друг! — И я закричал: — "Встать! Вперед, за мной!" Рота, как один человек, выскочила из окопов и бросилась за мной без единого звука. Я только слышал, как меня стараются нагнать мои гренадеры. Пробежав шагов пятьдесят, я увидел Капитана Балуева, бегущего нам навстречу, а за ним немца с занесенным для удара штыком (ножем)... Казалось, что вот-вот, еще секунда и штык немца будет вонзен в спину Капитана Балуева... Я даже на момент приостановился... И вдруг, как из земли, перед немцем вырос ун.-оф. моей роты Щербаков и ударом штыка в грудь свалил немца. Капитан Балуев, пробегая мимо меня, крикнул: — "Спасайте!" Немцы приняли наш штыковой удар и выскакивая из окопов бросились на нас. Завязался жаркий рукопашный бой. На меня устремился немец с примкнутым штыком-ножем... 5-6 шагов было между мной и немцем, когда я выхватил из кобуры свой "Наган". Сознавая ясно, что мой промах будет стоить мне жизни я, не спеша, взял немца на мушку... спустил курок... и, тот, как сноп свалился в 2-3 шагах от меня. В этот же момент я услышал крик: — "Ваше б-дие, справа немец!" Поворачиваю голову и вижу бегущих на меня, одного за другим, двух немцев. Стреляю сначала в ближайшего, а затем в бежавшего за ним. Один за другим падают, как подкошенные. Не видя около себя больше немцев, я обвел глазами место боя и тут только заметил, что гренадеры докалывали последних немцев, причем почему-то особенно запомнилось, что нанося удар штыком, как бы для верности, еще спускали курок... Всюду, куда ни падал взгляд, лежали тела наших и немцев. Вид наших был ужасен: у всех почти животы распороты от груди до таза... В этот момент мне бросилось в глаза, что несколько немцев с винтовками подмышкой, не спеша, уходили с поля боя. Гренадеры стреляли им вслед. Меня возмутил своим спокойствием один, бывший шагах в 40 от меня. Гренадер, стрелявший в него, промазал. Тогда я выстрелом из револьвера свалил этого храбреца.

На поверхности все было кончено, но в ходах сообщения еще шла настоящая охота за застрявшими одиночками... гренадеры пристреливали их... Один защищался, стреляя из хода сообщения по гренадеру, который направился к нему. Чтобы дать возможность гренадеру приблизиться к немцу, я, как только его голова показывалась над ходом сообщения, стрелял в него из револьвера, но он удивительно ловко и во-время прятался в ход сообщения. Под прикрытием моих выстрелов, гренадер подбежал к немцу в тот момент, когда тот высунулся из хода сообщения... в ту же секунду штык гренадера вонзился в плечо немца, но он продолжал стоять и только выстрелом в упор был добит.

Окоп окончательно был очищен от немцев и гренадеры стали устраиваться к новой встрече противника. Рассматривая в бинокль пространство перед окопом 6 роты, я был поражен количеством на-

Слева:

Полковник **Кн. К. Л. Геловани,** кавалер Орд. Св. Георгия 4ой ст. Выпуска 1896 г. из Тифл. юнкер. училища.

Справа:

Поручик **В. Р. Зуев.** Из ст. п. ю. Тифл. в. учил. вып. 1913 г. (Снимок 1936 г.)

громожденных перед ним немецких трупов... Послал донесение в Штаб полка и связников вправо и влево. Связники не вернулись.

Затишье длилось недолго. Немцы снова открыли артиллерийский огонь по нашему окопу, а под его прикрытием в тумане показались, как призраки, густые цепи немцев. Немцы под прикрытием своей мощной артиллерии, шли открыто, с винтовками подмышкой, без единого выстрела. Я приказал открыть огонь. На нас шли три густых цепи... В это время справа раздались крики: — "Ваше Б-дие, немцы в тылу!" Как ужаленный, выскочил я на бруствер. Действительно, справа и в тылу немецкие цепи. Они проходили мимо нас и кричали: "нах батери!" Наш огонь, 10-12 гренадер, как бы всколыхнул немецкие цепи. На момент они остановились в недоумении, а затем часть продолжала наступление вперед, а часть повернула фронт на нас и стала быстро приближаться... Гренадеры стали выскакивать на бруствер и снова произошла короткая штыковая схватка. На моих глазах упали несколько моих гренадер с распоротыми животами... Густые цепи противника растворили в себе остаток моей роты. Нас буквально смяли. Что касается меня, то я, в последний момент, вспомнил, что расстрелял свои патроны по прятавшемуся в ходе сообщения немцу... я был безоружен... и не успел даже выбросить гильзы из револьвера, как почувствовал короткий и сильный удар по шее и в тот же момент мой револьвер оказался в руках подбежавшего немца. Увидя на мне офицерские погоны немцы залопотали: — "официр! официр! Я очутился в плену!"...

Обеспокоенный полным прекращением связи с I и II б-нами (роты IV б-на, за исключением 14 роты, были влиты в передовую линию еще накануне), Командир полка Фл.-Ад. Полковник Мдивани сел на коня и, сопровождаемый Шт. Кап. кн. Эристовым, Поручиком Кикнадзе и тремя ординарцами, прибыл в дер. Баргове, почти к тому месту, откуда 14 рота двинулась в свою контратаку. Тут же находилась и команда разведчиков с Подпор. Поповым, бегом явившаяся напрямик, из Штаба полка.

В этот самый момент из тумана вырисовался силуэт Кап. Балуева, поддерживаемого под руку раненым ун.-оф. 8 роты Лимановским *). Капитан Балуев спасся чудом, получив штыковую рану в бок. От него узнали первые подробности трагического боя во II б-не. Выяснилось, что 6 роте удалось пробиться сквозь окружение и что Командир 6 роты Подпоручик Гаттенбергер спасся, а остатки 5 роты во главе с Кап. Сабелем отошли сравнительно благополучно. Одиночные люди других рот, останавливаемые Командиром полка, дорисовали общее положение дел и в I б-не. Все было ясно. Впереди не было никого. Тогда Командир полка подозвал Подпоручика Попова, приказал ему выдвинуться вперед со своими разведчиками и создать завесу. Рассыпавшись редкой цепочкой, разведчики немедленно исчезли в тумане. Благодаря им, удалось вынести 2 пулемета, находившиеся в 5 роте.

Когда все уже было кончено и с наступившими сумерками стрельба стала затихать, к Полковнику Мдивани явился Командир 1 б-на

---

*) Лимановский — бывший ротный писарь 8 роты, Кавалер 4-ой и 3-ей ст. Георгия; единственный унт.-оф. еврей.

1 Кавк. стрелкового полка, присланный из армейского резерва. Бравый Командир Кавказских стрелков попросил только указать ему направление для атаки, развернул свой б-н и через минуту стрелки скрылись в молочном тумане... Последовала короткая, но яростная вспышка боя... Встреченные сильным огнем успевших уже устроиться немцев, стрелки смешались и отхлынули в исходное положение, вынося своих раненых и убитых.

29 ноября. На прежних позициях продолжают держаться три роты III б-на; 9 — Подпоручика Долженкова, 10 — Шт. Кап. Круповича и 11 — Подпоручика Агарунова, под командой своего Командира б-на, Капитана Кузнецова. Слева еще держатся Тифлисцы, но сообщили, что у них на исходе патроны. Справа должны быть стрелки, но к утру они куда-то ушли.

Наступает самый трагический момент боя, ибо последний б-н еще можно было спасти, но приказания отойти... еще не получено. Вот что происходит в III б-не по свидетельству его Командира Капитана Кузнецова: "К вечеру 28 ноября, правый фланг моего б-на был совершенно обнажен, мне пришлось взять взвод с моего левого фланга и рассыпать его, почти, под прямым углом за своим правым флангом. К полуночи подошли наши Кавказские стрелки, которых мне было приказано расположить правее меня. Руководя лично расположением стрелков, я провозился с этим делом почти до зари и как только вернулся к б-ну, начался обстрел; сначала редкий, а когда рассвело, огонь очень усилился и, видно было, что готовится атака. Действительно, около 8 ч. утра немцы повели наступление двумя-тремя ротами, но мы, перейдя на поражение частым огнем, загнали их в окопы.

Об этом я донес в Штаб полка. Телефон еще действовал. К 10 ч. утра обе мои телефонные линии были перебиты, телефонисты также переранены или убиты и связь поддерживалась людьми... но мало кто возвращался.

Около часу дня я получил письменное приказание отойти к Штабу полка в д. Венец, но выполнить этот отход днем, на виду у немцев было не так-то легко. *(Примечание Р. К.:* Артиллерийский огонь в этот момент достиг наивысшего напряжения и из д. Венец жутко было смотреть, что творилось в III б-не).

9 и 10 ротам, около которых я находился, я отдал приказание об отходе лично сам, а в 11 роту, что была дальше на левом фланге, я послал приказание начать отход, прикрываясь деревней. Сам я хотел итти с 10 ротой, так как в ней не было офицера: Командир роты Шт. Кап. Крупович был ранен на моих глазах и был эвакуирован; но в это время прибежал гренадер из 11 роты и доложил, что немцы так близко насели, что им нельзя высунуться. Тогда я решил пойти туда сам, и вот, когда я подбегал к окопу 11 роты, пуля ударила мне в грудь, я упал и на момент лишился сознания. Очнувшись и открыв глаза, я увидел окоп и гренадер 11 роты. Я дошел до окопа, узнал, что командир находится на левом фланге и начал пробираться туда. Но итти было очень трудно. Солдаты решили меня перевязать, сняли с меня оружие, амуницию... В это время я заметил, что немцы очень близко и боясь остаться, приказал бросить перевязку и нести меня

назад. Но носилок не оказалось, их разбило снарядом. Тогда два гренадера взяли меня под руки и повели. Пройдя шагов 100-150 я стал задыхаться; тогда фельдфебель 11 роты Подпрапорщик Бондаренко взял меня на спину и потащил, но мне сделалось очень плохо, его мешок на спине давил мне простреленную грудь, мне трудно было дышать. Тогда я начал просить меня бросить. Но было уже поздно. Немцы уже подбегали к нам... Один из тех гренадер, что вел меня — был убит и лежал подле, что было с другим не видел. *(Примечание Р. К.:* Другой прибежал в Штаб полка и все доложил Командиру полка).

Помню как немец навел на меня винтовку и кричал, чтобы я шел назад. Я распахнул шинель и показал залитый кровью левый бок, но он стоял на своем, тогда я поднялся и пройдя несколько шагов сел опять, не мог итти. В этот момент поравнялась со мной сомкнутая немецкая часть с офицером впереди. Последний, увидя меня, приостановился, крикнул санитара и приказал меня перевязать"...

Не суждено было благополучно уйти и Командиру 9 роты Подпоручику Долженкову. Вот, что, по его словам, происходило в 9 роте:

"Вечером 28 ноября было слышно, что пострадали части наших I и II б-нов, на которых обрушились немцы, подойдя незаметно в тумане, и только утром 29 гроза разразилась и над нами. Выразилась она в страшной артиллерийской бомбардировке нашей позиции. Моей 9 роте досталось порядочно, большая часть окопов была просто сравнена с землей, к тому же и грунт был очень плохой — чистый песок. Тяжелая немецкая бомба, падая даже в 3-4 шагах от окопа, опрокидывала весь бруствер в окоп и заваливала все там находившееся. Одним словом, к 1-2 ч. дня от окопа 9 роты остались только отдельные пролеты, все остальное было обращено в хаос бугров и воронок, из которых торчали руки, ноги погибших гренадер. Насколько помню, около 2 часов дня, из Штаба полка было получено приказание (посыльным), что у Тифлисцев прорыв и нам надлежит немедленно отойти. Приказание об отходе мне было передано лично К-ром б-на Капитаном Кузнецовым. Приказав роте отходить по одному, прикрываясь домами, я, выждав момент, чтобы дать роте уйти, двинулся тоже назад с 4 гренадерами, но не за ротой, а прямо по полю. Как только мы вышли на открытое место, мы стали объектом сильнейшего ружейного и пулеметного огня со стороны расположения Тифлисского полка, в то же время немецкая артиллерия засыпала нас снарядами. В этой каше я и пострадал: сначала перебило всех моих гренадер, а затем был ранен и я, сначала одной пулей под колено правой ноги, но я продолжал итти; но скоро вторая пуля попала в самое колено... и я упал, как подкошенный. Пролежав так некоторое время, может быть всего несколько минут, я был подобран проходившими немецкими частями"...

"Расположенные левее Лейб-Эриванцев 15 гр. Тифлисский п, в направлении на д. Сковорода, 14 гр. Грузинский полки вели также тяжелый и кровавый бой с непрерывно наступавшими немцами. 29 ноября Тифлисский полк на своем среднем участке был прорван и в этот прорыв немцы бросили 2-3 эскадрона гусар, которые галопом пошли на одну из наших батарей II грен. дивизиона Полковника Шопотовского, стоявшую на позиции за Тифлисским полком, между

д. Осеком и д. Вейсце, где находился Штаб Кавк. Грен. дивизии. В распоряжении Начальника дивизии (его резерва) оставались только 1 рота Кавказских стрелков (не помню какого полка) и две сотни Кубанцев 1 Хоперского каз. полка (Кавказской кавал. дивизии, бывшей в распоряжении Ген.-Ад. Мищенко) под командой Есаула Говорущенко и Есаула Князя ?...

Начальник дивизии, видя грозное положение батареи, бросил бегом стрелков к батарее, не имевшей прикрытия, а казаков во фланг гусарам. Когда немцы увидели несущихся на них наметом казаков, они, не доскакав до батареи, круто повернули назад и ускакали, не приняв боя" *).

Командиру 11 роты Подпоручику Агарунову удалось благополучно уйти, прикрываясь домами и деревьями, тянувшимися вдоль дороги у левого фланга его роты.

Вот что говорит об этих боях Ген. Шт. Капитан Булгаков, все время находившийся в дер. Вейсце: "Восьмидневные бои дивизии на этом участке фронта Илов-Лович, по могуществу огня, напряженности боев, их непрерывности и по длительности частых штыковых схваток, превосходили по своей силе все, до сих пор бывшие боевые столкновения дивизии с немцами. В д. Вейсце, где находился Штаб дивизии, все эти дни и ночи было впечатление какого-то огромного, непрерывного клокочущего котла, в котором нельзя уже было различать ни орудийного, ни пулеметного, ни ружейного огня. Это работала страшная убойная машина. По ночам весь фронт обозначался освещенной огневой полосой. И вот, в таком аду вдруг наступала мгновенная жуткая тишина — штыковой бой. С замиранием сердца все в Штабе молча ожидали его исхода. Минуты казались часами... И снова закипал огневой котел. Вспоминаю, как поздно вечером в Вейсце, в Штаб дивизии приехали 3 члена Государственной Думы, доставившие в обоз подарки нашему корпусу и пожелавшие пробыть "денек" в непосредственной близости боя — послушать современную "музыку" войны. Ген. Мищенко разрешил им это и направил их в нашу дивизию. В Штабе див. их приняли, накормили и уложили спать на полу на соломе. Однако, часа через 2-3 загудел какой-то автомобиль... оказалось, что "гости уехали", не простившись даже с Начальником дивизии. Видно, нервы не выдержали.

Вследствие приказания К-ра корпуса, дивизия начала отходить к Сохачеву. Ген. Мищенко предложил, находившемуся в тылу II Кавк. к-са, Сибирскому корпусу развернуться и принять на себя немцев, следовавших за отходившими частями II Кавк. к-са, чтобы дать последнему возможность собраться, привести себя в порядок и спокойно отойти за Бзуру. Сибир. к-с и развернулся, где-то западнее Бзуры, между Сохачевым и оставляемой позицией. Одновременно Ген. Мищенко приказал 1 Кавк. стр. бригаде занять предмостное укрепление на левом берегу р. Бзуры у Сохачева, чтобы обеспечить переправу через Бзуру частям корпуса.

К 2 декабря вся Кавк. Грен. дивизия переправилась на правый берег Бзуры и, вместо ожидаемого отдыха в резерве, должна была занять новые позиции от Брохова до Сохачева. Дивизия вышла из

*) Генер. Шт. Капитан Булгаков.

этих восьмидневных боев, хотя и не потеряв ни одного орудия, совершенно расстроенной и в угнетенном состоянии. Во всех четырех гренадерских полках дивизии, отошедших за Бзуру, насчитывалось не более 2000 штыков. Вследствие отхода днем, на виду у противника, на поле сражения оставлено много раненых, вынести которых не представлялось возможности. Однако, несмотря на страшные потери в полках дивизии, несмотря на вынужденный, по приказанию свыше, отход днем, у всех было сознание исполненного долга, сознание, что противник получил жестокий отпор и понес еще большие потери, а главное, не достиг поставленной цели — к Варшаве не пробился. Но дивизии суждено было вынести еще один удар, как бы вычеркивающий признание всей доблести и жертвенности Кавказских Гренадер и других частей корпуса в ноябрьских боях: Командующий 1 армией Ген. Литвинов отрешил Ген.-Адъютанта Мищенко от командования корпусом за "самоуправное распоряжение армейским резервом (частями Сибирского к-са)", которому Г.-Ад. Мищенко предложил, развернувшись, прикрыть отдох II Кавк. к-са к Сохачеву и далее за Бзуру.

Ген.-Ад. Мищенко скоро был реабилитирован и получил XXXI арм. корпус.

Немного позже и доблестные полки нашей дивизии получили высокое моральное удовлетворение в той исключительно редкой оценке боевой деятельности корпуса в ноябрьских боях, на фронте Илов—Лович, которую дал Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич. На запрос Государя Императора о причинах таких огромных потерь в полках Кавказской Гренадерской дивизии, в Штабе дивизии, через Штаб корпуса, была получена телеграмма Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего следующего содержания (цитирую по памяти, но за точность смысла ручаюсь): "По приказанию Его Императорского Высочества Верховного Главнокомандующего сообщаю для сведения всех вверенных Вам частей копию телеграммы Его Императорского Высочества Государю Императору о причинах очень больших потерь в полках Кавказской Гренадерской дивизии: *"Чтобы остановить наступление превосходных сил немцев и преградить им путь к Варшаве мне надо было 3 корпуса, но я их не имел и выдвинул II Кавказский корпус, боеспособность которого равна трем корпусам. Корпус хотя и понес тяжелые потери, но задачу выполнил доблестно".*

Несмотря на тяжкое потрясение Кавк. Грен. дивизии в ноябрьских боях, несмотря на огромные потери без внешне видимых блестящих результатов, наконец, несмотря на как бы осуждение боевой работы Командующим 1 армией (отрешение Командира корпуса от командования), и Высшее командование и сама армия признала боевые заслуги и блистательную боеспособность полков Кавказской Гренадерской див., что и сказалось в некоторых эпизодах последующей боевой деятельности этих полков, когда их привлекали для выполнения ответственных задач иногда даже на чужих боевых участках (Камион, Прасныш, Влодава, Вильно)"*).

30 ноября: Остатки полка собрались в гор. Сохачеве. Подсчита-

---

*) Генер. Шт. Капитан Булгаков.

лись. Из состава всех рот была сформирована одна сводная рота численностью в 180 штыков; кроме того уцелела 12 рота, бывшая в прикрытии артиллерии.

Затем, еще через несколько дней, уже во время стоянки на Бзуре, составилась ещё одна рота в 180 штыков из отставших, рассеявшихся и контуженных, вернувшихся в полк.

Нечего и говорить, что после восьмидневного чрезвычайного напряжения наступила реакция. Все оставшиеся в живых пребывали в угнетенном состоянии духа и всем казалось, что после такой встряски полку (и всей дивизии) дадут опомниться и вновь сформироваться. Но этого не случилось.

Остатки II Кав. арм. к-са были двинуты вдоль правого берега р. Бзуры и стали на позицию. У Г. дв. Брохова приказано было окопаться последним двум ротам Эриванцев. 3, 4 и 5 декабря шла изнурительная работа в грязи и слякоти. Падал мокрый снег.

СПИСОК № 7.

Г.г. офицерам участникам ночных атак на р. Бзуре у сел. Ленг, 6 и 9 декабря 1914 года.

№	Чин и фамилия	Должность	Примечания
		6-го декабря.	
1.	Капитан Сабель	К-р сводной роты	Руководитель атаки.
2.	Подпоруч. Агарунов	Мл. оф. сводной роты	
3.	Подпоруч. Пивоваров	К-р сводной роты 201-го Потийского полка	
		9-го декабря.	
1.	Полковн. кн. Макеев	К-р 202-го Горийского полка	Руководитель атаки.
2.	Подпоруч. Попов	К-р сводной роты Лейб-Эриванского полка	Контужен, остался в строю.
3.	Капитан Петров	К-р сводной роты Тифлисского грен. полка	
4.	Капитан Шавердов	К-р сводной роты Мингрельского грен. полка	Убит.
5.	236-й пех. Борисоглебский полк в полном составе.		

БОИ У ПЕРЕПРАВ ЧЕРЕЗ Р. БЗУРУ У Д. ЛЕНГ

6 декабря немцы начали переправу на наш берег у деревушки Ленг по уцелевшим сваям уничтоженного моста. Положение было настолько серьезно, что было признано необходимым бросить в бой последние кадры.

Вечером был получен приказ: сводной роте Эриванцев под командой Капитана Сабеля и сводной роте 201 пех. Потийского п-ка под командой Подпоручика Пивоварова, атаковать переправившихся немцев.

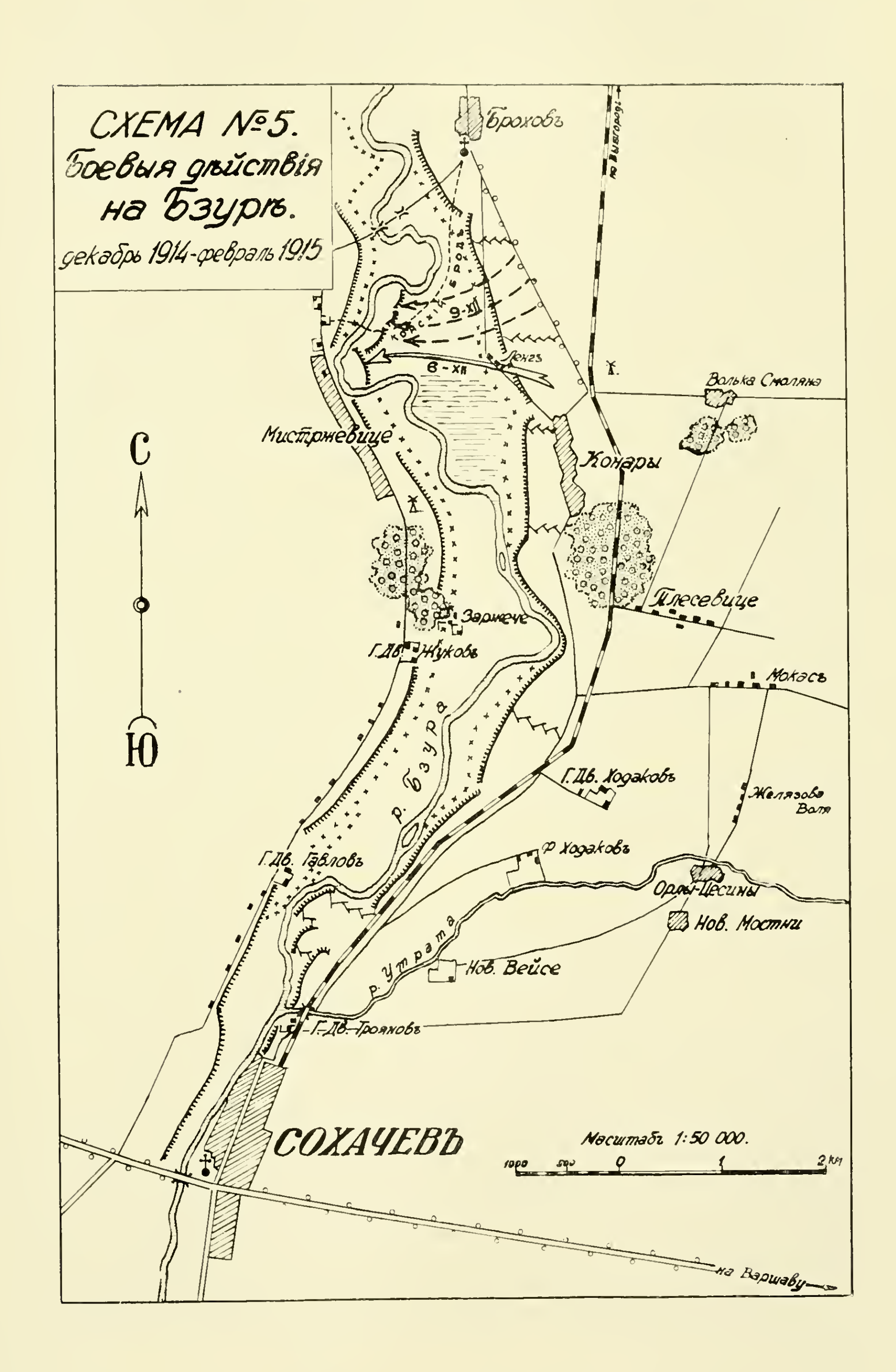

СХЕМА №5.
Боевыя дѣйствія на Бзурѣ.
декабрь 1914-февраль 1915
Броховъ
на Вышогродъ
9-XII
8-XII
Ленгъ
Волька Смоляна
Мистржевице
Конары
С
Ю
Плесевице
Заржече
Г.Дв. Жуковъ
Мокасъ
р. Бзура
Г.Дв. Ходаковъ
Желязова Воля
ф. Ходаковъ
Г.Дв. Павловъ
Орлы-Цесины
Нов. Мостни
р. Утрата
Нов. Вейсе
Г.Дв. Трояновъ
СОХАЧЕВЪ
Масштабъ 1:50 000.
1000
500
0
1
2 км
на Варшаву

Капитан Сабель, возглавивший обе роты, заняв исходное положение, лично повел роты в атаку. Обе роты стремительным ударом смяли немцев, частью перекололи, частью взяли в плен, а частью загнали в ледяную воду. (Выписка из журнала боевых действий 26 германск. резерв. пех. п-ка):

От 2 роты 26 рез. пех. герм. полка с приданным ей двумя взводами 6 и 7 рот вернулось на немецкий берег всего 46 человек.

НОЧНОЙ БОЙ 9-го ДЕКАБРЯ

Через 2 дня немцы переправились вновь на наш берег в версте ниже по течению р. Бзуры и уже более крупными силами.

В ночь с 8 на 9 декабря приказано было атаковать переправившихся немцев. Для атаки назначен был только что прибывший, вновь сформированный, 236 пех. Борисоглебский полк в полном составе, к которому были присоединены три сводных роты Кавказских гренадер: Эриванцев — под командой Подпоручика Попова, Тифлисцев — под командой Капитана Петрова и Мингрельцев — под командой Капитана Шавердова. Непосредственно атакой руководил Командир 202 Горийского полка Полковник кн. Макаев, а общее командование было возложено Начальником див. на Командира 2 бригады Ген. Бекова. Операция эта была проведена наспех, почти без подготовки.

Вот описание этого боя, заимствованное из книги участника боя Подпоручика К. Попова — *"Воспоминания Кавказского гренадера"*:

— "В 9 часов вечера мы тронулись и около 11 ч. ночи перешли окопы 202 пех. Горийского полка. В этом месте р. Бзура делала изгиб, исходящий в сторону немцев. Переправившись, немцы окопались, имея в плане вогнутое в нашу сторону начертание.

До немецких окопов было 1000-1200 шагов.

Местность, по которой нам предстояло атаковать, была ровной, как стол. В двух местах перед окопами должны были находиться болота, которые нам предстояло обойти. Вот что нам было сообщено перед атакой.

Сопровождали нас проводники-разведчики 202 Горийского полка. Перейдя через окопы Горийского полка, батальоны разошлись и заняли исходное положение перед атакой.

Я с ротой залег за II б-ном Борисоглебского полка, развернув свою роту в 9 и 10 линии, так как роты должны были атаковать цепями по полуротно.

Немцы, как бы чуяли нас и все время одиночные пули жужжали над нашими головами. Вдруг раздалась тихая, но внятная команда: "Вперед!" и роты, как один человек, поднялись. В этот же самый момент, как бы по наущению, немцы осветили нас брошенной ракетой. Я первый раз за войну стал свидетелем массового применения ракет и был страшно поражен их действием. Все поле мгновенно осветилось, как днем, несмотря на падавший снег и стоявший туман. Масса людей обрисовалась из тьмы и казалась какими-то привидениями. Но это был только момент. Вдруг все заговорило, все закипело... Частый ружейный огонь покрылся барабанной дробью пулеметов... С противоположного берега била немецкая артиллерия шрапнелью...

Невзирая ни на что, лавина людей бешенно ринулась вперед. Мы буквально летели, желая как можно скорей поглотить отделяющее нас от немцев расстояние. От взвивавшихся непрерывно ракет все время поддерживалось освещение и картина боя живет во мне и до сих пор так же ярко, как и в самый момент атаки.

Идя в 9 линии, я был заслонен от пуль непроницаемой стеной человеческих тел и около 3/4 пути мы неслись без потерь. Временами я оглядывался на бегущую за мной роту, видел ожесточенные лица, кричавшие "ура" и стальную стену штыков. Я крепко сжимал в руке "Наган" коченеющими от холода пальцами. По мере приближения к немецким окопам, с невероятной быстротой редела несущаяся впереди масса Борисоглебцев; уже сквозь просветы в их рядах я видел пламенные языки стрелявших пулеметов и линию немецких окопов, обозначавшуюся непрерывными взблестками ружейных выстрелов. От артиллерии мы не страдали, снаряды давали перелет и на них никто не обращал внимания. Вот уже предо мной нет никого из Борисоглебцев. До окопов самые пустяки... еще момент и мы ворвемся в них.. Взвившаяся ракета освещает влево от меня картину: кучка Борисоглебцев, человек в 50, в нерешительности остановилась у бруствера немецкого окопа. Вдруг кто-то с криком "ура" бросился вперед. Все сделали поступательное движение и пали, скошенные пулеметным огнем. Выдержка немцев была изумительная. Я оглянулся назад и к ужасу своему заметил, что со мной только один человек, стар. унт.-оф. Метанидзе. Нигде, ни вправо, ни влево, ни сзади никого не было — все лежало. Конечно, это не означало того, что все были убиты или ранены; с уверенностью могу сказать, что большинство залегло из страха, что всегда бывает при ночных атаках, когда ротному начальству не видны все люди и малодушные, пользуясь темнотой, залегают, думая этим спастись. Теперь и мне ничего не оставалось, как лечь. Немцы не прекращали огня. Лежа у бруствера немецкого окопа, я испытывал ощущение, будто мою голову бреют тупой бритвой. Немного вправо от меня жалил своим светящимся жалом пулемет. Ракеты падали непрерывно и приходилось лежать не шевелясь, чтобы не быть прикончонным. Пролежав таким образом минут десять, показавшимися вечностью, я стал на животе отползать назад...

Теперь картина переменилась. Все поле, за 10 минут перед этим завывавшее от воинственных криков и стрельбы, сейчас стонало. Стоны и крики надрывали душу и неслись из многих сотен уст. — "Братцы, помогите!", "Спасите!", "Не бросайте меня", — слышалось со всех сторон.

Временами слышались рыдания...

Снег все шел и закрывал понемногу лежащую массу людей белой пеленой, как саваном. О санитарной помощи нечего было и думать, немцы до утра поддерживали сильный огонь. Все, кто мог ползти или итти, постепенно уходили. Большинство же раненых лежало всю ночь и весь день и... неделю спустя, занимая бывшие окопы Горийского полка, я каждую ночь высылал людей подбирать трупы и складывать их в вырытую позади братскую могилу. Другие части делали то же самое. Теперь это было возможно. Немцы ушли за Бзуру, выг-

ванные нашей артиллерией на другой день после нашей неудачной атаки.

И только братская могила, насчитывавшая свыше тысячи трупов, свидетельствовала о побоище, здесь происшедшем.

В этой атаке роты гренадер потеряли от 2/3 до 3/4 своего состава. Капитан Мингрельского полка Шавердов был убит на бруствере окопа и тело его осталось у немцев".

Казалось все погибло и полку никогда уже не возродиться. И тем не менее полк возродился и возрождался за войну не раз, ибо в тяжелые для полка минуты слетались старые офицеры, возвращались израненные и оживляли полк своим духом, любовью и преданностью...

**
*

За описанные бои последовали следующие Георгиевские награды особенно отличившимся Г.г. офицерам:

Орден Св. Великомученика и победоносца Георгия 4-й степени: Подполковнику кн. Константину *Геловани,* за то, что в бою 25 ноября 1914 года у д.д. Баргово и Пржече под убийственным ружейным, орудийным и пулеметным огнем, атаковал прорвавшего наше расположение противника, опрокинул его и, заняв своими ротами прорыв, отразил все атаки противника и удержал окопы в своих руках. ("Русский Инвалид" № 154 от 14 июля 1915 г.).

Капитану Адальберту *Сабелю* за то, что 6 декабря 1914 года у с. Ленг, на восточном берегу р. Бзуры, командуя двумя ротами под сильным перекрестным огнем противника, лично повел роты в атаку на неприятельские окопы и штыковым ударом выбил неприятеля из окопов, занятых им на берегу р. Бзуры, переколов при этом до 50 человек и взяв в плен 18 нижн. чинов, чем вполне обеспечил левый фланг нашей позиции от дальнейших на него нападений со стороны противника. (Русский Инвалид" от 26 сентября 1915 года № 213).

Георгиевским оружием награждены:

Подполковник Лаврентий *Балуев,* за то, что в бою под д. Пржече 27 ноября 1914 г., командуя батальоном, отбил шесть повторных атак (в том числе две штыковых) противника на позицию его батальона между д.д. Ольшаны и Пржече, нанеся противнику большие потери и не уступив позиции; в критический момент боя, под губительным артиллерийским и ружейным огнем, за убылью офицеров, лично повел роту резерва в штыки и этим смелым движением вперед способствовал отбитию атаки противника, который при этом понес значительные потери. 28 ноября, во время штыковой атаки были ранен и выбыл из строя. ("Русский Инвалид" № 214 от 1915 г.).

Подпоручик Борис *Гаттенбергер,* за то, что в бою 28 ноября 1914 г. у д. Пржече, увидев, что немцы заходят во фланг соседней с ним роте, бросился на них с полуротой в штыки, но потеряв в этой штыковой атаке почти всех людей, принужден был с другой полуротой пробиваться через окружившего его численно превосходящего силами противника, что и выполнил и присоединился с уцелевшими людьми к полку. ("Русский Инвалид" № 214 от 1915 г.).

**
*

Заслуживает быть отмеченным бегство из плена кадрового ун.-оф. 5 роты Алексея *Поминова.* Будучи взят в плен 28 ноября 1914 года у д. Пржече, пробыл в плену у немцев до 1915 г. Во время работы по прокладке стратегических дорог в Сербии, Поминов сговорился с двумя товарищами (по плену) сибирскими стрелками бежать в Румынию. Румыния была в то время нейтральной. Им удалось пробраться к Дунаю у Прахова. Дождавшись темноты, все трое вошли в воду и поплыли. Всем, кто знает, что такое Дунай у Прахова, понятен тот риск, на который пошли эти доблестные солдаты. Долго они плыли, осторожно между собою перекликаясь, чтобы не потерять друг друга из виду... наконец, у самого берега противуположной стороны, оба стрелка утонули... стал тонуть и Поминов... и в этот момент ощутил под ногами дно...

Собрав последние силы, он с неимоверным трудом выкарабкался на берег и в бессознательном состоянии был подобран румынскими пограничниками.

В 1916 году вернулся в строй — в родной полк.

ПОЗИЦИОННАЯ ВОЙНА НА Р. БЗУРЕ
(С 3.12.14 по 26.2.15 года)

Восстановление полка.

Остатки полка после тяжелых ноябрьских боев были сосредоточены у дер. Смольная Волька. 3 декабря 1914 года в полку было всего две роты, одной из коих командовал Капитан Сабель, при мл. оф. Поручике Агарунове, а другой ротой Подпоручик Попов. 6 декабря рота Капитана Сабеля была брошена в атаку на переправившихся немцев у с. Ленг, о чем было сказано выше. После атаки рота была отведена в тыл и поставлена в прикрытие артиллерии. 9 декабря, в вышеуказанный район был подтянул 236 пех. Борисоглебский полк, только что сформированный и в боях еще не участвовавший. В этот же день пришло пополнение и для нас: маршевая рота в 250 человек без офицеров. Роты Сабеля и Попова были пополнены и, кроме того, была вновь сформирована третья рота, которую принял Подпоручик Гаттенбергер, оправившийся после легкого ранения, полученного 28 ноября.

Одна из этих трех рот, а именно рота Попова, в ту же ночь была брошена в атаку на переправившихся через р. Бзуру немцев, совместно с двумя ротами Кавказских Гренадер и Борисоглебским полком, в полном составе. Атака эта, как известно, успеха не имела и обескровленные роты отошли в исходное положение.

Однако, противник, оказавшийся на неудобной позиции в низине, в излучине р. Бзуры, под угрозой возможных новых атак и обстрелянный огнем нашей артиллерии, принужден был сам уйти обратно. Обе стороны перешли к обороне. Началось "сиденіе" на р. Бзуре.

11 декабря роты Гаттенбергера и Попова стали на позицию в версте к югу от Броховского костела, как раз против исходящей дуги р. Бзуры у переправы. Наши окопы были значительно удалены от реки, примерно на 500-600 шагов. Рядом с нами стояли, в таком же малочисленном составе, две роты Грузинцев, при одном пулемете. Капитан Грузинского полка Шаламов жил в землянке вместе с Подпоручиком Поповым. Землянка была без всяких удобств, наспех вырытая, где приходилось лежать на земле, а вместо двери служил сноп необмолоченной ржи.

На этой позиции, которую мы лихорадочно совершенствовали и днем и ночью, нам пришлось пережить обстрел 12-дюймовой гаубицы. Обстрел начинался ровно в 11 часов. Через каждые 15 минут, где-то далеко, за Мистржевицей раздавался глухой звук выстрела... и громадный снаряд, с наростающим скрежетом и рокотом, несся к нам, нагнетая воздух. Затем раздавался страшной силы взрыв. К небу

поднимался громадный черный смерч огня, дыма и мокрой земли, затем, несколько секунд спустя, на значительную площадь в окружности падал дождь грязи... Впечатление от самого взрыва, воронки и морального эффекта было потрясающее. Все живое буквально замирало в эти минуты.

Противник выпускал 5-6 снарядов и успокаивался. На донесения о том, что нас обстреливают какими-то необычайными снарядами, по всей вероятности 12 дм., никто не обращал внимания, пока Подпоручику Попову не удалось проследить место падения большого осколка, который пронесся над окопами со скрежетом трамвайного вагона и покатился по полю за окопами.

Его тотчас же принесли еще совершенно горячим. Это было днище снаряда. Осколок был передан нашим артиллеристам и они точно определили калибр: 12 дюймов!

"Северо-восточней фольварка Смольвая Волька (приблизительно в 1 версте) саперами была вырыта большая землянка-баня. Баня эта только что была закончена, никто в ней еще не успел выкупаться, как она была совершенно разрушена прямым попаданием такой 12-дюймовой бомбы" *).

Этот разрушительный обстрел продолжался 1½ недели, затем, вдруг, прекратился и, в дальнейшем, за всю войну, уже ни разу против нас не повторялся.

***

Роты Подпоручиков Гаттенбергера и Попова были первыми ротами полка, встретившими, первое за войну, Рождество Христово на позиции. Жена нашего Командира полка Елизавета Викторовна Мдивани была в этот священный вечер душою с нами. Все офицеры получили от нее специальные пакеты с разными вкусными вещами и по бутылке вина. Все были тронуты ее жестом, этой моральной педдержкой и никогда этого не забывали. В эти же дни II Кавк. арм. корпус, едва не был переброшен на Кавказский фронт. Сарыкамышская победа сделала эту трудную переброску ненужной. Наши Кавказские стрелки были уже погружены в эшелоны...

Простояв на позиции 16 дней, роты были, наконец, сменены и отведены в тыл. Тотчас же стали подходить пополнения и началось формирование новых и новых рот. Не было дня, чтобы не прибывал кто-нибудь из офицеров. За две недели стояния в резерве воскресли все четыре батальона.

Все это произошло как-то само собой и, когда пришла очередь полку становиться на позицию, то шли все 16 рот!

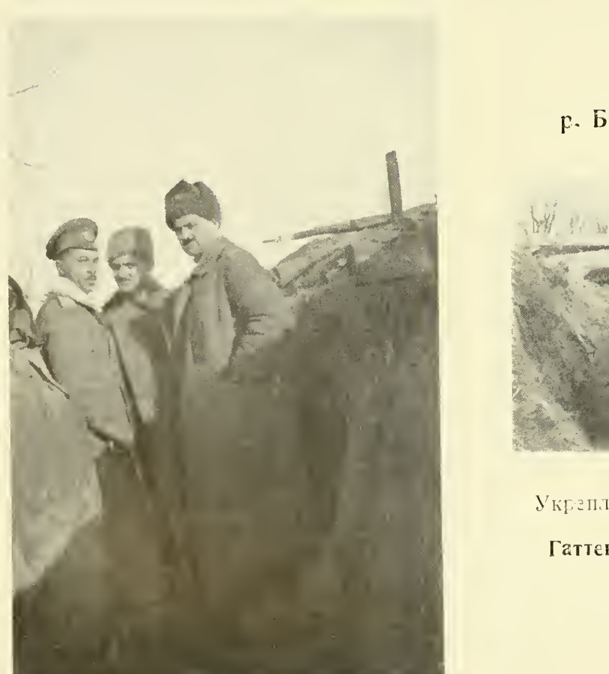
Об этом периоде войны сохранился интересный и неоценимый документ: — *Полевая Книжка* Шт.-Кап. Шидельского (к которой мы еще не раз вернемся), в которой все более или менее значительные эпизоды и переживания того времени нашли свое отражение. Поэтому достаточно сделать из нее соответствующие выдержки, чтобы общая картина давно минувших дней снова ожила.

"... 27.1.15. Вечером приезжаю в Варшаву (Шт.-Кап. Шидельский возвращался после ранения, полученного 23.9.14). Встречаю

---

*) Генер. Шт. Капитан Булгаков.

р. Бзура 1914 г. зима.

Шт.-кап. **Кн. Эристов,** подп. **Попов,** пор. кн. **Вачнадзе.**

Укрепленная позиция у кладбища г. Сохачева.
Гаттенбергер, Попов и **Жилин.**

Подпор. **Пивоваров** и его жена Д-р **В. А. Пивоварова.**

нескольких офицеров полка в гостинице "Бристоль". Там же живут жена нашего Командира Е. В. Мдивани, Ханша А. А. Сагнахская и кн. Н. В. Вачнадзе, жена командира нестроевой роты. О полке узнаю следующее: он опять развернулся и опять имеет четыре батальона и все 16 рот. В полк прибыли: б. офицеры полка Полковник К. Н. Тарасенков из Павловского военного училища и Поручик кн. А. М. Вачнадзе, брат нашего офицера, зачисленный снова в полк из отставки.

Командир I б-на Фл.-Ад. Подполковник Силаев I также вернулся в полк, но в Штабе полка снова заболел и, после освидетельствования комиссией врачей, снова эвакуировался. Теперь б-нами командуют: первым — Полковник Тарасенков, вторым — Капитан Сабель, третьим — Капитан кн. Геловани, четвертым — Капитан кн. Шервашидзе.

29.1.14 После полудня еду в полк. Сграшная распутица и грязь. Заезжаем в Штаб дивизии, там ужинаю. Поздно вечером прибываю в обоз 1-го разряда. Здесь ночую.

31.1.15. Утром рано, верхом, в сопровождение ординарца, еду на позицию. Прибыл в Штаб полка в 8 ч. утра. Все еще спят. Штаб полка расположен в лощине на мельнице (Ходаковская мельница), кругом лес. Проснувшийся Командир полка ласково меня встретил, расспрашивал о Петербургских новостях и о наших офицерах. Я был назначен командиром 14 роты, которой командовал зауряд Прапорщик Кисель, бывший до войны фельдфебелем 13 р.

Отправляюсь на позицию по лощине и дохожу до своей роты, которая расположена в резерве, на берегу речки Утрата, впадающей в Бзуру. Представляюсь командиру б-на Кап. кн. Шервашидзе и принимаю роту.

Весть о моем прибытии разнеслась по полку и меня ежеминутно зовут к телефону; расспросам нет конца. Так я постепенно вхожу в курс полковой жизни. Я снова среди своих; мало их, но все же соприкосновение со старыми приятелями и сослуживцами, делающими свое дело с любовью к родному полку, воодушевляет, затягивает и чувствуешь себя не одиноко, а в большой семье. Быстро знакомлюсь с обстановкой и с ротой, которая, за исключением 22 человек состоит из вновь прибывших в декабре пополнений. В роте 170 штыков. Прапорщик Кисель, еще с 1902 года мой старый сослуживец по 14 роте, симпатичный и уважаемый всеми бывш. сверхсрочнослужащий фельдфебель, теперь у меня в качестве младшего офицера.

Позиция наша идет вдоль правого берега р. Бзуры, то отступая от русла на 600-800 шагов, то прилегая вплотную к самой реке. То же самое и с немецкой стороны. Только в одном пункте, против г. дв. Гавлов, противников разделяет лишь ширина реки — 40 метров". Участок этот очень опасный, так как немцы установили в саду господского дома бомбомет и от времени до времени внезапно открывают огонь. Одним из прямых попаданий в окоп разорван в клочки часовой-наблюдатель и клочки его окровавленной одежды долго висели на близ растущих на берегу ивах. Наши разведчики, в отместку, переправились ночью на немецкий берег и забросали ручными гранатами сад г. дома, который, выходя к самой реке и будучи обнесен прочной каменной стеной, которую немцы усилили еще рядом фортификационных проспособлений, представлял собой солидный опорный пункт.

Жизнь в окопах идет однообразно и состит в постоянном совершенствовании нашей позиции как в смысле комфорта, так и в смысле начертания сети укреплений. Сотни тысяч мешков, наполненных землей, укрепляют бруствер; в каждой роте обязательно имеются несколько стальных щитов, которые, будучи вставлены в бойницы, уменьшают для часовых риск неослабного, непрерывного наблюдения за малейшим движением, или изменением на стороне противника. И, невзирая на это, каждый день гибнут часовые. И изо дня в день, хотя боев и нет, растет число крестов на кладбище у полкового околотка. В тыл к укрытым местам ведут многочисленные ходы сообщений, так что кухни, например, могли бы подъезжать и днем, но по установившемуся порядку вещей, кухни подходят с наступлением темноты.

Приходят и денщики и приносят обед, а главное почту и все новости. Простоит полк две недели на позиции и вдруг по телефону из Штаба полка передают: "вечером придет смена", — "такой-то полк"... и действительно, точно в указанный час, по окопам проходит какой-то шорох, вроде какого-то дуновения: смесь звуков от трения шинелей об стены ходов сообщения, шопота сотен голосов... и характерного лязга оружия и амуниции... Сменяющій офицер заходит в землянку офицера сдающего позицию и получает от последнего все нужные сведения, после чего сменившиеся инстинктивно стараются, как можно скорее, улетучиться. Так как редкая стрельба ведется с обеих сторон и днем и ночью, то обыкновенно, на пути в окопы и на пути в резерв, когда приходится проходить открытые места, части несут потери. Ни одна смена не обходится без потерь. За период позиционной войны мы несколько раз меняли места стоянок, принимая вверх по течению р. Бзуры от Брохова до гор. Сохачева. Когда уходили на отдых в ближайший тыл, нашими местами стоянок последовательно бывали: Волька-Смоляная (Смольная Волька), Мокас, Железова Воля — (где родился знаменитый Шопен) — и Орлы Цесины, где, при каждой из упомянутых деревень, был построен земляной городок для солдат.

Такое однообразие, как по расписанию, размеренной жизни и работы полков дивизии за время Бзурского сидения иногда нарушалось какими-либо событиями. Во время одной из стоянок на отдыхе, в с. Мокас, полк изволила посетить дочь Великого Князя Константина Константиновича Е. В. Княгиня Татьяна Константиновна. Командир корпуса Ген. Мехмандаров, в память этого события наградил Ее Высочество Георгиевской медалью (Мокас в сфере артиллерийского огня тяжелой полевой артиллерии). Впоследствии, этот жест встретил осуждение в письмах Государыни Императрицы, а Ген. Мехмандарову было указано, что Членов Императорской Фамилии может награждать лишь Государь Император.

"Другое событие, весьма характерное и имеющее большое значение, было уже *фактом открытого признания другими частями высокой боеспособности и боевых заслуг славных полков Кавказских гренадер.*

Правее нашего корпуса от Брохова до впадения р. Бзуры в Вислу, по Бзуре же, занимал позицию V Спб. к-с Ген. Воронова (бывшего нач. 51 пех. див.). У самого устья, на левом берегу, в излучине в сто-

рону наших позиций, находилась сильно укрепленная дер. Камион, фланкировавшая позиции V Сибир. к-са. Ее надо было взять у немцев. В этом корпусе, как и у нас, при относительно спокойном сидении на Бзурских позициях, были достаточные и дивизионные и корпусные резервы, размещенные за позициями. Ген. Воронов несколько раз пытался своими частями выбить немцев из Камиона, но удачи не имел и Камион продолжал висеть на его фланге. По соседству же стояли доблестные Кавказские Гренадеры. И, несмотря на наличие собственных резервов, он обратился к новому Командиру II Кавк. корпуса, Ген. Мехмандарову, с просьбой дать ему для атаки Камиона один из Гренадерских полков. Ген. Мехмандаров приказал находившийся в корпусном резерве 14 гренад. Грузинский полк немедленно командировать в распоряжение Ген. Воронова. Грузинцы, только что смененные на позиции Эриванцами, после мытья в бане, в этот день получили прививку оспы. Командир полка Полковник Кальницкий доложил об этом, указав, что многие гренадеры его после прививки — с температурой, и просил отложить выступление полка хоть на один день. Начальник Кавк. гренад. див., энергично поддержал Командира и лично разговаривал по телефону с Командиром к-са, но Ген. Мехмандаров, оставшись непреклонным, приказал его приказ выполнить немедля.

Я не помню точной даты, когда Грузинцы в свои славные лавры вплели "Камион", но помню с каким волнением переживал Штаб див выступление полка в ночную атаку, помню бессонную ночь эту и восторженную радость всех, когда получили сообщение о блестящем успехе Полк. Кальницкого.

Полк пришел к исходному положению для атаки. Полная темнота. Полк. Кальницкий, ориентировавшийся в этой темноте в обстановке и составив план внезапной атаки, дал батальонам задачи и направления. Без единого выстрела приблизившись к Камиону, полк под личным командованием Полк. Кальницкого, ринулся в атаку с охватом обоих флангов и, преодолев (без ножниц) проволочное заграждение, ворвался в Камион. Камион был взят. Захвачено что-то около 500 пленных. Камион был передан затем частям V Сиб. корпуса. Трофеи пошли тоже в V Сиб. корпус, а славные наши Кавк. гренадеры возвратились "во свояси" в распоряжение своей дивизии, принеся, кроме заслуженной Славы, только благодарность начальства. И долго потом добивался Командир полка и Штаб Кавк. гренад. дивизии о награждении гренадер Георгиевскими крестами, а представление Полковника Кальницкого к ордену Св. Георгия 4 ст. так и "затерялось".

На "Камионе" Кавказские гренадеры показали лишний раз, на какой высоте их доблесть и боеспособность" *).

Вернемся к "Полевой Книжке" Шт.-Кап. Шидельского.

..."Я обошел весь полковой участок от фланга до фланга, повидал всех и вернулся через 4½ часа. Бросилось мне в глаза общее прекрасное настроение. Пережитого будто бы и не было. 10.2.15. К нам прибыл офицер-кавалерист Корнет 2 Лейб-гусарского Павлоградского полка Фриммерман. На вопрос Командира полка: «Куда бы вы

*) Генер. Шт. Капитан Булгаков.

хотели быть назначены?" — попросил назначить его в Команду разведчиков. Впечатление произвел очень приятное. Заболел черной оспой Полк. Тарасенков. 1 б-н принял Капитан Лазарев.

12.2.15. Сегодня ночью сменили мы Грузинцев. Заняли свои старые места. Моя рота в резерве на прежнем участке. Прибыло в полк несколько офицеров по выздоровлении и несколько молодых прапорщиков. Сегодня днем, левее нашего расположения, слышна артиллерийская стрельба, похожая на раскаты грома. От телефонистов узнаю, что южнее — по р. Равке — противник начал обстрел наших позиций.

14.2.15. Вот уже два дня, как противник сильно атакует наши позиции на р. Равке. Атаку ведет густыми цепями, но наши стойко отбивают все атаки. Временами, артиллерийский огонь доходит там до страшного напряжения. Нам приказано усилить бдительность. Разведчики целые ночи проводят впереди, переправляясь и на лодках и по льду на неприятельский берег. Приказано добыть пленных. Очень часто это удается, но каждый раз и наши разведчики несут потери убитыми и ранеными.

16.2.15. Бой левее нас утих. Противник успеха не имел. Наши доблестные войска отстояли свои позиции.

17.2.15. В ночь с 16 на 17 февраля нас сменили опять Грузинцы. Полк отошел в свой земляной городок на отдых. Офицеры и Штаб полка разместились в уцелевших еще 3-4 халупах, гренадеры — по отлично оборудованным землянкам. Землянки рассчитаны на взвод и отлично замаскированы рассаженными вокруг соснами. В день смены была страшная распутица. Движение по пахоти представлялось абсолютно невозможным. Грунт вокруг нашего городка глинистый и грязь не так ощутительна. Сейчас приказано (после обеда) вместо отдыха, выйти на строевые занятия. 20.2.15 Ежедневные занятия утром и вечером. Кроме того усиленно заняты украшением нашего лагеря. Будто ожидается прибытие высшего начальства. Одним словом, — изматывание людей, больше ничего. При приближении неприятельского аэроплана приказано скрываться или в землянки или в лесу, если таковой близко. Пролетел аэроплан и мы снова маршируем или делаем ружейные приемы. 21.2.15. Тересин. Еще вечером из Штаба дивизии было получено приказание назначить две роты для усиления резерва Мингрельского полка. Резерв этот был расположен в д. Тересин. Назначены 14 и 16 роты. Я и Подпоручик Аборин. Выступив ночью, мы пробродили до 4 часов утра. Когда мы явились к Командиру Мингрельского полка, он был поражен, зачем мы прибыли, ибо он этого не требовал. Приказал, до особых приказаний, расположиться в вышеупомянутой деревне. 23.2.15. Вчера вечером Командир Мингрельского полка вызвал меня к себе и приказал сменить 2 роты его полка, стоявшие на позиции. Отправляемся по шоссе к Сохачеву. Нас встретили проводники и развели по участкам. Заняли мы позицию от г. дв. Гавлов (на неприятельской стороне) до кладбища гор. Сохачева включительно. 24.2.15. Спокойно. Противник лишь изредка посылает снаряды в Сохачев, когда наши гренадеры уж слишком нахально появляются на улицах. 25.2.15. Телефонисты передали, что ходят слухи о нашей смене. Еще вчера мне фельдфебель доложил, что

Бои у Прасныша.
1915 год.

2 б-н на выс. 172 в резерве в ожидании вызова. Впереди идет бой. Прап. **Жилин**, кап. **Пильберг**, вольноопределяющийся **М. С. Попов** и подпор. **К. С. Попов.**

Подпор. **Гаттенбергер**, капит. **Пильберг**, прапорщ. **Жилин** и прапорщ. **Гусаков.**

подошел Сибирский корпус и расположился в нашем тылу. Очевидно слухи основательны".

Ген. Шт. Капитан Булгаков так рисует сложившуюся в это время обстановку: "В феврале 1915 г. обстановка на театре военных действий, прилегающем к Восточной Пруссии, была крайне неблагоприятной. XX арм. к-с, сменивший наш к-с на Ангерапе, зимой был атакован немцами с охватом обоих флангов и с тяжелыми боями, в суровую зиму, по глубоким снегам отходил к границе; но только очень немногим удалось вырваться из почти полного окружения и пробраться к своей армии. Корпус (58, 28 и 29 пех. дивизии) почти полностью, вместе с Командиром корпуса, частью или попал в плен или был уничтожен. Используя этот успех, немцы бросили значительные силы с целью, наступлением в общем направлении на Прасныш-Новогеоргиевск, выйти в тыл Варшавы и всей группы русских войск, находившейся на левом берегу Вислы и защищавшей подступы к Варшаве. В феврале шли тяжелые бои севернее шоссе Прасныш-Млава и восточнее гор. Прасныша. Одновременно немцы вели упорные бои на Равке, видимо, с целью приковать возможно больше русских войск на левом берегу Вислы и не допустить переброски их в район главных операций на правом берегу Вислы. Хотя наступление немцев начало уже и захлебываться, однако, в районе Прасныша, переходившего несколько раз из рук в руки, немцы проявляли еще упорное стремление пробить русский фронт и добиться поставленной себе цели. На участке Чернице Борове (на Млавском шоссе) — Прасныш дрался I Сиб. корпус Ген. Плешкова, пытаясь своим наступленіем остановить и разбить немцев. Корпус продвинулся немного вперед, но наступление его захлебнулось. Западнее I Сибир. к-са дрался, выполняя ту же задачу, I Туркестанский к-с, а восточнее — XIX арм. корпус. В последних числах февраля наш II Кавк. арм. корпус был сменен на Бзуре, VI Сиб. корпусом и форсированными маршами, без дневок, был направлен проселочными дорогами на Новогеоргіевск и далее — частью по шоссе, частью проселками — через Пултуск-Маков к Праснышу. К 1 марта Кавк. Гренад. див. сосредоточилась в районѣ Чернице Борове-Хайново, откуда, сменив части I Сиб. к-са, и начались злосчастные бои, известные в полках дивизии под именем Праснышских".

Обратимся опять к "Полевой Книжке" Штабс-Капитана Шидельского:

"26.2.15. В ночь с 25 на 26 нас сменили Сибирские стрелки. Нам приказано собраться в д.ココ Тересин, где предполагается дневка. 27.2.15. *Крепость Новогеоргиевск. Немецкая колония Ленчин.* 4 часа дня, Устал, как собака. Вчера вечером в 8 часов полк, в составе бригады, выступил в неизвестном направлении. Ночь очень морозная, грязь подмерзла и затрудняет движение: больно итти, так как ноги то и дело попадают в колеи от прошедших впереди обозов или артиллерии. С рассветом ориентируемся. Оказывается движемся к району кр. Новогеоргіевск, к каковой и подшли в 12 ч. дня. Привал. Двигаемся дальше и в районе самой крепости располагаемся на ночлег в немецкой колонии Ленчин. Размещаемся в прекрасных чистеньких немецких домиках. Много отсталых, которые подтягиваются.

28.2.15. Лично я отдохнул отлично. Поздно вечером пришло при-

казание утром продолжать походное движение. Уже с 6 ч. утра стали мы выстраиваться на шоссе, обсаженном огромной величины тополями. Наконец двинулись. Переходим по жел.-дор. мосту через р. Нарев и долго идем проселочными дорогами. Наконец, вышли на шоссе и вот без передышки (с небольшими лишь остановками) идем уже 10 часов. Прошли городки Пултуск и Маков. По всему видно, что нас торопят, даже не дали большого привала и люди не обедали. По карте узнали наше направление: подходим к гор. Праснышу. Сейчас нас остановили в какой-то деревне. Ждем дальнейших указаний. Следуем дальше. До нашего слуха донеслась артиллерийская стрельба. Значит, до противника близко.

Г. дв. Хайново. Доканчиваю. Не доходя до Прасныша мы свернули влево на проселок, прошли мимо леса и уже вечером прибыли в д. Хайново, где и расположились на ночлег. Г.г. офицеры расположились в нескольких комнатах Госп. двора. Здесь же Штаб одного из Сибирских стр. полков. Сибиряки поражены, что полк наш прибыл в этот район. Прежде всего, это в сфере артиллерийского огня и противник даже шрапнелью обстреливает весь район. Но нам указан был этот пункт и переходить нельзя было никуда. За сегодняшний день мы совершили сорокаверстный переход. Отсталых считали сотнями. В моей роте не оказалось 40 гренадер; наверное ночью подойдут. Сибиряки говорят, что им приказано смениться и для этого то нас и привели сюда. Ложусь, чтобы отдохнуть, боюсь, что ночью нас потревожат. В комнате, где я обосновался, телефон Сибиряков. Они все время говорят с передовой линией и мешают спать"...

Прежде чем приступить к описанию боевых действий у д.д. Зберож и Павлово-Кастельно, необходимо также отметить очень важную перемену происшедшую во II Кавказском корпусе. А именно: 15 декабря, когда мы только что закрепились на р. Бзуре, наш корпус принял Ген.-Лейт. Мехмандаров. С его именем и будут связаны все дальнейшие боевые операции нашего корпуса, вплоть до апреля 1917 года, т. е., фактически, до конца войны.

Бывший Начальник Штаба нашего корпуса Ген. Шт. Ген.-Майор Федоров дает любопытную характеристику нашему новому начальнику: ..."Ген. Мехмандаров старый кавказец, обязанный своим повышением доблести 21 пех дивизии *) (которой он командовал в начале войны). Закавказский татарин. Лично храбрый, мало интеллигентный и мало образованный, чрезвычайно исполнительный и настойчивый, он не отличался гражданским мужеством и, в отличие от Ген. Мищенко, очень дорожил своей карьерой, часто впадал в угодливость, вместо добросовестности. Надо, однако, прибавить, что к ложным донесениям он никогда не прибегал"...

Генерального Штаба Полковник Булгаков, бывший Старшим Адъютантом Штаба дивизии в этот период, в своих воспоминаниях о Праснышских боях говорит: "Во время этих боев все части дивизии остро почувствовали замену Г.-Ад. Мищенко Генералом Мехмандаровым. Ген. Мехмандаров за все время боев ограничивался только

*) До назначения Начальником 21 п. дивизии, еще до мобилизации Ген. Мехмандаров занимал большую должность Инспектора артиллерии I Кавк. арм. корпуса.

передачей приказаний Штаба Армии и подхлестыванием дивизий, совершенно не входя и не оценивая той обстановки, в которой полки вели бой, и абсолютно не реагировал на разумные и обоснованные доклады и просьбы подчиненных ему Командиров частей. От Командира к-са только и слышались понукания *"вперед и вперед"* и, главное, — *"ни шага назад"*.

Я отлично помню один разговор по телефону Начальника дивизии Ген. Шатилова с Командиром корпуса, записанный потом в журнал военных действий Штаба дивизии. Ген. Шатилов, вызванный перед этим к телефону Командиром Эриванскаго полка Ген. Мдивани и, выслушав его доклад об обстановке, говорил Ген. Мехмандарову почти буквально следующее: "Ваше Высокопревосходительство" Только что говорил с Командиром Эриванского полка. Он докладывал, что сегодняшнее наступление захлебнулось. Люди залегли на открытых перед немцами скатах; окопаться нет никаких сил из-за замерзшего грунта. Люди все в обмерзшей грязи. Их шинели, во время наступления облипшие оттаявшей днем грязью, обмерзли и превратились в какие-то кринолины. Винтовки, забитые также обмерзшей грязью, стрелять не могут, это какие-то палки. При таком положении, если полк останется, как приказываете, на этих местах для дальнейшего наступления, завтра утром людей заберут, как куропаток или перебьют. Я прошу разрешения отвести полк на исходное (утреннее) положение, где имеются хоть какие-то окопчики". Ген. Мехмандаров ответил отказом.

Тогда Ген. Шатилов послал ему телеграмму, в которой, повторив все то, что он только что докладывал по телефону, добавил: *В виду такой обстановки я, принимая на себя ответственность, приказал Эриванскому полку отойти на исходное перед сегодняшним наступлением положение. Шатилов.* Минут через 20 после передачи этой телеграммы Начальник Штаба див. спросил по телефону у Начальника Штаба корпуса, какое последовало распоряжение К-ра корпуса. Ген. Федоров ответил: "Он очень обрадовался и в начале телеграммы написал: *Начальнику Штаба армии. Нач. Кавк. Гренад. дивизии доносит: а в конце телеграммы подписал свою фамилию.* Из Штаба армии пока молчат. Тем это дело и кончилось *).

СПИСОК № 8.

Г.г. офицерам участникам боев с 2 по 8 марта 1915 г. у деревень: Зберож, Павлово-Кастельно.

№	Чин и фамилия	Должность	Примечания
1.	Фл.-Ад. Полковн. Мдивани	Командир полка	Весь период.
2.	Полковник Шаншиев	Пом. к-ра полка	Весь период.
3.	Шт.-Кап. Шлиттер	Полковой адъютант	Весь период.
4.	Поручик Гвелесиани	Пом. полк. адъютанта	Весь период.
5.	Шт.-Кап. кн. Эристов	Н-к к-ды связи	Весь период.
6.	Прап. Мелик-Адамов	Мл. оф. к-ды связи	Весь период.

*) Генер. Шт. Капитан Булгаков.

№	Чин и фамилия	Должность	Примечания
7.	Корнет Фриммерман	Н-к к-ды разведчиков	15.III убит.
8.	Прап. Хан-Сагнахский	Мл. оф. к-ды разведчиков	Весь период.
9.	Поруч. кн. Шервашидзе	Н-к пулеметн. команды	4.III заболел.
10.	Кап. Лазарев	К-р I б-на	2.III ранен.
11.	Кап. Пильберг	К-р Е. В. роты	3.III принял I б-н.
12.	Прап. Гварамадзе	Мл. оф. Е. В. роты	4.III ранен.
13.	Прап. Татаров	К-р 2 роты	4.III ранен.
14.	Поруч. кн. Вачнадзе	К-р 3 роты	Весь период.
15.	Прап. Детинов	Мл. оф. 3 роты	4.III ранен.
16.	Поруч. Киншин	К-р 4 роты	Конт. остался в строю.
17.	Кап. Сабель	К-р II б-на	Весь период.
18.	Прап. Жилин	К-р 5 роты	Весь период.
19.	Подпор. Гаттенбергер	К-р 6 роты	Весь период.
20.	Прап. Гусаков	Мл. оф. 6 роты	6.III ранен.
21.	Поруч. Кандауров	К-р 7 роты	5.III контужен.
22.	Прап. Верещагин	Мл. оф. 7 роты	4.III ранен.
23.	Подпор. Попов	К-р 8 роты	Весь период.
24.	Кап. кн. Геловани	К-р III б-на	5.III ранен.
25.	Подпор. Космоненко	К-р 9 роты	4.III ранен.
26.	Шт.-Кап. Крупович	К-р 10 роты	4.III контуж. эвак.
27.	Шт.-Кап. Степанов	К-р 11 роты	Весь период.
28.	Поруч. Агарунов	К-р 12 роты	5.III ранен.
29.	Прап. Трусевич	Мл. оф. 12 роты	Весь период.
30.	Кап. кн. Шервашидзе	К-р IV б-на	Весь период.
31.	Поруч. Казумбеков	К-р 13 роты	Конт. остался в строю.
32.	Шт.-Кап. Шидельский	К-р 14 роты	15.III контуж. эвак.
33.	Прап. Кисель	Мл. Оф. 14 роты	6.III ранен.
34.	Кап. Погорелов	К-р 15 роты	Весь период.
35.	Прап. Гавриленко	Мл. оф. 15 роты.	5.III заболел.
36.	Подпор. Оборин	К-р 16 роты	Весь период.
37.	Прап. Ростомов	Мл. оф. 16 роты.	4.III ранен.

БОИ У Д.Д. ЗБЕРОЖ—ПАВЛОВО—КАСТЕЛЬНО 2-8 марта 1915 ггода.

Бои у д.д. Зберож—Павлово—Кастельно, по обстановке, в которой они протекали, самые трудные и безнадежные бои за всю боевую страду Лейб-Эриванцев.

В свое время (в 1925 году) в *"Воспоминаніях Кавказского Гренадера"*, участник этих боев, б. офицер II б-на Шт.Кап. Попов дал схематическую картину этих боев. Сейчас в руках комиссии имеются записи по дням, и даже по часам, всех боевых перипетий тех дней в записи Шт.-Кап. Шидельского — офицера IV б-на.

Записи эти настолько точно передают общую картину всех боевых операций, что вполне достаточно сделать из его *"Полевой Книжки"* пространные выписки (без комментарий), чтобы одна из мрачных картин войны, ожила во всей своей силе.

..."1.3.15. Ночь прошла спокойно. Утром выяснилось, что мы попали не в ту деревню, где предполагалась наша ночевка. Командир полка, послав соответствующее донесение, просил разрешения не делать перемещения днем, ввиду того, что наша деревня и шоссе, по которому нам предстояло двигаться, были на виду у неприятеля и в сфере его артиллерийского огня. Еще с утра, было строго воспрещено собираться на улицах и бродить по деревне.

От Начальника див. пришло разрешение остаться нам на месте до сумерек, а затем перейти в д. Чернице-Борове, где находился и Штаб нашей дивизии. Как бы в подтверждение правильности принятого решения, около 2 часов дня, совершенно неожиданно артиллерия противника открыла огонь по нашей деревне и по району южнее ее, причем огонь большого напряжения. В скорости пришло и объяснение этого обстрела: как оказалось, две роты Потийского полка, под командой Шт.-Кап. Джапаридзе, посланные в прикрытие артиллерии, в поисках ее, появились на открытом месте, были сильно обстреляны и, рассыпавшись, бегом добежали до д. Хайново, после чего стрельба прекратилась.

Для нашего полка этот обстрел не прошел бесследно: одним из осколков снаряда, разорвавшегося в саду Госп. дома, был ранен К-р I б-на Капитан Лазарев. Б-н принял командир 15 роты Капитан Погорелов.

Вечер. Чернице-Борове. Около 5 ч. вечера полк, приняв все предосторожности, построился в д. Хайново и, как только стемнело, вытянулся по шоссе и после 1½ час. перехода прибыл в Чернице-Борове и разместился по хатам большой деревни. В этой же деревне должен был разместиться и Грузинский полк. 2.3.15. Ночь прошла спокойно. Поздно ночью пришло приказание начать переход в лес, что к северу от нашей деревни, а затем атаковать противника. В развитие этого приказания Командир полка приказал I и II б-нам начать переход в указанный лес, пройдя его, сменить Сибирских стрелков и ждать дальнейших приказаний. За I и II б-нами следовать III и IV.

В 7 ч. двинулись I и II б-ны. Ожидаем, когда они скроются в лесу. В 9 ч. трогаемся и мы. Мой IV б-н занял исходное положение в лесу, став фронтом на д. Збереж.

Левее нас I б-н. II и III в резерве в лесу. Должен вспомнить о той ужасной грязи, которую нам пришлось преодолеть при переходе из деревни в лес; так как б-ны следовали в лес, разведя роты и взводы по правилам Устава, то, естественно, ротам пришлось двигаться по пахоти. Лишь солнце обогрело землю, как верхний ее слой обратился в липкую грязь. Люди скользили и едва-едва вытягивали ноги. Сравнительно небольшое расстояние до леса в 1¼ в. мы прошли цепями в час с четвертью.

Сосредоточившись в лесу, мы получили приказание рыть окопы. Между тем I б-ну было приказано, из занятых окопов на опушке леса, перейти в наступление между д.д. Збереж и Павлово-Кастельно. Начались перебежки с накапливанием. Противник открыл слабую стрельбу и наш I б-н, почти без потерь, продвинулся к ручью между указанными деревнями и окопавшись, остался здесь до темноты. Левее I б-на у д. Павлово—Кастельно были части I Туркестанского Корпуса.

"9.3.15. Позиция у д. Збереж. Землянка. Утро. Взошло солнце. Сегодня, после недельного перерыва, могу восстановить в памяти все, что было в нашем родном полку за этот семидневный промежуток. Вчера 8-III денщик мой принес мне мою записную книжку, которую я ему передал еще 2 марта вечером, когда стало известно о предстоящем наступлении, из боязни, что она может со мною погибнуть. За эти дни

много пережито. Много непонятного. Борьба с противником и борьба с природой.

Вечером 2 марта было получено приказание: 3 марта утром перейти в решительное наступление на фронте нашего и Мингрельского полков (Мингрельцы были справа от нас). Для удлинения фронта атаки, из резерва был выдвинут наш IV б-н.

В 11 часов ночи мы вышли из леса и спутились в дер. Зберож. В деревне мы долго стояли, ожидая дальнейших приказаний и, наконец, почти перед самым рассветом, командир б-на приказал занять тремя ротами (справа налево — 15, 14 и 16) участок к северо-западу от д. Зберож. Пока расходились роты и устанавливалась связь, роты начали окапываться, но благодаря очень морозной ночи работа шла крайне медленно, так как земля не поддавалась малой шанцевой лопате. Тем временем стало рассветать. Противник тотчас же нас заметил и открыл ружейный огонь. Обстановка создалась следующая: 15 рота заняла позицию севернее д. Зберож и расположена была фронтом к противнику, окопы которого были шагах в 600-700. 14 и 16 роты, занявшие западную окраину, оказались расположенными флангом к противнику и фронтом на правый фланг нашего б-на. Создалось ненормальное положение. Пришлось переменять фронт. В это время I б-н перешел в наступление, перебегая от ручья Вениерка вперед. Под сильным ружейным огнем противника начали перебежки 16 и 14 роты; 15 рота прикрывала наше передвижение своим огнем. С потерею 7 убитых и 20 раненых указанным ротам удалось продвинуться вперед, войдя в непосредственную связь с I б-ном, и продвинуться еще вперед шагов на сто. Дальнейшее продвижение было остановлено пулеметным и ружейным огнем противника и батальоны залегли, оказавшись в разных расстояниях от окопов противника — от 500 до 400 шагов.

Здесь приступили к самоокапыванию. С каким трудом это делалось, описать трудно. Поддавался лопате только верхний тонкий слой, дальше была твердая, как камень, мерзлая земля на аршин. В ход пускалось все, что было подходящего под рукой, вплоть до штыков, но безрезультатно.

Часам к восьми, когда фронт I и IV б-нов выравнялся, артиллерия противника открыла огонь, но не могла нанести нам большого вреда, так как мы находились в мертвом пространстве. Окопы противника были значительно выше нашего расположения, они были хорошо выбраны, обнесены проволочным заграждением в несколько рядов и представляли трудно одолимое препятствие.

Взять их открытой силой было невозможно, наша же артиллерия, ставшая на позицию в ночь с 2 на 3 марта, еще не освоилась с местностью и стреляла куда-то в тыл немцам.

В дер. Зберож находилась в резерве 13 рота и часть пулеметной команды нашего полка. Как только там замечалось движение, немцы сейчас же начинали обстрел этой деревни. Так в 11 ч. дня один из пущенных снарядов влетел в открытые ворота амбара, в котором находилась пулеметная команда и там разорвался. Моментально амбар загорелся и пожар стал распространяться от амбара к хатам, запы-

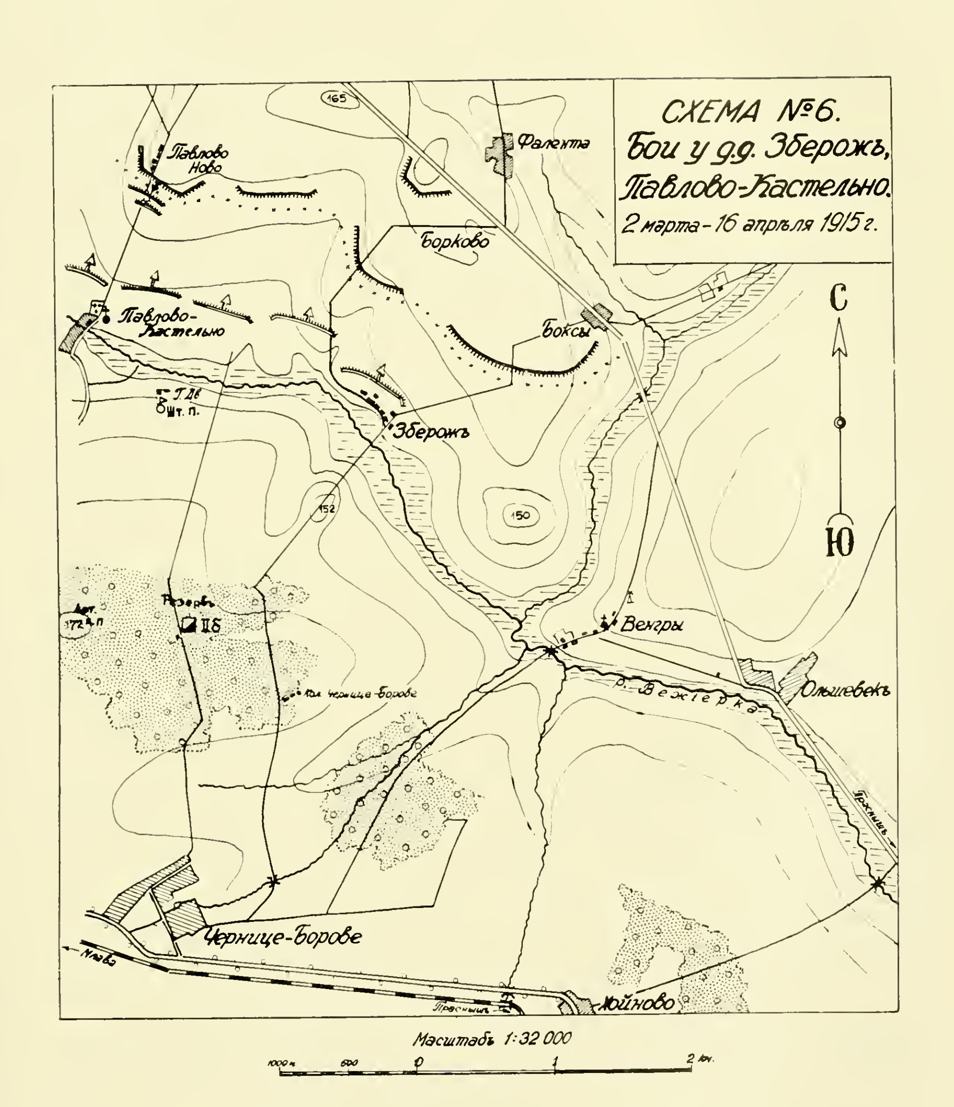

СХЕМА №6.
Бои у д.д. Зберожъ, Павлово-Кастельно.
2 марта - 16 апрѣля 1915 г.
165
Павлово Ново
Фалента
Борково
Павлово-Кастелью
Боксы
Т. Дв
Шт. п.
Зберожъ
152
150
С
Ю
Резервъ
Арт.
172
II б
Венгры
р. Вежiерка
Ольшевекъ
Черницe-Борове
Юйново
Масштабъ 1:32 000
1000 м
500
0
1
2 км.

лала вся деревня, а часа через два от деревни ничего не осталось, кроме пепла и торчащих дымовых труб.

13 рота и пулеметчики разбежались, ища спасения за деревьями у крутого берега ручья, протекавшего у д. Зберож. До вечера мы оставались на занятых позициях и ждали темноты, чтобы лучше устроиться. В то время, когда утром наши I и IV б-ны перешли в наступление, наш III б-н из леса тоже перешел в наступление, перебегая и накапливаясь у южной окраины восточной части д. Зберож (которая тогда еще не выгорела) и занял старые окопы Сибирских стрелков.

Наступление этого б-на происходило под огнем немецкой артиллерии, но это не остановило наступления. II же б-н остался в лесу и составлял полковой резерв. Там же, в лесу, обосновался и наш Штаб полка. С наступлением темноты наш III б-н был выведен вперед и занял позицию правее IV б-на, войдя в связь с соседями справа — Мингрельским полком. В этот день, где-то правее, слышна была сильная артиллерийская канонада; видно, что там шел жаркий бой. Темнота дала возможность привести себя в порядок, утолить голод и приступить к окопным работам. Ночь стояла морозная, оставаться без движения нельзя, начинали мерзнуть конечности. Поэтому только и оставалось: окапываться и окапываться. К нам протянули телефоны. Ночь прошла спокойно. Немцы бодрствуют. Слышно, как они укрепляются и целую ночь пускают светящиеся ракеты. Потери в полку в этот день были незначительны: по словам адъютанта они не превышали 300 человек. Выбыл из строя (заболел) К-р б-на Кап. кн. Шервашидзе и я вступил в командование IV б-ном. Ночью получен приказ; он состоял в следующем: с утра перейти в энергичное наступление на фронте нашего полка. Ночью должны были подойти Грузинские гренадеры и на участке III б-на повести наступление.

Два б-на Грузинцев, еще ночью, сосредоточились позади нашего III б-на в окопах у восточной части д. Зберож, другие два б-на Грузинцев должны были из леса перейти на место продвинувшихся вперед передовых б-нов.

4.3.15. Первые проблески утреннего рассвета и где-то вправо поднялась стрельба; постепенно она переносится и на наше расположение. Заговорила артиллерия. Наши орудия открыли залповую стрельбу куда-то, по немецким тылам, а не по участку, избранному для атаки. Грузинцы стали перебегать из д. Зберож в окопы нашего II б-на, а другие б-ны из леса в дер. Зберож. Немецкая артиллерия открыла интенсивный огонь и здесь был тяжело ранен Командир Грузинского полка Ген. Шт. Полковник М. Н. Кальницкий. Полк принял Полк. кн. Мачабели.

Около 8 ч. закончилось сосредоточение Грузинцев, о чем сообщено в Штаб дивизии; оттуда последовало распоряжение — ровно в 8 ч. начать наступление. В указанное время Грузинские б-ны пошли в атаку. Вышли и мы и бегом двинулись вперед.

Не прошли мы и нескольких десятков шагов, как противник открыл страшной силы губительный огонь, но мало кто обращал на это внимание и на разных участках ротам удалось продвинуться от 100 до 300 шагов. Но до противника было еще далеко и он сидел за проволочным, в несколько рядов, заграждением. Грузинцам удалось дой-

ти до проволочного заграждения, но проволока была цела (ножниц для резки проволоки у нас не было), а наша артиллерия в это время забрасывала снарядами тыл противника. Преодолеть это препятствие человеческой силе было невозможно и Грузинцы залегли у проволоки противника. Атака кончилась неудачей" *).

..."Чуть забрезжил рассвет", — вспоминает Подпоручик Попов, находившийся с 8 ротой в полковом резерве в составе II б-на, — "мы, офицеры II б-на: Капитан Сабель, Капитан Пильберг, Прапорщик Жилин, Подпоручик Гаттенбергер, Н-к Пул. к-ды Поручик кн. Шервашидзе, я и мой брат (вольноопределяющийся Попов), зная, что наши и Грузинцы сейчас двинутся в атаку, вышли на опушку леса с биноклями в руках и, с замиранием сердца обвели взором предстоящее поле боя. Все было бело. Это не был снег, а была сильная утренняя заморозка. С нашего наблюдательного пункта, с опушки леса, вся панорама предстоящего боя была также хорошо видна, как из лож бель-этажа в театре бывает видна сцена. Вдруг мы все сразу встрепенулись и вскинули бинокли. Внизу у д. Зберож, где ничего не было заметно, сразу все зашевелилось; наши части поднялись и пошли в атаку. Масса людей, в несколько линий, цепями поползла вверх на немецкие окопы. Немецких окопов еще не видно: они где-то на скатах бугров и хорошо замаскированы. Прошло несколько секунд, показавшихся часами, как сразу вспыхнул ружейный огонь и в утреннем морозном воздухе, линией блестящих звездочек — ружейных выстрелов, обозначились немецкие окопы. Еще несколько секунд... и то там, то сям, по обозначившейся линии огня, засветились жалящие языки открывших огонь пулеметов. Та!.. та, та, та!.. раз, два, три, пять, шесть, восемь... От волнения теряем счет, перебиваем друг друга, показываем друг другу все вновь и вновь загорающиеся жалящие языки... Казалось бы, такая цель, как пулеметы, обнаружившие себя на фоне темного леса яркими огнями, должны были быть видны нашими артиллеристами так же, как и нам? Тем не менее, ни одного снаряда! — "Где их наблюдатели?" — возмущаются все офицеры хором. "Артиллерийская поддержка! — слышатся иронические восклицания. — "Опять то же, что было под Сувалками!" — «Еще до сих пор воевать не научились!" "Нет наблюдения за полем боя!"... — "И нет психологической связи между артиллерией и своей пехотой", — серьезно сказал Кап. Пильберг и, повернувшись, ушел вглубь леса.

Будь здесь в этот момент кто-нибудь из наших артиллеристов, произошел бы грандиозный скандал. В помощь атакующим ни одного снаряда! Ни по пулеметам, ни по окопам... Возмущению нашему нет границ; кажется, сама душа готова выскочить из груди в знак протеста"...

В атаке время исчисляется единицами минут: артиллерийской помощи нет, колючая проволока нетронутых заграждений цела и люди, в отчаянии, ложатся в грязь... Появляются первые посылки. Мимо нас несут тяжело раненого в грудь навылет (бывшего полкового знаменщика) Прапорщика Татарова; затем несут Грузинца Поручика Кавелина, смертельно раненого в живот. Вереницей тянутся раненые, поддерживая друг друга. Вид раненых неописуемый. Промокшие в

*) Штабс-Кап. Шидельский.

грязи и затем замерзшие шинели обратились в кору, по которой яркими пятнами застыла кровь. Винтовки, облепленные грязью, обращены морозом в дубины. Мы сразу поняли без слов, что из атаки ничего не выйдет.

И, вдруг, в эту ужасную картину полной безнадежности внезапно врывается траги-комический элемент: Поручик кн. Шервашидзе остановил одного раненого грузина, своего соотечественника, и спросил его что-то по-грузински. Как он нам перевел, он пристыдил гренадера, выразив удивление, как это они не смогли взять немецкой позиции. Видно было, что гренадера (за эти дни немало натерпевшегося) этот упрек задел, он что-то горячо стал отвечать по-грузински и в заключение со слезами на глазах, как бы ища сочувствия у остальных офицеров, с каким-то неизъяснимо безнадежным жестом, сказал по-русски, обращаясь ко всей группе: "Нэвазможна взять! Пилемот кругом сипает!"...

Эта фраза: "пилемот кругом сипает", с этого момента, стала в полку "исторической" и потом уже сами офицеры, когда начинались "боевые рассказы", пулеметный огонь обозначался в них не иначе, как "пилемот кругом сипает", и неизменно это выражение имело успех и вызывало улыбки"... *).

Тем временем, попытки взять немецкую позицию продолжаются. Стало светло и уже не видно больше мест пулеметных гнезд, хотя пулеметы строчат во всю... При дневном свете огонь выстрелов уже незаметен... Важный момент — упущен навсегда.

..."Лежа в луже", — записывает Шт.-Кап. Шидельский, — "имея перед собой кочку, я мог наблюдать все поле и видеть, как немцы, выйдя из окопов, приказывали Грузинцам бросать винтовки и сдаваться, что тем пришлось исполнить (по существу же это были самые храбрые солдаты, оказавшиеся в наступлении впереди всех остальных. Ред. Ком.), так как иначе им грозил форменный расстрел. Позже, чтобы прекратить нахальство немцев, их загнала в окопы наша артиллерия пущенными несколькими снарядами. Снаряды удачно рвались в окопах противника, но теперь это было поздно.

Вечером, вернувшись в свои первоначальные окопы, я узнал от телефониста, что в тот момент, когда мы перешли в атаку, с артиллерийского наблюдательного пункта (находившегося на выс. 172. Ред. Ком.) было передано, что противник отходит, что его артиллерия ускакала, преследуемая нашим огнем. Под влиянием этих сведений, Командир III б-на Кап. кн. Геловани смело вышел из закрытия и пошел вперед к своему б-ну. Его величественная фигура, в огромной папахе и бурке, привлекла внимание немцев и одной из ружейных пуль он был тяжело ранен в руку. До темноты, все живое лежало и устраивало себе прикрытие. Раненые, кто был в силах, ползли обратно в свои окопы. К 9¼ часам вечера, водворилась полная тишина. Через людей передано голосом приказание отойти в свои основные окопы. Пользуясь темнотой возвращаемся обратно и постепенно жизнь начинает бить ключем: опять подъехали к д. Зберож кухни, пришли денщики и принесли обед и все новости тыла. Но кончился обед, ушли денщики и началась опять боевая страда.

---

*) Шт.-Кап. Попов.

Вместо секретов, вперед выслано сторожевое охранение; часть людей идет выносить убитых; остальные опять роются в мерзлой земле. Как и вчера, моя рота понесла значительные потери. Убито и ранено 35 человек. От полкового адъютанта узнаю, что в этот день через наш перевязочный пункт в д. Чернице-Борове прошло 400 с лишним человек, которые еще не были подсчитаны.

Наша вторая бригада, особенно Мингрельский полк, пострадала сильнее нас. Немцы всю ночь бодрствуют, беспрерывно бросая светящиеся ракеты; мы же за полгода войны ничего подобного не придумали и наш фронт, погруженный в полную темноту, как бы гордился «грозною неизвестностью".

5.3.15. Ночь прошла спокойно. Заговорила наша артиллерия. Снаряды полетели через наши головы... Куда и зачем? Интересуюсь и запрашиваю Штаб полка по телефону. Оказывается, это подготовка к новой атаке, которую настаивают произвести из Штаба корпуса. Из дальнейшего разговора узнаю, что вправо от нас сосредоточены где-то у Прасныша значительные силы, которые стремятся прорвать фронт противника и там идут жестокие бои, начиная с 2 марта; но пока-что существенного успеха нет. На вопрос, какую задачу мы выполняем, получаю ответ: демонстрируем! Между тем, наша артиллерия, постреляв минут двадцать, прекратила огонь.

Наш Командир полка потребовал к телефону всех к-ов б-нов и тех из ротных командиров, у которых был телефон и передал следующее: "Начавшийся бой под Праснышем для прорыва Германского фронта окончился неудачей. Командующий Армией приказал, сегодня, после усиленной артиллерийской подготовки, перейти ударной группе в атаку. На участке соседних корпусов произвести демонстрацию. На фронте нашего корпуса выбран наш полк, как менее пострадавший и имеющий в резерве нетронутый II б-н. Во исполнение чего приказываю — в 8½ часов, после артиллерийской подготовки, перейти в наступление. Приготовиться и пр."...

Делаем соответствующие распоряжения и ждем условленнаго часа. Сейчас 8¼. Открывает огонь наша артиллерия... И, о ужас, несмотря на нашу просьбу бить только по окопам, опять снаряды полетели куда-то в тыл. Запрашиваю офицера связи Шт.-Кап. кн. Эристова, что это значит? Отвечает: приказано обстреливать тыл, чтобы не подошли резервы.

Распоряжается артиллерией Штаб дивизии. Будем еще раз просить обстреливать окопы противника.

"Штаб дивизии получал и прямые распоряжения Командира корпуса, какие цели должна обстрелять дивизионная артиллерия. И всегда в этих распоряжениях была предвзятая идея — не допустить подход подкреплений к передовым, якобы слабым линиям противника" *).Наш разговор был прерван приказанием: перейти в наступление. Раздались команды и из всех частей окопов начали выходить гренадеры и все пространство между окопами покрылось бегущими вперед людьми. Но затарахтели пулеметы и все залегло. Чуть огонь ослабел, снова зашевелились люди; опять команда *"вперед"*, опять бежим вперед и опять ложимся. Но до окопов противника еще далеко:

*) Ген. Шт. Кап. Булгаков.

200-400 шагов, а впереди еще ровный ряд кольев густых проволочных заграждений... Но почему-то противник, вдруг, прекратил огонь? Смотрю и что же вижу? Немцы повылезали из окопов, хлопают в ладоши и зовут нас двигаться вперед (так было на участке моей и 16 роты). Никто из нас не шевельнулся, но такая неожиданность просто озадачила. Наши потуги на атаку были смешны сидящему за проволокой противнику. По всему видно, что мы выдохлись и противник на нас смотрит как на людей, не понимающих что они делают, а потому им ясно, что бояться нас не приходится... и даже можно откровенно посмеяться.

Желанная темнота спустилась на землю и мы побрели обратно в свои окопы. Вернувшись, бросаюсь к телефону. Узнаю от к-ров соседних б-нов, что у них происходило совершенно то же самое. Общее возмущение. Бранят распоряжения об артиллерийской подготовке, возмущаются полным непониманием, как можно жиденькими цепями предпринять демонстрацию а, главное, ожидать от него каких-то успехов. Между тем, из дивизии все время звонили: атаковать, атаковать. Корпус приказывал. Армия нажимала. Через перевязочный пункт прошло еще 250 чел. раненых.

6.3.15. Ночь прошла спокойно. Немцы, как и в прошлые ночи насторожe: слышны голоса, звуки от ударов мотыг и лопат и непрерывно летят ракеты.

Рано утром из Штаба передано по телефону — "быть наготове". Возможно, что последует новое приказание атаковать.

Тишина и спокойствие. Солнышко ярко светит и пар поднимается с оттаивающей земли... Вдруг около 8 часов, как взбесившиеся, наши батареи открывают огонь и снаряды целыми очередями несутся над нашими головами. Все бросились смотреть на окопы противника, будучи уверены, что хоть на этот раз снаряды разорвутся в районе окопов противника. Нас ждало полное разочарование: снаряды все летели и где-то в тылу слышны были их разрывы. Ровно в 8 часов Командир полка потребовал всех к-ров б-нов к телефону и сообщил приказание: "атаковать, как только наша артиллерия прекратит огонь". "Слушаюсь!". Через некоторое время артиллерийский огонь был прекращен и... атака отбита.

Весь этот день, до самого вечера, роем сплошные окопы, улучшаем их, связываемся с соседними участками. Моя 14 рота имеет общий окоп с 16 ротой, влево от которой расположена 4 рота. Вправо от меня, в расстоянии 150 шагов, начинается окоп 13 роты, а за ней окопы 15 роты. Образовавшийся промежуток произошел из-за естественного препятствия: здесь было топкое место, вследствие чего окопы моей роты, прилегавшие к этому участку, полны водой и гренадеры принуждены все время вычерпывать воду.

После 3 часов дня, немецкая артиллерия обстреливает тяжелыми снарядами деревню, церковь и Госп. дом в Павлово-Кастельно. Такому же обстрелу подвергся и участок III б-на. Перед вечером было получено приказание приступить к самым интенсивным работам по улучшению окопов. Наши саперы в лесу приступили к заготовке кольев и козел. Подвозится проволока. После ужина приказано было отрядить часть людей в лес за кольями и козлами и приступить к устройству

проволочных заграждений. Установив связь с соседними б-нами, узнаю, что наш II б-н, бывший все время в резерве в лесу, сменил Мингрельский полк, который выведен из боевой линии для пополнения. Менее пострадавшие два б-на Грузинцев выведены из боевой линии в лес, где будут помогать саперам. Наш Штаб полка из леса перешел в Госп. дом Павлово-Кастельно. Соединяюсь с ним телефоном. Приказано прислать схемы расположенія б-нов и рот. По всему видно, что переходим к позиционной войне. Всю ночь работаем и бодрствуем. Вперед высылается сторожевое охранение" *).

Офицер II б-на Подпоручик Попов так описывает ту фазу боя, которой ему пришлось быть свидетелем:

..."Я, не принимая участия в наступлении, а только сменив остатки Мингрельского полка и занимая их ямки, не имевшие никакого укрытия, потерял 12 чел. убитыми и 20 чел. ранеными. Трудно описать ту картину, которую представляло поле боя. Я не говорю уже о количестве трупов, валявшихся всюду; мне невольно бросился в глаза, ужасный по своему трагизму, внешний облик этих трупов. Каждому приходилось видеть убитую крысу выброшенную на грязную улицу. Крыса эта, пролежав некоторое время на улице, сама обращалась в комок грязи и только случайно, задевая ее ногой, можно было распознать в ней бывшую крысу. Буквально, то же самое представляли лежавшие на поле боя бывшие люди... В такой обстановке, лежа, ибо окопов не было, мы провели два дня. Помимо всего этого, немцы обстреливали нас тяжелой шрапнелью, которая, разрываясь, окутывала нас дымом желтовато-зеленого гнойного цвета. После каждой очереди таких снарядов, вдоль линии расположения роты раздавались жалобные стоны и просьбы прислать скорее санитара. Ротные санитары на четвереньках ползли к раненому и делали необходимые перевязки. Иногда, после особенно удачного попадания, слышались возгласы: "Ваше Благородие, такого-то убило, прямо в голову попали, черти". Раненые, будучи примитивно перевязаны, должны были лежать на месте до вечера, ибо вынести их не было никакой возможности. Каждый, неосторожно поднявшийся, немедленно падал пронзенный пулей немецких стрелков, чувствовавших себя безнаказанными. И только лишь с наступлением темноты начинала двигаться печальная процессия с ранеными"...

То же самое было во всех б-нах. Штабс-Капитан Степанов. офицер III б-на, свидетельствует: ..."Сзади нас, раненый в обе ноги, лежал Командир 1 роты Грузинского полка, Капитан Шаламов, известный Кавказу как виртуоз лезгинки. Все меры, принятые Грузинским полком, вынести его с поля боя были безрезультатными. Несколько человек санитаров было убито. Это было слишком близко от окопов противника; он нас бил на выбор, как куропаток. Вскоре мне передали, что Капитан Шаламов истекает кровью, слабеет, замерзает... и просит дать ему коньяку. Столько раз и столько лет мы встречали, как родные братья, полковые праздники, всегда неизменно вместе и выпивали море вина. Неужели это было одно лишь пьянство? — Сомнений никаких!... и я ползу к нему змеей....

Аккуратно прикрытый буркой, бледный, истекающий кровью, ле-

---

*) Шт.-Кап. Шидельский.

Крево-Сморгонь. Март 1916 г.

Нижний ряд: Прап. **Шах-Багов,** пор. **К. Попов,** подполк. **Тимченко,** шт.-кап. **Тихонов,** подпор. **Александров** и прап. **Тихоницкий.** Средний ряд: Кап. **Крупович,** подполк. **Кн. М. Шервашидзе,** ген.-м. **Е. Е. Вышинский,** кап. **Дробышев,** прап. **Иванов.** Стоят: Шт.-кап. **Равтопуло,** прап. **Фареулидзе,** прап. **N.,** подпор. **Н. Снарский,** шт.-кап **Яхонтов,** прап. **N.,** прап. **N.,** шт.-кап. **Кн. Э. Шервашидзе,** подпор. **Котляревский** и прап. **Маломуж.**

А. Г. Гогоберидзе
Киевского воен. учил. вып. 1910 г.
(Сним. 1945 г.)

Отец и сын **Силаевы.**

Прап. **Е. А. Долгополов**
(Сним. 1925 г.)

жит с перебитыми ногами — Шаламов. Он просит меня быть возможно осторожнее, дабы не привлечь внимания немцев. Исполняю его просьбу и наливаю ему рюмку коньяку. — "Умирать буду, тебя не забуду! Ты спас мне жизнь!" — сказал мне глубоко взволнованный Шаламов. Я дал ему еще одну рюмку и пополз обратно"...

Возвращаемся к "Полевой книжке" Шт.-Кап. Шидельского:

"7.3.15. Ночь прошла спокойно. Утром аэроплан противника, пролетая над нашей позицией, обнаружил за отдельной хатой, позади окопов I б-на, стоящих у ручья лошадей и кухню одной из наших рот. Аэроплан закружился и стал пускать разные ракеты. Немедленно противник открыл беглый артиллерийский огонь, но невзирая на то, что аэроплан все кружился, пуская ракеты, артиллерия поразить цель не могла и, наконец, аэроплан улетел. Вечером узнаем новость: Туркестанский корпус сегодня ночью произведет атаку. Нам приказано огнем помогать. Действительно, на участке Туркестанского корпуса открылась сильная ружейная и пулеметная стрельба. Наша артиллерия зажгла какие-то строения в тылу противника. На фоне зарева я увидел, как немцы спешили на фронт Туркестанцев. Отдаю приказание открыть огонь. Немцы рассыпаются, пригибаясь к земле; видно, что несколько человек упало. Через 20-25 минут стрельба прекращается и водворяется опять тишина. Узнаю по телефону, что атака кончилась неудачей. Итак и эта проба не удалась".

Эти записи, сделанные Шт.-Кап. Шидельским, под свежим впечатлением неудач тяжелых боев, сорок три года тому назад, на первый взгляд кажутся малоправдоподобными.

Но вот, что по поводу всех этих событий свидетельствуют лица, наблюдавшие их с других позиций, чем Шт.-Кап. Шидельский. Наш Начальник Штаба корпуса Ген. Шт. Ген.-Майор Федоров пишет*):

..."Укомплектованный и подучившийся корпус в конце февраля 1915 г. приказано было бросить под Прасныш. В его районе у Единорожца I Сибирский корпус и 72 пех див. имели некоторый успех и его решено было развить. Это была идея Генерал-Квартирмейстера 1 армии Ген. Новицкого (Василия), может быть, не плохая, но приведенная в исполнение несвоевременно и крайне неудачно. Ген. Мехмандаров и я поздно ночью прибыли на ст. Яблонна в Штаб армии. Командующий армией Ген. Литвинов совершенно не интересовался операцией. Начальник Штаба армии Ген. Одишелидзе дал указание обратиться к Ген. Новицкому, а последний ограничился очень общими фразами. Корпус был высажен где-то в районе Пултуска и отсюда пешком направился на Прасныш **). Переходы были до 40 верст, по невылазной грязи. Войска приходили поздно ночью и почти не имели отдыха, выступая перед рассветом; связь поддерживать было очень трудно, фронт корпуса давался из армии.

Кажется, на третьем переходе был получен приказ атаковать немцев на участке д.д. Збером-Павлово-Кастельно. Соседние I и II Сиб. корпуса отнеслись к этому довольно равнодушно, уже испытав упорство немцев, укрепившихся на выгодной позиции у Прасныша, и не участвовали в наступлении.

*) Письмо от 15.8.1925.

**) «Кавказская Гренадерская дивизия весь путь от Бзуры к Праснышу прошла форсированным маршем». Ген. Шт. Кап. Булгаков.

Распоряжения эти достигли дивизии поздно ночью, атака была назначена с рассветом, но части всю ночь продолжали движение в исходное положение. Н-к Кавк. Гренад. дивизии Ген. Шатилов просил дать отдых и указывал на малые шансы такой атаки. Ему было отказано. Гренадеры и 51 пех. дивизия, без рекогносцировки, без достаточной артиллерийской подготовки и вполне открыто для немцев, уже днем пошли в атаку вверх на гору по грязи до колена. Цепям негде было залечь, надо было лежать в воде. Атака захлебнулась, потери были очень велики, особенно в офицерах, которые не ложились для примера и из-за грязи. Здесь был убит Подполковник Попов (Мингрельского полка, б. К-р I роты Тифлисского военного училища).

Атака захлебнулась, цепи остались лежать и окопались в низине на невыгодных местах. С 2 по 8 марта 1915 г. никто, начиная с К-ра корпуса, не имел гражданского мужества отвести их назад на более выгодное место. Начали подвозить проволоку и оплетаться; пробовали производить частные наступления, но позиции немцев были прекрасно выбраны и укреплены. Вместе с тем не решились сразу перейти к обороне и отойти назад на возвышенности верстах в 5-6..."

8 марта, — повествует "Полевая Книжка" Шт.-Кап. Шидельского, — "чуть рассвело, на левом фланге началась стрельба, постепенно усиливающаяся. Узнаю. Оказывается, Туркестанцы атакуют, но стрельба продолжалась всего 7-10 минут. Наступление Туркестанцев было остановлено, они не могли выйти даже из своих окопов.

Сегодня опять обстрел, как ежедневно. Видно, нашему III б-ну приходится плохо. Видны уходящие раненые.

Последние дни солнце уже настолько греет, что верхний слой земли обращен в непролазную грязь. Наши кухни проходят расстояние в 4 версты в 4 часа. Лошади выбиваются из сил, а наши денщики по колено в грязи, если и доносят до нас обед в судках, то иногда случается, что суп приносят вместе с грязью. На моем участке уже забиты колья и несколько рогаток оплетены проволокой. Готова и моя землянка с деревянным потолком, лежанкою и примитивной печью. Ночи еще стоят морозные. Свеча догорает. Нужно пойти посмотреть, что делается в окопах, на месте ли охранение и что слышно с немецкой стороны... — Все в порядке. У немцев тихо, лишь ракеты бороздят ослепительным мигающим светом ночную тьму. Спать не хочется. Разные думы настойчиво лезут в голову. Беру газету, принесенную денщиком. Пробегаю глазами... Сообщения Ставки Верховного Главнокомандующего. В нем сказано: "Под Праснышем идут упорные бои". И только. Успешны ли они для нас или нет — об этом не говорится. Об этом могут сказать только их участники...

10 марта. Пал Перемышль! Общая радость. Крики "Ура". Некоторые части дают троекратный залп. Наш II б-н оттянут с участка 2 бригады и вечером, в силу новой разграничительной линии между корпусами нашим и Туркестанским, сменил части Туркестанцев, которые занимали окопы западнее д. Павлово-Кастельно.

21 марта. Сегодня в 9 ч. утра на немецких окопах, против моей и 16 роты, появились во многих местах белые флажки. Все мы бросились к амбразурам... смотрим... немцы подняли руки, а затем вылезли

на бруствер и часть из них без ружей прошла вперед своих проволочных заграждений и стала убирать наших убитых, часть из них уносили, а часть закапывали тут же. Наши гренадеры тоже поднялись из окопов, но мною строго было приказано никому не выходить. Передаю о случившемся в Штаб полка по телефону и прошу инструкций. Между тем, пока я разговаривал по телефону, прибежал гренадер и доложил, что к нашим окопам направляются двое немцев, один из них с белым флажком. Подойдя к брустверу я увидел, что немцы подошли вплотную к нашим проволочным заграждениям и стоят "смирно". Это было недалеко от меня, на участке 16 роты. Я иду туда. Приказываю немцам повернуться кругом. Немцы исполняют. Через несколько минут из дивизии приходит приказание принять парламентеров и узнать цель их прихода.

Беру с собой двух гренадер, знавших немецкий язык и приглашаю немцев в наши окопы. Те поворачиваются и пролезают ползком под нашим проволочным заграждением. Они заявили, что пришли заключить перемирие для того, чтобы похоронить убитых, так как стало тепло и трупы разлагаются распространяя зловоние, а завтра общая Пасха. Говорю им, что без разрешения высшего начальства, сделать этого не могу, а потому нужно подождать. Парламентерами оказались офицер и солдат. После доклада по телефону, получаю приказание немцам отправиться в Штаб дивизии. Немцам завязывают глаза и под конвоем их уводят. За этот промежуток времени немцы успели убрать трупы, скрылись в свои окопы и убрали белые флажки. Мы стали наблюдать за шествием парламентеров. Когда их группа подходила к ручью, вдруг, немецкая артиллерия открыла огонь и несколько снарядов упало в направлении шедшей группы. Тогда наши стали кричать немцам по-русски: «не стрелять!" Те поняли и стрельба моментально прекратилась. В этот момент группа подошла к лесу и скрылась в нем. Затем стало известно, что парламентеры... отпущены не были. Какими соображениями руководствовалось высшее начальство, до нас не дошло. Между прочим, немцы не соблюли некоторых правил, принятых при подобных переговорах: у обоих парламентеров на рукавах не было белых повязок, а трубач был без трубы. Этого одного уже было достаточно, чтобы не признать их за парламентеров".

"Парламентеров накормили в Штабе дивизии и, по получении распоряжения из Штаба армии, отправили их туда, где они и были признаны пленными. Главная причина непризнания их парламентерами была, видимо, в отсутствии у них письменных полномочий от Германского командования" *).

"...Сейчас 10 ч. вечера", — продолжает Шт.-Кап. Шидельский. — "В моей землянке светло, горят три свечи и "накрыт стол". Наш хозяин собрания озаботился приобрести все заблаговременно, даже Кахетинское вино. На столе пасхальные подарки, принесенные денщиком. Гренадеры, конечно, тоже получили пасхальное улучшенное довольствие и каждый по крашеному яйцу. На позиции тишина. Из немецких окопов доносятся песни. Ракеты взлетают ввысь всю ночь. 22 марта 1915 г. Св. Пасха. День проходит спокойно. 26 марта. Дни тянутся однообразно. Только сегодня вечером Командир полка разре-

*) Ген. Шт. Кап. Булгаков.

шил старым офицерам, если обстановка это позволит, собраться в Штаб полка к 9 ч. вечера, так как ему хотелось перед своим отъездом с ними попрощаться. Наш Командир получал назначение на Кавказский фронт на должность Начальника штаба корпуса. Делаем соответствующие распоряжения, предварительно все обходим и осматриваем и отправляемся по непролазной грязи в Штаб полка, куда и прибываем через полчаса ходьбы.

В большой комнате Госп. дома накрыт стол по пасхальному. Встречены очень радушно и в симпатичной обстановке проводим несколько часов. Не обошлось и без тихого, под сурдинку, — "Алла-Верды"... В 12 часов ночи расходимся по ротам. На позиции тишина.

2 апреля 1915 года. Отбыл к месту новой службы наш Командир полка Свиты Его Величества Генерал Мдивани. Полк принял старейший Эриванец, Помощник К-ра полка по строевой части, Полковник Шаншиев.

9 апреля. Наши б-ны, наконец, по очереди, выводят в лес на отдых.

11-13 апреля. Резерв в лесу. Спокойно. Устроена баня. Все моются. Стоят прекрасные дни и теплые ночи. Жить в лесу одна поэзия. К нам в полк прибыл Кавалергардского полка Штабс-Ротмистр Бутурлин. Знакомлюсь. Спрашиваю: — почему вы выбрали Эриванский полк? — "У меня фамильная связь с полком со времени Бутырцев. В Бутырском полку служили мои предки". Этот симпатичный Кавалергард принял 15 роту.

14 апреля. Вечером наш IV б-н совместно с I и II б-нами выступает на смену Грузинского полка. III б-н остается в резерве. Грузинцы, после неудачного наступления, понеся тяжелые потери, в середине марта были отведены в резерв и пополнены. 4 апреля они сменили наш полк, который целый месяц просидел в окопах.

17 апреля. Д. Залесье, южнее Чернице-Борове. Перевязочный пункт при нашем обозе 1-го разряда. Что произошло за эти 4 дня записано мною отдельно. Не хочу заполнять "Полевую Книжку", чтобы хватило на больший срок.

14 апреля. Сменяю роту Грузинцев, под командой Шт.-Кап. Рамишвили (мой товарищ по Тифлисскому училищу). От него узнаю: окопы противника находятся менее, чем в ста шагах. Начинаются они у первого дома д. Павлово-Ново. От немцев нас отделяет общее проволочное заграждение. Участок опасный. Спать нельзя. На этом участке роты меняются каждый день. Рота совершенно изолирована и находится впереди всей нашей линии в 500 шагах. Расположение ротного окопа очень странно: в две линии, почти заходящих одна за другую. В свою очередь, обе линии соединены между собой ходом сообщения протяжением около 50 шагов..

Ночь проходит спокойно. Я все время хожу по окопу, подползал к нашему секрету, прислушивался... Из немецких окопов доносятся звуки гармонии и пение псалмов. Под утро, обойдя последний раз окопы, я ушел во вторую полуроту и, обойдя и ее, решил немного вздремнуть. Только я вполз на четвереньках в свою землянку (условия жизни были ужасные в этом передовом окопе, расположенном на мокром лугу: воду нужно было и днем и ночью вычерпывать котел-

ками и цинковыми коробками от патронов), как услышал начавшуюся артиллерийскую стрельбу. В такое раннее время она была необычайна и к ней я отнесся равнодушно, но вдруг я услышал сильный взрыв близ наших окопов. Я выскочил из землянки, бросился к бойнице и жду... Через несколько минут второй взрыв, на участке ближе к первой полуроте. Сила взрыва поразительная. Оказалось, стрелял миномет, который немцы установили в саду. Полет мины был виден простым глазом. Опасаясь внезапного нападения, я обошел людей и объяснил, что нужно делать в случае атаки.

Тем временем обстрел продолжался. Когда я был занят отдачей этих распоряжений, прибежал гренадер из первой полуроты и сообщил, что противник пристрелялся и бьет по окопу, который уже сильно поврежден. Бегом оба спешим туда, но грязь затрудняет движение. Подбегая к окопу первой полуроты, я и сопровождавший меня гренадер были засыпаны землей от разорвавшейся впереди мины. Гренадер был ранен в лицо, а я сильно оглушен и получил несколько сильных ударов комками земли. Гренадеру удалось выкарабкаться из-под обвала самому, он дополз до полуроты и позвал помощь. Явились гренадеры и освободили меня из-под обвала. Спокойствие людей было поразительно. В отместку, решаю пожертвовать одну из имевшихся в роте четырех тяжелых ручных гранат. Вызываю охотника. Вызвался гренадер Симоненко. Ему удалось, с разбега, ловко забросить гранату к немцам. Бомба разорвалась близко от того места, где показались каски. Эффект получился полный, мы видели, как один немец, согнувшись, бросился бежать. По этому немцу тотчас же открыли ружейный огонь. Так как минометный огонь прекратился, то я приказал немедленно приступить к исправлению повреждений.

Пока шла борьба с минометом у меня в роте, весь наш полковой участок подвергся с самого утра сильнейшему артиллерийскому обстрелу. Из-за близости к противнику я не подвергался обстрелу и мог наблюдать всю картину этой интенсивной канонады. Снарядов не жалели. Ураганный огонь в 12 ч. дня прекратился и полная тишина водворилась сразу на всем фронте. Ждем атаки. В 3 часа канонада вдруг возобновилась с прежней силой и так до 6 часов, когда опять все смолкло. К концу дня опять иду в первую полуроту. Все наготове. Последние три бомбы на руках у надежных гренадер. Составляю донесение К-ру б-на Капитану Пильбергу. Кухни подойти к моему окопу не могут, ослабить же свой участок посылкой людей не могу. Было уже темно, когда я получил извещение, что буду сменен 15 ротой Шт.-Ротмистра Бутурлина. К 10 час. вечера смена прибыла. Я с ротой стал на освободившееся место 15 роты у костела д. Павлово-Кастельно. Состояние моего здоровья после полученной контузии — головная боль, опухоль левой стороны лица, шум в ушах и ушиб правой ноги, заставили меня отправиться в Штаб полка, а оттуда в д. Залесье, где был наш перевязочный пункт" *).

В эти дни, во время одной из ночных разведок погиб Н-к нашей Команды разведчиков Корнет Лейб-Гусарского Павлоградского полка Фриммерман, прибывший к нам в полк еще на р. Бзуре. Корнет Фриммерман, за это короткое время, уже успел составить у нас в полку

---

*) Шт.-Кап. Шидельский.

прекрасную репутацию. Это был в высшей степени активный офицер, природный разведчик и, как нельзя лучше, подходил к должности Начальника к-ды разведчиков, на которую его и назначил К-р полка Полковник Мдивани.

"Вот что сохранилось о нем в моей памяти", — говорит его помощник, мл. оф. к-ды Прапорщик Хан Сагнахский: "Через несколько дней после прибытия Корнета Фриммермана к нам в полк, я успел уже несколько сблизиться с ним и он предложил мне быть у него помощником на вакантную должность, за ранением Прапорщика Верещагина. Я охотно согласился и тут и началась моя служба в команде разведчиков, где я, под руководством этого храброго и толкового офицера, прошел очень хорошую школу. Мне пришлось побывать с ним во многих поисках еще на Бзуре, где мы переправлялись на лодках на неприятельский берег и неоднократно снимали посты и секреты. Однажды, возвращаясь с разведки и переплывая р. Бзуру вместе с двумя пленными, мы перевернулись на середине реки... но к счастью, все обошлось благополучно и ограничилось ледяной ванной...

В день гибели Корнета Фриммермана полк наш занимал позицию у д. Павлово-Кастельно, причем далеко вперед на болотистый луг была выдвинута одна или две наших роты, которыми командовал Штабс-Ротмистр Кавалергардского Ея Величества полка Сергей Бутурлин.

Окопы этих рот были наполнены водой выше щиколотки. Перед этими ротами, примерно в 50 шагах, была опушка леса, которую занимал противник. Через гущу деревьев были видны постройки начинавшейся деревни Павлово-Ново. Команда, как правило, отдыхала днем, а ночью производила поиски. Пространство между нашим расположением и расположением противника всегда принадлежало нам. Мы не давали противнику возможности здесь обосноваться и даже поставить свои секреты.

Вся работа ночью происходила ползком. Иногда нам удавалось, срезав несколько рядов проволоки противника, врываться в их расположение и забрасывать немецкие окопы ручными гранатами.

Во время этих поисков выяснилось, что у противника на опушке леса, где-то очень близко, находятся два пулемета. Корнет Фриммерман решил во что бы то ни стало эти пулеметы захватить.

В этот день нас вышло на разведку 38 человек. Вечером перед выступлением на разведку к нам пришли два донских казака, огромные парни. Один штаб-трубач, другой фельдшер. Заявили Фриммерману, что полк их уходить в резерв и что им хотелось бы пойти с нами на разведку, так как у многих казаков есть трофеи, а у них нет. Они хотят добыть трофеи. Мы им указали на риск и предложили им несколько имевшихся у нас немецких винтовок и касок, но они настаивали на своем. В конце концов Фриммерман разрешил им присоединиться и мы пошли на разведку. Разделились мы на две группы. С правой пошел Фриммерман, с левой я. Пройдя опушку леса, мы вскоре обнаружили невысокую каменную стенку, за которой и находились пулеметы. Но нас обнаружил противник и открыл жестокий огонь. Группа Фриммермана понесла большие потери и сам Фриммерман был убит у самой стенки. Остатки его группы растерялись и залегли. Когда мне дали знать о смерти н-ка к-ды, я с остатками моей

группы пришел на место. Вынести тело Фриммермана вызвался поляк-доброволец Войцеховский. Он ползком добрался до тела Фриммермана и хотел накинуть петлю веревки на ноги убитого, чтобы оттащить его в более укрытое место, но сам был в этот момент убит. Повторные попытки вынести тело, успеха не имели; когда же начало светать, мне пришлось отдать приказ отходить к своим окопам. Мы потеряли в этот поиск 16 человек убитыми. Потом уже выяснилось, что противник в этом месте накопил резервы для своего поиска, местного масштаба. Мы и помешали этой операции в тот вечер и она состоялась днем или двумя днями позже, что мы узнали от взятых пленных. Эту атаку немцев отбил ротмистр Бутурлин.

Помню еще, что во время этого поиска был убит и один из вышеупомянутых казаков, а его товарищ все просил выдать ему удостоверение, что его друг был убит действительно на разведке" *).

Ночь с 15 на 16 апреля ознаменовалась внезапным нападением немцев из их окопов у д. Павлово Ново на нашу изолированную 15 роту во главе с Шт.-Ротм. Бутурлиным. Нападение произошло перед рассветом. Как выяснилось после допроса пленных, 90 немцев-охотников под командой фельдфебеля вызвались снять, как они предполагали, русскую заставу. Встреченные двумя брошенными в самую гущу атакующих тяжелыми гранатами Новицкого, а затем ружейным огнем почти в упор, а тех, кто добежал до окопа и штыками, немцы почти все были перебиты в несколько секунд. Только несколько человек спаслись, сдавшись в плен.

Шт.-Ротмистр Бутурлин, запрошенный от лица Полковой исторической комиссии дать детали этого эпизода, ограничился в письме на имя Полковника Шидельского от 30.10.25 г. следующими скромными строками: ..."Я сменил тебя 14.4.15 на позиции у Павлово-Ново; мы стояли в резерве IV б-на у костела. 15 апреля была немецкая атака и я был с 15 ротой. Пильберг еще меня оставил на сутки на той же позиции, а 15 апреля ночью прислал мне 8 роту с Прапорщиком Федоровым из пополнения, ибо у меня были большие потери контуженными и, вообще, люди едва стояли на ногах от усталости и все были полуконтужены от ужасного артиллерийского огня. На следующий день 16 апреля огонь продолжался с той же силой. Мл. оф. 15 роты был Прапорщик Гавриленко. Прапорщик Гавриленко и Прапорщик Федоров были сильно контужены: — первый 15-4, а второй 16-4-15"...**).

Через перевязочный пункт в д. Залесье прошло за эти дни ранеными и контуженными 107 чел. из одной 15 роты.

Штабс-Ротмистр Бутурлин за свое блестящее боевое крещение в рядах Лейб-Эриванцев был награжден Георгиевским оружием при следующей реляции: "Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка, состоящему в прикомандировании к 13-му Л.-Гр. Эриванскому Царя Михаила Феодоровича полку Шт.-Ротм. Сергею Бутурлину, за то, что в бою 15 апреля 1915 года у дер. Павлово-Кастельно, командуя ротой и занимая позицию впереди расположения полка, под сильным ружейным и пулеметным огнем приостано-

---

*) Прапорщик Хан Сагнахский.
**) Штабс-Ротмистр Бутурлин.

вил наступление на свой участок значительно превосходных сил противника, лично руководя отбитием атаки, а затем с частью своей роты лично бросился в штыки на неприятеля, выбил его из занимаемых им окопов и заставил отступить". ("Русский Инвалид" 18.11.15, № 268).

16 апреля с утра и до 12 ч. и от 3 до 6 час вечера повторился ураганный огонь страшной силы. Большой кирпичный костел д. Павлово-Костельно был совершенно разрушен. Штаб полка также подвергся сильному обстрелу. Чины Штаба принуждены были спуститься в погреб (успев, однако, захватить с собой патефон и диски). Один снаряд влетел в комнату, где спали два офицера и разорвался. Каким-то чудом офицеры отделались только тем, что были сброшены с кроватей.

Командующий полком Полковник Шаншиев, вспоминая эти события, пишет: ..."В дни 14-16 апреля 1915 года артиллерийский огонь достигал такого напряжения, которого я никогда впоследствии не слышал. Он велся с перерывами по 4 раза в день. При этом вся связь мгновенно уничтожалась и возобновить ее до окончания обстрела не представлялось возможности. Два дня резерв не нес потерь, а на третий день и резерв пострадал. Один удачный разрыв вывел из строя 8 человек. Когда в последний день немцы сильно обстреливали окопы, я приказал артиллерии, взяв ответственность на себя за расход снарядов, обстрелять немецкие окопы. Эффект получился отличный: после нескольких удачных очередей немцы стихли. Вся наша беда заключалась в отсутствии снарядов, поэтому мы, в большинстве случаев, не могли удачно состязаться с немцами" *).

18 апреля полк был сменен.

В Штаб полка приехал Начальник дивизии Ген. Шатилов, благодарил полк и Командующего полком Полковника Шаншиева.

Не теряя ни минуты, приступлено было к пополнению наших рядов. На этот раз решено было не вливать разношерстное пополнение прямо в роты. Еще загодя, недели за 3 до смены, был выделен небольшой кадр офицеров и унтер-офицеров, которые, обосновавшись в с. Лагуны при обозе II разряда, принимали приходившие пополнения и с ними занимались форсированным темпом. Не имея в тылу своего запасного б-на, главное не имея даже возможности получать после выздоровления своих старых солдат, которые попадали обратно в полк лишь в виде редких исключений, вопрос с пополнением полковых рядов стоял очень остро и требовал к себе самого серьезного отношения. Офицеры и старые кадровые солдаты (которых к этому времени осталась только горсть в несколько десятков человек), ревностно и с любовью взялись за дело. За один месяц работы, уже чувствовалась разница. Снова зарубцевавший свои раны, наш старый полк вздохнул полной грудью. Снова послышались полковые песни... Снова появилась уверенность в своей силе. Полк был готов к весенней кампании.

ПЕРЕБРОСКА НА НОВЫЙ ФРОНТ

Весенняя кампания 1915 года.

"Дивизия, участвуя с начала войны в ряде тяжелых боев, часто на самых ответственных участках фронта, до сих пор не имела ни

*) Полковник Шаншиев.

одного дня отдыха в более глубоких резервах. Ген. Мдивани, уезжая к новому месту службы на Кавказский фронт, решил по пути заехать в Штаб 1 армии и повидать своего старого товарища Ген. Одишелидзе (начальник Штаба армии) и обещал, если будет возможно, поговорить с ним об отводе корпуса или дивизии в резерв на отдых, хотя бы на короткое время. Миссия эта ему удалась и он из Штаба армии уведомил Штаб дивизии, что дивизия будет отведена на отдых. И действительно, вскоре после его сообщения, в середине апреля, корпус был сменен на Праснышских позициях I Сибирским корпусом и отведен в тыл к Ю.-З. в широкий район, около дер. и г. дв. Бардоне Бржозове. Полки и артиллерия удобно расположились по деревням и начались усиленные занятия в полках с вновь влитыми пополнениями в совершенно, казалось бы, мирной обстановке. Однако, такое мирное и спокойное расположение дивизии продолжалось не долго. Только 5-6 дней простоял корпус в армейском резерве, как было приказано Кавк. Гренад. дивизии выступить и сменить части второочередной пех. дивизии (не помню какой именно) и, кажется, 4 кавалерійской дивизии, стоявшей на очень "мирном" и пассивном участке фронта, тянувшемся от г. Плонска (на Висле) сначала на С., а затем на С.-В. В центре района, занятого дивизией, были деревня и г. дв. Бабошево" *).

26 апреля 1915 года полк выступил походным порядком в составе бригады, по шоссе на г. Цеханов, который прошли в полдень. Немецкие самолеты все время держат наши движения под наблюдением. 27 апреля. Дневка. Приказано совершать ночные переходы. Выступление назначено на 8 ч. вечера. Идем всю ночь, под утро прибываем в д. Стржечево. 28 апреля. I и II б-ны двинуты на смену стоявшим на позиции. III и IV б-ны в резерв. Штаб полка расположился в здании школы. Полк сменил части кавалерийской дивизии гр. Граббе. С 28 апреля по 2 мая стоим там же. Здесь, в Стржечево, полк покинул старейший Эриванец Полковник Н. А. Шаншиев, получивший в командование 8 пех. Эстляндский полк.

Полк принял во временное командование Подполковник Купцов. Этот период жизни полка, день за днем отмечается в записной "Полевой Книжке" Шт.-Кап. Шидельского.

"3 мая. Сегодня после обеда двигаемся на смену частям I и II б-нов. 4 мая. Позиция у д. Родзаново. Вчера вечером подошли к исходному пункту. Являюсь н-ку участка Командиру кавалерийского полка. Здесь же наблюдательный пункт конной артиллерии. Интересуюсь сведениями о противнике, высказав свое удивление, что с 27 апреля не приходилось слышать на этом участке никакой стрельбы. Мне объяснили, что противник здесь держится пассивно и его окопы находятся в значительном отдалении. С наступлением темноты проводники развели роты по позиции. Эта позиция имела ряд опорных пунктов, местами с прочной сетью проволочных заграждений. Окопы полной профили. Окопы противника едва заметны в бинокль. Фруктовые деревья в цвету. Тишина. Не будь войны, можно было бы подумать, что мы на маневрах. Эта идиллия была нарушена нами. Только что прибывший из Александровского военного училища, Подпоручик Побаевский выз-

---

*) Ген. Шт. Кап. Булгаков.

вался произвести разведку и снять неприятельскую заставу. Высмотрев, куда немцы высылают свою заставу, Подпор. Побаевский вызвал желающих отправиться на поиск. Отобрав команду в 30 гренадер, Побаевский стремительным и внезапным ударом захватил немцев врасплох, забросал их ручными гранатами и всех оставшихся в живых забрал в плен. Пленные оказались 3 Гв. резервного пех полка.

Последние дни стали носиться упорные слухи о наших очень крупных неудачах в Галиции. В связи с этими слухами говорят и о нашем предстоящем уходе. Пришел к-р соседней роты Поручик Казумбеков и передал, что нас сегодня сменяет кавалерия и мы уходим в тыл".

"На Ю.-З. фронте в Галиции в это время сложилась неблагоприятная для нас обстановка. Немцы после Горлицкого прорыва, долбили "бесснарядный" Ю.-З. фронт тяжелым "Макензеновским молотом", собрав в нем огромные силы и большую артиллерию. Наши войска, отбиваясь почти только ружейным и пулеметным огнем, при ничтожной лишь поддержке артиллерии, и противопоставляя колоссальному огневому превосходству противника только свою доблесть и мужество, медленно отходили к своим границам, теряя завоеванные пространства в Австро-Венгрии, но не давая себя разбить и уничтожить. Центр тяжести немецкого удара к началу мая был направлен в районы Перемышля-Ярослава-Любачева на наши 8 и 3 армии.

Как и раньше с самого начала войны, II Кавк. корпус опять перебросили в самое горнило фронта. Последовало распоряжение о спешной перевозке его в Галицию через Владимир Волынский — Львов в район Любачева"*).

"5 мая, — продолжает Штабс-Капитан Шидельский, — ночлег у северного форта Кр. Новогеоргиевск. Слух подтвердился и нас вчера сменила кавалерия. Следовали всю ночь проселками и под утро остановились у одного из фортов Новогеоргиевска в лесу. Днем остаемся здесь же. 6 мая. Вчера выступили вечером, шли опять проселками всю ночь и под утро прибыли к вокзалу Новогеоргиевска, где расположились бивaком в лесу, покрывавшем валы крепости. Дневка. Ожидаем посадки в вагоны.

Так закончился наш период отдыха, которого с таким нетерпением все мы ждали с 30 ноября 1914 г. до 20 апреля 1915 г., т. е. 5 месяцев, непрерывно находясь на позиции. Отдых был короток, всего 14 дней, из которых 5 дней в передвижениях, 3 дня сидели в окопах и только шесть дней по-настоящему отдыхали.

7 мая. Вагон. 7 ч. вечера. С утра наш полк побатальонно садится в вагоны и отправляется в путь на Варшаву. Поздно вечером проходим Варшаву и берем направление на Ивангород-Люблин. 8 мая. Утром рано прибываем в Холм. Здесь ставка Главнокомандующего Юго-Зап. фронтом Ген. Иванова. Перед полуднем проезжаем Ковель и следуем на Владимир-Волынский. По карте дальше, до Австрийской границы, железной дороги нет. К нам в вагон садится ж.-д. агент, который рассказывает, что полотно ж. д. от Владимира-Волынского до пограничного австрийского городка Сокаля, на расстоянии около 27 верст, построено нашими инженерами и железнодорожниками в 27

*) Ген. Шт. Кап. Булгаков.

дней. Поздно почью прибываем в Сокаль и здесь выгружаемся. Дальше широкой колеи нет. Собравшийся полк располагается кому где пришлось и ждет дальнейшей отправки. От своих товарищей узнаем, что в Ковеле они встретили наших раненых однополчан, оставшихся при мобилизации в Манглисе и поступивших позже во вновь сформированный тогда 9 Кавказский стрелковой полк, который успешно воевал с турками, а теперь оказался переброшенным в составе V Кавк. корпуса в Галицию, где и принял участие в боях под Перемышлем. Среди старых друзей — б. К-р 8 роты Капитан Тер-Эгиазарьянц, тяжело раненый еще в Русско-Японскую войну, б. Начальник нашей Учебной к-ды Капитан Ушаков и Шт.-Кап. 10 роты Немчинович. Последний очень тяжело ранен. Все страшно обрадованы и взволнованы неожиданной встречей.

Наши б-ны постепенно грузятся в прибывающие с запада пустые составы. За нами в 3 ч. ночи подходит весь Грузинский полк. Погрузка идет в темноте. Набивают в вагоны людей до отказа. Разрешается садиться на крыши. Под утро трогаемся на запад; резво бежит маленький паровозик и симпатично постукивают колеса...

9 мая. Рава-Русская. Движение начавшееся быстрым темпом, постепенно начинает замедляться. На каждой станции длительные остановки. Часами ждем встречных пустых составов.

10 мая. Вчера, уже поздно вечером, прибыли в Любачев. Выгрузились из вагонов и, пройдя по улицам городка, разместились в прекрасных казармах 89 пех. Австрийского полка. Здесь уже собрался весь наш полк. Сюда же подошли наши обозы I и II разрядов. Офицерское собрание разместилось в собрании Австрийского полка. Остальные части нашего корпуса подтягиваются. 11 мая. Там же. Говорят, что прибыла часть Грузинского полка. 14 мая. Там же. Сегодня у нас большое событие: в 10 ч. утра приехал новый Командир полка Ген. Шт. Полковник *Вышинский* (Евгений Евгениевич). Знаем его давно с 1908 года. Он отбывал у нас ценз, как офицер Ген. Шт., командуя III б-ном. 15 мая. Присматриваемся к нашему новому командиру. По всему видно, что он осторожно ко всему прислушивается, за всем наблюдает, я бы даже сказал, он подозрительно на все смотрит. В общем же он любезен и близко подходит и интересуется даже мелочами. Обедает и ужинает вместе с офицерами в собрании. Сейчас устраивали ужин и на него пригласили Командира бригады Ген.-М. Бельгарда. Выбираем тулумбашем нового Командира, он отказывается, но все же, в конечном результате, соглашается быть помощником тулумбаша (хозяина стола). Весело провели время. Вспомнили адаты дорогого Кавказа и "Алла-Верды" разнеслось по австрийскому городку... Пережитое забыто; спокойно и уверенно смотрим в будущее. Симпатичного же Ген. Бельгарда офицеры проводили до Штаба дивизии, который также прибыл в Любачев.

Сегодня командир принимал полк.

16 мая. Сегодня перед обедом, когда группа офицеров собралась на казарменном дворе, в ворота въехал экипаж, в котором сидел раненый офицер. Оказалось, что это наш Полк. Шелковников, оставшийся в Манглисе для формирования 9 Кавк. Стр. полка. Узнаем, что он командовал этим полком и в последних боях ранен осколком снаря-

да в шею. 9 Кавк. Стр. полк понес большие потери, а своих раненых из состава полка, мы уже встретили в Ковеле. Полк. Шелковников рассказывал, что узнав, что мы, Эриванцы, где-то поблизости, свернул с дороги, чтобы разыскать полк и повидать своих старых сослуживцев.

15 мая, после обеда, с разрешения Командира полка, на двух автомобилях группа офицеров, в том числе и я, едем на 24 часа во Львов. 17 мая утром прибыли обратно в Любачев, Опоздание. Так как обещали быть вечером 16. При представлении Командиру, он, вскользь, мне указал на эту неаккуратность.

Сегодня, Митрополит Киевский Антоний служил молебен у нас в казармах. Всех благословил и окропил полк святой водой. Вечером прибывают в полк 4 офицера Кавалергардского полка: Фл.-Ад. Поручик кн. Багратион-Мухранский, Поручик Гернгросс, Корнет Пашков и Прапорщик граф Медем.

В честь их приезда в Собрании ужин.

Кавалергарды пресимпатичные офицеры. Они очень быстро осваиваются с обстановкой и сближаются с нашими офицерами.

Сегодня Командир полка был вызван в Штаб дивизии. После его возвращения узнаем, что, наконец, наш корпус собрался. Ожидали части Тифлисского и Мингрельского полков, ошибочно направленных куда-то на юг. Там же где-то собралась и 51 пех. дивизия и чтобы все это вернуть понадобилось целых 7 дней, за это время наш полк имел полную возможность отдохнуть".

Начальник Штаба нашего корпуса Ген. Федоров так рисует обстановку тех дней: ..."Многочисленные (до 40) эшелоны корпуса шли разными направлениями. В Штабе фронта в Холме, к большому неудовольствию Ген. Мехмандарова, указаний Штабу корпуса не дали что конечно было вполне естественно; сам же Мехмандаров не решался на свидание со Штабом фронта. Наконец, через Львов корпус попал в район Любачева. 51 же дивизия была высажена перед Холмом и двигалась походным порядком. После сосредоточения корпуса Ген. Мехмандаров и я были вызваны в Штаб VIII армии Ген. Брусилова в Раву-Русскую, куда прибыли очень поздно ночью после стоверстного путешествия на автомобиле по пескам.

Здесь, в течение 15 минут, Ген. Брусилов дал очень краткое указание — участок для атаки Корпусом, чтобы этой атакой облегчить положение охваченного уже Ярослава. Я списал приказ по армии, после этого опять путешествие ночью по пескам с риском совсем застрять в пути. В Штаб корпуса вернулись к 3-4 ч. ночи, а с рассветом атака участка: Запалов-Загроды-Корженице-Тухла. Опять корпус действовал в одиночку. Решено было взять атакой в охват с севера и юга обеими дивизиями весьма укрепленную проволокой лесистую сопку у Загроды. Для подробной разведки и подготовки времени не было. Снова пошли "на авось" на сильную позицию"... Шт.-Кап. Шидельский продолжает свой дневник: ..."Завтра назначено выступление, но куда мы предназначаемся, Командир полка не сообщил. Он держит себя как-то замкнуто.

18 мая. Лес у д. Карапети. Утром выступили из Любычева в составе бригады. Двигаемся на запад. Правее нас Тифлисцы и Мингрельцы, еще дальше вправо 51 пех дивизия. Левее же нас оказа-

лась 20 пех. дивизия: (77 Тенгинский, 78 Навагинский, 79 Куринский и 80 Кабардинский полки) — наши Кавказцы".

Капитан Булгаков в своих воспоминаниях отмечает: "Дивизия, сменив на позиции 3 Кавказскую казачью див., располагавшуюся тонкой цепочкой в очень скверных и слабых окопах, оказалась рядом (с.-западнее) с 20 пех. див. V Кавказского корпуса; правее же нашего корпуса (51 пех. див.) располагался III Кавк. к-с Ген. Ирманова. Таким образом, волею судьбы, на одном участкѣ оказались все Кавказские части, находившиеся на Западном фронте России. II и III Кавказские к-са на этом фронте действовали с самого начала войны, V же Кавк. корпус, переброшенный сюда с Кавказа, здесь был еще новичком".

"Аэропланы противника целыми часами маячат над нами. Передаю свою *"Полевую Книжку"* денщику: по всему видно, что мы вступим в бой, боюсь за ее участь.

Стыдно сознаться, но почему-то сейчас подумал, что успеха мы иметь не будем" *).

Счастливое стечение обстоятельств сохранило для Эриванцев письма — целую кипу писем с фронта, — написанные Командиром полка Полковником Вышинским своей жене Анне Оттовне. Кроме писем сохранились листки из одной Полевой книжки командира, которые позволили восстановить, день за днем, всю путаную серию отступательных боев из Галиции с документальной точностью. Вот как описывал свою встречу с полком и свои первые впечатления, сам Командир, Полковник Вышинский:

..."К счастью я в Ковеле настиг еще последний эшелон полка, как раз III б-н, которым я, в свое время, командовал. Командует им сейчас Капитан Бабилов, единственный в б-не старый Эриванец, все остальные — зеленая молодежь. Я конечно сейчас же присоединился к этому эшелону и сейчас еду, вернее плетусь с ним, ибо передвигаемся мы совсем черепашьим шагом.

...Во Владимире Волынском нижним чинам выдан обед. Я, конечно, пробовал пищу во всех четырех ротах. Был суп с макаронами, приготовленный великолепно. В любом ресторане кормят хуже. Первое впечатление, произведенное на меня Эриванцами, самое прекрасное; не только офицеры молодцы, но и нижние чины; своим духом, настроением, производят самое прекрасное впечатление; хотя старых коренных Эриванцев осталось уже немного, не больше как человек 10-15 на роту, тем не менее они заражают и молодежь своим бодрым Эриванским духом. Песни — и, конечно, не фабричнаго брата, а полковые, боевые, — не умолкают. Есть уже полковая песня про бои с немцами. Между прочим вот небольшой факт, характеризующий дух и настроение нижних чинов: мне сразу же пришлось принять меры против излишнего добродушия и мягосердечности нижних чинов, или вернее, попросту безобразия: на здешней ж. д. на работах стоят пленные австрийцы и вот при проходе нашего поезда, состоящего, между прочим, из 55 вагонов, этих пленных буквально забрасывали хлебом, белыми галетами, сахаром и особенно папиросами. По прибытии на первый же разъезд, я приказал дежурному офицеру Подпоручику Ко-

*) Штабс-Капитан Шидельский.

новалову (в наше время, на Манглисе он был кадетом, сейчас их пять братьев на войне) обойти все вагоны и разъяснить нижним чинам всю их глупость, приказав собирать, что есть лишнего, для раздачи разоренному населению Галиции.

...Штаб полка с Подполк. Купцовым (он единственный штаб-офицер и он же командует полком) уже ушел вперед и, вероятно, я его нагоню только во Львове. 14 мая 1915 г. 8 ч. утра, Ст. Башня. Сейчас стоим на последней станции перед Любачевым, куда нас направляют. Это письмо я пишу под гром артиллерийской канонады, которая отчетливо доносится со стороны Ярослава и часто сливается в один сплошной непрерывный гул, похожий на отдаленный гром. Если нам повезет, то уже завтра утром мы можем попасть в бой... Вчера, между прочим, встретил Воскресенского, Командира Тифлисского полка. Он уже 7 месяцев командует полком, был во всех серьезных боях; жив, здоров и проникнут полным пренебрежением к Германской артиллерии, которая делает страшно много шума, но без соответствующего результата — "шумит на рубль, а результат не стоит и копейки". Посмотрим, каково будет мое впечатление?

Итак, я сегодня 14 мая вступлю в командование полком под звуки канонады и всего в 15-20 верстах от наших передовых линий; во всяком случае оригинальная обстановка!

Любачев 14 мая. Вот я уже в полку, т. е. уже вступил в командование полком, который весь сюда собрался. Сейчас вернулся с обеда, где я занимал председательское место за длинным столом. Всего нас обедало до 50 Эриванцев. В общем, в полку все же — до 20 старых Эриванцев, да и молодежь производит самое лучшее впечатление. О дальнейшей судьбе нашей пока ничего неизвестно, но возможно, конечно, что уже завтра вступим в бой. Здесь мы разместились частью по селению, частью в прекрасных казармах австрийского бабальона. За обедом пели, конечно, "мравал жамиер", хотя на всех была только одна бутылка вина, зато обед был великолепный: борщ с пирожками, телятина с макаронами и пирожное, затем чай. И все это в 25 верстах от немцев. После утренней канонады все как-то успокоилось и часам к 12 дня стрельба стихла. Кончаю, так как нужно идти здороваться с батальонами, уже выстренными на плацу. Полк в полном составе, хотя и много молодежи еще не бывшей под огнем.

Любачев 15 мая. 7 ч. вечера. Мое письмо прервали, так как прибежали с докладом, что в расположение полка приехал корпусный командир Ген. Мехмандаров. Бросил писать письмо и отправился встречать его. Он обошел два б-на и, оставшись, видимо, очень довольным, уехал. Сегодня утром я представлялся Начальнику дивизии Ген. Шатилову и корпусному Командиру и понемногу знакомился с полком. Дело не шуточное — у меня сейчас 4.380 человек и до 350 лошадей. Размещены мы, по военному времени, почти роскошно. Видимо, мы простоим здесь еще несколько дней, поэтому у меня с завтрашнего дня начинаются занятия в полку. Стрельба была очень слышна ночью, днем же сегодня было тихо. Вчера под вечер и сегодня утром над нами летали аэропланы, но нам ничего не сбросили.

16 мая. Утром встал в 8 час. и после стакана чаю, сейчас же

отправился на занятия. Пока обошел все 16 рот, да часть кухонь, где пробовал пищу. Подошел полдень. Довольствие людей и лошадей доставляет, конечно, немалые трудности. О размерах потребности можешь судить по тому, что одного порционного мяса для полка в день требуется около 110 пудов! Хлеба — больше чем вдвое и все в таком роде. Около полудня поехал в Штаб дивизии по делам; между прочим, я, сейчас же по приезде, представил к кресту и медалям 150 человек, не имевших наград, из коих многие были в полку с самого начала войны, некоторые уже по два раза ранены. Корпусный Командир обещал пропустить мое представление. Сведений о дальнейшем у нас нет никаких, видимо, и завтра еще останемся на месте, а затем вероятно двинемся на немцев... Завтра воскресенье и занятий нет. Дал людям полный отдых пред предстоящим походом.

Любачев 18 мая. 3 ч. ночи. Час тому назад получено распоряжение о выступлении полка в 5 ч. утра, а так как я до 2-х часов так и не успел заснуть, то решил вовсе не ложиться, тем более, что предстоит еще масса дел и распоряжений. Куда выступим еще не знаем, но надо полагать на Запад на линию р. Сана. Сейчас Шлиттер, который тоже не ложился, уехал за приказаниями. Вчерашний день опять прошел в самой разнообразной и разносторонней деятельности. Так как было воскресенье, то утром занятий не было в полку, но зато проехал мимо полка Командир корпуса, двое из моих гренадер не отдали ему чести и вышел скандал, а мне, конечно, маленькая неприятность. Конечно, все это ерунда. Затем заехал в полк Начальник дивизии. После обеда были занятия, я обходил роты, наводил порядок и это отняло не меньше двух часов. Вечером, вдруг, объявляют, что к нам в полк едет Митрополит Холмский. Я, конечно, встретил его. Он пожелал отслужить молебен. Был выстроен полк. Митрополит служил под открытым небом. Вечером приехал генерал, состоящий при дивизии, благодаря чему ужин с песенниками и «мравал-жамиер" затянулся до 1 часу ночи.

Вчера утром в полк (с Высочайшего разрешения) явился князь Багратион-Мухранский, муж Княгини Татьяны Константиновны. Он просил назначить его во II б-н и я дал ему 5 роту. Теперь у меня четыре кавалергарда и все они командуют ротами, по одному в каждом батальоне. Вчера были распиты три бутылки вина и я провозгласил тосты за наших кавалергардов, за Княгиню Татьяну Константиновну и за наших офицеров и их семейства. Словом, понемногу вхожу в роль командира. Сейчас, собственно, приходится только на деле убеждаться в том, насколько сложна эта роль, какая масса обязанностей и забот лежит на командире и какая вместе с тем ответственность. Одно хозяйство чего стоит! Ведь одних полковых сумм у меня, вероятно, не меньше 70.000 рублей. Да еще забыл эпизод: принял я сегодня в полк «добровольца" мальчишку лет 14-15. Является и просит принять его в полк, хочет на передовые позиции. Говорю ему: да тебя там убьют. "Ну что же, говорит, закопаете и конец". Я, собственно, враг таких добровольцев, но потом пожалел мальчишку; говорит, что отец на войне, а дома мачеха донимает; пожалуй ему, в самом деле, у нас будет лучше, чем дома. Велел зачислить его в Команду связи к телефонистам. Кстати оказалось, что добровольцев до 20 лет у нас

довольно много, они имеются почти в каждой роте, а некоторые имеют Георгиевский крест.

СПИСОК № 9.

Г.г. офицерам участникам боя у дер. Загроды 19-21 мая 1915 года.

№	Чин и фамилия	Должность	Примечания
1.	Ген. Шт. Полк. Вышинский	К-р полка	
2.	Капитан Шлиттер	Полк. адъютант	
3.	Поруч. Снарский	Пом. полк. адъютанта	
4.	Поруч. Гвелесиани	При штабе полка	
5.	Шт.-Кап. кн. Эристов	Н-к службы связи	
6.	Поруч. кн. Шервашидзе	Н-к пулем. команды	
7.	Капитан Сабель	Офицер резерва	
8.	Подполк. Купцов	Н-к хоз. части.	Ком. передов. б-нами.
9.	Капитан Погорелов	К-р I б-на	Убит.
10.	Поруч. кн. Вачнадзе	К-р Е. В. роты	Убит.
11.	Прапорщ. Гварамадзе	Мл. оф. Е. В. роты	
12.	Поручик Тихонов	К-р 2 роты	
13.	Прапорщ. Котляревский	Мл. оф. 2 роты	
14.	Корнет Пашков	К-р 3 роты	
15.	Прапорщ. Гусаков	Мл. оф. 3 роты	
16.	Поручик Киншин	К-р 4 роты	Ранен.
17.	Прапорщ. Войнов	Мл. оф. 4 роты	Убит.
18.	Капитан Тимченко	К-р II б-на	
19.	Фл.-Ад.Пор. кн. Багратион-Мухранский	К-р 5 роты	Убит.
20.	Прапорщ. Жилин	Мл. оф. 5 роты	
21.	Прапорщ. Оржеховский	Мл. оф. 5 роты	Умер от ран.
22.	Подпор. Гаттенбергер	К-р 6 роты	
23.	Прапорщ. Тихоницкий	Мл. оф. 6 роты	Ранен.
24.	Прапорщ. Понятовский	К-р 7 роты	Убит.
25.	Прапорщ. Борисов	Мл. оф. 7 роты	
26.	Подпор. Попов	К-р 8 роты	
27.	Прапорщ. Шах-Багов	Мл. оф. 8 роты	Ранен.
28.	Капитан Пильберг	К-р III б-на	
29.	Подпор. Коновалов	К-р 9 роты	Ранен.
30.	Прапорщ. Мясников	Мл. оф. 9 роты	Ранен.
31.	Поручик Гамбурцев	К-р 10 роты	Заболел.
32.	Прапорщ. Маломуж	Мл. оф. 10 роты	
33.	Поручик Гернгросс	К-р 11 роты	
34.	Прапорщ. Ерош	Мл. оф. 11 роты	Ранен.
35.	Прапорщ. Трусевич	К-р 12 роты	
36.	Прапорщ. Мелик-Адамов	Мл. оф. 12 роты	
37.	Капитан Бутулов	К-р IV б-на	
38.	Поручик Казумбеков	К-р 13 роты	
39.	Прапорщ. Гаврюшко	Мл. оф. 13 роты	Убит.
40.	Шт.-Кап. Шидельский	К-р 14 роты	
41.	Прапорщ. Богданов	Мл. оф. 14 роты	
42.	Шт.-Ротм. Бутурлин	К-р 15 роты	Ранен.
43.	Прапорщ. Федоров	Мл. оф. 15 роты	
44.	Подпоруч. Оборин	К-р 16 роты	
45.	Прапорщ. Зиновьев	Мл. оф. 16 роты	
46.	Подпоруч. Побаевский	Мл. оф. пулемет. к-ды	
47.	Прапорщ. Хан-Сагнахский	Н-к к-ды разведч.	
48.	Прапорщ. Снарский	Для связи с 20 пех. див.	
49.	Прапорщ. Ростомов	Мл. оф. к-ды разведч.	

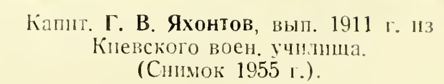

Капит. **В. И. Гранитов,** вып. 1905 г. из п.-ю. Моск. воен. училища.

Прапор. **Б. Д. Хан-Сагнахский.**

Капит. **Г. В. Яхонтов**, вып. 1911 г. из Киевского воен. училища. (Снимок 1955 г.).

БОЙ У ДЕР. ЗАГРОДЫ

19-21 мая 1915 года.

На позиции 22 мая 1915 г.*)... "4 дня прошло с тех пор, что я отправил последнее письмо из Любачева и с тех пор у меня буквально полчаса не было свободного времени, чтобы написать письмо, а если и бывало свободное время, то приходилось спать, ибо ночей у нас теперь нет. За эти четыре дня много было пережито, так много, что мне кажется, будто со дня выступления из Любачева прошло уже не меньше месяца. Передам сперва вкратце фактическую сторону дела, а затем уже перейду к личным впечатлениям. Итак, 18 мая в 6 ч. утра мы выступили походом к позициям. К 1 час. дня мы подошли и до сумерек спрятались в лесу, а затем к ночи сменили казаков; ночью же была назначена внезапная атака немецких окопов всем полком.

К 12 ч. ночи я успел сделать все необходимые распоряжения и распределить роты, затем еще — с 12 до 2 ч. ночи — сам обошел все свои окопы; словом, все было готово для атаки.

Настроение в полку было выше всяких похвал. Как доказательство, могу привести следующий факт: Поздно вечером у меня в 8 роте, во время смены, случайно взорвалась тяжелая ручная граната, поранившая 8 человек. После перевязки, шесть из них не пожелали эвакуироваться и вернулись в строй, и *это в ожидании ночного штурма!* Словом, уверенность в успехе была полная. К сожалению ночной штурм был отменен, а с 5 ч. утра началась артиллерийская подготовка — маленькое подобие ада. Так продолжалось до 7 ч. утра, когда было приказано итти в атаку. Немцы открыли, конечно, сильнейший огонь по нас; мы залегли и стали окапываться. Рядом справа, за полотном ж. д., шел полк Воскресенского (15 Гр. Тифлисский полк), у него тоже произошла заминка. Тогда он решил пойти вперед. Я вслед за ним тоже решил пройти вперед в окопы. Так и сделал и с двумя своими офицерами прошел от опушки леса, в котором находился до этого, до наших окопов, т. е., шагов 800-1000 под сильнейшим ружейным, пулеметным и шрапнельным огнем.

Шел почти все время шагом, только под конец пробежали шагов пятьдесят. Когда я шел вперед, часть моих людей была еще позади (резерв), остальные частью уже ушли вперед, частью шли и бежали вместе со мной. Пули свистели на все лады, шрапнели рвались настолько близко, что нас обсыпало землей, но, на этот раз, Бог спас. На полпути мы сделали маленький привал в окопе, так как особенно густо стали сыпать шрапнелью, затем пошли дальше до главного окопа (исходного положения), где засели у телефонной станции. Во время этого наступления был убит кн. Багратион-Мухранский и наш К-р батальона Кап. Погорелов. Последний шел почти рядом со мной. Мне нужно было обязательно пойти, чтобы для начала сделать себе репутацию в полку и думаю, что это мне удалось, не только среди офицеров, но и среди нижних чинов. Последние, с трогательной заботливостью, укоряли меня в том, что я пошел вперед, но вместе с тем было ясно, что мой пример прекрасно действовал на них и они шли молодцами

*) Из писем Полковника Вышинского.

вперед. Один мне сказал: "зачем вы, Ваше Высокоблагородие, идете сюда, здесь наше место, а мы что будем делать, если останемся без отца?" Офицеры, в общем тоже были приятно поражены тем, что я сам пошел с ротами вперед. Но думаю, что и на офицеров это должно было произвести хорошее впечатление. Я лично остался вполне доволен собой, вернее своими ощущениями под выстрелами.

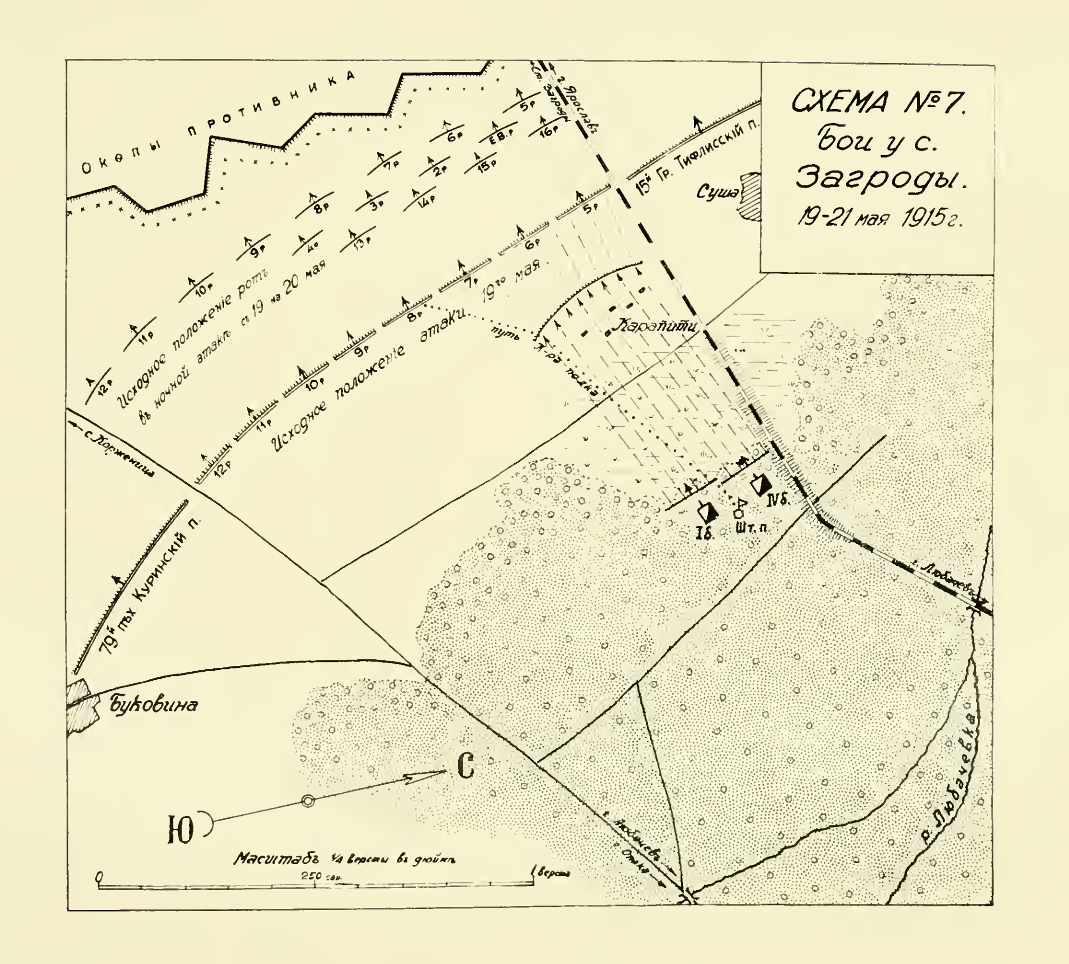
Чувства страха у меня совершенно не было и я почему-то шел совершенно спокойно и даже не торопясь. Вот когда мне пришлось познакомиться с обратной стороной медали — с ужасом войны! Дойдя до главного окопа, где была телефонная станция, я засел в нем и просидел здесь до 5 ч. вечера. Незадолго до моего прихода, как раз в этот окоп ударил снаряд и искалечил четырех солдат, убив одного на месте. Более легко раненые уползли назад, а один с вырванным боком и перебитой рукой умер при мне и мне 6 часов пришлось сидеть в окопе между двумя трупами. Вслед за мной, туда же в окоп пришел Купцов, еще утром выразивший желание лично принять участие в бою, хотя его место, как начальника хозяйственной части, — в тылу. при обозе II разряда. Только что я пришел в окоп, как мне доложили, что убит Багратион-Мухранский. Я не хотел дать сразу ему роту, но он настоял и я дал ему 5 роту, во главе которой он и пал, недалеко от того места, где сидел я. Убит он пулей в голову. Узнав затем, что убит Погорелов, я тут же приказал Купцову вступить в командование б-ном Погорелова и он блестяще командовал им до вечера 20 мая, т. е. до конца боя. В 5 ч. вечера я тем же путем, шагом, двинулся обратно, уже под менее сильным огнем. В этот день бой продолжался до вечера, затем, ночью была назначена общая атака.

Мои гренадеры шли в атаку молодцами, дошли до самых проволочных заграждений, хотя немцы косили их ружейным, пулеметным и шрапнельным огнем целыми шеренгами. К рассвету 20 мая так и залегли под проволочными заграждениями, дальше продвинуться не могли. Весь сегодняшний день пролежали в том же положении (я сам ночью и днем 20 мая был в тылу полка, в сравнительной безопасности), а к ночи приказано было отойти на старые позиции. Так кончился мой первый бой — ничего не сделали, а между тем понесли огромные потери: убито 5 офицеров, ранены 7 офицеров, контужен 1. Нижних чинов ранено до 900 человек. Убито и умерло от ран до 600 чел.

В ночь на 21 мая мы сменились и отошли на 3 версты назад, но уже ночью 22 нас снова выдвинули на позицию, правда в резерв, где мы простояли сутки. Сегодня к рассвету (на 23) нас снова уводят назад в резерв корпуса. Все это время спим, не раздеваясь, прямо на земле в грязи, да и спать приходится не больше 1-2 часов в сутки, да и то урывками. Есть почти вовсе не приходится, да и аппетита при этом совсем нет, только пить хочется. И все-таки я доволен, чувствую, что живу настоящей жизнью, а не бумажной и делаю настоящее дело.

...Сегодня я получил сердечную телеграмму от Государыни Императрицы Александры Феодоровны с расспросом о потерях полка.

Текст телеграммы гласил:

СХЕМА №7.
Бои у с.
Загроды.
19-21 мая 1915 г.
Окопы противника
Исходное положение ротъ въ ночной атакѣ съ 19 на 20 мая
Исходное положение атаки. 19го мая
путь 3-го полка
Караниты
15й Гр. Тифлисскій п.
Суша
79й пѣх Куринскій п.
Буковина
с. Корженица
г. Ярославъ
Ст. Загроды
г. Любачевъ
р. Любачевка
с. Любачевъ
IVб.
Iб.
Шт. п.
С
Ю
Масштабъ ¼ версты въ дюймѣ
250 саж.
1 верста

"Из Царского Села.

"Сообщите мне пожалуйста о потерях в полку и кто ранен. Мысли, молитвы окружают Вас всех.

Сердечный привет всем".

"Александра".

Завтра утром пошлю ответ.

Телеграмма, посланная в ответ Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице Александре Феодоровне:

"Гордые Высокомилостивым вниманием Вашего Императорского Величества, Лейб-Эриванцы, потеряв в последних боях убитыми Капитана Погорелова, поручиков кн. Багратион-Мухранского, кн. Вачнадзе и прапорщиков Понятовского и Гаврюшко, ранеными поручиков Бутурлина, Киншина, подпоручика Коновалова, прапорщиков Тихоницкого, Шах-Багова, Мясникова, Ероша, контуженным поручика Казумбекова и без вести пропавшими Оржеховского и Войнова и свыше одной тысячи четырехсот нижних чинов, горячо молятся Всевышнему о ниспослании здравия и счастья ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, Вам Великая Государыня, дорогому Однополчанину Наследнику Цесаревичу и Августейшим дочерям Вашим. Всегда преданный вековым своим заветам. полк просит верить в постоянную готовность его честно сражаться с дерзким врагом до полного и окончательного над ним торжества".

На посланную полком вслед за тем телеграмму с поздравлением Государыни Императрицы с днем рождения — 25 мая, получена нижеследующая телеграмма:

"Из Царского Села".

От души благодарю Вас Лейб-Эриванцев за поздравление и высказанные чувства преданности и любви. Да поможет вам Господь в дальнейшей боевой службе. Коновалов и Шах-Багов прибыли к нам вчера.

Александра.

Послал телеграмму Вел. Кн. Константину Константиновичу и княгине Татьяне Константиновне по случаю смерти кн. Багратион-Мухранского...

Подполк. Кунцов, начальник правого боевого участка, так описывает перипетии боя: ..."Надо заметить, что в это время у нашей артиллерии снарядов было очень мало, ввиду этого Командиры частей предложили Ген. Мехмандарову произвести внезапную ночную атаку без артиллерийской подготовки. Корпусный командир отказал и назначил атаку на утро. А утром, с нашей стороны, была скорее не артиллерийская подготовка, а артиллерийское предупреждение противнику, чтобы он не дремал и что мы будем атаковать его. Вот как было дело:

В 7 час. утра я получил приказание атаковать. I б-н стал гуськом выбегать из окопов дер. Карапети и рассыпаться в цепь. Противник открыл убийственный ружейный, пулеметный и орудийный огонь.

Тут же, в дер. Карапети, стали валиться раненые и убитые. Выйдя из деревушки, б-н потерял убитыми своего Командира Капит. Погорелова. Я вступил в командование I б-ном и перебежки стали продолжаться. Сам я шел, опираясь на палку. Ни бежать, ни ложиться я не мог. Атака наша была отбита. Во время атаки, во II б-не погиб Фл.-Ад. кн. Багратион-Мухранский. Под огнем противника мы остались лежать и стали зарываться в землю. По требованию Командира корпуса я произвел в 12 ч. ночи вторую атаку, предварительно обойдя все роты и приведя их в порядок. На поддержку мне был прислан IV б-н под командой Кап. Бутулова, но и эта атака не удалась. Мы были под проволокой. Когда выяснилось положение полка и я связался телефоном с Командиром полка, последний объявил: "на вашу первоначальную позицию двигается Грузинский полк, который выставит рогатки". Я должен был держаться до прихода Грузинцев, а затем вывести мои батальоны из сферы огня. Я оставался впереди до прихода Грузинцев и, когда те подошли, стал пропускать мимо себя наши роты. Убедившись, что все роты вышли, я пошел в тыл. После этого боя я опять вступил в должность Н-ка Хоз. части"*).

Как сам Командир, так и Подполковник Купцов описывают ту фазу боя, когда резервные б-ны (I и IV) подтягивались с мест своих стоянок к исходному положению, т. е. главной линии окопов, на которой накануне поздно вечером произошла смена кавалерийских частей. Для того, чтобы яснее представить картину боя, нужно иметь в виду, что от опушки леса, где располагались резервы и находилась Командирская палатка и все чины Штаба полка, до передовой линии было около версты, причем, приблизительно, на полдороге этого пути было разбросано несколько строений маленькой деревушки Карапети, состоявшей из 5-6 дворов. Чтобы добраться до Карапети, нужно было итти по мокрому кочковатому лугу и, только от деревни, начинался пологий подъем на небольшие складки местности, где и были расположены наши основные окопы, о которых шла речь. Основные окопы были плохо расположены и из них, далеко не отовсюду, были видны окопы противника, причем нужно было пройти в среднем еще 450-500 шагов, чтобы достигнуть проволочных заграждений противника.

Все это открылось лишь с рассветом, перед самой атакой, когда наша артиллерия открыла редкий и слабый огонь по целям, которые даже не были видны атакующим. Зато, как тогда было установлено, артиллерия 20 дивизии, по ошибке, открыла огонь по нашим основным окопам, причем во II б-не, а именно в 8 роте, оказалось 2 убитых и 5 раненых. Ровно в 7 ч. утра, как было указано, роты II и III б-нов поднялись из окопов, как один человек, и с громадным порывом бросились вперед. Немцы, видимо, давно насторожившиеся, сразу же открыли губительный огонь страшной силы. Цепи двигались в облаках пыли и дыма, неся большие потери, но не ложась. Ротам удалось продвинуться довольно значительно вперед, но завидя проволочные заграждения, нигде даже не поврежденные, и все время неся потери от комбинированного огня, роты, одна за другой, стали залегать и окапываться. За несколько минут атаки б-ны первой линии понесли тяжелые потери: был убит К-р 5 роты Фл.-Ад. Поручик кн. Багратион-

*) Подполковник Купцов.

Мухранский, смертельно ранен К-р 7 роты Прапорщик Понятовский и убит мл. оф. 13 роты Прапорщик Гаврюшко. Несколько офицеров было ранено. Потери гренадерского состава исчислялись сотнями убитых и раненых. Только передовые роты залегли, как немецкая артиллерия перенесла всю силу своего огня куда-то в тыл. Тут только стала видна вся панорама движения наших резервных б-нов I и IV, с которыми шли Полк. Вышинский и Подп. Купцов. Все поле за д. Карапети было покрыто множеством людей, над ними рвалась шрапнель и целыми очередями взрывали фонтанами болотистую почву гранаты. Как потом выяснилось: — I б-н перебегал из Карапети в главные окопы исходного положения, а IV б-н из леса в окопы I б-на на окраине дер. Карапети.

В результате, резерв наш подошел к позиции уже в измочаленном виде. Здесь был убит Капитан Погорелов. Атака была отбита. Весь остаток дня роты налаживали связь и устраивались на новых местах. День был жаркий, люди страдали от жажды; в полдень стало буквально нестерпимо.

«В 8 роте к ротному командиру люди обратились с просьбой послать кого-либо за водой. Принести воды вызвался гренадер Абрам Мошкович. Абрам Мошкович был в полку с Бзуры и приобрел себе известность своей храбростью; однажды, во время обхода окопов полка Фл.-Ад. Полковником Мдивани. Мошкович стоял часовым у бойницы и случилось так, что как раз в тот момент, когда Командир полка к нему подошел, пуля, пробив мешки с песком у бойницы, обезсиленная ударила в грудь Мошковича, пробила шинель и упала за пазуху. Пулю вынули, сам Командир ее рассматривал и с тех пор Мошкович прославился, что его и пуля не берет! И действительно, это был веселый и бравый солдат, имевший шансы при первой оказии получить Георгиевский крест. И вот и сейчас, невзирая на явную опасность для жизни, он вызвался принести воды на всю роту. Рота, узнав, что "заговоренный", как его с описанного случая стали называть, идет за водой, стали бросать ему свои баклажки... — "Абрамчик и мою! Абрашка не забудь и меня", кричит взводный... "Абрамушка!.." и со всех сторон летят баклажки... Мошкович обвесился баклажками и стал неузнаваем: — какое-то чудовище! Глядя на него, смеется вся рота, как будто бы решительно ничего не случилось... Абрам, тем временем, отполз на порядочное расстояние и поднялся на ноги. Вся рота провожала его глазами. Пули свистят на все лады, то там, то сям рвутся снаряды... Абрам обратился уже в "большого паука"... и, наконец, скрылся за складкой местности. Прошло больше часа". — вспоминает командир 8 роты Подпоручик Попов, — "я уже забыл о Мошковиче, как, вдруг, дуновение восторга прошло по роте: Мошкович, тяжело нагруженный, задыхаясь, потный и запыленный, подполз к роте с десятками баклажек. Люди жадно срывали с Абрашки свои баклажки и тут же, их до последней капли осушали. Вдруг, смотрю, в мою яму протягивается рука с баклажкой, затем показалась голова улыбающегося Абрашки.

"Я вам принес воды, Ваше Благородие, пейте". — Спасибо, брат, я воды не пью в жару, — только успел сказать я, как что-то глухо цокнуло, протянутая рука выпустила баклажку, а сам Мошко-

вич уткнулся лицом в землю... Прошел какой-то момент; увидя, что Абрашка мой не поднимается и не шевелится, я сам приподнялся, чтобы на него взглянуть... и только тогда понял, что все кончено: Мошкович был убит на повал пулей, попавшей ему в ухо. Так он и остался лежать на солнцепеке на краю моей ямы, а кровь обильной струей текла из уха и вскоре на дне окопа образовалась большая лужа крови, незаметно обратившаяся в черный сгусток... Только в 12 ч. ночи 20 мая, когда нам приказано было отойти в тыл после ночной атаки, оставшиеся в живых гренадеры, которым уже было не до убитых, тела которых устилали все поле, все же не пожелали оставить Абрама Мошковича. "Надо бы его взять с собой", — сказал кто-то в темноте, "геройский был солдат, всегда нас веселил"... На эти слова из темноты, молча, придвинулось несколько человек и другой голос сказал: "возьми мою винтовку"... "и мою", повторили какие-то голоса. — «Ну, ложьте сюда"... скомандовал кто-то... Добровольцы носильщики подняли разом носилки и тяжелое тело Абрама Мошковича уплыло в темноту" *)...

Шт.-Кап. Шидельский, офицер IV б-на, подробно, шаг за шагом записал перипетии боя под Загродами; из этих записей, чтобы избежать излишних повторений, возьмем особенно интересные места.

..."С утра 19 мая началась наша артиллерийская канонада. При этом, огонь сразу же покрыл приготовившиеся к атаке роты II и III б-нов. Я лично был свидетелем этого факта и, добежав до телефона, стал об этом говорить, но бывший здесь случайно артиллерист сказал мне, что недалеко от нас артиллерийский наблюдательный пункт и я побежал туда. Вскоре удалось это безобразие прекратить и после значительной паузы, артиллерия опять открыла огонь, стреляя куда-то в тыл. Слышал от офицеров, что роты II и III б-нов понесли потери от этого обстрела. Постреляв 20-25 минут наша артиллерия замолкла и нашим двум б-нам приказано было двинуться в атаку".

..."Вспоминаю эпизод с наблюдательным пунктом 20 артиллерийской бригады: Одному из командиров батарей показалось возможным выставить наблюдательный пункт на выдвижной лестнице... Я увидел своими глазами, как с четвертой очереди противник чуть не сбил лестницу и как люди, находившиеся при ней бежали в лес. Наступил вечер. Подошли кухни к опушке леса и закипела жизнь, все забыли о перенесенных невзгодах и что на 11 часов ночи назначен общий штурм. Но вот, кухни и патронные двуколки ушли и в наступившей тишине каждый остался со своими думами... Атака назначенная на 11 часов была перенесена на 12... Время подходило к 12 часам, часу назначенному для атаки... Было приказано к 12 ч. ночи выстроить роты во взводных колоннах с разомкнутыми на шаг рядами. Роты I и IV б-нов подошли к линии передовых б-нов (к II и III). Резерв составляют Грузинцы, которые должны подойти к д. Карапети. Тифлисцы, правее нас, тоже будут атаковать. Лично иду через полотно ж.-д., по приказанию К-ра IV б-на Капитана Бутулова, и последних там не нахожу, о чем мною и было доложено к-ру б-на, а последний уведомил об этом Штаб полка. Благодаря слабому ветерку со стороны противника и сравнительной близости до него (около 400 ша-

*) Поручик Попов.

гов) слышались шум, движение и крики... Обе стороны готовились к бою...

К 12 ч. ночи роты стали выдвигаться вперед и выстраиваться. Это приготовление к атаке я никогда не забуду, но сумею ли я воспроизвести хоть частицу того, что было? — Не знаю.

Соблюдая полную тишину, наш IV б-н построил боевой порядок, перешел через окопы исходного положения и подошел к изготовившимся ротам I б-на, которые, в свою очередь, стояли за ротами сильно пострадавшего в дневной атаке II б-на.

Порядок был такой:

12 11 10 9 8 7 6 5

4 3 2 1

13 14 15 16

Пулеметы находились в ротах II и III б-нов. Всего было 5 пулем. Шестой был подбит снарядом в окопах III б-на, а два других испортились.

Понимая важность и торжественность минуты, люди были спокойны и сосредоточены. Офицеры были погружены в обычные, в таких случаях, занятия: выстраивание рот и отдачу последних приказаний. О соседях временно позабыли. Ночь была светлая, теплая, но, как мне показалось, к моменту начала атаки стало, как будто, темнее. Нервы были натянуты до последних пределов. Помню только одно: Поручик кн. Вачнадзе, голос которого слышался где-то по близости впереди, вдруг сказал: *"Вперед!"* и все мы, без выстрела, быстрым шагом, почти бегом, бросились вперед" *).

Нужно сказать, что подъем духа у людей не успел остыть, несмотря даже на явную неудачу дневного штурма, и сейчас весь полк дружно ринулся вперед.

Картина ночной атаки укрепленной позиции всем полком, когда вдруг с близкого расстояния, на небольшом по фронту участке (всего около версты), огромная масса людей (свыше 3000 человек) ринулась вперед, была воистину величественной, феерической и незабываемой. Повторился тот же ад, что был днем, но только с другими эффектами. Днем все дымилось и заволакивалось туманом и пылью, сейчас ничего этого не было видно, зато был яркий фейерверк всевозможных огней: в воздухе рвалась шрапнель, оставляя за собой свет падающей кометы, на земле с оглушительным треском рвались снаряды и ручные гранаты, взметая снопы огня... яркими звездочками обозначалась линия стреляющей пехоты, огненными языками жалили пулеметы, а над всем этим, не торопясь, взлетали ввысь сотни ракет и, достигнув своего предела, оттуда сверху, как бы наблюдали картину побоища, ослепительно озаряя поле битвы фосфорическим мигающим светом...

*) Штабс-Капитан Шидельский.

И вот, по общему признанию, был один момент, когда буквально "чудо" спасло немцев от неминуемой гибели.

Спасло их нетронутое нашей артиллерией проволочное заграждение! Наши гренадеры, подойдя к проволоке уже бросали ручные гранаты... но разорвать голыми руками и разнести проволочное заграждение в несколько минут, или даже секунд, которыми в таких случаях распологает атакующий, — не было сил.

Остатки рот, теперь уже лишь десятки людей, стали залегать и искать спасенья от убийственного огня.

Еще раз вернемся к записям в "Полевой Книжке" Шт.-Кап. Шидельского: ..."Прошли мы около 200 шагов, а противник зловеще молчит, но вот послышались команды и в темноте заблестел ряд огоньков, засвистели пули, затрещали пулеметы и загрохотали орудия, стрелявшие "на картечь"... Еще некоторое время мы идем беглым шагом, стали слышны команды: "вперед!", "вперед!" и все бросились вперед бегом. Я шел впереди роты; разорвавшийся снаряд сбил меня с ног, поднявшись я обернулся к роте и закричал "бегом!" и видел как гренадеры бросились за мной. Сколько времени я бежал, точно передать не могу, только вдруг я увидел проволочное заграждение, к которому я подбежал вплотную. Я остановился и лег и был крайне удивлен, когда заметил свое почти полное одиночство. Я слишком зарвался вперед.

Между тем короткая ночь быстро сменилась наступившим рассветом: я заметил нескольких солдат лежащих в разных местах недалеко от проволоки. Я стал окликать солдат и приказал им окопаться. Сам же я случайно оказался у одиночного окопа вырытого немцами для своих секретов. За таким же окопом с тремя гренадерами примостился, недалеко от меня, и мой мл. офицер Прапорщик Богданов; наконец отозвался взводный 1 взвода ст. у.-о. Лысюков, который тоже уцелел; он крикнул мне, что будет рыть окоп ко мне. Всего около меня сгруппировалось 13 человек. Когда стало совсем светло меня покинуло то жуткое состояние одиночества и полной беспомощности, которое я испытывал лежа под проволокой и не имея возможности осмотреться и ориентироватся в обстановке. Что же было кругом? Весь участок до полотна ж.-д., который был у меня, как на ладони, был усеян телами убитых и раненых. Теперь ясно было видно, что сравнительно многим удалось дойти до проволочного заграждения. Кто был способен окапываться, те врывались в землю и там и сям выростали бугорки земли. Те же, что были ранены, лежали не смея пошевельнуться, так как с близкого расстояния их тотчас же добивали. В таком положении оказался молодой, только что прибывший перед боем в полк, Прапорщик Оржеховский. Будучи ранен в руку и в бок и истекая кровью, он, видимо, потерял самообладание и в предсмертной тоске поднял руку с платком, затем поднялся на колени... тогда немцы вылезли из окопа на бруствер и стали звать его к себе. Он встал и пошел, но, пройдя через указанный ему проход в проволочном заграждении, упал; подошедшие немцы взяли его под руки и повели. Примеру Прапорщика Оржеховского немедленно последовали два солдата, из коих один особенно быстро вскочил на ноги и бегом, с винтовкой добежал до немецкого окопа. В 8 ч. утра слева раздался где-то

звук сигнальной трубы и началась стрельба, я думал, что немцы перешли в контратаку, но, как оказалось впоследствии, это шел в атаку 79 пех. Куринский полк. Через 10 минут стрельба затихла. Атака была отбита. Было 9 ч. утра, бой давно затих; казалось, что все замерло, лишь, как грибы, выростали брустверы одиночных окопов. Немцы торжествовали свою победу; они настолько обнаглели, что не только выглядывали из своих окопов, но некоторые повылезали на бруствер и курили свои трубки. Совсем недалеко от меня вылез офицер и уселся на бруствер с сигарой во рту. Глядя в нашу сторону, он нахально от времени до времени покрикивал: «Русь вперед!" "Русь алло!"... Совершенно неожиданно влево от меня раздался сильный удар, я инстинктивно схватился за ухо и в этот самый момент увидел, как немецкий офицер опрокинулся назад и как в воздухе мелькнули его ноги...

Все это произошло так неожиданно и быстро, что я даже не сразу понял, что такое случилось. Скоро все разъяснилось. Влево от меня было место поросшее бурьяном и среди него, шагах в сорока, я заметил одного гренадера, это он, выждав удобный момент, застрелил немца. На мой вопрос кто он и есть ли с ним еще кто-нибуд, он ответил, что он гренадер 6 роты, а еще через некоторое время передал, что здесь находится Подпоручик Гаттенбергер и Прапорщик Котляревский и что с ними около 60 человек.

Нервное настроение начало постепенно спадать, немцы уже могли бы встретить с нашей стороны хороший отпор, если бы сами пожелали перейти в контратаку. Наступил жаркий день. Время тянулось бесконечно. Вот уже 7... 8 час. веч., а еще все светло... наконец, в 9 ч. решаюсь послать гренадера с донесением.

В 12 ч. ночи, согласно полученному приказанию, мы отошли на линию основных окопов. В результате оказалось, что у меня в роте осталось 90 человек, особенно пострадали 1 и 2 взводы. В ночной атаке погиб еще один оицер: Поручик кн. Вачнадзе. Будучи сменены Грузинцами, мы отошли в лес к Штабу полка, куда пришли наши кухни и денщики. Здесь мы разбили палатки и получили обед и чай"*)...

..."Итак, бой начался", — говорит состоявший при Штабе полка Поручик Гвелесиани. — "Началось с того, что пришлось остановить огонь нашей артиллерии**), открытый по своим. Остановили огонь; роты двинулись вперед. Командир полка в Штабе полка в лесу. Стремится вперед. Двое офицеров, в том числе я, вызываемся идти с ним и тотчас же тронулись в путь. Вышинский шел, не обращая внимания на обстрел. Немного бледный, но держался великолепно с полным самообладанием. В окопе у д. Карапети, куда мы вошли перевести дух, один из гренадер обратился к Командиру с вопросом: — "Для чего вы, Ваше Высокоблагородие, пришли сюда?" На это Командир ему ответил: — "А где я должен быть как не с вами?" И тот же гренадер добавил: — "Там в Штабе полка вы нам нужнее". Передохнув, двигаемся дальше на главную позицию. Приходим и занимаем место у телефона. Картина: с одной стороны убитый гренадер армянин, а с другой — гренадер в агонии с вырванным животом, дальше в блин-

*) Штабс-Капитан Шидельский.
**) Артиллерия 20-й пех. див. (Ред. К.).

даже, раненый Шах-Багов. Пробыли весь день. Около 3 часа ночи выясняется полная неудача ночной атаки, только одних офицеров убито 6 человек. Настроение у всех подавленное. Нервы не выдерживают и начинают сдавать...

Вышинский отошел в сторону, лег, накрылся буркой с головой и плакал, как маленький ребенок. То же самое было и с офицерами в Штабе полка, только все скрывали это друг от друга. С этого дня, в полку возобновляется метод Мдивани: по возможности экономить кадры, для чего при Штабе полка, всегда в резерве несколько офицеров. В ночь с 20 на 21 нас сменяют Грузинцы и два дня подряд повторяют то же самое, что и мы. Полковник Вышинский понял душу офицера передовой линии; во все время командования полком, Вышинский был редким и самым заботливым Командиром: никогда не отдохнет и не съест, пока какой-нибудь маневр не окончен, причем он сам лично должен был во всем убедиться. Все отступательные бои был неразлучно с полком и со Штабом, ехал последним. На новых позициях лично распределял роты и еще раз обязательно все обходил и смотрел, как укрепились. Только убедившись, что все в порядке, позволял себе немного отдохнуть".

В заключение сказанного Поручиком Гвелесиани приведем окончание письма Полковника Вышинского.

"В этот день (19 мая) бой продолжался до вечера. Затем, ночью была назначена общая атака. Мои гренадеры шли в атаку молодцами, дошли до самых проволочных заграждений немцев, хотя последние косили их ружейным, пулеметным и шрапнельным огнем целыми шеренгами. К рассвету 20 мая полк залег под проволочным заграждением. Дальше продвинуться не мог, так как соседи нас совсем не поддержали.

Весь день 20 пролежали в таком положении (я сам в ночь на 20-е и весь день был в Штабе полка в сравнительной безопасности), а к ночи приказано было отойти на старые позиции.

Так кончился мой первый бой, ничего не сделали, а между тем понесли огромные потери: убито 5 офицеров и около 600 гренадер, ранено 7 офицеров, контужен 1 и ранено и выбыло из строя 900 нижн. чинов. Всего — 1.500 человек.

**
*

За бой под Загродами, Фл.-Ад. Поручик князь Багратион-Мухранский был награжден Орденом Св. Георгия 4-й степени при следующей реляции: Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка Флигель-Адъютанту Поручику князю Константину Багратион-Мухранскому, состоявшему в прикомандировании к 13 Лейб-Гренадерскому Эриванскому Царя Михаила Феодоровича полку, за то, что 19 мая 1915 года при атаке неприятельской позиции к востоку от с. Загроды, командуя 5 ротой сего полка и увлекая своим примером нижних чинов, с беззаветным мужеством, засвидетельствованным Начальником боевого участка, первый ворвался в неприятельский окоп, причем тут же был убит.

("Русский Инвалид" от 18.7.15 за № 158).

Командовавший в бою передовой линией Подполковник Купцов произведен в полковники.

Ночью на 21 мая полк был сменен и отведен на 3 версты в тыл, но уже ночью на 22 снова выдвинут на позицию, в резерв, где и простоял сутки. 23 мая полк был выведен в корпусный резерв. Вот как описывает события последующих дней Полк. Вышинский:

..."На кровати я не спал уже с ночи на 17 мая, спим все это время, не раздеваясь, на земле в грязи. Спать приходится не больше 1-2 часов в сутки, да и то урывками. Сейчас, подписывая это письмо, сижу в землянке, изредка через наши головы пролетают "чемоданы", иногда рвутся довольно близко от нас, но пока, слава Богу, все благополучно.

24 мая 1915 г. 12 ч. дня. Бивак к лесу к югу от с. Законце. Мы сейчас в резерве в тылу и стоим в лесу на отдыхе. На войне человек живет больше настоящим, которое быстро вытесняет прошлое, не успеваешь похоронить одних покойников, как на смену им являются уже новые. Но здесь на все это, поневоле, смотришь проще, ко всему относишься спокойнее. Удивляет меня, что Тарасенков все еще не едет, ведь он должен был выехать 14-15-V и, стало быть, должен был уже прибыть сюда. Сейчас у меня только один штаб-офицер Купцов и всеми б-нами командуют Капитаны; впрочем они свое дело хорошо делают, а вот насчет младших офицеров у нас слабо, половиной рот у меня командуют Прапорщики, далеко не всегда стоящие на должной высоте и в этом главная наша беда. Про нижних чинов могу сказать, что в общем перед их храбростью можно только преклоняться, так же как и перед их выносливостью и самоотвержением. Вообще я убедился еще лишний раз в том, что с нашим солдатом можно сделать все, если только будут на месте офицеры. Сейчас дали знать, что сегодня в 12 ч. ночи снова переходим на новое место.

25 мая. На позиции в землянке, на опушке леса у д. Менкиш-Новый. ..."У нас что ни день, то новое: вчера было решено поставить нас в резерв, но затем неожиданно было получено спешное распоряжение немедленно выступить для смены на позиции другого полка. В 10 час. выступили с бивака, в 12 ч. подошли сюда, а к 2½ ч. ночи успели сменить тот полк. Немцы в 600 шагах от наших окопов. В общем тихо, стреляют мало, но стоит лишь высунуть нос, как начинают жарить из пушек. Мне сегодня нужно было пройти немного вперед, чтобы произвести разведку и вот начали жарить: к счастью, никого не задело.

Сегодня с наступлением ночи мы снова сменяемся с позиции и уходим в тыл, где останемся не менее пяти суток, если конечно не последует отмена, что случается здесь постоянно. Вчера представил кн. Багратион-Мухранского к Георгию 4-й ст. Чувствую себя прекрасно и совершенно в своей сфере и очень доволен, как службой, так и полком. Отличные у меня офицеры. О Грузинской партии — это все миф и чушь, здесь под пулями никаких партий нет, все здесь равны. Напиши мне, как подействовала на Татьяну Константиновну смерть ее мужа; жалко ее, бедняжку; говорят, она сильно любила его. Воображаю, как она была поражена. Такого быстрого конца она, вероятно, не ожидала. Да и мы все были страшно поражены; нужно же

было, действительно, чтобы это несчастье случилось именно в нашем полку, да еще с первых шагов моего командования.

26 мая 1915 г. 5 ч. дня. Бивак в лесу у с. Ставки. Вчера весь день прошел спокойно в редкой перестрелке. В общем по расположению полка было выпущено не меньше 150 чемоданов и легких снарядов, которыми, к счастью, никто даже не был ранен, только один оказался контуженным; вот действительность, которая далеко не так страшна, как кажется. А в то же время, вчера у меня в полку ранили 2-х человек верстах в 5-6 от линии окопов! 24 вечером мне прислали в полк 700 чел. для пополнения убыли. Я их распределил по ротам, велел покормить и уже через час мы с «молодыми" в строю, выступили на позицию. Над нами аккуратно два раза в день, утром и вечером, летают аэропланы, но теперь всегда располагаемся в лесу и потому нас не видно. Я все больше и больше вхожу в роль командира полка и чувствую себя, с каждым днем, все больше и больше на месте, гораздо больше, чем чувствовал себя, например, в Штабе. Много бы я дал за то, чтобы ты могла видеть меня здесь во главе полка и среди него! Бог даст эти времена наступят и мы еще поживем в нашем Манглисе.

27 мая 1915 г. Бивак в лесу у с. Ставки. Последние сутки прошли у меня спокойно, живем себе тихо, мирно в нашем лесу вдали от немцев и только иногда отчетливые раскаты выстрелов напоминают о том, что мы на войне, а не в условиях мирного времени.

..Сложная штука полк военного времени: и о тысяче вопросов приходится подумать, и сделать распоряжения, чтобы люди были и одеты, и накормлены, и успели отдохнуть. Слава Богу, что у меня Купцов и Шлиттер, все такие опытные и дельные помощники, на которых можно положиться.

28 мая — на том же месте. Сегодня получили еще 340 человек ополченцев. Понемногу полк, после последних боев, пополняется.

30 мая 1915 г. Бивак в том же лесу. ...Удивительно теплый вечер. Часть офицеров ушла с двумя б-нами на работы на передовую линию, а оставшиеся засиделись за ужином... Рядом со мной знамя, поставленное на ружейные козлы, при нем часовой; где-то вдали, в одном из б-нов еще поют, в другом месте пищит гармошка — совсем мирная обстановка, которая лишь нарушается редкой канонадой. Чемоданы залетают и в наше соседство, но в общем немцы стреляют без толку, пуская на ветер огромное число снарядов без ощутительных результатов. Пользуясь свободным временем, приказал начать в ротах строевые занятия, чтобы хоть немного подучить и подтянуть моих дядей, в общем мало похожих на гренадер. Сам я тоже ездил сегодня в полк на занятия и уже успел сделать замечание двум прапорщикам. Трудно с этой публикой — командуют ротой, а в сущности, их ведь самих еще надо учить!" *)...

28 мая, на биваке в лесу у с. Ставки произошел не совсем обыкновенный эпизод: денщики II б-на явились в Штаб полка и доложили, что денщик убитого в бою 19 мая Прапорщика Понятовского рядовой Хрулевский обокрал своего убитого барина, присвоив себе бумажник с деньгами и часы-браслет покойного, причем последние но-

*) Полковник Вышинский.

сит на руке. — "Нам неприятно это видеть и даже стыдно"... говорят. Командир полка немедленно отдал приказ об аресте Хрулевского и о предании его военно-полевому суду. Председателем суда назначен Капитан Тимченко. Членами: Поручики Тихонов и Багель и Подпоручики Попов и Гаттенбергер. Все — кадровые офицеры полка. Суд собрался немедленно здесь же на биваке, в нашей импровизированной полковой столовой. — "Все мы, члены суда, крайне взволнованы этим неожиданным событием", — вспоминает участник суда Подпоручик Попов. "Полевой суд! Это не шутка. Или виноват или не виноват. Виноват — расстрел; не виноват — свободен. Ничего промежуточного. Все это мы знаем и нас это волнует, так как если денщики донесли, то не зря, в этом нет никакого сомнения.

Мы заняли места, как за обедом. Тимченко во главе стола. Сейчас же был приведен подсудимый под конвоем двух гренадер. Вдали, на почтительном расстоянии, с затаенным вниманием, в полной тишине, как бы замерли группы гренадер, ожидая приговора.

Судоговорение было коротко:

— "Подсудимый Хрулевский, ты обвиняешься в том-то и том-то. Признаешь ты себя в этом виновным? — строго спросил Председатель.

— "Так точно, Ваше Высокоблагородие, признаю", — произнес, невзрачный на вид, подсудимый.

Все это было так быстро и неожиданно, что как-то не верилось, что через каких-нибудь несколько минут случится неизбежное...

Во всех армиях мира за мародерство — расстрел и мы это, понятно, все знаем...

— "Уведите подсудимого в сторону на 100 шагов", — сказал Тимченко, обращаясь к конвою. Подсудимого увели.

— "Разрешите мне слово, господин Капитан", — тотчас же сказал Поручик Багель.

— "Говорите", — последовало разрешение.

— "Господа", — сказал Багель в волнении, — «что же мы этого дурака должны будем приговорить к расстрелу? Как хотите, но я против этого. Раз закон не предусматривает другого наказания кроме расстрела, я готов его оправдать. Ведь это же балда, ведь вы же его все только что видели, украл часы и их же одел на руку... и за это расстрел? Нет! Я не согласен". И сел.

— "Кто из вас младший?" — спросил Тимченко. — "Я". — сказал Подпоручик Гаттенбергер.

— "Вы какого мнения?"

— "На расстрел я не согласен".

— "А вы?" — обращаясь ко мне, сказал мой Командир б-на.

— "Я тоже считаю, что это слишком строго", — сказал я.

— "А вы?"

— "Я согласен с Поручиком Багелем, — сказал Тихонов, но только как же быть? Ведь он сознался".

— "Полевой суд", — сказал Тимченко, — "не имеет делопроизводства, кто что сказал, нигде не протоколируется. Мы судим по совести и наше постановление окончательно".

— «Тогда оправдать!" — сказали все в один голос.

Вот подсудимый снова приведен для выслушания приговора. Наступила торжественная минута.

— "Прошу вас встать господа!" — сказал Тимченко и затем, обращаясь к подсудимому, — сказал:

— "Вот что, Хрулевский, ты совершил подлый поступок и полагается тебе по Закону смертная казнь! Но мы решили, дать тебе возможность кровью своею загладить твое преступление. Мы тебя оправдали. Понял?"

Все здесь изложенное заняло так мало времени, так было неожиданно и ошеломляюще и для подсудимого, и для конвоя, и для нас — судей, в том числе, что я помню только, как подсудимый бросился на колени и поклонился нам до земли.

Приговор был принят всем полком с видимым удовлетворением, хотя и денщиков никто не упрекнул: а у нас — судей, как камень с души сорвался.

А через несколько дней, мой денщик Антон Ведлуга мне сказал: "Ваше Благородие, этого полячка, что вы судили, Бог наказал: — шрапнелью убило" *).

СПИСОК № 10.

Г.г. офицерам участникам Галицийских боев с 31 мая по 17 июня 1915 года.

№	Чин и фамилия	Должность	Примечания
1.	Полк. Вышинский	Командир полка	Весь период.
2.	Капитан Шлиттер	Полков. адъютант	Весь период.
3.	Поручик Снарский	Пом. полк. адъютанта	Ранен 2.VI.
4.	Поручик Гвелесиани	Пом. полк. адъютанта	Весь период.
5.	Шт.-Кап. кн. Эристов	Н-к к-ды сл. связи	Весь период.
6.	Поруч. кн. Шервашидзе	Н-к пулеметн. к-ды	Весь период.
7.	Капитан Сабель	К-р I б-на	Весь период.
8.	Полк. Тарасенков	Ком. разн. б-нами	Весь период.
9.	Капитан Балуев	Ком. III б-ном	16.VI ранен.
10.	Капит. кн. Чавчавадзе	Ком. батальоном	2.VI заболел.
11.	Капит. Тимченко	Ком. батальоном	Весь период.
12.	Капит. Пильберг	Ком. б-нами	Весь период.
13.	Капит. Бутулов	Ком. б-ном	31 мая контужен.
14.	Поручик Тихонов	Ком. ротой	Весь период.
15.	Поручик Багель	Ком. ротой	16.VI контужен.
16.	Поручик Кандауров	Ком. ротой	С 7.VI 1915 г.
17.	Поручик Гернгросс	Ком. ротой	16.VI ранен.
18.	Подпор. Попов	Ком. ротой	Весь период.
19.	Подпор. Гаттенбергер	Ком. ротой	Весь период.
20.	Корнет Пашков	Ком. ротой	Весь период.
21.	Подпор. Побаевский	Мл. оф. пулем. к-ды	Весь период.
22.	Подпор. Оборин	Ком. ротой	Весь период.
23.	Корнет гр. Медем	Мл. оф. роты	Весь период.
24.	Прапорщ. Котляревский	Ком. ротой	16.VI контужен.

*) По странной иронии судьбы, в Добровольческой Армии в 1919 году, Капитан Багель был приговорен военно-полевым судом к смертной казни за самовольное оставление позиции. Но приговор суда не был приведен в исполнение, так как Багель тех дней был уже психически ненормален. Он был разжалован, спился и погиб в Севастополе. (Ред. Ком.).

№	Чин и фамилия	Должность	Примечания
25.	Прапорщ. Жилин	Ком. ротой	Весь период.
26.	Прапорщ. Гусаков	Мл. оф. роты	Весь период.
27.	Прапорщ. Борисов	Команд. ротой	Весь период 17.VI контужен.
28.	Прапорщ. Ростомов	Мл. оф. и к-р роты	15.VI — убит.
29.	Прапорщ. Орехов	Мл. оф. и к-р роты	Весь период.
30.	Прапорщ. Мелик-Адамов	Команд. ротой	2.VI ранен.
31.	Прапорщ. Трусевич	Команд. ротой	31 мая убит.
32.	Прапорщ. Кисель	Команд. ротой	Весь период.
33.	Прапорщ. Богданов	Мл. оф. и к-р роты	14.VI контужен.
34.	Прапорщ. Снарский	Мл. офицер	Заболел 2.VI.
35.	Прапорщ. Федоров	Мл. офицер	16.VI ранен.
36.	Прапорщ. Янко	Мл. офицер	Весь период.
37.	Прапорщ. Исаев	Мл. оф. и н-к к-ды разв.	Весь период.
38.	Прапорщ. Ерош	Мл. офицер	16.VI ранен.
39.	Прапорщ. Хан-Сагнахский	Н-к к-ды разведч.	3.VI. командирован на Турецкий фронт.

ОТХОД ИЗ ГАЛИЦИИ

Бой у дер. Тухла 31 мая 1915 года.

"Ночь на 31 мая на фронте дивизии в районе д. Тухла протекала как-то нервно. Немцы вели энергичный огонь по нашим окопам. Непрерывно вызывали к телефону, сообщая об усиленном обстреле; Командир 15 гр. Тифлисского полка Полк. Воскресенский особенно часто звонил и, хотя сообщал об усилении огня на его участке, но каждый раз заявлял, что у него все благополучно. Рано утром огонь немцев заметно усилился. Вызванный из Штаба дивизии, Полковник Воскресенский сообщил, что немцы ведут очень сильный огонь по его участку и по Мингрельцам, но *"у нас все в порядке, будьте спокойны"*. Не успел я еще отойти от телефона, как опять телефонист протягивает трубку и просит поскорей. Взволнованный Полк. Воскресенский кричит в телефон, что он снимается, так как прорван фронт и немцы в Тухле. И телефонная связь немедленно же прерывается. Остатки Тифлисского и Мингрельского полков в беспорядке отходят через лес, находившийся позади их позиций. Немедленно к Тухле был выдвинут Эриванский полк, который в последующие дни нашего отхода, вместе с приданными ему батальонами Грузинского полка, бессменно прикрывал отступление корпуса, доблестно выполняя тяжелую задачу арьергарда" *).

Записи в полевой книжке Командира полка Полк. Вышинского: "В ночь на 31 мая на саперные работы в д. Тухлу ходили I и II б-ны. Вернулись около 4 часов утра. Уже ночью немцы усиленно обстреливали как Тухлу, так и наши окопы. После 6 ч. было получено по телефону распоряжение Н-ка дивизии немедленно выслать к дер. Тухла один б-н. Приказал выступить IV б-ну. Четверть часа спустя, получено новое распоряжение выслать еще один б-н, причем один направить в распоряжение К-ра 15 Грен. Тифлисского полка, а другой в распоряжение К-ра 16 Грен. Мингрельского полка. Приказал отпра-

*) Ген. Шт. Кап. Булгаков.

виться III б-ну в Тифлисский полк, IV в Мингрельский. После выступления б-нов, новое распоряжение: выступить и мне с двумя б-нами, оставаясь в распоряжении Н-ка дивизии. Приказано выступить на опушку леса у д. Тухла, где получу дальнейшие указания. Около 8 ч. выступили. Шли все время лесом. В пути б-ны подвергались обстрелу шрапнелью, бившей по отходившим в беспорядке раненым и обозам различных частей.

Прошли мимо Штаба Мингрельского полка, оттуда я сообщил по телефону о своем прибытии Н-ку дивизии и получил от К-ра Мингрельцёв Полк. кн. Макаева указание, в каком направлении полку двигаться к Тухле. О том, что мой IV б-н, назначен в его, Макаева, распоряжение, он ничего не знал.

Около 9½ часов утра я подошел с двумя б-нами к опушке леса против д. Тухлы, где остановил б-ны и выехал с офицерами вперед для разведки. Случайно на опушке леса против Тухлы нашел оба своих б-на (III и IV), которые, не встретив ни Тифлиссцев, ни Мингрельцев, вышли сюда и заняли опушку леса. Впереди уже наших не было. Тухла уже была занята немцами. О соседях справа и слева никаких сведений не было. Шла стрельба. Обтреливали и нас. Приказал расположиться так: III и IV б-ны впереди, за третьим, правее Тухлы, I б-н, за ним в резерве 5 и 6 роты. 7 и 8 роты направил влево за IV б-н. Решил атаковать Тухлу с целью выбить оттуда немцев. Когда к Штабу полка провели телефон, доложил о положении дел Н-ку дивизии. Последний подтвердил распоряжение об атаке Тухлы. Я вновь передал это распоряжение кн. Чавчавадзе, приказав ему войти для атаки в связь с Грузинцами, которые, как выяснила разведка, находились правее нас. Левее нас никого не было и немцы стали нас обтекать слева. К этому времени роты несли уже большие потери от огня. Был убит Командир 12 роты Прапорщик Трусевич. По донесению К-ра III б-на Тухла была занята значительными силами с пулеметами и артиллерией. Немцы сделали попытку обойти наш правый фланг, но наступление их было отбито по собственной инициативе Капитаном Сабелем.

Все уже было готово для перехода в атаку, как от Н-ка дивизии было получено распоряжение отходить на позицию Шутково-Луковец-Велькп Очи, причем Н-к дивизии указал, что мне подчинен и Грузинский полк, один б-н которого (III) был выдвинут влево к сел. Кобыльнице, для прикрытия моего левого фланга. Остальные б-ны Грузинцев были правее нас. Немцы уже несколько раз пытались перейти в наступление, но каждый раз их отбивали огнем. Отходить приказано было мною в том же порядке, как стояли, только I б-ну Кап. Сабеля было приказано сменить III б-н Кап. кн. Чавчавадзе. Немцы сильно обстреливали нас во время отступления, однако, последнее было произведено в полном порядке, шаг за шагом. Несколько раз мы подпускали немцев на близкое расстояние и открывали по ним пулеметный огонь. При отходе встретил К-ра Грузинского полка и условился с ним подравняться на линии дороги из Кобыльнице в Луковец. К 5 ч. дня, на указанную выше линию вышли мои б-ны: II, III и IV. I б-н прикрывал отход. В селе Луковец находился Штаб корпуса. Здесь встретил саперных офицеров, которые указали, что у Луковца — пра-

СВИДѢТЕЛЬСТВО О РАНЕНІИ

Полкъ 13-го Л. Гренадерскаго Эриванскаго Царя Ми-
Команда хаила Феодоровича полка

Чинъ поручикъ

Имя, отчество и фамилія. Арчилъ Тамастіоновичъ Гогоберидзе

Лѣта отъ роду 25

Раненъ, ушибенъ.
Годъ 1914 мѣсяцъ Сентябрь число 22
Гдѣ (мѣстность) у дер. Осово.
Чѣмъ осколками снаряда.
Въ какую часть тѣла (подробное описаніе объективныхъ признаковъ). Контузія головы и лѣваго плеча. Слѣпое огнестрѣльное раненіе въ области лѣвой лопатки съ поврежденіемъ кости. Сквозное огнестрѣльное раненіе лѣвой голени въ средней ея трети.

Оказанное пособіе Перевязки. 19/XI Разрѣзъ и удаленіе осколка снаряда.

Годъ 1914 мѣсяцъ Октябрь число 25

№ 61

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ДВОРЦОВЫЙ ЛАЗАРЕТЪ

Старшій Врачъ Царскосельск. Дворц. Лазар. Д-ръ Медиц. [подпись]

(Сторона лицевая)

Симъ удостовѣряю, что операція произведена въ присутствіи Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княженъ Ольги Николаевны и Татіаны Николаевны. Перевязки неоднократно производились Ея Величествомъ собственноручно.

Старшій Врачъ Д-ръ Медиц. [подпись]

По Главному Штабу выдано изъ военнаго фонда пособіе на леченіе въ размѣрѣ:
Сто двадцать руб.
2 Января 1915 года.
За Начальника отдѣленія
Подполковникъ Безруковъ

(Оборотная сторона)

вый фланг Эриванского полка, а Грузинский полк левее нашего. Решил сейчас же направить на позицию II и III б-ны, что и сделал. Вправо и влево от них — никого. Поехал к Командиру корпуса. Там новое распоряжение: держаться на линии Бихале — выс. 213 — Вельки Очи. В этом смысле уже было послано Штабом корпуса распоряжение К-рам Грузинских б-нов, которые, вследствие этого, не явились к Луковцу. Я доложил корпусному Командиру, что я уже занял позицию, что остальные уже все отходят и что остается одно — занять позицию Луковец-Вельки Очи. Командир корпуса согласился с этим, разослал полусотню казаков собирать и направлять б-ны. К вечеру подошли на левый фланг III Грузинский и IV наш б-ны, а на правый фланг I б-н Сабеля. Прорыв между I и IV б-нами занял Командой разведчиков. Только к полуночи подошли б-ны Грузинцев и заняли свои места.

К утру IV б-н, смененный Грузинцами, отошел вправо и сменил разведчиков и I б-н. Те и другие утром же отошли в резеерв, причем I б-н стал в лесу на тыловой позиции, где и окопался. Вправо от нас — IV кавалерийский корпус. Между нами прорыв; кавалерия вообще линии не заняла.

1 июня 1915 года.

С утра роты были расположены в следующем порядке:

IV б-н		III б-н		II б-н
	3	2	1	
		I б-н		
		4		

Спокойно. Выслал разведку 3 взвода казаков с Есаулом для освещения местности впереди фронта. Но они, видимо, шли лишь в одном направлении и, потеряв ранеными 2 лошадей, очень рано вернулись. Примерно с полудня, немцы в одиночку стали выходить на наши окопы, их встречали огнем. Настроение людей хорошее. К вечеру атаки участились, но до конца дня все попытки немцев добраться до проволочного заграждения отражались огнем.

Между Грузинцами и нами (влево) разрыв, который должны были заполнить мои разведчики. Вправо действовала кавалерия, с которой тоже был разрыв, сильно меня беспокоивший.

Под вечер огонь усилился против левого фланга Грузинцев. Часам к пяти обозначился натиск немцев на наш правый фланг. Кавалерия ушла назад, обнажив фланг. Вправо близко началась стрельба, особенно "чемоданами". Я выслал туда в сев.-зап. часть с. Луковец сперва Е. В. роту из резерва, затем 2 роту с Капитаном Сабелем, потом и остальные две роты I б-на. Передавали, что даже в Луковце идет стрельба, хотя с правого фланга от Кап. Сабеля и Кап. Тимченко

поступали успокоительные сведения. Часов около шести, когда обнаружилось, что ни кавалерия, ни выдвинутые вправо Тифлисцы не в состоянии удержать натиска немцев, Н-к дивизии передал мне распоряжение об отходе на позицию р. Млахой. Распоряжение это тотчас же было передано мною К-рам б-нов, после чего я сам отправился в тыл для выяснения новой позиции".

Приказание об отходе пришло в роты в тот момент, когда немцы подошли к некоторым участкам нашей позиции уже вплотную. Вот как описывает этот момент в своих "Воспоминаниях" участник этого боя К-р 8 роты Подпор. Попов.

"Остаток дня 31 мая и половину дня 1 июня мы непрерывно укрепляли и без того довольно сильную позицию. Против нас было тихо. Вправо от нас, в двух, примерно, верстах, уже шел бой. Немцы наступали. По телефону передавали, что наступление ведется на правый фланг I б-на. По мере подхода немцев, бой начал разгораться по всей линии. Какая-то рота стреляла по подъехавшему вплотную немецкому разъезду и взяла в плен раненного улана. Ровно в полдень мои посты, выставленные в лесу, донесли, что появились немецкие дозоры, которых они хотят захватить. Через полчаса в лесу послышались одиночные выстрелы, потом все смолкло и я увидел, как из леса мои гренадеры вели двух пленных. Их было пятеро, — доложили мне мои гренадеры, — двух мы застрелили, одного закололи, а двух — «честь имеем доставить". Наблюдатель с дерева докладывал, что немцы идут по ржи густой цепью и "уже можно стрелять". Бой шел по всему фронту. Я сам полез на дерево и увидел, что немцы, самое большее, в 400 шагах. Я приказал роте приготовиться и тоже передал пулеметчикам, находившимся по ту сторону дороги. Вдруг, мне передают, что пулеметчики уходят. Смотрю, от К-ра б-на бежит связник и кричит: — "Ваше Б-дие, приказано отступать!" Я только хотел подать команду выходить из окопов, как немцы показались всюду и сухие ветки захрустели под их ногами. Их было очень много. Отходить было поздно. Я дал залп. Немцы с криком "ура" бросились вперед. Еще четыре залпа и немцев, как не бывало. Тогда я вылез из окопа и приказал: — "За мной — шагом!" Все бросились, что было сил ко мне. Часть людей хотела меня опередить, но я вытянул руки и предупредил, что убью того, кто перейдет эту линию. Несмотря на это, часть наиболее спешивших попала, все же, в болото, их быстро повытягивали и, елико возможно, скорее стали уходить. Наше спасенье заключалось в том, что немцы должны были преодолеть засеку и затем наше проволочное заграждение. Пока они перелезали, мы уже были в полуверсте. Я знал, что немцы, взобравшись на бугор, будут преследовать нас огнем и потому, заблаговременно, рассыпал роту в цепь. Теперь только нужно было сохранить спокойствие. Вылезши на бугор, немцы, действительно, установили пулеметы и открыли сильный огонь. Я боялся, чтобы кого-нибудь не ранило, потому, что по себе чувствовал, что раненых трудно будет нести. Несколько тяжелых немецких снарядов упавших впереди нас, подняли громадные черные столбы земли... и, все замолкло. Я свернул роту и вывел ее на дорогу, где легче и скорее можно было итти. На этот раз мы шли остаток дня и всю ночь".

БОЙ 2 ИЮНЯ 1915 ГОДА

"За час до рассвета мы остановились прямо на дороге, где собрался весь полк. Через полчаса роты стали расходиться по участкам. К-р б-на Капитан Тимченко приказал мне отправиться к Командиру полка, который хотел меня видеть.

Когда я к нему подошел, он поздоровался со мной и сказал: — "Вы, Поручик, отправляйтесь с вашей ротой на крайний левый фланг, вон, на ту вершину", причем указал мне на горку без всякой растительности в полуверсте от нас. Очертания ее уже ясно обрисовались в этот момент. — "Очень возможно", — добавил Командир, — "что влево от вас не будет никого совсем, тогда примите меры против охвата фланга" *).

Вернемся снова к Полевой Книжке Полковника Вышинского. "Речки Млахой на самом деле не оказалось и позиции нельзя было бы найти, если бы она не была обозначена несколькими саперами. К полуночи на новой позиции начали собираться б-ны и к рассвету роты были расставлены по-новому.

Грузинцев к рассвету еще не было. Вправо тоже никого не было. Поставил вправо 1¼ эскадрона кавалерии. Ввиду того, что вправо за лесом шла стрельба, притянул резерв к Штабу полка и выслал роты резерва вправо. Ввиду обнажения моего фланга, просил еще утром часов в шесть, поторопить высылку полков 51 дивизии. Ответили, что высылают Ардагано-Михайловский полк и, действительно, последний вскоре прибыл и занял участок вправо от нас. Бой начался рано, часов с девяти. Огонь преимущественно артиллерийский и редкий ружейный. С утра же шел бой вправо за лесом, где, видимо, дрались Сухумцы. Около 11 ч. мне сообщили, что держаться дальше нельзя, так как Ардаганцы правее и Грузинцы левее, ушли и обнажили наши фланги. В это время я заметил, что мои IV и III б-ны уже начали отходить. Послал всех наличных офицеров и ординарцев вернуть всех на свои места; поехал и сам сначала к IV б-ну, а затем к III и всех водворил на место. Послал справиться влево: Грузинцев уже не было. Послал донесени Н-ку дивизии (около 12 ч.), что все на местах. Поехал назад к Штабу. Бой продолжал развиваться. Особенно сильно обстреливали III бн. Часа через 1½-2 после ухода назад нашей артиллерии и обстрела Штаба полка и нашего резерва 51 арт. бригадой снова начался постепенный отход наших б-нов. Немцы начали уже наседать, обходя нас с обоих флангов. Послал Полковника Тарасенкова восстановить порядок, что ему и удалось: люди снова стали возвращаться на свои места, но уже до первоначальных окопов не смогли дойти.

---

*) Поручик Попов.

Немцы продолжали наседать, обходя нас с обоих флангов и засыпая позиции полка пулями и шрапнелью. Вправо и влево от нас уже горели селения... так прошло часа два; за это время немцы обошли настолько глубоко наши фланги и настолько начали наседать с фронта, что держаться дальше стало невозможно и роты начали постепенно осаживать. Тогда я выставил разведчиков на тыловой позиции, которую решил занять под прикрытием II б-на Кап. Тимченко. При участии всех офицеров удалось остановить отходящие роты на тыловой позиции, после чего я поехал к Начальнику дивизии доложить, что полк занял последнюю позицию, на которой и будет держаться до последней крайности.

В Штабе дивизии получен приказ об отходе на позицию у Боровой-Гуры.

За бой 2 июня Командир Лейб-Эриванцев получил Георгиевское оружие при следующей реляции: «Генерал-Майор Евгений Вышинский, дежурный генерал Штаба армии, за то, что состоя Командиром 13 Лейб-Гренад. Эриванского Царя Михаила Феодоровича полка, в бою 2 июня 1915 года у Любачева, с потерею позиции соседними частями, под натиском противника, удержался под сильнейшим неприятельским огнем на занимаемой позиции на левом берегу реки Завадовки, чем вполне обеспечил общий отход". ("Русский Инвалид" от 30 октября 1916 г. № 290).

Кроме того был отдан

ПРИКАЗ

Кавказской Гренадерской дивизии Действ. Армии.

8 июня 1915 г. № 99.

"2 июня 1915 года в бою II Кавказского армейского корпуса с германцами у г. Любачева, 13 Лейб-Гренадерский Эриванский полк был поставлен в особо тяжелые условия. Бой начался с раннего утра. На правый фланг, неприкрытый соседями, спешно был выдвинут из корпусного резерва полк, которому пришлось, на виду у немцев, занимать позицию и окапываться в то время, когда германцы уже перешли в наступление. Войска правого боевого участка, расстроенные ночным боем за обладание укрепленной позицией, едва сдерживали наступавших немцев и, наконец, не выдержав напора их, постепенно начали подаваться назад. Эриванцы стойко выдерживали натиск на их правый фланг, не позволяя германцам себя охватить. К полудню обозначился также отход, под угрозой обхода флангов, соседей слева, после чего на Эриванцев обрушились превосходные силы немцев. К полудню, изнемогая в неравной борьбе, обойденный с обоих флангов, полк, во избежание окружения, принужден был начать отход, отбивая яростные атаки германцев на центр и фланги.

Эриванцы, шаг за шагом, дорого отдавали противнику пространство. Командир полка Полковник Вышинский, сознавая, что войска корпуса, отходящие на его фланге, в виду потери позиций, вызвавшей неизбежность отступления по всему фронту корпуса, находятся в трудном положении, удерживался на левом берегу р. Заводовки до вечера, чем обеспечил отход войск на правый берег и к вечеру, полк,

не оставив противнику ни одного трофея, вышел из боя и занял новую позицию, готовый дать отпор врагу.

Упорство и отвага в бою, с какими полк дрался с германцами, заставляют меня воздать должное славным Эриванцам. Эриванцы, видимо, крепко помнят заветы своих предков и ревниво берегут свою седую славу и в прошлом бою молодое поколение полка вплело свежие лавры в свой мощный венок Славы.

Исполать вам, Эриванцы, на многие годы на славу Родины и радость Батюшки Царя".

Подлинный подписал: Вр. Командующий дивизией
Ген.-Лейт. Габаев.
С подлинным верно: Полковой Адъютант
Штабс-Капитан Шлиттер.

В заключение остается привести свидетельства об этом периоде боев Нач. Шт. корпуса Ген.-М. Федорова:

"После боя у Загрод, корпус постепенно растянулся на фронте 25-30 верст (19-30 мая 1915 г.). Против корпуса, растянутого на 30 верст, были направлены, по крайней мере, двойные силы немцев. Позиция наша была очень слабо укреплена. Не хватало проволоки, снарядов и ружей.

Главный удар немцев обрушился на Кавказскую Гренадерскую дивизию. Штаб Корпуса начал получать тревожные донесения об атаке, о сопротивлении Гренадер, о тяжелом положении Мингрельцев на холме Тухла. От Командира Эриванского полка Полк. Вышинского одновременно были получены донесения о захвате немцами Тухлы и пленении б-на Мингрельцев, а от соседнего корпуса сведения о прорыве немецкой конницы южнее. Связь с частями не действовала. Эриванцам приказано было задерживать наступление немцев. Штаб корпуса отошел на переход назад к Луковцу, где началось разыскивание частей, отступавших довольно беспорядочно, к счастью без давления немцев.

Ген. Мехмандаров поехал верхом куда-то, что-то разыскивать, Бенескул — Нач. 51 пех. дивизии сам явился в Штаб корпуса и получил от меня возможную ориентировку.

Вскоре начали поступать донесения о расположении частей. Эриванцы заняли позицию у Луковца по указанию Полк. Вышинского, послужив основой для остальной части Гренадер. Понемногу все распуталось, благодаря отсутствию преследования и конницы у немцев, иначе катастрофа была бы полной. Корпус получил приказание отходить, равняясь с соседями на Томашов, Замостье, Влодаву.

Немцы систематично и осторожно наступали, никогда не предпринимая прорыва или ночного преследования. Это было тяжелое время для войск: днем отбивали наступление, или вернее спасались от обстрела артиллерии противника, ночью отходили и окапывались на новом месте, изнемогшие оставались позади и сдавались.

Снарядов было мало: за расход 300 шрапнелей Грен. арт. бригада получила выговор и было произведено расследование. Связи почти не было, давались лишь указания, где остановиться. Помню один

фланговый переход ночью, когда Командир корпуса со мной в автомобиле в полной темноте ехал, чуть не по линии охранения, в хаосе обозов и частей, но к утру опять все распуталось благополучно"...

3 июня. Позиция у Боровой Гуры и Дольна.

"К вечеру 2 июня полк сосредоточился на опушке леса впереди дер. Борова Гура. Стали окапываться, укрепились. Вправо и влево никого не было, так как все отошли назад на тыловую позицию. В ночь на 3 июня полк в порядке и без выстрела отошел на новую тыловую позицию у с. Дольна. К рассвету успели окопаться без помехи. Немцы появились лишь к полудню, когда и начался на фронте редкий ружейный и артиллерийский огонь. Бой шел на флангах полка: у Грузинцев и в 51 дивизии. К вечеру, огонь против нас усилился. Часов в восемь вечера сообщили, что ночью предстоит отход на новую позицию у с. Оседедек. Отход был назначен после 10 ч. вечера, но части 51 див. отошли уже в 9 ч. вечера. Вследствие этого немцы открыли сильный артиллерийский огонь по нашему расположению. Огонь продолжался до 11 ч. вечера. Наши б-ны отошли в порядке и спокойно на указанную позицию, куда прибыли к рассвету.

На старой позиции до рассвета оставались две роты: 2 и 5, которые утром также спокойно отошли. На рассвете заняли позицию по указанию сапер опять двумя б-нами. Часов в девять утра выяснилось, что Потийцы ушли на 2 версты вправо, образовав разрыв. После сношений со Штабом дивизии и корпуса получил распоряжение занять половину разрыва.

Так как на этом переходе полк был сведен в два б-на, то пришлось растянуть участок вправо на версту, выслав всего в боевую линию 6 рот. Одну роту дал Сабелю в батальонный резерв, 1 роту в полковой резерв".

ГЕОРГИЕВСКИЕ НАГРАДЫ

за период Галицийских отступательных боев.

Награждены Георгиевским оружием:

1. Подполковник Николай Тимченко, за то, что в арьергардных боях с 31 мая по 3 июня 1915 г. у д. Борова Гура и Домброва, будучи, вследствие отступления соседних частей, обойден с обоих флангов, решительными мерами и примером личного мужества удержал занимаемые позиции и тем обеспечил отход своего полка и дивизии.

("Русский Инвалид" от 2 ноября 1916 г. № 293).

2. Подполковник Адальберт Сабель, за то, что, будучи в чине Капитана, в арьергардных боях с 31 мая по 10 июня 1915 г. у с. Тухла, Луковец и Осередек, воодушевлял примером свой б-н, неоднократно оборонял важные боевые участки, отбивая многочисленные атаки превосходных сил противника и, будучи два раза отрезан от своего полка, штыками пробивался и присоединялся к нему".

("Русский Инвалид" от 2 ноября 1916 г. № 293).

3. Капитан кн. Элисбар Шервашидзе, за то, что, будучи в чине Шт.-Капитана, командуя 3 пулеметами в боях 31 мая и 1 июня 1915

года у д.д. Тухла и Луковец-Вельки Очи, когда немцы повела стремителные атаки, огнем своих пулеметов отбил таковые и, нанеся противнику огромные потери, дал возможность полку занять новую позицию и укрепиться на ней".

("Русский Инвалид" от 25 апреля 1917 г. № 95).

4. Штабс-Капитан Анатолий Побаевский, за то, что, будучи в чине Подпоручика, командуя двумя пулеметами в боях 31 мая и 1 июня 1915 г. у д.д. Тухла и Луковец — Вельки Очи, когда немцы повели стремительные атаки, огнем своих пулеметов отбил таковые, нанес противнику большие потери и тем оказал полку незаменимое содействие, выведя его из тяжелого положения".

("Русский Инвалид" от 2 апреля 1917 г. № 95).

БОИ У СЕЛА ОСЕРЕДЕК

4-13 июня 1915 г.

На позицию у Осередека полк подошел на рассвете 4 июня. Собственно, никакой позиции здесь не было: были бугры, на которых полк поджидали наши саперы, трассировавшие линию новой обороны, которую нужно было спешно создать. Полк был в двухбатальонном составе, так как б-ны были сведены: второй с третьим, а первый с четвертым.

В первой линии стали шесть рот и немедленно, не отдыхая ни минуты, приступили к земляным работам. Работали открыто, так как противник упустил момент отхода полка со старой позиции и полку удалось оторваться от соприкосновения с противником на несколько часов. Работа по устройству новой позиции шла быстрым темпом, стояла чудная теплая погода. За день 4 июня полк успел построить окопы полной профили и ходы сообщения до ближайших складок местности в тылу, откуда уже можно было сообщаться с тылом как ночью, так и днем.

Были измерены и отмечены расстояния до хорошо видимых местных предметов. Поздно вечером 4 июня саперы подвезли колючую проволоку и колья, но проволочное заграждение возвести не удалось. В эту ночь, из предосторожности, секреты были высланы на 500 шагов впереди окопов.

Местность представляла все удобства для обороны, так как от позиции занимаемой полком шел спуск пологим скатом к маленькой речке Бузжак, откуда начинался такой же пологий подъем к закрывавшему весь горизонт Бабчинскому лесу. От нас до леса было версты полторы. Левый фланг полка уперся в опушку леса у самой д. Осередек, а правый фланг в дорогу ведущую из большого села Цешанов (на стороне противника) в д. Горажек в нашем тылу.

5 июня с утра полк приступил к улучшению своей позиции и в частности к возведению проволочного заграждения. В это же время части 56 германской пех. дивизии начали разворачиваться против расположения Эриванского и стоявшего левее нас 14 Гр. Грузинского полков.

Выписка из полкового дневника 112 артиллерийского полка 56 герм. пех. дивизии от 5/18 июня 1915 г.:

"Дивизия с 3,45 на марше в двух колоннах: левая (118 пех. полк, 6 самокатная рота, 4 эскадрон 17 Гусарского полка, 1 дивизион 4 Артиллерийского полка и 4 понтонная рота) на Цешанов — Хотылюб-Рудку. Правая колонна (остальные части дивизии) на Новое Село — Подземщизны.

В 13 часов Командир 2 дивизиона Капитан Шальтен получил приказание перейти в состав левой колонны. Левая колонна прошла Цешанов в 5.30 утра. 1 дивизион в колонне главных сил. Вперед выслан Гусарский эскадрон на разведку леса Бабчина. Нашел его свободным. На холмах к сев.-востоку от с. Хотылюб русские окапываются. (Примечание Ред. Ком.: Это были б-ны Лейб-Эриванцев. Грузинцы, стоявшие левее, окапывались по опушке леса и были лучше замаскированы). В 10 часов пришел приказ батареям стать на закрытые позиции сев. мызы и обстрелять неприятельские окопы. Эти места находились на левом фланге дивизии у стыка с соседними австрийскими войсками, что должны были выйти на сев.-восточную опушку леса Бабчина. Но австрийцы еще не подошли, отчего до их подхода туда выслана часть от 118 пех полка (I-й б-н).

Выписка из полкового дневника 118 пех. полка 56 герм. пех. дивизии, 5/18 июня 1915 г.:

"Полк собран в 3 ч. В 3.45 двинут на Цешанов. I б-н в авангарде. Мосты уничтожены. Через Новое Село, где сделали привал, перешли в Хотылюб. Неожиданно колонны попали под артиллерийский огонь. Батальон развернулся, приданная ему батарея 112 арт. полка стала на позицию за группой дворов. Ее тотчас же накрыла вражеская артиллерия. Это произошло в 11.30. Командир б-на Капитан фон Бутлер-Бранденфельс вызвал через адъютанта лейтенанта Рейнберга, ротных командиров лейтенантов Баас, Кратц, Штейн и Герарда и вместе стали разбираться в обстановке, находясь под сильнейшим огнем. Батальон двинут в атаку в общем направлении через выс. 245. Потери тяжелые. Цепи залегли и начали окапываться"...

Около полудня, перед II св. б-ном Эриванцев из леса Бабчина высыпали густые цепи противника. Работы были моментально прекращены и роты приготовились к открытию огня. Огонь был открыт лишь с расстояния в 600 шагов. Одновременно открыла огонь 2 батарея Кавк. грен. арт. бригады под командой Подполковника Стопани, стоявшая за II б-ном и имевшая свой наблюдательный пункт сейчас же за окопами 7 роты, где находился сам Командир батареи. Кроме батареи два пулемета, находившиеся при 8 роте под командой Подпоручика Побаевского, открыли бешеный огонь по наступавшему противнику. Зрелище было потрясающее. Немецкие цепи были буквально сметены на глазах у всех в течение двух-трех минут. Люди падали, как

мишени на стрельбищном поле. Отчетливо были видны все рикошеты, а элипсисы рвавшихся шрапнелей обрисовывались на поле, как на доске во время лекции по артиллерии. При отбитии атаки полк не понес никаких потерь.

О действии огня нашей 2 батареи Подполковника Стопани в дневнике 3 арт. полка 56 пех. герм. дивизии от 5/18 июня имеются следующие указания:

«В 10 ч. батареи открыли огонь. Тотчас же русская тяжелая и легкая артиллерия (Примечание Ред. Ком.: тяжелой артиллерии у нас не было. Здесь явное недоразумение) начала отвечать. Попаданиями в пехотное прикрытие выбило из строя убитыми и ранеными 12 человек. 1 батарея была также жестоко обстреляна и на время замолчала, а с наступлением темноты переменила позицию"...

В последующие дни полк продолжал интенсивно укреплять свою позицию. По ночам роты строили проволочные заграждения и совершенствовали систему укреплений. 6 июня произошел трагический эпизод: Команда разведчиков полка, под командой Фельдфебеля Науменко в составе 17 гренадер, вышла на разведку за проволочное заграждение, не предупредив соседние роты. При возвращении с разведки, разведчики попали в расположение роты ничего не знавшей о высланной разведке. Рота открыла частый огонь. Огонь молниеносно распространился по всей линии, будучи открыт ротами без всякой команды под влиянием нервного напряжения в ожидании повторной атаки немцев, ожидавшейся с часу на час. В результате вся команда разведчиков с фельдфебелем Науменко во главе была перебита.

В дневнике 112 Артиллерийского полка, этот эпизод отмечен так:

"6/19 июня. Ночью подошедшие австрийцы сменили 2 дивизион. Между 21 и 22 часами неожиданно зарокотал у русских по всей линии сильнейший ружейный огонь. Через час почему-то все сразу успокоилось"...

На позиции у Осередека полк продержался до 13 июня. В связи с одержанным успехом настроение сильно поднялось и позиция полка, понемногу, обратилась для противника в солидное препятствие; как вдруг, совсем неожиданно, вечером 13 июня пришло приказание полку отойти на новую позицию, для чего приказано сняться всем ротам в 9 часов вечера, кроме Е. В. роты и 8, каковым надлежало задержаться на оставляемой позиции еще 3 часа, после чего отойти в арьергарде полка. Означенные роты выполнили приказание и с рассветом 14 июня присоединились к полку, занятому в это время устройством новой позиции у м. Нароля (Нароль-Място).

За бои у д. Осередек, командовавший II св. б-ном Эриванского полка Полковник Тарасенков награжден Георгиевским оружием, при следующей реляции:

"Полковник Константин Тарасенков, награждается Георгиевским оружием за то, что, командуя II сводным б-ном 13 Л.-Гр. Эриванского

Царя Михаила Феодоровича полка, в арьергардных боях 3-7 июня 1915 г. у с.с. Башни и Осередек, находясь все время в передовых цепях, упорно оборонял поручаемые ему важные боевые участки, отбил все многочисленные атаки превосходных сил противника и не уступил своих позиций".

("Русский Инвалид" от 2 ноября 1916 г. № 293).

Вот какое отражение получили все эти события в письмах Командира полка Полковника Вышинского:

Открытка 3.6.15. "Сейчас уже 2 час утра 3 числа. С 31 мая полк находится в безпрерывных боях с большими потерями. Через час снова выступаем. Опять период недосыпания, о письмах и говорить нечего"...

Открытка 3.6.15. "На позиции днем. Ночью пришли сюда. Бой, пока что, разгорается слабо, только артиллерия стреляет безпрерывно"...

Открытка 5.6.15. "Сегодня опять весь день шел бой; сейчас, к вечеру несколько тише"...

Открытка 7.6.15. На позиции в лесу. "Все еще сидим на позиции и деремся с немцами. В последних боях ранен Поручик Снарский. Брат его, прапорщик, заболел и уехал лечиться".

Открытка 9.6.15. "Все еще сидим на старом месте и писать, собственно, нечего, или вернее так много, что можно было бы исписать целые тетради, да писать некогда, обстановка не такая".

10.6.15. "Позиция в лесу у д. Осередек. Давно уже, очень давно, не писал тебе письма, все было некогда, так как с 31 мая мы все время в бою и походе. С этого числа все мы не раздевались; спим в лесу, прямо на земле на бурках и уже наполовину одичали. Я дошел уже до того, что на днях произвел у себя "ближнюю разведку" и нашел в своей рубашке с дюжину вшей!.. Какая мерзость! С 31 мая мне опять пришлось неоднократно быть под самым действительным огнем, но слава Богу, все обошлось благополучно и из всех четырех полков нашей Гренадерской дивизии наш полк, под моим начальством, уже успел заслужить благодарность и похвалу начальства, что и отмечено в специальном приказе Н-ка дивизии. За последние бои у меня опять убит один офицер и ранено три, в том числе Снарский, потери в нижних чинах бывают ежедневно; к этому здесь так привыкаешь, что перестаешь уже обращать на это внимание и относишься к смерти человека, как к явлению совершенно нормальному и обыкновенному. С 4 июня мы все на той же позиции; блестяще отбили атаки немцев, укрепились на нашей позиции и сидим. Я со Штабом полка живу в лесу в 1½ верстах за линией окопов, ружейные пули сюда долетают, но артиллерийские снаряды, к счастью, большею частью перелетают через наши головы и не причиняют нам вреда".

БОЙ У МЕСТЕЧКА НАРОЛЬ-МЯСТО

14 июня 1915 г.

У м. Нароль-Място проходила линия заблаговременно подготовленной позиции, на которую отходящие части нашей дивизии должны были опереться. Окопы и блиндажи, сами по себе, были хороши, но проволочного заграждения позиция еще не имела, ходов сообщения также не было.

Когда весь полк подтянулся к указанной позиции, наступил рассвет; однако, почему-то полк не распределяли по участкам, хотя сам Полковник Вышинский был здесь же. Участник этого боя Командир 8 роты Подпоручик Попов так описывает перипетии боя, здесь разыгравшегося: "Когда я разобрался по карте, то по моему вышло, что предполагаемая позиция идет чуть ли не перпендикулярно к фронту наступления противника и, действительно, Тифлисский полк, стоявший левее нас, был далеко сзади и строил новые окопы, а Грузинцы окапывались еще левее и чуть ли не на версту сзади Тифлисцев. Сразу бросалась в глаза какая-то ненормальность. Я доложил об этом Ком. б-на Капитану Тимченко, опять принявшему II б-н. Он согласился со мной и мы вместе пошли к Командиру полка. Нам удалось убедить Командира не занимать приготовленные окопы, а отойти шагов на 500 назад и построить новые окопы. Я отвел свою роту назад и выбрал новое место, хотя очень не важное, но все же гораздо лучшее, чем готовые окопы с подставленным к противнику флангом.

Вправо от моей роты змееобразной линией окопались 6 и 7 роты, 5 роты мне уже видно не было. Влево на буграх, значительно возвышаясь над нашим расположением, окапывались Тифлисцы, на них и обратили внимание начавшие к этому времени свое наступление австрийцы (впервые за войну оказавшиеся против нас) и открыли сильный и меткий огонь по окапывающимся Тифлисцам. Сначала я видел, как люди на буграх закопошились, как муравьи, стараясь как можно скорее поглубже врыться в землю... но было поздно, огонь был беглый и видимо наносил Тифлисцам большие потери... люди не выдержали и побежали.

Я сообщил об этом по телефону К-ру б-на, прося принять меры к их возвращению, так как наступающие были еще далеко и держаться было еще вполне возможно. Дошла очередь и до нас. Прямо против нас высыпали густые цепи в несколько рядов. Присмотревшись в бинокль, можно было сразу установить, что это австрийцы. К немалому нашему удивлению, наша Гренадерская артиллерия открыла убийственный огонь. Страшно было смотреть как удачно рвались над цепями наши шрапнели. Но австрийцы не остались в долгу и в

свою очередь открыли губительный огонь по нашим окопам. Наше настроение поддерживало то, что наступают австрийцы и что наша артиллерия не молчит.

Разгорелся бой страшного напряжения. Наступавшие цепи, все же, не выдержали нашего огня и залегли. И подняться им мы больше не дали, так они и остались лежать в 500-600 шагах. Снаряды же рвались одновременно десятками... и вдруг в этом хаосе я заметил, что из леса, что был позади наших окопов идет совершенно открыто какой-то офицер с громадной дубиной в руке. Увидя, что это офицер не нашего полка и не желая ударить лицом в грязь, и я вылез из своего окопа и пошел ему навстречу. Всюду рвались снаряды, трещали пулеметы и пули неслись роем. Увидя, что подошедший офицер Тифлисского полка, я ему представился. Это был Командир одного из б-нов Тифлисского полка, Капитан Илларион Иванович Иванов. Мы познакомились и разговор, как ни в чем не бывало, продолжался. — "Не видели ли вы здесь наших Тифлисцев?" — сказал он мне вполне спокойно и сам же добавил: "разбежались мерзавцы". — "Но я уже, вот, часть загнал обратно", — сказал он, выразительно взглянув на свою палку... Выдержав значительную паузу, мы обменялись дружеским рукопожатием и запомнили друг друга, как говорится, навсегда. Со временем, мы встречались с Полковником Ивановым не раз и при каких обстоятельствах и в каких боях! А в последние дни своей жизни, в боях под Царицыным в гражданскую войну И. И. Иванов командовал и нами, Эриванцами, будучи Командиром сводного полка Кавказской Гренадерской дивизии, во главе которого он и погиб смертью героя в октябрьских боях 1919 года" *).

Несмотря на большую стойкость, проявленную в этом бою, нас снова постигло разочарование: уже в 7 ч. вечера приказано было полку отходить. С 7 ч. вечера и до 9 ч. утра следующего дня мы шли, не останавливаясь. Под утро перешли Русско-Австрийскую государственную границу и остановились у д. Лузинец.

15 ИЮНЯ

На позиции у д. Лузинец частями нашей дивизии было оказано слабое сопротивление. Как только обозначился нажим германской пехоты, позиции стали немедленно оставляться. Отступление совершалось, тем не менее, в сравнительном порядке. Немцы все время старались выиграть наши фланги. В полдень отошедшие б-ны сосредоточились в большой деревне Пасеки, в которой усталые люди получили передышку. Только расположились вздремнуть, как в деревню вкатилось отделение немецких велосипедистов. Велосипедистам было некуда отступать и они сдались без сопротивления. В Пасеках долго не задерживались и продолжили движение на Тарноватку, идя проселочными дорогами среди лесов. На этом переходе отступающие части, уже вышедшие из боя и потерявшие соприкосновение с противником, вдруг поддались панике. Кто-то крикнул — "Кавалерия! Кавалерия!" и все бросились бежать. Оказалось, что шедшая в колонне на-

---

*) Подпоручик Попов.

ша артиллерия прибавила аллюр; уставшие и измотавшиеся гренадеры, услышав конский топот в лесу, восприняли молниеносно — "Кавалерия!"

При этом, все бежали и кричали: "Стой! Стой!". Паника быстро, сама собой, улеглась и к наступлению сумерек полк благополучно собрался у д. Тарноватка, где была линия приготовленных окопов. В этот день у дер. Лузинец был убит Прапорщик Ростомов.

Переночевав в Тарноватке, утром 16 июня полк тронулся по шоссе на Замостье. Некоторое время мы шли по шоссе; с нами двигались по тому же шоссе части 3 Гв. дивизии в таком же измученном виде, как и мы. Подойдя к д. Ксенжостаны, полк был отведен в сторону от дороги (вправо) и построен в колонну. К полку подъехал новый Начальник дивизии Ген.-Лейт. Габаев и, сняв фуражку, с непокрытой головой, благодарил полк за его боевую работу.

Эриванцам приказано было задержаться у Ксенжостан и роты стали наспех окапываться. Едва люди успели вырыть окопы "с колена", как началось наступление немцев, как всегда подготовленное сильным огнем. Опять роты не выдержали и начался отход. Пройдя верст 10, полк был остановлен у ф. и Г. дв. Лабуны. Тут же сосредоточились Штабы: Эриванцев, Мингрельцев и артиллерийской бригады.

Эриванцы уперлись флангом в шоссе на Замостье, правее были Горийцы. На этот раз, роты перемешались, а об одной роте, — Поручика Багеля, не было сведений, где она и что с ней.

Так или иначе, приступили к самоокапыванию. Вскоре обозначилось немецкое наступление. Здесь произошел редкий эпизод: Против Эриванцев и Горийцев немецкая артиллерия выехала на открытую позицию так, что все орудия были видны простым глазом, примерно, в 1½ верстах от наших линий. На глазах у всех, снявшись с передков, артиллерия открыла беглый огонь по отходившим по шоссе нашим обозам.

Когда свидетели этой картины уведомили наши Штабы, оказалось, что у наших артиллеристов нет снарядов. В бою под Наролем весь запас снарядов был израсходован. В это время немецкие цепи подошли вплотную к нашему расположению и роты открыли ружейный огонь. Немцы на несколько минут приостановились, а их артиллерия открыла по нашему расположению беглый огонь страшной силы. Все бросились бежать. А так как при выходе из ф. Лабуны оказался большой заболоченный луг, то немало всякого добра было брошено. Так, Мингрельцы бросили свои двуколки с телефонным имуществом — прекрасными аппаратами Эриксона. Эриванцы забрали аппараты, но двуколки спасти не удалось. Шли остаток дня и всю ночь и, когда часов в 7 утра полк был остановлен на малый привал, все, как стояли, так и повалились, как убитые, заснув мертвецким сном. Люди совершенно выбились из сил и уже не могли буквально держаться на ногах. К счастью идти оказалось уже недалеко. Пройдя еще версты три, мы перешли полосу укрепленной позиции на линии Красностав-Грубешов и стали принимать вправо, идя вдоль укрепленной полосы. Дойдя до леса у д. Генрикувка, получили, наконец, большой привал. С наступлением же темноты полку было приказано стать в резерв за дер. Генрикувкой в двух верстах к сев.-востоку. 18 июня прошло со-

вершенно спокойно. 19 июня утром две роты были назначены в резерв к Грузинцам, которые заняли и совершенствовали позицию в самой деревне Берестье. Здесь роты простояли три дня, после чего отошли в лес южнее с. Скибице.

Этот период нашел следующее отражение в письмах Командира.

14 июня 15 г. 2 ч. дня. ..."Так и не окончил вчера письма, неожиданно получил распоряжение отойти назад на новую тыловую позицию. Шли и располагались всю ночь и сейчас идет сильный бой, стоит почти непрерывный гул от стрельбы (Нароль. Р. К.). Мы стоим крепко, но немцы лезут на наш левый фланг и этим заставляют отходить весь фронт. Вообще делается, черт знает что!"

"Продолжаем вести жизнь кочевых дикарей: — уже с 31 мая сплю не раздеваясь и без подушки и все нет покоя и отдыха. О том, что тут у нас делается ничего не пишу, если буду жив, расскажу впоследствии, в общем безобразие всюду и везде!"

Открытка 17 июня. "С 13 июня не мог писать тебе, и сегодня уже 17-ое. Все эти дни мы были в безпрерывных боях и увы, все отступали. Страшно тяжело это было, но, Бог даст, скоро все изменится к лучшему. Лично я жив и здоров, хотя последние дни приходилось по двое суток не спать и почти не есть: некогда было, да и не до того".

18 июня 15 г. На фольварке. 9 ч. утра. «Только что проснулся, проспав после 31 мая, подряд, целую ночь! Со вчерашнего дня мой полк после передряг последних дней, в которых он понес снова большие потери, отведен в резерв, т. е. версты за две за фронт. Долго ли останемся тут, конечно, сказать нельзя и спасибо уже за то, что дали поспать хоть эту ночь.

Люди уже настолько измотались, что не держатся на ногах — стоя спят. О событиях последних дней я тебе ничего не писал и сейчас писать не стану, об этом можно бы написать целую книгу, а в письме все равно ничего не изложишь... Я веду, по возможности, записи вроде дневника с изложением по дням и по часам всех событий, — после когда-нибудь прочтешь все это; сейчас могу сказать одно, что переживать приходилось ужасные моменты, что хуже отступления ничего быть не может и что вообще было очень плохо. Тем не менее до сих пор наш полк, сравнительно с другими, выходил с честью из самых трудных и опасных положений.

Физически тоже приходится очень тяжело, тем не менее я чувствую себя вполне здоровым и бодрым и готов воевать еще сколько угодно, лишь бы не отступать больше! Кончаю, голубчик: сейчас отправляется в обоз ординарец, он должен свезти это письмо.Ируське посылаю цветы, засушенные мною еще в Галиции, за границей! Василий все ездит при мне и мы с ним не раз были под огнем. Раз, когда я завяз в болоте, он собственно спас мне коня, которого я уже хотел пристрелить, так как немцы наседали и приходилось самому уходить. Вообще Василий, как и был всегда, молодец, заботится и смотрит за мной. Думаю дать ему крест за дела последних дней".

21 июня 15 г. "О настоящей моей жизни писать, собственно, нечего, живем лесными дикарями, стоим в резерве и готовы каждую минуту по первому приказанию, переданному по телефону, двинуться

вперед на немцев. Пока на нашем фронте сравнительно спокойно и, надеюсь, наше отступление кончилось.

В последних боях, полк снова потерял немало офицеров — в общем, до 10 человек и до 600 нижн. чинов. Всего же за время моего командования — убито 7 офицеров, ранено 14, контужено 5 и без вести пропал один (Прапорщик Оржеховский, который скончался от ран. Р. К.). И сейчас у меня не хватает офицеров для командования ротами.

24 июня 1915 г. "В настоящее время помимо пуль и снарядов нас донимает холера, — ежедневно у меня в полку бывает несколько случаев, несмотря на все принимаемые меры.

29 июня наш Полковой праздник, удастся ли нам отпраздновать его как-нибудь?"...

СПИСОК № 11.

Г.г. офицерам полка участникам ночной атаки ф. Облычин с 25 на 26 июня 1915 г.

№	Чин и фамилия	Должность	Примечания
1.	Полковник кн. Макаев	Командир 16 Гр. Мингрельского полка	Руководитель атаки.
2.	Подполковник Тимченко	Командир II батальона	
3.	Прапорщик Жилин	Командир 5 роты	
4.	Подпоручик Гаттенбергер	Командир 6 роты	
5	Прапорщик Исаев	Командир 7 роты	
6.	Подпоручик Попов	Командир 8 роты	

БОИ НА ЛИНИИ КРАСНОСТАВ-ГРУБЕШОВ

Взятие фольварка Облычин ночной атакой с 25 на 26 июня 1915 г.

25 июня 1915 г. Еще с полудня слышалась канонада на передовых позициях. Бухала артиллерия. Временами, где-то недалеко, то вспыхивала, то угасала ружейная и пулеметная стрельба. Полк в трехбатальонном составе (в ротах — 130-140 штыков) был расположен в дивизионном резерве в лесу, примерно в 2 верстах к сев-востоку от д. Генрикувка.

С наступлением сумерек был получен приказ одному б-ну Эриванцев приготовиться для атаки ф. Облычин, что находился впереди перед правым флангом расположения Кавказской Гренадерской дивизии. Для атаки, назначенной на 23 часа, приказано было приготовиться II б-ну Капитана Тимченко. Батальон выстроился на поляне в лесу в полной боевой готовности. Ночь была темной; лишь временами луна на короткое время показывалась из-за туч.

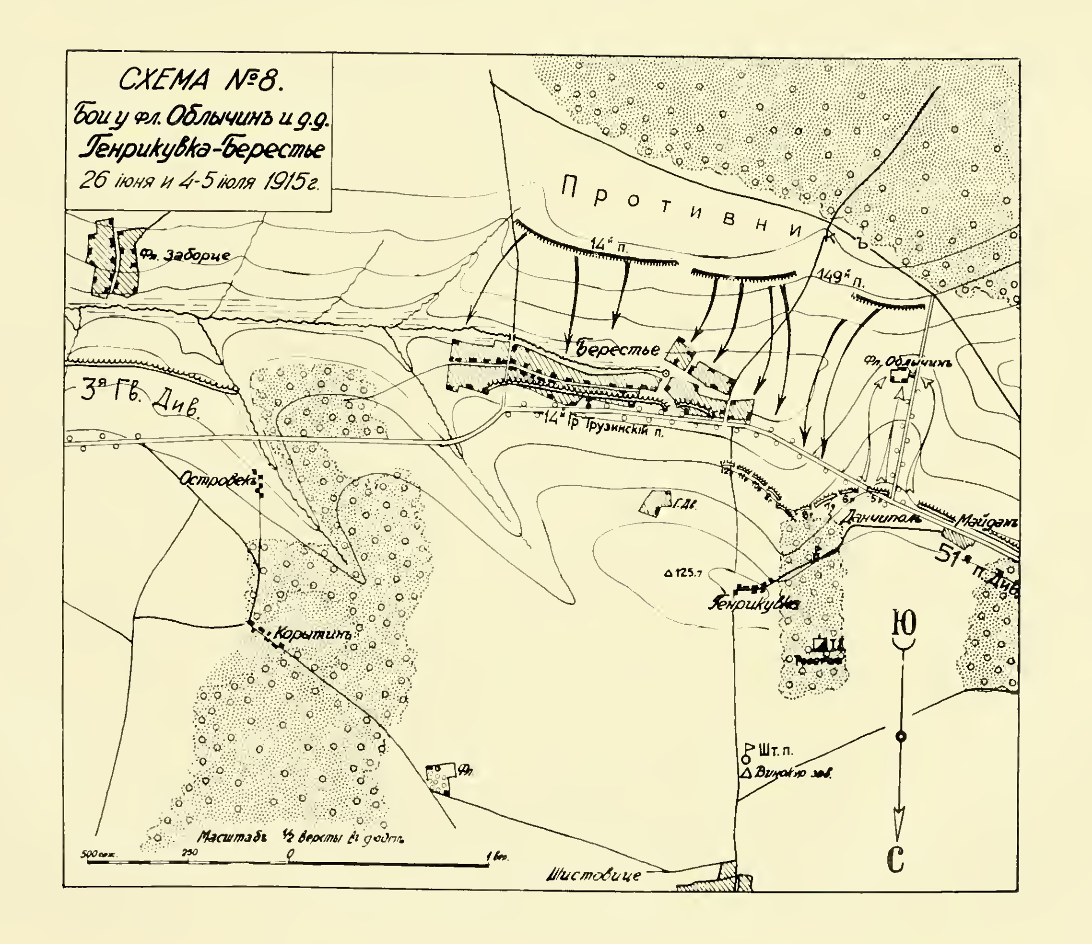
Когда к выстроившемуся б-ну подошел Командир полка Полковник Вышинский, луна ярко осветила II б-н, замерший по команде: "Смирно! Г.г. Офицеры!".

Полковник Вышинский обратился со следующими краткими словами к б-ну: "Я посылаю II б-н, как лучший б-н полка; в ваших офицерах я уверен, они покажут вам пример и приведут к победе. Не отставайте же и вы. Да хранит вас Господь!".

Во II б-не три кадровых офицера: Капитан Тимченко и Подпоручики Гаттенбергер и Попов, что, по тем временам, было уже большой редкостью; кроме того, Подпоручики Гаттенбергер и Попов участвовали почти без исключения во всех боях полка, начиная с первого боевого столкновения с противником. Прапорщик Жилин, также мог почитаться опытным офицером, так как участвовал во всех боях с р. Бзуры, т. е. с декабря 1914 г. Прапорщик Исаев прибыл в полк несколько позже Жилина, но также прошел хороший стаж, успев побывать в целом ряде боев во время Галицийского отступления. Кадровых солдат было по 5-6 чел. на роту и опять-таки, по тем временам, это был значительный процент.

За три недели отступления с непрерывными боями, почти без поддержки артиллерии, при недостатке винтовок и патронов, людской состав сильно измотался и устал, но три дня спокойного сна и хорошей горячей пищи подняли, упавший было, дух. Подняло дух и сознание, что впереди отличная позиция, за которую можно зацепиться.

Батальон тронулся к передовой линии, куда был подведен проводниками Мингрельского полка, в лесном прямоугольнике над над-

СХЕМА №8.
Бои у фл. Облычинъ и д.д.
Генрикувка-Берестье
26 iюня и 4-5 iюля 1915г.
Противникъ
14й п.
149й п.
Фл. Заборце
Берестье
Фл. Облычинъ
3я Гв. Див.
14й Гр. Грузинский п.
Островекъ
Г. Дв.
Данчиполь
Майданъ
51я п. Див.
Δ 125.7
Генрикувка
Корытинъ
Ю
С
Шт. п.
Фл.
Масштабъ ½ версты въ дюймѣ
500 саж.
250
0
1 вер.
Шистовице

писью Данчиполь, где находился и Полковник Макаев, руководивший атакой.

Задача II б-ну Эриванцев была следующая: выбить противника из ф. Облычин, причем Облычин должен быть удержан до утра. Атаковать "без выстрела" и криков "ура!" До ф. Облычина 1200-1500 шагов, к нему ведет хорошая проселочная дорога обсаженная деревьями; последняя, должна послужить атакующим ориентировочной базой. Когда из-за туч выплывала луна, ф. Облычин был ясно виден, так как его окружал пышный парк больших старых деревьев и он казался темным пятном на светлом фоне моря созревающей пшеницы в рост человека. К-р б-на Капитан Тимченко решил произвести атаку следующим образом: справа от дороги одна рота должна охватить левый фланг противника. Две роты в лоб, направление — правым флангом, касаясь дороги, но не переходя ее; и одна рота в охват правого фланга противника. Рота, идущая во второй линии в центре, должна по взятии фольварка остаться в нем и составить его гарнизон. Был брошен жребий, кому где итти. Согласно вытянутому жребию справа шла 5 рота с Прапорщиком Жилиным, слева 7 рота с Прапорщиком Исаевым. В центре 6 рота с Подпоручиком Гаттенбергером и за ней 8 рота с Подпоручиком Поповым. Сигналом к атаке должна была послужить очередь нашей гаубичной батареи Капитана Ватеркампфа.

Роты бесшумно прошли через проходы в проволочном заграждении и залегли в пшенице во взводных колоннах, причем взводы рассыпаны в одну линию каждый. Таким образом, в лоб идут 8 линий.

Чтобы не производить излишнего шума, все снаряжение оставлено под охраной часовых; на гренадерах только скатки и патронташи. Ровно в 23 часа раздался условленный сигнал; роты поднялись, как один человек, и двинулись в атаку по колосящейся пшенице. Шум производимый движением сотен людей прокладывающих дорогу в пшенице был очень сильный. Б-н не прошел и трети расстояния, как по нему был открыт из фольварка частый огонь. Роты ускорили шаг. Доброволец 8 роты Дерендяев, сибиряк громадного роста и силы, первый наткнулся на неприятельский секрет и буквально "сгреб" двух человек, закричав при этом: "Ваше Благородие, двое уже есть!" Роты бросились вперед бегом с бешеным "Ура!" и ворвались в фольварк.

После короткой рукопашной схватки ф. Облычин был взят. Захваченные несколько десятков пленных принадлежали к составу 9 Гонведной дивизии. Фольварк занимали две роты венгерцев. По взятии фольварка 5, 6 и 7 роты вернулись в исходное положение, а 8 рота с Подпоручиком Поповым осталась в фольварке и приготовилась к отражению контратаки. Но контратаки не последовало.

Под утро 8 рота была сменена ротой Мингрельского полка и присоединена к полку, оставшемуся на старом месте в двизионном резерве. После длительного отступления этот эпизод поднял дух полка и, по возвращении II б-на к полку, прочие роты (к слову сказать, не ложившиеся спать) встретили вернувшихся товарищей криками "Ура!"

Потери б-на: 3 убитых и 6 раненых.

За взятие ф. Облычин, Подпоручик Попов был награжден Геор-

гиевским оружием при следующей реляции: «за то, что в бою 25 июня 1915 года при атаке ф. Облычин, личным примером довел до удара в штыки свою роту, при особо трудных условиях и этим способствовал выбитию австрийцев из фольварка".

Прапорщик Жилин и Исаев, награждены орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

ПОЛКОВОЙ ПРАЗДНИК

29 июня 1915 года

Первый Полковой праздник в Великую войну скромно отпраздновали на биваке у с. Скибице.

Утром состоялся молебен и парад. Роты во взводных колоннах прошли церемониальным маршем перед Начальником дивизии Ген.-Лейт. Габаевым, без всякой предварительной подготовки, прямо по лугу с довольно высокой, еще не скошенной травой. После парада отличившимся в боях гренадерам были розданы Георгиевские кресты и медали. Конечно, этот парад по красоте зрелища не мог итти ни в какое сравнение с блестящими парадами мирного времени, на которых, по праву, блистал наш полк; но зато выправку, точную и красивую пригонку формы и снаряжения, заменил воистину боевой дух без позы, который царил в полку в эти дни. Все до одного участники парада побывали в многочисленных боях, прокоптились у бивачных огней и почернели от всяких боевых невзгод, а весь II б-н только что удлинил список своих боевых дел красивым Облычинским эпизодом. Все чувствовали себя настоящими, а не только будущими героями и, это настроение придавало празднику совершенно особенный незабываемый оттенок...

Полком были посланы телеграммы Их Величествам Государю и Государыне Императрице Александре Феодоровне:

"ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

"В ДЕНЬ ПОЛКОВОГО ПРАЗДНИКА ЛЕЙБ-ЭРИВАНЦЫ, ВОЗНЕСЯ ГОРЯЧИЕ МОЛИТВЫ ВСЕВЫШНЕМУ ПЕРЕД ЖАЛОВАННОЙ ПОЛКОВОЙ СВЯТЫНЕЙ, ВСЮДУ СОПУТСТВУЮЩЕЙ ПОЛКУ, О НИСПОСЛАНИИ ЗДРАВИЯ, ДОЛГОЛЕТИЯ И БЛАГОДЕНСТВИЯ ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, МАТУШКЕ ЦАРИЦЕ, АВГУСТЕЙШЕМУ ОДНОПОЛЧАНИНУ НАСЛЕДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ И ЦАРСТВЕННОЙ СЕМЬЕ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, С БЛАГОГОВЕНИЕМ ПОВЕРГАЮТ К СТОПАМ ОБОЖАЕМОГО ДЕРЖАВНОГО ШЕФА ВЕРНОПОДДАННЕЙШИЕ ЧУВСТВА БЕЗГРАНИЧНОЙ ЛЮБВИ, НЕПОКОЛЕБИМОЙ ПРЕДАННОСТИ И ГОТОВНОСТИ ПОЛОЖИТЬ ВСЕ СВОИ СИЛЫ ДЛЯ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЫ НАД ВРАГОМ".

И Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Александре Феодоровне:

"В ДЕНЬ ПОЛКОВОГО ПРАЗДНИКА ЭРИВАНЦЫ, ВОЗНЕСЯ ГОРЯЧИЕ МОЛИТВЫ ВСЕВЫШНЕМУ О ЗДРАВИИ ВАШЕГО ИМ-

ПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА И ВСЕЙ АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬИ, ГЛУБОКО ТРОНУТЫЕ МАТЕРИНСКИМИ ЗАБОТАМИ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА О РАНЕНЫХ ОФИЦЕРАХ ПОЛКА, ПОВЕРГАЮТ К СТОПАМ ОБОЖАЕМОЙ ЦАРИЦЫ ЧУВСТВА ИХ БЕЗГРАНИЧНОЙ БЛАГОДАРНОСТИ".

Последовал следующий ответ из Царского Села.

"ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО И Я СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ДОРОГИХ ЛЕЙБ-ЭРИВАНЦЕВ С ПОЛКОВЫМ ПРАЗДНИКОМ. ЖЕЛАЕМ ДОБЛЕСТНОМУ ПОЛКУ ВПЛЕСТИ ЕЩЕ НОВЫЕ ГЕРОЙСКИЕ ЛАВРЫ В СЕДУЮ ЛЕТОПИСЬ СЛАВЫ".

Н И К О Л А Й.

После парада гренадеры, как было заведено в веках, получили улучшенный обед, а г.г. офицеры собрались в лесу в импровизированном на скорую руку полковом собрании. Делалось это довольно просто: вокруг протрассированного прямоугольника вырывалась канавка в 50 см. глубиной, получалась крышка стола, которая накрывалась скатертью, а садящиеся за стол офицеры садились на землю около прямоугольника, опуская ноги в канавку.

Торжество в этот день было скромное: вина и спиртного было очень мало, не было решительно никаких деликатесов. Но было весело и царил душевный подъем. В окончательной победе над немцами никто не сомневался. Играл полковой оркестр и все присутствующие дружно пели застольные полковые песни. Из большого начальства присутствовал лишь Нач. дивизии, старый кавказец, Ген.-Лейт. Габаев со своим Н-ком Штаба Подполковником Соколовым и бригадный К-р Ген.-М. Бельгард. Было несколько кунаков гренадер: Командир 14 Гр. Грузинского полка Полк. Вишняков и К-р дивизиона нашей артиллерии Ген. Казбек. Кроме перечисленных офицеров было несколько более молодых представителей от полков дивизии и, сравнительно, очень немного самих хозяев Эриванцев. Ряды полка сильно поредели.

День был чудный. Солнце ярко светило весь день и протянутый над столом, на всякий случай, навес из сшитых полотнищ палаток оказался совсем ненужным. В этот день, вопреки обычаю, "неугомонная чаша" не бродила по рукам всю ночь, а голос тулумбаша не раздавался "вплоть до утренней зари"... Как только смерклось, все потихоньку разошлись по свои ротам, ибо каждая лишняя минута отдыха была драгоценна.

Так на биваке у Скибице полк отпраздновал свой 206 полковой праздник.

Где только ни приходилось праздновать полку свои *полковые праздники?* В прошлом году — Манглис, в позапрошлом году — блистательный Петергоф, в последнюю Турецкую войну на высотах покоренного Эрзерума... И если бы заняться этим делом специально и выписать все названия, получилась бы любопытная таблица в 206 имен от прославленной *Полтвы* (где полк, тогда носивший название *Бутырский,* по повелению Петра, отпраздновал свой первый полковой

праздник на Полтавском поле сражения) до, никому неведомой доселе Скибице.

Но не все Эриванцы в этот день так скромно, по спартански, праздновали свой полковой праздник; все раненые офицеры, находившиеся на излечении в Царскосельском лазарете и Петрограде, удостоены были приглашения на чашку чая в Александровский дворец.

— "В 4 ч. дня", — вспоминает Шт.-Кап. Шидельский, — "за нами прибыли придворные кареты; к этому часу в лазарет собрались все наличные офицеры: кн. Гелована, я, Казумбеков, Снарский, кн. Гурамов, Гогоберидзе, Коновалов, Шах-Багов и Мелик Адамов. Мы были доставлены в Александровский дворец, где и выстроились в одной из зал в ожидании приема. Для прапорщика Мелик Адамова было заранее приготовлено кресло на колесах, так как он с трудом передвигался на костылях. Через несколько минут к нам вышла Царская Семья.

Его Величество был в форме полка. После представления Государю и Царской Семье, нам было разрешено сесть и во время беседы был подан чай с печениями и пирожными.

Государь милостиво разговаривал с офицерами, интересуясь боями, в которых полку пришлось принимать участие. Во время этой беседы разговор зашел о десанте с целью овладения Константинополем и проливами. Кн. Гелована высказал мысль, что турки так выдохлись, а их войска так далеко от Константинополя, что довольно одного полка, чтобы его взять, но что сама операция сложна и нужна тщательная подготовка. На это Государь ответил так:

— "Ничего нет трудного для русского солдата. Если десант будет решен, то вы, Эриванцы, будете назначены в эту операцию. Ведь ни одна война с Турцией не обходилась без участия Эриванцев. А после войны Константинополь будет вашей Штаб-квартирой"...

Во дворце мы пробыли около часа. Их Величества знали, что в этот день мы устраиваем обед в Петрограде и Государыня разрешила раненым (кроме Прапорщика Мелик Адамова) не ночевать в лазарете.

— Только не кутите много", — сказала, смеясь, Государыня.

— "Приезжайте завтра утром".

После этих слов, мы были милостиво отпущены и в придворных каретах доставлены из дворца прямо на вокзал".

Здесь уместно сказать хотя бы несколько слов о Дворцовом лазарете № 3, в котором работала в качестве хирургических сестер Царская Семья в лице самой Государыни Императрицы и Ее двух старших дочерей Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны, и в котором у нас, Эриванцев, была своя палата на 5 кроватей. До революции через эту палату прошло около половины офицерского состава полка и до сих пор еще все офицеры хранят благодарную память о светлых днях, когда к их ранам прикасались нежные Царственные руки.

Вот как описывает лазаретный распорядок и работу в нем Августейших Сестер лежавший в этом лазарете Подпоручик Попов: "Ровно в 10 часов к парадному подъезду лазарета бесшумно подъехал Императорский автомобиль. То приехали Ее Императорское Величество Государыня Императрица с двумя старшими дочерьми, Ольгой и

Татьяной Николаевнами. Все способные ходить офицеры вышли для встречи. Когда обходившая всех Государыня дошла до меня, я представился. Государыне было обо мне доложено и Она, улыбаясь, протянула мне руку, которую я почтительно поцеловал.

Великим Княжнам, по этикету, тоже полагалось целовать руку. Великие Княжны встретили меня, как старого знакомого, благодаря тому, что наша молодежь успела рассказать "все необходимое" про меня. С места мне стали задавать вопросы о состоянии полка, об офицерах, которые Им были известны и пр.

Какие милые простые люди, подумал я. И с каждым днем я все больше и больше в этом убеждался. Я был свидетелем Их ежедневной работы и поражался Их терпению, настойчивости, большому навыку в тяжелой работе и всеокружающей ласке и доброте. Ровно в 10 ч. утра ежедневно Великие Княжны приезжали в лазарет, тотчас же в специальной комнате переодевались в совершенно белоснежные халаты и начинались перевязки. Наш лазарет был расчитан на 30 кроватей. 25 мест для офицеров и 5 для солдат. Говорить об уходе, чистоте, гигиеничности условий, в которых находились пользуемые в лазарете, о столе и т. п., конечно, не приходится.

Кормили нас так: утром кофе или чай (по желанию) со сливочным маслом и булочками. В 1 ч. дня завтрак из трех блюд, причем подавалась рюмка сливовицы. Обед в 6 часов и, наконец, вечером в 8 ч. опять чай с маслом и булочками.

Помимо этого из Царских оранжерей нам присылались корзины со всевозможными фруктами. Конфеты же в колоссальных, аршинных коробках привозили обыкновенно сами Великие Княжны. Эти коробки, мы знали, находятся в той комнате, где Княжны переодевались.

Медицинской частью лазарета заведывала женщина-хирург, княжна Гедройц. Очень часто приезжали в лазарет лейб-медики Боткин и Деревенько. Перевязки, начинавшиеся около 10 часов, кончались только к 1 ч. дня, причем всех раненых перевязывали исключительно Великие Княжны.

Меня всегда поражало, как Они могут перевязывать эти ужасные раны, при одном взгляде на кои могло сделаться дурно. Так, например, я сам не мог видеть чужих ран, меня тотчас же начинало мутить и я старался не смотреть в сторону перевязываемого соседа. Один раз взглянул и сам еле-еле удержался на табурете. Холодный пот у меня выступил на лбу и в глазах потемнело. И нужно Им отдать полную справедливость, делали Они свое дело весьма умело, никогда не причиняя излишней боли.

Ко всему этому можно добавить, что белье в лазарете менялось через день. Приносились и уносились горы белья, а желающие могли менять белье и каждый день.

Если перевязки кончались немного раньше часа и стояла хорошая погода, то, обыкновенно, молодежь отправлялась в парк перед лазаретом и там играла с Великими Княжнами в крокет. Бывали дни, когда специально для игры в крокет отпускали и двух младших Великих Княжен Марию и Анастасию; тогда с Ними приезжал и Наследник, Его Императорское Высочество Великий Князь Алексей Николаевич. Наследник был хорошенький десятилетний мальчик, большой

проказник. Во все игры Он вносил большое оживление. Очень часто раненые снимались в кругу Царской Семьи и тогда, на другой или третий день, каждый из снимавшихся получал из рук Великих Княжен отпечатанные снимки.

Каждый поступавший в лазарет офицер расписывался в особом небольшом альбоме, обозначая свою фамилию и часть войск, а также дату поступления в лазарет. В альбоме было много фамилий и я обратил внимание, что против многих фамилий стояли кресты и было помечено: "Убит тогда-то".

Это были собственноручные отметки Великих Княжен, интересовавшихся судьбой своих недавних пациентов.

По выздоровлении от ран все, выписывающиеся из лазарета и едущие вновь на фронт, офицеры перед отъездом представлялись Государыне Императрице в Александровском дворце. В таких случаях, за офицером присылалась придворная карета и в ней он отвозился во дворец. Императрица каждому напутствуемому давала образок, молитвенник, поясок из ленты с молитвами и большой сверток, заключавший в себе целую серию предметов, главным образом, белья собственноручной работы, и противогаз".

СПИСОК № 12.

Г.г. офицерам полка участникам боя 4-5 июля 1915 года у д.д. Генрикувка — Берестье.

№	Чин и фамилия	Должность	Примечания
1.	Ген.-Шт. Полк. Вышинский	Командир полка	
2.	Капитан Шлиттер	Полковой адъютант	
3.	Поручик Гвелесиани	Пом. Полк. адъютанта	
4.	Прапорщик Шах-Багов	Н-к К-ды разведчиков	
5.	Прапорщик Исаев	Мл. оф. к-ды разведчиков	
6.	Шт.-Кап. кн. Шервашидзе	Н-к пулеметн. к-ды	
7.	Подпоручик Побаевский	Мл. оф пулем. к-ды	
8.	Капитан Пильберг	Офицерский резерв	Принял III б-н.
9.	Капитан Крупович	« « « «	Контужен.
10.	Подполк. Сабель	К-р I б-на	
11.	Поручик Тихонов	К-р Е. В. роты	
12.	Подпоруч. Четыркин	К-р 2 роты	
13.	Корнет Пашков II-й	К-р 3 роты	
14.	Подпоруч. Оборин	К-р 4 роты	Контужен
15.	Подполковн. Тимченко	К-р II б-на	
16.	Прапорщик Жилин	К-р 5 роты	
17.	Подпоруч. Гаттенбергер	К-р 6 роты	
18.	Прапорщик Гусаков	Мл. оф. 6 роты	
19.	Прапорщик Борисов	К-р 7 роты	
20.	Подпоручик Попов	К-р 8 роты	Ранен и контужен.
21.	Подполк. кн. Шервашидзе	К-р III б-на	Контужен, эвакуир.
22.	Поручик Кандауров	К-р 9 роты	
23.	Прапорщик Орехов	К-р 10 роты	
24.	Поручик Батель	К-р 11 роты	Контужен.
25.	Поручик Агарунов	К-р 12 роты	

ДВУХДНЕВНЫЙ БОЙ У Д.Д. ГЕНРИКУВКА—БЕРЕСТЬЕ

4-5 июля 1915 г.

2-го июля 1915 года Лейб-Эриванскому полку было приказано стать на позицию. Был яркий солнечный день. К передовым окопам из тыла вели отличные ходы сообщения, поэтому смена произошла днем. Наш полка во время июньского отступления был сведен, сначала в три, а затем в два сводных б-на. Сейчас мы снова развернулись в три батальона, хотя в ротах насчитывалось в среднем, только по 150 шт. Остальные же полки нашей дивизии, в эти дни, были однобатальонного состава, почему мы сразу могли сменить два полка: 15 Гр. Тифлисский и 16 Гр. Мингрельский. Передовую линию заняли два б-на: II и III. Второй под командой Капитана Тимченко и третий под командой Подполк. кн. Шервашидзе.

I б-н под командой Подполк. Сабеля стал в резерве в лесу у дер. Генрикувка. Роты расположились справа налево в порядке номеров: 5 рота Прап. Жилина уперлась в дорогу из ф. Облычин под прямым углом, за ней 6 р. с Подпоруч. Гаттенбергером, 7 с Прап. Борисовым и 8 с Подпор. Поповым. Дальше шли роты III б-на: 9 под командой Пор. Кандаурова, 10 — Прапор. Орехова, 11 — Поруч. Багеля и 12 — Поруч. Агарунова. 12 рота седлала дорогу Шестовице — Генрикувка — Берестье.

Штаб полка расположился в кирпичном заводе, что в одной версте к северу от д. Генрикувка. Соседи справа — Потийцы, слева — Грузинцы, которые по отношению к нам стоят уступом впереди. Их окопы идут между домами и огородами дер. Берестье. Позиция наша была построена заблаговременно и выбрана очень удачно на скатах пологих бугров. Окопы полного профиля, немного шире обыкновенного, с козырками от шрапнельного огня на всем протяжении и с блиндажами, могущими противостоять огню легкой полевой гранаты. Расположение некоторых рот давало фланговый и даже перекрестный огонь на подступах дер. Берестье. Гренадеры сразу учли удобства нашей позиции и послышались шутки-прибаутки: “Видать, Ваше Благородие, что кто-то за нас тут поработал, первый раз пришли на готовую квартеру, такой еще не видывали. Куда там! Первый сорт!” — “Теперь мы поработаем: герману дадим жару!”

Обстановка сложилась, в самом деле, крайне благоприятно: полк отдохнул и воспрянул духом. Погода благоприятствовала первому, Облычинский успех второму. Кроме того, после Облычинского дела, мы получили небольшое, но драгоценное пополнение: сплошь из Георгиевских Кавалеров по 10 человек на роту. Все эти данные, а особенно отличная погода, позволившая людям отоспаться, и горячая пища два раз в день в течение целой недели буквально преобразили полк. Сейчас люди готовились к бою, как к какой-то забаве. Между тем, смерч боя грозно надвигался.

Уже с 1 июля, левее Грузинцев, в 3 Гвард. дивизии идет сильный бой. Стоит непрерывный гул, дрожит земля и над полем боя — облако пыли и дыма.

Нам отлично видна общая панорама боя с наших наблюдательных пунктов. Против нас и Грузинцев части 4 пех. дивизии германской армии. Нам удалось (теперь уже в эмиграции) ознакомиться с дневниками боевых действий полков этой германской дивизии, изданными всего лишь несколько лет тому назад. Здесь мы приводим из них полностью все, что касается описываемых нами боевых эпизодов. Вот, что говорится об этих памятных днях в полковом дневнике 149 герм. п. полка:

"16/29 июня. Дивизия сменяет вечером 9 Австро-Венгерскую пех. дивизию. Полк стал на участке против Берестья и против Облычина. До неприятельской позиции около 800 метров. Эта последняя тянется от ю. окраины Берестья на ф. Облычин. Вторая проходит через Г. дв. Берестье. Третья линия через Генрикувку на выс. 281 у Майдан-Данчиполь. Между нашим полком и соседним справа 14 п. полком следующая граница: перерыв леса — выс. 271 возле Берестья.

Граница с соседями слева, 8 бригадой: выс. 241 Майдан-Данчиполь. В первой линии II и I б-ны. III б-н в бригадном резерве"...

Ко всему сказанному нужно добавить, что впереди нашей позиции шло проволочное заграждение в одну полосу из 3—5 кольев, а значительно ниже нашего расположения, шла целая линия окопов, по каким-то соображениям, никем не занятая. Последняя не имела проволочного заграждения; может быть это обстоятельство и послужило причиной того, что ее решено было не занимать.

Бой, начавшийся 1 июля на фронте 3 Гв. Дивизии, постепенно распространялся вправо, захватив расположение 14 Гр. Грузинского и Эриванского полков. 16 Гр. Мингрельский полк также принял участие в этих боях, вписав славную страницу в свою историю взятием ф. Облычин в ночь с 2 на 3 июля. Фольварк Облычин, находившийся в 400 саженях впереди нашего расположения, после взятия его Эриванцами в ночь с 25 на 26 июня, был передан Эриванцами Мингрельцам; Мингрельцы, продержавшись в нем несколько дней, были оттуда выбиты.

В дневнике 149 п. 4 п. герм. дивизии от 1.14.15 сказано:

"Дана задача овладеть Берестьем и Облычиным. Под Берестьем ночная атака кончилась неудачно. Облычин взят 2 ротой.

На другой день в дневнике того же полка значится:

"Жестокие встречные бои под Облычиным, который снова был захвачен русскими".

4 июля бой уже шел по всей линии. Немецкая артиллерия фаланги Макензена ураганным огнем старается расчистить дорогу своей пехоте. Позиция Грузинцев и Эриванцев заволакивается дымом от непрерывно рвущихся снарядов. В дневнике 53 Артиллерийского полка 4 герм. п. дивизии от 4/17 июля 1915 г. сказано:

"Дивизия атакует русские позиции на участке: Берестье-Волица Уханская".

В дневнике 149 п. полка 4 п. див. от 4/17 июля 1915 г. сказано:

"Приказано атаковать по всему фронту. После трехчасовой

артиллерийской подготовки, в 9 часов, пехота двинулась вперед. Двинутые на Берестье 14 пех. полк и наш II б-н не смогли взять этой деревни. Около 16 часов атака возобновилась"...

Участник этого боя Подпоручик Попов так описывает этот момент боя: "Вооружившись биноклем, я до изнеможения, не отрываясь ни на минуту, следил за ходом боя... Стоит адский гул, дрожит земля... Сюда, ближе к нам, пылает Берестье. Немцы с ожесточением стреляют по расположению Грузинского полка и нашему III б-ну. Наш II б-н получает изредка по очереди шрапнели, но чувствуется, что и до нас дойдет очередь. По телефону передают, что очень тяжелое положение в III б-не. Из резерва двинута одна рота (4) с Подпор. Обориным. Вдруг, совершенно неожиданно, против расположения Грузинцев и нашего III б-на немцы бросаются в атаку. Нужно заметить, что немцы, накануне ночью спустили свои окопы на половину противоположного нам ската и находились от нас не более, как в 1000 шагах.

Картина атаки была замечательно красива. Внезапно весь бруствер немецких окопов покрылся людьми, скатившимися вниз, в пшеницу. Только небольшая часть туловищ атакующих была видна, зато каждый солдат оставлял за собой змеевидный след в утоптанной пшенице. Хотя атакующие шли не на меня, но от нас настолько было удобно поражать наступающих огнем, что я приказал роте приготовиться и открыть огонь. Наша артиллерия тоже откликнулась и снаряд за снарядом полетел на атакующих. На полдороге немцы залегли и больше не поднимались. Два часа моя рота поддерживала огонь по тому месту, где остановились зигзагообразные линии, ибо лежащие немцы были скрыты от наших взоров густой пшеницей"...

> ... "I б-н, — продолжает немецкий дневник военных действий, — двинут на линию — церковь в с. Берестье — Майдан — Данчиполь. Под его прикрытием, сосредоточенные II и III б-ны, под вечер стремительным ударом взяли ф. Берестье. С наступлением темноты б-ны стали окапываться".

Выдержки из дневника 14 герм. пех. полка 4 п. див. от того же числа 4/17 июля 1915 г.:

> "Назначена атака. С утра III б-н и 4 рота наступали с частями 149 п. полка, но безуспешно. Потери значительны. В 11 роте ротный и все взводные к-ры выбыли из строя. К вечеру захвачены вынесенные к югу две постройки ф. Берестье. Дальше преодолеть сопротивление противника не могли".

Из означенных свидетельств противника следует, что главный удар немцев в этот день наносился по Грузинцам и на прикрывавший их III б-н Эриванцев.

Наступившая ночь проходит тревожно. Мы удержали свои позиции, но у Грузинцев, видимо, что-то случилось, т. к. по телефону из нашего Штаба полка все роты были предупреждены: "не стреляйте, Тифлисцы атакуют Берестье". Все наготове у бойниц. Наши секреты, то и дело, доносили о каком-то подозрительном шуме впереди нашего расположения, и мы готовились к отражению немецкой атаки. Только теперь, через 20 лет, когда немецкие полки издали свои дневники боевых действий, секрет этого шума был раскрыт: оказывается, немцы продвигались по ночам к нашим окопам... *Сапой!* Как в крепостной

войне! Им недостаточно оказалось их мощной артиллерии с неисчерпаемым количеством снарядов.

В описываемом бою, в самом начале, К-р III б-на Подп. кн. Шервашидзе донес в Штаб полка, что он контужен и попросил прислать ему заместителя. III б-н принял Капитан Пильберг, присланный из офицерского резерва при Штабе полка, и это он руководил в этом бою блестящими действиями III б-на до конца боя. Позиция, занимаемая III батальоном была разнесена немецкой артиллерией "в щепы", но остатки б-на доблестно додержались до вечера, когда их подкрепили, а частично и заменили.

Картина разрушений и места боя — ошеломляющая. Ночь проходит в лихорадочной работе по исправлению повреждений и подготовке на утро к новому бою.

Выписка из дневника 149 герм. п. полка 4 пех. див. от 5/18 июля 1915 года:

> "Всю ночь роты подкапывали проходы вперед. От 6.15 до 8.15 — сильная артиллерийская подготовка. I б-н, поддержанный III б-ном, стремительным броском двинут в охват Берестья слева. Им удалось прорваться до лощины Генрикувка-Майдан Данчиполь. Здесь они залегли перед укрепленной, вновь занятой противником позицией".

(Фактическая справка: Позиция нами не менялась. Как было сказано выше, нижний ярус окопов никем не занимался. Р. К.).

Выписка из дневника 14 герм. п. полка от того же 5/18 июля 1915 года:

> "I б-н двинут между III б-ном и 149 п. полком. Атаки на Берестье стоили больших потерь, но успеха не имели"...

Центр тяжести удара немцев 5 июля, переносится на стык III и II б-нов Эриванцев. Главный удар нацелен на лощину к югу от лесного прямоугольника, под которым на двухверстной карте значится надпись "Данчиполь". Прорвавшись в этом месте, немцы рассчитывали обойти Берестье с правого фланга. Этот участок позиции оборонялся 8 ротой под командой подпоручика Попова.

В реляции об этом бое, в "Русском Инвалиде" от 23 апреля 1917 года за № 94, сказано: "Награждается Орденом Св. Георгия 4 степени Подпоручик Константин Попов за то, что 5 июля 1915 года в бою у д. д. Генрикувка-Берестье, несмотря на неоднократные атаки противника, отбил таковые и удержал за собой важный участок позиции, потеря которого повлекла бы отход всей дивизии. Будучи тяжело ранен осколком снаряда, коим ему оторвало руку и сильно контужен, остался в строю до конца боя".

В окопах II б-на — хаос. Все забрызгано кровью. Картина ужасная. Снарядов нет, резервы исчерпаны еще накануне. Ночью получен приказ отойти к северу на 10 верст и занять позицию у д. Ухане.

Командир Лейб-Эриванцев, Полковник Вышинский, об этом двухдневном бое писал своей жене 7.7.15 г. следующее: "Опять у нас были тяжелые бои и в результате их, увы, мы опять ушли несколько назад. Правда, — не по нашей вине; мы удержались и готовы были держаться сколько угодно, но соседи подвели и тогда приказали отойти и нам. Когда это кончится, Бог знает; трудно бороться с немцами, которые забра-

сыкают нас снарядами, а нам приходится отбиваться ружьями и экономить снаряды. 2 июля мы стали на позиции, сменив Мингрельцев и Тифлисцев, а уже 4/VII начался серьезный бой, достигший апогея 5 июля. Мы всюду отбили немцев, хотя и понесли значительные потери: 5 офицеров и около 450 н. чинов.

В последних боях полк опять заслужил похвалу начальства и не дальше, как сегодня Корпусный Командир передал мне его специальную благодарность за последние бои (см. Приложения №№ 9 и 10).

Действительно, офицеры и гренадеры вели себя геройски: 4 и 5 июля окопы полка немцы закидывали такой массой снарядов всех калибров, что над окопами стояло сплошное облако пыли и дыма, земля, доски, люди, все смешалось в одну кучу, масса людей оказалась засыпанными. В некоторых ротах не оказалось почти ни одного, так или иначе, не пострадавшего; всюду валялись оторванные руки, ноги и головы. О контуженных я уже не говорю! 4 офицера оказались контуженными, в том числе и Шервашидзе. Одному моему офицеру, Подпоручику Попову, оторвало снарядом руку; последний, действительно молодец, представляется мною к Георгию и Георгиевскому оружию. Он, вероятно, тоже будет в Царском Селе, где ты его, вероятно, увидишь; он типичный армянин и с армянским акцентом, хотя и чистокровный русский"...

Из дневника 14 герм. пех. полка:

"6/19. Назначена решительная атака. Оказалось, что русские за ночь ушли".

Начальник Штаба Корпуса дополняет набросанную картину следующими деталями: ... "Подтянулись 4 свежих, укомплектованных Георгиевскими Кавалерами корпуса (в том числе Гвардейский). Но Ген. Леш, вопреки протесту Ген. Безобразова, разбросал их пакетами, затыкая все прорехи, и эта сила была истрачена без заметного успеха".

На Волыни, на линии Красностав-Грубешов, остановились недели на две, где Кавказские Гренадеры обороняли довольно удачную позицию, улучшенную взятием Облычина. Повторные атаки немцев были отбиты, хотя подготовлялись страшным огнем артиллерии; одна рота Грузинцев была вся уничтожена снарядами; ворвавшиеся в их окопы немцы были отброшены резервом полка.

Кавказская Гренадерская артиллерийская бригада выпустила почти все, что имела (около 2.500 шрапнелей) и опять получила внушение, но атаки были отбиты.

В этом же отходе, уже на следующей позиции под м. Уханы, пробовали остановить немцев наступлением 3 Гв. Дивизии и Кавказской Гренадерской, но оно не имело большого результата. Переход в наступление 51 пех. див. был успешнее. Сухумцы захватили 6 орудий, но вывезти их оказалось невозможным из-за жестокого обстрела противника".*)

БОИ У М. УХАНЕ.

6—17 июля 1915 г.

В 2 часа ночи с 5 на 6 июля полку было приказано занять следую-

*) Ген. Штаба Ген.-Майор Федоров.

щую тыловую позицию у м. Ухане. Отход совершился в полном порядке, но под проливным дождем.

... "Вчера ночью", — пишет Командир полка из Штаба, обосновавшегося в д. Вулька Путновицкая около м. Ухане, — "мы шли всю ночь под проливным дождем и промокли насквозь, ... можешь себе представить в каком виде были ниж. чины, почти по колено в грязи, а утром пришли на позицию и снова закапываться в землю, в грязь!

Можно поражаться выносливости нашего солдата и, его способности не унывать и мириться со всякими, иногда прямо таки невозможными, условиями. Недавно я в течение двух ночей испытал глубокое удовлетворение: мне доставили большую радость немцы, которых мы забрали двумя партиями. Я их допрашивал и пришел прямо-таки в восторг. Во-первых, у них в войсках всякая калечь — ландштурмисты, неслужившие и наскоро обученные, масса калек; например, один без указательного пальца, есть горбатые; словом, сами они говорят, что людского материала у них осталось мало. Затем, настроение отчаянное, все в один голос говорят, что уже устали воевать, что жаждут мира, что воодушевления никакого, что потери у них огромные и что все они рады, что попали в плен. Все говорят, что наша артиллерия стреляет великолепно: — "Наши все страшно боятся вашей артиллерии". — "Наша артиллерия имеет много снарядов, но стреляет плохо". — "Ваша пехота стреляет тоже очень хорошо, за один день у нас в окопах было 30 убитых и все в голову".

Это все буквальные выражения немцев. Никто из них не знает ни своего командира полка, ни батальонного, ни даже фамилий ротного. На упрек говорят: "какой же я солдат, я ландштурмист!" Словом, я убедился, что войска у них уже не те, что были раньше, а дрянь, которую мы бы погнали без труда, если бы не их артиллерия.

Без артиллерии они ничто, а с артиллерией — сила, с которой мы, пока, видимо, не можем справиться, пока не заведем такую же артиллерию. Что она у нас будет, и что мы их погоним обратно, в этом я не сомневаюсь ни минуты, только бы скорее, а то очень это тяжело все отходить. Несмотря на тяжелые бои у нас настроение все же прекрасное, бодрое и настолько, что у нас приезжающие из тыла отдыхают душой; ведь известно, что чем дальше в тыл, тем хуже настроение и, чем ближе к врагу, тем оно бодрее.

..."Вообще, хотя меня и все начальство одобряет, я собственно не понимаю, за что такое внимание, так как в сущности ничего не сделал особенного, просто честно делал свое дело и старался делать его не кое-как, а возможно лучше. Это очень печально для оценки общего уровня, если честное исполнение долга расценивается так высоко!"

На позиции под Уханами, простояли три дня, затем, по невыясненными причинами, *приказано было* отойти. Отойдя несколько верст, мы снова были возвращены обратно. Немцы, водворившиеся в наших окопах, не ожидали контрнаступления, которое произведено было в предрассветном тумане и были захвачены врасплох, частью были перебиты, а частью захвачены в плен или разбежались.

Однако, успех развит быть не не мог, так как в наличии не было ни сил, ни, как говорилось выше, снарядов. В настоящее время, за неимением ни документов, ни живых свидетелей этого боя, невозможно

установить точно все перипетии этого эпизода. Известно лишь, что батарею в 6 орудий захватил 203 пех. Сухумский полк 51 п. дивизии.

Поэтому приведем здесь те сведения, которыми мы располагаем; они с достаточной ясностью рисуют картину переполоха у немцев.

Из дневника 14 герм. п. полка 4 п. дивизии:

"Русские заняли линию Ухане-Войсловице".

Из дневника 13 герм. Артиллерийского полка 25 рез. дивизии от 9/22 июля:

"На рассвете русские с криками "Ура" двинулись в атаку. Весь полк стал на позицию и открыл ураганный огонь. Русские были отбиты. Захваченная было ими батарея 35 рез. дивизии была отбита".

Из дневника 83 герм. рез. п. полка 25 рез. п. дивизии 6/19 1915 г.:

"Русские ночью отошли (от Берестья). Разведка натолкнулась на сильную неприятельскую позицию у д. Ухане".

В эти дни, Эриванский полк стоял против с. Ухане, Штаб полка находился в д. Вулька-Путновицкая.

9/22 июля 1915 г. Из дневника 2 Ландверного полка:

"Ранним утром русские крупными силами атаковали 9 Ландверный полк у Феликсова и сбили часть полка. Нам было приказано немедленно перейти в атаку. III б-н, неожиданным ударом, приостановил прорыв русских.

В образовавшийся между III б-ном и 9 Ландверным полком прорыв вдвинут III б-н 81 Ландверного полка. II б-н спешно двинут на поддержку 9 Ландверного п.".

Из дневника 9 Ландверного полка 9/22 июля:

..."Ровно в 3 ч. начался сильный ружейный огонь, особенно против I б-на. Под покровом ночи подошли незаметно русские. По всей линии разгорелся бой. Русские прорвались между 197 полком и I б-ном (между высотой 250 и кирпичным заводом) и разгромили левый фланг I б-на. Стоявшая здесь, между лесом и окраиной Войславице, батарея оказалась между противником и своей пехотой. II б-н держался стойко. III б-н все еще не мог связаться со 2 полком. Его правый фланг был уже обойден. Н-к дивизии приказал держаться, так как уже подходил 168 п. полк на поддержку. Но вот пришло утро, полдень, настало 16 часов, а помощи ниоткуда... Некоторые, измученные и без патронов, роты стали отходить. Командующий полком, под сильным обстрелом, подскакал к передним линиям, задерживая отступление. К 18 ч. подошел 168 полк и сразу, вместе с нашим, двинулся в атаку. Артиллерия открыла ураганный огонь. Роты 168 полка оставлены временно с нашими. За день: офицеров убито 2, ранено 6, попало в плен — 4. Нижних чинов соответственно — 76 и 225".

Ген. Шт. Полковник В. П. Сияльский любезно предоставил в распоряжение Ред. Ком. показание своего однополчанина Л.-Гв. Литовского полка Капитана Воинова, участника этих событий; вот как рисует описываемые бои Кап. Воинов:

... "По отходе с позиции у Заборце (Л.-Гв. Литовский полк примыкал к нашему Грузинскому полку левее Берестья), дивизия в одну ночь дошла до предназначенной ей новой, тоже заранее укрепленной,

позиции. К утру разошлись по своим участкам. Наш полк был самым правофланговым. Правее нас стояли Гренадеры II Кавк. арм. корпуса. Между нашим правым флангом и левым флангом Гренадер был промежуток, примерно в 2 1/2 версты. Оба участка, и наш, и Гренадерский, образовали собой стороны входящего угла в 30-40° Вершина этого угла представляла собой небольшую горку, па которой был разрушенный фольварк, окруженный кольцевым окопом, примерно, на две роты. Окопы были прекрасно оборудованы, с хорошими убежищами для стрелков. Гренадеры занимали позицию вдоль леса. Сзади меня в 1 версте какая-то деревня, впереди верстах в 3-х большая дер. Ухане".

"У Гренадер днем был бой, в результате которого ими были захвачены до 500 ч. в плен. Высланные с вечера мои разведчики к Гренадерам утром прибежали ко мне и донесли, что гренадерские окопы пусты и все они ушли. Немедленно донес об этом Командиру полка по телефону. В лес, ранее занимаемый Гренадерами, выслал усиленную разведку. Та скоро мне донесла, что в гренадерских окопах валяется очень много винтовок. Полк, да и вся дивизия наша очень нуждалась в винтовках. Немедленно выслал людей собрать винтовки".

... "Наступило утро четвертого дня. "Ура!" "Ура!" понеслось в лесу. Немцы проникли наконец в лес, но в это же время приведенные в порядок гренадеры подведены к своим старым окопам. Русское "Ура!" и штыками гренадеры выбили немцев из своих старых окопов и тем восстановили положение. Во время рукопашного боя гренадерами был убит какой-то немецкий штаб-офицер. Тело его осталось лежать, примерно, в 500 шагах от русских окопов. Из Штаба армии пришло приказание, во что бы то ни стало, снять с убитого документы. Партия разведчиков в 25 человек занялась этим делом. Вскоре к убитому была привязана веревка и волоком его вытащили в безопасное место. Здесь были сняты с него: сумка, карта, документы, каковые были доставлены Командиру полка..."

Сами немцы в Рейхсархиве отметили эти бои следующим кратким, но значительным примечанием:

> 16/29 1915 г. "АРМИЯ БУГ *напоролась на упорное сопротивление. Целый день жестокий бой. Стоявшие у Тератыня и Ухане два Кавказских корпуса (III и II) не дали никакой возможности успеха".*

Под Уханами вторично ранен Прапорщик Шах Багов, Н-к Команды разведчиков.

***

После оставления укрепленной линии Красностав-Грубешов полк, в составе дивизии, начал отход в направлении Богдановка, Кол. Теосин и у Опалина перешел через Зап. Буг. Во время этого отхода серьезных столкновений не было. Полк спокойно сосредоточился на новой позиции у Гущанского озера, где простоял до 1 авг, и снова пополнил свои ряды вновь присланным пополнением, доведя численность рот до 200 штыков.

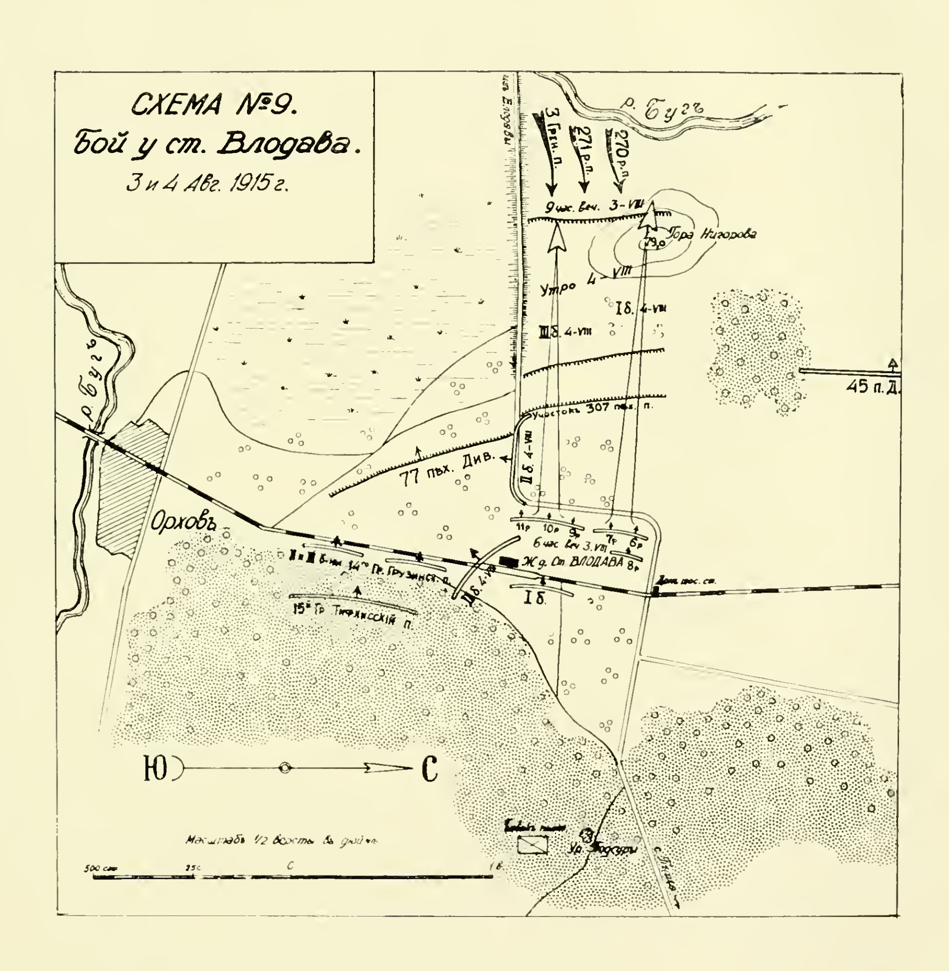

СХЕМА №9.
Бой у ст. Влодава.
3 и 4 Авг. 1915 г.
р. Бугъ
3 Грен. п.
271 р. п.
270 р. п.
9 час. веч. 3-VIII
Гора Нигорова
Утро 4-VIII
I б. 4-VIII
III б. 4-VIII
45 п. Д.
Участокъ 307 пех. п.
77 пех. Див.
II б. 4-VIII
11 р
10 р
9 р
7 р
6 р
8 р
6 час. веч. 3. VIII
Ж. д. Ст. ВЛОДАВА
Орховъ
14го Гр. Грузинск. п.
15й Гр. Тифлисскій п.
I б.
Ю
С

СПИСОК № 13.

Г.г. офицерам участникам двухдневного боя у ст. Влодава, 3 и 4 августа 1915 года.

№	Чин и фамилия	Должность	Примечания
1.	Полк. Вышинский	Командир полка	
2.	Капитан Шлиттер	Полковой адъютант	
3.	Поручик Гвелесиани	Пом. полк. адъютанта	
4.	Шт.-Кап. кн. Эристов	Н-к к-ды сл. связи	
5.	Подпоруч. Побаевский	Н-к пулеметн. к-ды	
6.	Прапорщ. Гварамадзе	Мл. оф. пулеметн. к-ды	
7.	Прапорщ. гр. Медем	Н-к к-ды разведчик.	
8.	Капитан Пильберг	К-р I батальона	Ранен.
9.	Поручик Тихонов	К-р Е. В. роты	Ранен.
10.	Подпоруч. Четыркин	К-р 2 роты	Ранен.
11.	Прапорщ. Сафроницкий	Мл. оф. 2 роты	Ранен.
12.	Корнет Пашков	К-р 3 роты	Заболел.
13.	Подпоруч. Зродловский	К-р 4 роты	
14.	Подполк. кн. Шервашидзе	К-р II батальона	Контужен.
15.	Прапорщ. Жилин	К-р 5 роты	
16.	Прапорщ. Исаев	К-р 6 роты	
17.	Прапорщ. Борисов	К-р 7 роты	Убит.
18.	Поручик Константинов	К-р 8 роты	
19.	Прапорщ. Попов	Мл. оф. 8 роты	Убит.
20.	Подполк. Мануйлов	К-р III батальона	Контужен.
21.	Поручик Кандауров	К-р 9 роты	Убит.
22.	Корнет гр. Чернышев-Безобразов	Мл. оф. 9 роты	Контужен.
23.	Прапорщик Янко	К-р 10 роты	
24.	Прапорщ. Подхалюзин	К-р 11 роты	Убит.
25.	Подпоруч. Мальцев	К-р 12 роты	Убит.
26.	Прапорщ. Сиземский	Мл. оф. 12 роты	Убит.

ДВУХДНЕВНЫЙ БОЙ У СТАНЦИИ ВЛОДАВА

3 и 4 августа 1915 г.

Ген. Штаба Капитан Булгаков в своих воспоминаниях об этом периоде отмечает:

"С фронта Красностав-Грубешов II Кавк. к-с отходил в С. направлении. Дивизия после боев у Генрикувка—Берестье—Ухане, продолжая отход, переправилась через Буг в районе Опалин—Волчков перевоз. В это время у Влодавы в излучине З. Буга создалось очень серьезное положение, угрожавшее нашим отходившим войскам ударом во фланг и тыл. Части 77, 72 и 45 пех. дивизий, входившие в состав 13 армии Ген. Горбатовского, защищавшие и охранявшие этот участок реки, не устояли. По поврежденному только, но не разрушенному, мосту, а также по наведенному понтонному, немцы, оттеснив наши войска, оборонявшие этот участок, переправились на правый берег Буга и, укрепившись, создали "тет-де-пон". По сведениям из Штаба 45 п. дивизии ко 2 августа немцы успели перебросить в тет-де-пон больше дивизии, стремясь все время расширить его. Кавказской Гренад. дивизии была поставлена задача, сменив части 45 и остатки 77 пех. див., атаковать про-

тивника у Влодавы, очистить правый берег от немцев и уничтожить мосты. Штаб дивизии, ознакомившись с обстановкой и сведениями из Штаба 45 п. див. о количестве переправившихся войск противника, просил Командира К-са, в виду значительных сил противника и слабого численного состава наших полков после последних боев, дать в распоряжение Начальника дивизии, как резерв, бригаду 51 п. див. Однако Ген. Мехмандаров, категорически отказал. Дивизия своими силами решительно атаковала противника. Хотя по ходу боя, Командиру корп. пришлось дать дивизии не только бригаду 51 п. див., но и бригаду 3 Гвардейской див., находившуюся в его распоряжении, вся тяжесть боя пала на нашу дивизию и особенно на Лейб-Эриванцев. В двухдневном тяжелом бою Кавказские Гренадеры и особенно Эриванцы, остановив наступление немцев, отбросили их к самому Бугу, блестяще выполнив в короткий срок поставленную им задачу, передали очищенный от немцев боевой участок 45 п. дивизии и двинулись, согласно директивы Командующего 13 армией, на Кобрин и жел.-дор. станцию Погодино. За этот бой Командир К-са Ген. Мехмандаров в приказе по корпусу горячо благодарил Кавказских Гренадер за блестящее выполнение боевой задачи и поименно всех старших начальников (Командиров бригад и полков), офицеров Ген. Штаба дивизии, не упомянув только Нач. дивизии Ген. Габаева. Последовала затем благодарность Командующего 13 арм. и очень теплая благодарность Главнокомандующего фронтом Ген. Алексеева, подчеркнувшего исключительную доблесть дивизии и пожаловавшего на каждый полк Георгиевские кресты.

Хочу подчеркнуть интересный эпизод во время смотра дивизии Командующим армией Ген. Горбатовским. Дивизия, после тяжелого двухдневного боя у Влодавы и тяжелых переходов без отдыха, проходила через Кобрин, где Ген. Горбатовский со Штабом армии пропускал части дивизии, благодаря их за блестящий бой под Влдавой и так же объявил, что он со Штабом армии переводится на Рижский фронт и очень рад, что, как будто, добился, что в его армию последует и доблестный II Кавк. корпус. Головным полком в дивизии проходили Лейб Эриванцы, во главе с Командиром полка Полковником Вышинским. Когда полк прошел и Полковник Вышинский собирался проследовать за полком, Ген. Горбатовский, обращаясь к нему сказал: "Благодарю Вас за блестящий бой. Полк, конечно, не в блестящем виде, как-то уныло проходил и вид у полка не бодрый". Полк. Вышинский, возмущенный этим замечанием, сдержанно, но твердо и громко ответил: "Ваше Высокопревосходительство! Лейб,Эриванский Его Величества полк имел счастье в других условиях представляться Его Величеству и заслужить Высочайшую похвалу. Сейчас же полк прошел перед Вашим Высокопревосходительством сразу после тяжелого боя и утомительного большого ночного перехода в пыли и грязи, в том виде, как он был в бою и где показал свою доблесть и бодрость". Ответ Полк. Вышинского почти текстуальный. Находясь вместе с бр. Командующим дивизией и Штабом около Командующего армией, я лично слышал этот диалог".

О бое полка у ст. Влодава имеется очень ограниченное число документов и показаний. В эмиграции оказался из полка лишь один участник этого боя — Корнет гр. Чернышев-Безобразов. Кроме его показаний Полк. Ред. Ком. располагала выдержками из писем Полковника Вышин-

Генерального Штаба Полковник
Евгений Евгениевич Вышинский.
Командовал Лейб-Эриванским полком с 1 мая 1915 г. до 2 марта 1916 г. Кавалер Георгиевского оружия.

ского, Приказом по Кавказской Гр. дивизии от 22.3.16 за № 126 и выписками из полковых дневников полков Германской армии, действовавших в эти дни против Лейб-Эриванского полка. Само собою разумеется, что члены комиссии, в свое время, слышали подробности этого боя от многих участников его, каковые свидетельства, если и не могут почитаться документальными, то все же, помогли теперь создать общую картину боя.

1 августа полку было приказано сняться с позиции у Гущанского озера и отойти на новую позицию в тылу. На новой позиции полк простоял лишь до вечера 2 августа, когда было получено приказание двинуться на новый фронт, но не назад, а в сторону, на смену соседям. Шли всю ночь форсированным маршем и в 3 ч. дня подошли к ст. Влодава, где шел сильный бой с переправившимися через Зап. Буг немецкими частями. С утра части германской 82 рез. пех. дивизии вели наступление на ж.-д. ст. Влодава, стараясь ее захватить. Еще накануне вечером 271 герм. пех. полк захватил г. Нагорову и к моменту подхода Эриванского полка полки нашей 77 пех. дивизии, которые вели здесь бой, совершенно растаяли под артиллерийским огнем противника. Подошедшие Эриванцы в 3 ч. дня получили приказ перейти в контратаку и оттеснить переправившихся немцев к переправам через Зап. Буг (понтонным мостам).

По единогласному свидетельству участников боя, перед атакой запечатлелся торжественный момент: в лесу у д. Комаровки, на поляне, сосредоточился весь полк (три б-на) в батальонных колоннах. Когда к выстроившемуся и замершему полку подошел Полковник Вышинский, к нему стали подходить с рапортом Командиры б-нов. Запечатлелось, как с рапортом подошел Капитан Пильберг, каждое слово которого как-то особенно звучало в наступившей торжественной тишине: — "Господин Полковник, вверенный мне I б-н готов к атаке". Говорят, это была красота! Фигура, выправка, походка, невозмутимое спокойствие Капитана Пильберга, все произвело незабываемое впечатление и каждый участник боя обязательно с этого именно момента начинал свой рассказ о бое под Влодавой. Приняв рапорты К-ров б-нов и Н-ка Пулеметной команды, Полковник Вышинский сказал краткое напутственное слово, в котором напомнил всем о вековой доблести полка и выразил уверенность, что предстоящее дело добавит в полковую историю Лейб-Эриванцев еще несколько блестящих строк. После этого полку была дана задача и приказ перейти в атаку в 6 ч. пополудня. Ровно в 6 ч. полк двинулся вперед. Вот как рассказывает об этом участник боя мл. оф. 9 роты, Кавалергардского Е. И. В. Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка, корнет граф Чернышев-Безобразов:

... "Целый день и всю ночь мы шли ускоренным шагом и к 3 ч. пополудни 3 августа подошли к месту боя. Уже за несколько верст ясно слышны были орудийные выстрелы, а ружейная и пулеметная стрельба не смолкала ни на мгновение. Подойдя к месту нашего сосредоточения, мы получили несколько минут отдыха. Была торжественная минута, когда Командир полка Полковник Вышинский, собрав вокруг себя все б-ны, в нескольких словах объяснил нам обстановку и напомнил нам о доблести Эриванцев и о СЛАВЕ полка, которую сегодняшний день должен был не только поддержать, но и прибавить еще несколько славных строк

в его историю. Эриванцы, выслушав своего Командира, пошли в бой. В первую линию были назначены из нашей дивизии Эриванцы. Головным шел III б-н Подполковника Мануйлова, а в первой линии б-на — 9 рота Поручика Кандаурова, в которой я был младшим офицером. Полк двинулся в атаку без артиллерийской подготовки (*Примечание Ред. Ком.:* в первый день боя под Владавой, т. е. 3 августа, наша Кавк. Гр. арт. бригада не могла поспеть за шедшим форсированным маршем полком и приняла участие в бою лишь на следующий день. Хотя специальной подготовки произведено не было, тем не менее, оставшаяся на своих позициях артиллерия, дравшейся здесь до нашего подхода 77 пех. дивизии, вела огонь, причем по отзывам участников боя отлично стреляла).

"Ровно в 6 часов мы поднялись из травы и пошли вперед; перейдя ж.,дор. насыпь, были встречены сильнейшим ружейным и пулеметным огнем. Роты бросились вперед с ревом "Ура!" Все перемешались при быстром беге, промелькнули испуганные лица сдающихся немцев, много убитых лежало на земле (очевидцы боя, под свежим впечатлением, рассказывали, что на одного нашего убитого, приходилось три убитых немца), а стрельба все усиливалась и перешла в сплошной гул. Мы бежали пока хватило духа и наконец остановились на опушке леса, залегли и окопались.

Противник (это был 270 рез. п. полк 82 п. дивизии) частью сдался, частью бежал; ему вдогонку трещали наши пулеметы. Через несколько минут стрельба начала усиливаться и свежие резервы противника повели на нас контр-атаку. (*Примеч. Ред. Ком.:* Это были части 271 рез. . полка той же 82 п. дивизии срочно брошенные на выручку разбитого 270 п. п.). Первую атаку мы отбили ружейным огнем, тогда немцы бросились на нас бегом, смешались с нашими линиями и мы принуждены были вернуться на старые позиции. Немного спустя, собрав разрозненные роты, мы опять бросились вперед и опять выбили противника. С наступлением темноты (в 9 ч. вечера) мы оказались хозяевами немецких окопов".

Как мы сейчас увидим, показание Корнета графа Чернышева - Безобразова, в точности совпадает с описаниями этого боя нашим противником:

Из дневника 270 р. пех. полка 82 п. див.:

"3/16 августа 1915 года. I и II б-ны с рассветом перешли в наступление. На восточный берег (Зап. Буга) переведен и 271 р. пех. полк. Русские, усилив свои войска, перешли в наступление на гору Нигорову. Нам на поддержку и для прикрытия левого фланга подведены роты 271 рез. пех. полка. Русские были отбиты. Вторую атаку они повели из леса, что к югу от Комаровки (*Прим. Ред. Ком.:* атака Эриванцев в 6 ч. дня). Положение было восстановлено при помощи соседних частей. I б-н в бою под Влодавой потерял 291 н. ч., II б-н — 251 н. ч. Обер-лейтенант Ропп убит"...

Из дневника 271 рез. пех. полка 82 пех. див. от 3/16 августа:

... "На рассвете I б-н перешел Буг и присоединился к III б-ну. В 16 часов (немецкое время на 2 ч. впереди) левый фланг 270 п. полка оказался в тяжелом положении. III б-н спешно двинут на поддержку. Еще накануне, 2 августа в 17 часов, 270 рез. п. п. захватил гору Нигорову. Русские контратакой его опрокинули и преследовали. I б-н бегом двинут на усиление. Ударом во фланг

противник был остановлен. Вечером наш полк сменил 270 рез. п. п. понесший большие потери".

Из дневника 3 Гренадерского п. полка I герм. пех. дивизии:

"3/16 августа 1915 г. В 1.30 выступили по тревоге на Влодаву. I и III б-ны уже в 3 часа перешли понтонный мост, II б-н в 6 часов. I и III б-ны скрыты вплотную за высокой шоссейной насыпью. Впереди ведут наступление полки 82 рез. п. дивизии, захватившие в 3 ч. 30 м. передовую неприятельскую позицию вдоль опушки кустарника. 270 рез. п. полк овладеть ст. Влодавой не мог. Нашему полку приказано его поддержать. I и III б-ны влиты в передовую линию; II б-н продвигался сзади гуськом вдоль шоссе. С полудня русские открыли сильный артиллерийский обстрел (*Примечание Ред. Ком.*: Стреляла, повидимому, артиллерия 77 пех. дивизии; что огонь был сильный, подтверждали все участники боя).

Вслед за этим вышли русские броневые автомобили (*Примеч. Р. К.:* никаких броневиков при наших частях не было, здесь какое-то недоразумение), а за ними густые цепи (*Примечание Р. К.:* Эриванского полка). Наша передовая линия принуждена была отойти. Задержавшиеся на фланге в кустарниках 9 и 10 роты, пропустив русских, открыли им во фланг губительный огонь. Противник сразу приостановился. Но отход захватил уже стоявшие к северу части 82 пех. див., которая уходила довольно поспешно. Лейтенант Гольдхорн с высокой насыпи шоссе покрыл фланговым огнем своих пулеметов преследовавших их русских, отчего те залегли.

Противник, прорвавшийся от Голяны, был приостановлен двинутым в контратаку III б-ном уже перед самым Бугом. К 18 ч. наша пехота заняла старые позиции и отбилась, опасность миновала. Русские окопались в ста метрах впереди".

Дальше, в описании боя, Корнет гр. Чернышев-Безобразов говорит: ... "Мой Командир роты, Поручик Кандауров был убит, убит был и фельдфебель 9 роты. Вечером 3 агуста в 9 роте осталось 37 человек. Приняв 9 роту, я велел окопаться и заснул. Но уже в 4 ч. утра немцы повели наступление. Сначала артиллерия нас совсем закидала снарядами, а потом, поддерживаемая с флангов бесчисленным количеством пулеметов, пехота двинулась на нас в атаку; это были свежие немецкие войска (гренадеры, номера не помню). Опять мы отбили первое наступление и началось то же, что было в предыдущий день. Часам к двум нашему полку было приказано выйти из боя, так как от полка почти ничего не осталось, и наше место занял какой-то полк, (какой, не помню).

Во время выхода из боя, около меня разорвался снаряд, свалив меня на землю и я потерял сознание на несколько минут. Придя в себя, я почувствовал, что левая моя нога не действует и я чуть не попал в плен, так как немцы были уже шагах в двадцати от меня. Какой-то гренадер помог мне встать и чуть ли не на руках, вытащил меня".

Из дневника 3 Гренадерского полка I пех. дивизии:

"4/17 августа 1915 г.: За ночь полк занял суженный участок под шоссе. Роты 270 р. п. п., перемешавшиеся с нашими, были

сменены и отправлены в тыл. В 11.45 после артиллерийской подготовки I и III б-ны атаковали и прорвали противника, захватив 170 пленных и 3 пулемета*). Дошли до ж.-д. между вокзалом и домом шоссейного сторожа. II б-н прикрывал левый фланг. У соседей 82 п. рез. дивизии ничего из атаки не вышло, отчего мы очутились в изолированном, выдвинутом положении. Русские перешли в контратаки, но были отбиты, главным образом, метким огнем пулеметной роты.

Обещанное продвижение 82 п. рез. дивизии снова не вышло. 48 н. ч. убито, 85 ранено. С наступлением темноты, в полной тишине, пришлось полку отойти на основную позицию. При окончании отхода выяснилось, что русские также отходят, отчего, ушедшие роты снова выдвинулись вперед".

Командир полка Полковник Вышинский в письме к жене от 6.8.15 с позиции у сел. Мельники, кроме того, что уже частично вошло в описание боя, писал о бое под Влодавой, следующее: ..."В 3 ч. дня (3 августа) я получил приказ атаковать немцев и выбить их из занимаемых ими позиций. В 6 часов полк перешел в атаку и к 9 часам исполнил с полным успехом свою задачу — немцев выбили с треском, забрав при этом до 150 ч. пленных, словом, дело было блестящее, но, как это обыкновенно у нас бывает, соседи не поддержали нас и мы оказались слишком выдвинутыми вперед. На следующий день немцы стали сильно напирать и обходить нас со всех сторон. Был момент, когда полк был буквально окружен немцами со всех сторон; тем не менее, мы вышли с честью из этого положения, хотя и понесли большие потери: до 1.000 н. ч. и 13 офицеров. Потери последних составляют 50%, так как всего участвовало в бою, считая меня, адъютанта и проч., 26 офицеров. В ночь на 5 августа мы отошли на новую позицию, по счету, как я недавно выяснил, уже двадцать вторую.

Простояли здесь сутки, а затем нас сменили, и вот мы уже третий день идем походным порядком, нас переводят на новый фронт".

Как видно из описаний боя обеими враждующими сторонами, бой под Влодавой на фронте полка изобиловал переменами в боевом счастье. За неимением точных данных, приходится лишь кратко упомянуть, что героем дня 4 августа был Капитан Пильберг, выручивший, в критический момент боя, нашу 5 батарею, оказавшуся в сфере стрелковых цепей противника. Собрав вокруг себя все, что попалось под руку, так как резервов уже не было, Капитан Пильберг с горстью гренадер перешел в контратаку, отбросил наседавших немцев и тем дал батарее возможность подать передки и сняться с позиции. Во время этой контратаки Капитан Пильберг был тяжело ранен в грудь навылет и замертво вынесен из боя. За это дело он был награжден Орд. Св. Георгия 4 степени. (Самой реляции достать не удалось).

В прощальном приказе Начальника Кавказской Гренадерской дивизии от 22.3.16 года, отданном по случаю ухода Командира Лейб-Эриванского полка на новую должность, про действия полка под начальством Ген. Шт. Полковника Вышинского под Влодавой, сказано:

*) Во время боев у Влодавы ни один полк Кавк. Грен. дивизии не потерял ни одного пулемета. Ген. Шт. Кап. Булгаков.

что *"в двухдневном беспрерывном бою под Влодавой, где Лейб-Эриванцы атаковали, остановили и заставили отойти вчетверо большие силы немцев, ПОЛК покрыл себя неувядаемой славой"**).

ВИЛЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ И ВЫХОД НА КРЕВСКУЮ ПОЗИЦИЮ. ПЕРЕБРОСКА К ВИЛЬНО И БОИ ЗА ВИЛЬНО

С 14 августа по 11 сентября 1915 г.

Общую картину Виленской операции и участие в ней Кавк. Гренадерской див. так описывает в своих воспоминаниях Ген. Штаба Капитан Булгаков:

"Корпус наш шел на Ригу, но в Ландворово (около Вильно), следовавший в головных эшелонах дивизии, Лейб-Эриванский полк был высажен из поездов и прямо из вагонов, не ожидая ни других полков дивизии, ни своей артиллерии, сразу же двинут в бой в помощь сильно расстроенным Финляндским стрелкам, спешно отходившим к Ново-Трокским озерам. Вслед за Л.-Эриванским полком, так же прямо из вагонов, вступали в бой и остальные полки дивизии, по мере их высадки. *Заменив, а не сменив* Финляндцев, Кавказская Гренадерская див. вела упорные бои в лесах западнее Ново-Трокских озер, а затем отошла на линию Ново-Троки и (приблизительно) Старо-Троки — Сорок Татары (?). В этом районе дивизия задержалась до конца августа — начала сентября, решительным отпором сдерживая упорный натиск превосходных сил немцев. Главный удар в самом начале этой операции, до сосредоточения всей дивизии, принял Лейб-Эриванский полк, сыграв роль авангарда и прикрыв своими доблестными и тяжелыми боями высадку и развертывание всей дивизии.

Чтобы понять ценность и значение тяжелых боев дивизии, и в частности авангардного боя Лейб-Эриванцев западнее Ландворово (это важный ж.дор. узел около Вильно и большой ж.-дор. туннель к Вильно) и Ново-Трокских озер, чтобы, хоть отчасти, оправдать невознаградимые потери полка и дивизии, особенно гибель храбрейшего из храбрых — гордость и славу не только Эриванцев, но и всего II Кавк. корпуса Подполковника Сабеля и других, необходимо вспомнить ту грозно-тяжелую обстановку, которая сложилась в 10 армии Ген. Радкевича в конце августа — начале сентября 1915 года.

Армия эта прикрывала стратегически важные жел.-дор. узлы: Вильно, Лида, Молодечно.

В состав армии входили, насколько помню, V Кавказский, II Кавказский, XXXV арм., III Сибирский и, кажется, только часть Гвардии. Немцы усиленно долбили на всем фронте армии и, имея некоторый успех против соседней (к северу) армии, начали охватывать правый фланг 10 армии. В то же самое время, в конце августа, им удалось и южнее прорвать фронт соседей, и в этот прорыв у Свенцян они бросили мощный конный клин в составе 6 кавалерийских дивизий в общем направлении к С.-СВ. в тыл 10 арм. и к С.-В. на Молодечно. Для

*) См. Приложение № 12.

10 армии, дравшейся западнее Вильно - Лида, создалась грозная обстановка. Армия, отбиваясь и задерживая упорными боями немцев, в целях переброски своих тылов через оставшуюся в распоряжении армии единственную переправу у г. дв. Березино, медленно отходила ночными фланговыми маршами в Ю.-В. направлении, прикрывая Молодечненский жел.-дор. узел. Каждую ночь дивизия совершала 15-20-верстный переход, но удалялась от противника только на 8-9 верст. И тем не менее угроза окружения 10 армии все время висела над ней почти до выхода на фронт Сморгонь-Крево.

Во время этой операции Кавк. Грен. дивизия и именно Лейб-Эриванцы занимали самый исходящий угол, в самой глубине "мешка", в котором оказалась 10 армия. II Кавк. корп. стоял и дрался *фронтом на С.-З.* Правее его, под тупым углом, *Фронтом на С.* — V Кавк. кор., дальше *фронтом на В.*, т. е. в тылу нашего корпуса — Гвардия. Левее нашего корпуса фронтом на З. — XXXV корп., еще дальше фронтом на Ю.-З. — III Сибир. корп.

К 11 сентября 10 армия вышла из-под угрозы быть окруженной и уничтоженной и, во исполнение Воли Государя Императора, остановилась, дав сильный отпор немцам на, так называемой, Кревской позиции. *Задача немцев* выйти в тыл 10 армии, с целью пленить или уничтожить ее, несмотря на упорство атак и большие их потери, *достигнута не была.* Этот провал крупной и широко задуманной операции, проводимой с невероятным упорством и энергией, был результатом: во-первых — мер, принятых Штабом Фронта, — 2 армия Ген. Смирнова была двинута форсированными маршами, непосредственно за линией фронта, для ликвидации Свенцянского прорыва и удара во фланг немцами, охватывающим левый фланг 10 армии. Задачу эту 2 армия выполнила быстро и, главное, во-время закрыла Свенцянскую дыру и отклонила опасность глубокого охвата левого крыла 10 армии с юга. Уже находясь на Кревской позиции, в Штаб дивизии в фольварк Неровка и наши казаки дивизионной сотни, и крестьяне приводили выловленных ими в лесу ободранных и изголодавшихся немцев, участников Свенцянского конного рейда; во-вторых — разумных и спокойных мероприятий и распоряжений Командующего 10 арм. Ген. Радкевича и его личной выдержки и самообладания. Ген. Радкевич со всем оперативным Штабом находился в Вильно почти до самого оставления города. Когда была взята Лида и, таким образом, перерезана была последняя жел.-дор. линия на Молодечно (Северная ж.-д. линия Вильно—Молодечно была перерезана еще раньше), Ген. Радкевич со Штабом, только 3-4 сентября, т. е. накануне оставления Вильно, бросив свой поезд, на автомобилях перешел в Ошмяны (Вильно было оставлено, кажется, 5/IX). Наша дивизия, не заходя в город, прошла южнее его 5/IX. И войска знали и видели, что Командующий армией находится с ними, в непосредственной близости от фронта; и наконец *втретих* был результатом доблести, неутомимости и выдержки самих войск. Я, главным образом, разумею нашу дивизию и в частности Эриванский полк, сидевших, как отмечено выше, в самой глубине "мешка". Каждодневные ночные марши при "ракетной иллюминации" со всех сторон, немедленное укрепление новых позиций, тотчас же по приходе на них ранним утром, затем "встреча" после полудня развертывающегося противника. Иногда

бой, и довольно упорный, и опять ночной марш и т. д., не могли поколебать ни моральных, ни физических сил наших войск, твердо веривших в командование. За все время боев и выхода из Виленского "мешка" не было ни одного случая паники или деморализации в частях нашей дивизии. Напротив, при самых неблагоприятных условиях обстановки, при неустойчивости соседей, наши части оставались на своих позициях с полным спокойствием и самообладанием. К примеру приведу один только случай. Однажды, поздно вечером меня вызывает к телефону Командир Эриванск. полка Генерал Вышинский и спрашивает: "Знаете ли Вы, кто правее нас?" Меня немного удивил этот вопрос, ибо я знал, что Ген. Вышинский всегда отлично осведомлен в обстановке, касающейся его полка. Я отвечаю: — "Знаю: — 104 див. и дальше части V Кавказск. к-са". На это мне Ген. Вышинский говорит: "Два командира полка 104 див. сидят у меня в Штабе; в окопах же нет никого". Я выслал разведку в сторону частей V Кавк. к-са и там окопы пустые — отошли назад (на Юг)". Начали звонить в Штаб нашего корпуса и в конце концов V Кавк. к-с, вновь занял свой участок. 104 див. тоже водворилась на свое место. И вот, несмотря на такую обстановку по соседству Эриванского полка, и у Командира и в полку полное спокойствие и самообладание, все на местах и нет мысли об отходе только потому, что "соседи отошли и оголили фланг". А в разговоре даже зачастую и юмор. Войска, проходя некоторые деревни, где похозяйничали в тылу нашей армии части немецкого конного рейда, и видя разбитые армейские хлебопекарни с валяющимся на улице тестом, рассыпанную муку, разбитые военные повозки, в общем, видя свежие следы разгрома в своем тылу, не только не приходили в уныние, но наоборот, из их рядов слышались и веселые остроты.

Интересно здесь отметить порядок отхода дивизии (отрыва), практиковавшийся при выходе из "Виленского мешка". Штабом к-са отдавался приказ об отходе ночью на данную армией линию и указывался участок дивизии. Немедленно Штабом дивизии высылался на эту линию офицер Генер. Штаба (Штаба див.) с командиром Саперной роты и тогда же выступала и Саперная рота. По прибытии на указанный участок, офицер Ген. Штаба с командиром Сапер. роты намечали позицию и последний со своими унтер-офиц. начинал разбивку. Офицер же Ген. Штаба возвращался в Штаб див. и, после его доклада, отдавался приказ дивизии о занятии новой позиции. Подходившая же к намеченной позиции саперная рота немедля принималась за трассировку окопов, оставаясь на работе до подхода полков и распределения их по участкам. Обычно на позиции стояло 3 полка и один полк в резерве. С наступлением ночи полки, оставив в окопах только редкое охранение, поддерживавшее редкий ружейный огонь, отходили к сборному месту и, свернувшись в походную колонну, следовали к новой позиции. Полк резерва, пропустив три полка, начинал отход, выполняя задачу арьергарда, а охранение, оставшееся в окопах, покидало их уже перед рассветом и ускоренно догоняло свои части. По прибытии на новую позицию Начальник дивизии с Командирами полков окончательно распределяли боевые участки, давая задачи им и артиллерии. Полки тотчас же принимались за рытье окопов и дальнейшее укрепление позиций. По подходе арьергардного полка, он занимал свой боевой участок, а один из

трех полков (по очереди), бывших прошлый день на позиции, следовал в дивизионный резерв. И замечательно, с какой быстротой наши гренадеры, несмотря на усталость и ночной переход, наловчились вырывать окопы полной профили и ходы сообщения. Иногда, в целях задержать подход противника к позиции, тыловому отряду арьергарда придавали только 1 артилл. взвод, который поордудно (вопреки правилу о неделимости артиллер. взвода) действовал на флангах широко развернувшегося тылового отряда. Результат всегда оказывался желательный. Немцы, обстреленные артиллерией, предполагая здесь наличие главных наших сил, начинали развертываться и медленно, боевым порядком, вести наступление. Тыловой же отряд, не принимая удара, быстро свертывался и уходил, заставив немцев потерять много времени на свертывание опять в походную колонну и на развертывание перед новой позицией.

Так закончилась наша самая опасная для дивизии операция; самая опасная потому, что в течение почти целого месяца над Кавказскими гренадерами висела грозная и, временами, почти неотвратимая опасность возможной гибели в "Виленском мешке". Но Господь спас полки дивизии и трехсотлетнего старейшину Русской армии — Лейб-Эриванский полк от этого несчастья и Гренадеры с полным спокойствием, самообладанием и выдержкой преодолели тяжелый отход с непрерывными боями и с честью и достоинством вышли из "Виленского мешка".

11 сентября дивизия прочно стала на Кревской позиции. (Сморгонь-Крево)".

"10 августа", — пишет Полковник Вышинский, — "мы прибыли походным порядком в Погодино. 11-го утром погрузились и сейчас же выехали. Куда, не знали. Поехали на Барановичи - Вильно. В 3 ч. утра 13-го прибыли на ст. Ландворово, где и высадились. После полудня нас уже двинули вперед, а 14-го и 15-го мы уже были опять в сильных боях, при очень трудных условиях, причем потеряли опять трех офицеров. Убит Прапорщик Орехов и пропали без вести Капитан Сабель и Прапорщ. Янко *(Примечание Ред. Ком.:* оба оказались убиты) и 336 н. ч.

Вчера только вечером мы выбрались из под "чемоданов", которыми нас засыпали в изобилии, но к счастью все обошлось благополучно, а чемоданы пускали здоровые...

Сегодня с утра стоим в лесу в резерве и отдыхаем, т. е. спим, так как две последних ночи не пришлось поспать. В течение последних двух дней страшно замотался, к тому же мне немного нездоровится и я по этому случаю почти ничего не ел двое суток". Письмо это датировано 16 августа, бивак в лесу у сел. Старые Троки.

События этих дней так зафиксированы в официальном документе*): "13 августа вечером полк сосредоточился у дер. Серафинишки, прибыв из Кобрина по железной дороге, и поступил в распоряжение Н-ка 4 Финляндской стр. дивизии Генерала Се-

---

*) Свидетельство, выданное Л.-Э. полком Полковнику Яковенко-Мариничу, Командиру 105 Арт. дивизиона.

лнвачева; 15 полк этой дивизии, будучи сбит со своих позиций, находился в полном отступлении. 14 августа полк наш был двинут к З. Олсоки и дальше к Пломянам на поддержку 15 Финл. стр. полка. Наша Гренадерская артиллерия не успела подойти к месту боя в течение двух дней, артиллерия же 4 Финлянд. стр. див. снялась с позиций. Положение было критическое, так как немцы развили энергичное наступление. К счастью, в районе 4 Финлянд. стр. дивизии оказался 105 артиллерийский дивизион Полковника Яковенко-Маринича, с японскими орудиями "Арисака", а главное, с полным комплектом снарядов.

Высокодоблестный Командир 105 арт. дивизиона Полковник Яковенко-Маринич, по своей инициативе, задержался на своих позициях, рискуя потерять возможность своевременно отойти, и своим огнем прикрывал отступление Финляндцев. В этот критический момент он был поддержан подошедшим нашим полком. 105 арт. д-н, ободренный столь неожиданным появлением нашего полка, открыл ураганный огонь "шимозой" по наступающим немцам. Наш полк перешел в контратаку и восстановил положение".

15 августа нашему полку было приказано начать отход, так как и 13 и 16 Финл. стр. полки, под натиском немцев, очистили свои позиции.

19 августа. Позиция впереди ст. Ландворово.

... "По прибытии сюда, сразу же попали в бой, который и сейчас идет во всю.

Бивак в лесу у сел. Жуки в 8 верст. впереди Ландворово. ..."Страшно возмущают меня сплетни, вроде деньщика Четыркина, рассказывавшего, что Сабель убит и полк был окружен немцами. Все это ложь. Мы надеемся, что Сабель не убит, а только ранен и взят в плен, полк же был окружен под Влодавой, а здесь ничего подобного не было; были сильные бои, мы несколько раз переходили в наступление, но об окружении и речи не было"...

26 августа 1915 г. Бивак в лесу на том же месте у сел. Жуки впереди Ландворово. ... "Полк стоит в резерве. С утра и до утра идет, а то и льет дождь и жить при таких условиях в лесу, под открытым небом, не скажу, чтобы было приятно. Полк зарылся в землю".

28 августа. На позиции у Новых Трок.

"Полк стал на позицию 27 августа. Вчера в 7 ч. вечера мы выступили из нашего леса и в течение ночи сменили другой полк и стали на позиции. Я, как и всегда в таких случаях, лично обошел всю свою позицию, на что потребовалось 4 часа: вышел я в 1 ч. ночи, а вернулся в Штаб полка в 5 ч. утра. Позиция моя вся изрыта "чемоданами" настолько, что в местечке нет ни одного целого дома, а по шоссе нельзя проехать, оно все в воронках, всю ночь я пробродил среди этих развалин, располагая свои роты. Назад, уже в 5 ч. утра, я поехал на лодке озером. Поспать пришлось очень мало т. к. с утра уже начался обстрел, к счастью довольно благополучно закончившийся для нас".

В письме от 26 августа есть такое место: "Вчера, т. е. 25 августа, немного правее нас, немцы впервые в моей практике применили свой подлый способ отравления газами. Они бросают снаряды, распространяющие эти газы. Вчера одна рота была почти целиком отравлена ими.

...Вступление в командование армиями Государя началось удачно, успехом на юге, Бог даст и дальше дела пойдут хорошо. Утешительно, что, очевидно, решено бесповоротно драться до конца! Хорош приказ Государя"...

Приводим его текст:

ПРИКАЗ ПО АРМИИ И ФЛОТУ

23 августа 1915 года

"СЕГО ЧИСЛА Я ПРИНЯЛ НА СЕБЯ ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОВАНИЕ ВСЕМИ СУХОПУТНЫМИ И МОРСКИМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ НА ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

С ТВЕРДОЮ ВЕРОЮ В МИЛОСТЬ БОЖИЮ И С НЕПОКОЛЕБИМОЙ УВЕРЕННОСТЬЮ В КОНЕЧНОЙ ПОБЕДЕ БУДЕМ ИСПОЛНЯТЬ НАШ СВЯТОЙ ДОЛГ ЗАЩИТЫ РОДИНЫ ДО КОНЦА И НЕ ПОСРАМИМ ЗЕМЛИ РУССКОЙ.

НИКОЛАЙ".

..."Когда 13/VIII мы прибыли в Вильно и Ландворово, здесь всюду была полная паника, все уже хотело бежать, рвать станции и пр. Словом, казалось, немцы вот-вот вступят в Вильну. Это было 13, а сегодня 29/VIII, а немцы все на том же месте. Первый отпор здесь дали немцам мы, Эриванцы, а за нами уже вся Гренадерская дивизия".

На той же позиции 31 августа 1915 г.

..."Стоим крепко на указанном нам месте, мой полк в Ново-Троках среди озер и, надеюсь, удержимся тут, лишь бы не сдали соседи".

Поручик Снарский: "один из б-нов нашего полка занимал позицию как раз в Гор. Ново-Троки. Окопы шли через городской сад, ночью Полковник Вышинский со мной их обходил. Штаб полка находился в землянке за Ново-Троками".

1 сентября на той же позиции.

5 сентября 1915 года. С. Крижовка (Открытка Полк. Вышинского).

..."Сидение наше на последней позиции кончилось. Снова мы второй день в движении".

7 сентября 15 г. Открытка. "Снова стоим на позиции и ведем бой. Сегодня с утра и до сумерек нас буквально засыпали снарядами, судя по выстрелам был прямо ад, к счастью потери оказались несоразмерно малы. Немцы стреляли плохо.

На позиции впереди м. Ошмяны. 9 сентября 1915 г.

..."Начиная с 3 сентября, мы, благодаря немцам, отрезаны от внешнего мира, не получаем ни писем, ни газет.

Отошли мы с последней позиции, как и всегда, не под натиском со стороны немцев, а благодаря тому, что подвели соседи справа, главным образом наша кавалерия.

После отхода занимаем теперь третью позицию. На первой немцы нас почти не трогали, на второй и на третьей т. е. на нынешней, они серьезно лезли на нас и обстреливали "чемоданами" вовсю. Особенно тяжелый день был 7 сентября, когда немцы буквально закидывали нас снарядами с 7 ч. утра до сумерек. Обстреливали и наш Штаб. По страшному грому канонады можно было подумать, что от полка ничего не останется, а в результате: убито 9 чел., ранено 15. Немцы в этот день сломали себе на нас зубы, а атака была направлена специально на нас. Вчера повторилась та же история, хотя и в несколько меньшем масштабе: тоже стреляли весь день, лезли в атаку, но ничего не смогли сделать. А мы, в свою очередь, накрошили их массу. Так и кончилось ничем их наступление и сегодня весь день они сидят смирно и не рыпаются. Одно время наше положение было тяжелое, даже критическое, но, слава Богу, мы с честью вышли из него и в настоящее время мы уже вне опасности".

Начальник Штаба нашего корпуса Ген. Майор Федоров, дает общую картину этих тяжелых дней: "После боя под Влодавой корпус сосредоточился походным порядком к Барановичам, где постепенно грузился в эшелоны, задерживаясь недостатком вагонов*). К середине августа Штаб корпуса прибыл в Вильну и представился Штабу 10 армии, — с которой потом не расставался, и направился в район южнее Ново-Трок, где уже действовали Кавказские Гренадеры.

В этот период кампании обнаружился уже обход немцами Вильны с севера. Корпус предпринимал наступательные действия с целью остановить развитие этого обхода, но полного успеха не имел. В этих боях Гренадеры в первый раз испытали на себе действие удушливых снарядов.

Вскоре упорные, но неудачные бои 10 армии севернее Вильны приняли такой оборот, что корпусам южнее Вильны приказано было отступать на Запад. Наш корпус в это время составлял с другими корпусами разные группы; иногда в него входили еще 2-3 чужих дивизии, большей частью очень слабых, что очень усложняло управление.

Отступление это вначале было без боя, но на линии Шумска уже начался натиск противника, стремившегося к полному окружению 10 армии.

Это был один из самых тяжелых периодов кампании: части корпуса оборонялись фронтом на запад, в переходе на восток вел бой Гвардейский корпус фронтом на север и восток. Орудийная пальба ясно раздавалась в тылу и на флангах. Окружение почти назревало. Присутствие на фронте корпуса и в его подчинении утомленных и незнакомых частей, как 104 пех. дивизия и Ополченская бригада, под натиском противника еще больше усложняло обстановку. В самую тяжелую ночь Ген. Мехмандаров, махнув рукой, сказал: "Делайте что хотите, я иду спать". В это время наметился уже прорыв немцев на стык с соседним корпусом. Пришлось вызвать Штаб армии, выяснять обстановку, которая и была исправлена высылкой 2 Финл. стр. ди-

---

*) Кавказская Гренад. дивизия в полном составе походным порядком подошла от Влодавы к ж.-д. ст. Кобрин, где и погрузилась в поезда.

визии. К утру проснулся Мехмандаров, уже все успокоилось, части удержали фронт. Двигавшаяся фланговым маршем 2-ая армия опрокинула обходивших немцев и общий фронт восстановился".

Полковой адъютант Поручик Снарский: "Необходимо отметить роль Командира полка 8 сентября под Г. дв. Шумском. Ввиду почти полного окружения 10 армии, положение нашего полка было критическое, так как полк находился в глубине образовавшегося мешка; еще глубже, т. е. правее нас были два полка ополченской бригады. Спиной к нам стояли Гвардейские стрелки. Одно время мы их приняли за немцев. Невзирая на всю тревожность положения, мы не получали приказания отходить. Потом оказалось, что выход из мешка был забит обозами. И вот был такой случай: Мы мирно пили чай в халупе, Вышинский, Гогоберидзе Арчил и я, вдруг мимо нас проносятся в отвратительной панике два полка ополченской бригады. Моментально Вышинский распорядился удлиннить фронт полка, а меня послал удержать во что бы то ни стало, хотя бы командиров полков. Растерянных стариков мне удается уговорить остановиться. Подходит Вышинский и, перебивая их сетования, что "все погибло", самым спокойным тоном предлагает им зайти к нему выпить чайку. Оба обалдели от предложения, но с коней слезают. Дав им успокоиться, Вышинский очень деликатно советует им принять самые энергичные меры и привести полки в порядок. Старики страшно сконфужены, меры принимаются и полки, хоть не полностью, водворяются на места.

... Выход из мешка запечатлелся в памяти: Небывалая тишина. Ни один солдат не курит, даже лошадям обвязали подковы и, пройдя верст двадцать, мы все еще были непрерывно освещаемы ракетами с обеих сторон. Наконец, утром вышли к Крево. Тут нас встретил Начальник дивизии, который обнял Вышинского. Мы, понятно, не знали общей обстановки, а большие Штабы давно считали нас погибшими, так как связь Штаба армии с фронтом была нарушена"*).

В "Русской Летописи" Книга 1-ая 1921 г. Париж. На стр. 166-167 есть такое описание событий этого периода в Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве.

"Дело было в первых числах сентября 1915 года. Вести со всех фронтов поступали все неутешительные; наши войска, оставив в командование Вел. Кн. Николая Николаевича — Варшаву, Ковно, Гродно, отходили вглубь России. Начались бои у Вильно и определился прорыв нашего фронта у Молодечно конной массой германской кавалерии. В ставке волновались. Ходили слухи, что Могилев небезопасен от налета. Шопотом говорили о необходимости перенести Ставку ближе к Москве — в Калугу... К ночи 2 сентября слухи стали особенно напряженны. 3 сентября, в девятом часу утра, еще до обычного доклада Генерала Алексеева Его Величеству, я пришел к Начальнику Штаба, дабы выяснить события на фронтах.

Ген. Алексеев сидел в своем кабинете за огромным столом, окруженный картами, бумагами. Вид у него был расстроенный и тревож-

*) Связь же Штаба дивизии с полками и со Штабом корпуса ни разу не была нарушена, как и Штаба корпуса со Штабом армии.

ный. На мой вопрос: "В каком состоянии находятся наши армии за эти дни и справедлива ли тревога, так охватившая Ставку?" Михаил Васильевич схватил себя за голову и голосом полными отчаяния ответил: — "Какия у нас армии! Войска наши погибли на полях Галиции и в Польше. Все лучшее перебито. У нас в полках теперь остались сотни, а в ротах десятки людей. У нас нет патронов и снарядов... Я не знаю, что мы будем делать, как сдержим напор и где остановимся.... Я нахожу, что наше положение никогда не было так плохо. Вот сейчас все это доложу Его Величеству".

Видимо, человек находился в полном ужасе от событий и не владел собой. Я ушел от Алексеева смущенный и с большой тревогой на душе. Половина первого в тот же день я снова увидал Ген. Алексеева на Высочайшем завтраке. Он совершенно переменился — смотрел бодро, говорил оживленно и пропала та тревога, которую я видел несколько часов назад. Я задал ему вопрос, что, вероятно, с фронта получены лучшие вести и он стал бодрее смотреть на будущее? — "Нет, известий новых не получено, но после доклада Его Величеству о положении на фронте, я получил от Государя определенные указания; Он повелел дать телеграмму по всему фронту, что теперь ни шагу назад. Надо задержаться и укрепиться. А прорыв Вильно-Молодечно приказано ликвидировать войсками Ген. Эверта. Я теперь уже привожу в исполнение приказ Государя и, Бог даст, справимся"... Передо мной стоял другой человек. Вместо нервного, растерявшегося Ген. Алексеева находился спокойный, уверенный Начальник Штаба Верховного, приводящий в исполнение волю Главнокомандующего, Русского Императора".

Мы, Лейб-Эриванцы, счастливы отметить этот эпизод на страницах нашей боевой летописи, так ярко характеризующий нашего Августейшего Шефа Императора Николая II-го, и в то же время горды сознанием, что в эти тяжелые дни, с предельным напряжением всех сил, исполнили свой воинский долг.

СТАБИЛИЗАЦИЯ ФРОНТА

у Крево-Сморгонь. Позиционная война. Зимняя кампания 1915 г.

"11 сентября наша дивизия стала прочно на позиции в районе Крево. В течение нескольких дней немцы, развивая страшный огонь, упорно вели яростные атаки как на нас, так и на соседей, но каждый раз, понеся огромные потери, они были отбиты с жестоким уроном. Около 20-21 сентября атаки их прекратились и они начали зарываться в землю. Также и у нас началось энергичное укрепление и усиление позиций, совершенствование их постройкой ходов сообщения, блиндажей, проволочных заграждений и т. п., а также и устройство тыла: — землянок для резервов, улучшение дорог и т. п.

Началась длительная позиционная война, пополнение поредевших рядов в полках и залечивание своих ран. И опять полки воспрянули

духом, уверенно готовясь к нанесению решительного удара противнику"*).

Крево-Сморгонь! Эти два пункта фронта, обозначавшие фланги нашей дивизии и корпуса, простоявшего на этих позициях с 11 сентября 1915 года по январь 1918 года, т. е. больше двух лет. За указанный промежуток времени полк многократно переменял свои стоянки, то передвигаясь слева направо, то в обратнем направлении. На этом участке фронта Лейб-Эриванский полк застала революция и... конец войны. За все время пребывания па этих позициях произошло лишь три значительных боевых эпизода, заслуживающих быть отмеченными, что же касается повседневной жизни, ее уклада, т. е. бытовой стороны этого периода кампании, то па нем останавливаться много не приходится, так как уже данное нами описание зимней кампании на р. Бзуре в 1914 г. мало чем отличалось от жизни у Крево и Сморгони. Необходимо все же отметить, что с начала 1916-го года в личном составе полка произошли большие перемены. Много старых офицеров полка получили полки или служебные командировки длительного характера, в полк же влилось много новой молодежи из военных училищ и школ прапорщиков.

Материальная часть полка сильно разрослась, имея непрерывную тенденцию к увеличению боевого потенциала.

Так например: уже с конца 1915 года в полку появился запасный б-н и Учебная команда, в которых дообучались приходившие пополнения и подготавливались кадры унтер-офицеров. Появилась вторая пулеметная команда (Кольта) и конная команда разведчиков в 120 шашек. Наконец, последовательно появились команды: бомбометов, минометов и противогазовой обороны**). Сама же окопная жизнь шла своим монотонным порядком изо дня в день, описание которой находим в письмах нашего Командира Полковника Выршинского:

№ 73. 11 сентября 1915 г. На новой позиции.

"После моего последнего письма № 72 я уже снова успел совершить два ночных марша и снова на позиции, на которой надеюсь удержаться дольше, чем на предыдущей. Эти постоянные отходы надоели до невероятности, пора бы кончить с этим вопросом!... Сейчас мы ходим и воюем среди бесконечных лесов, в которых грибов видимо невидимо. Собираем их в огромном количестве. Вчера я с полком должен был прикрывать отход нашей дивизии и занял для этого арьергардную позицию, расположил артиллерию, словом сделал все, что и как следует и стал ждать подхода немцев. К сожалению, последние не подошли и мне не пришлось их расчесать. Убили и ранили всего только несколько человек кавалеристов. И вот, в ожидании немцев, я сижу со Штабом на артиллерийском неблюдательном пункте".

№ 74. На позиции. Фольварк Богдановка 13 сентября 1915 г.

"Снова стоим на новой позиции, вернее, на той же старой позиции, только в адругом ее участке".

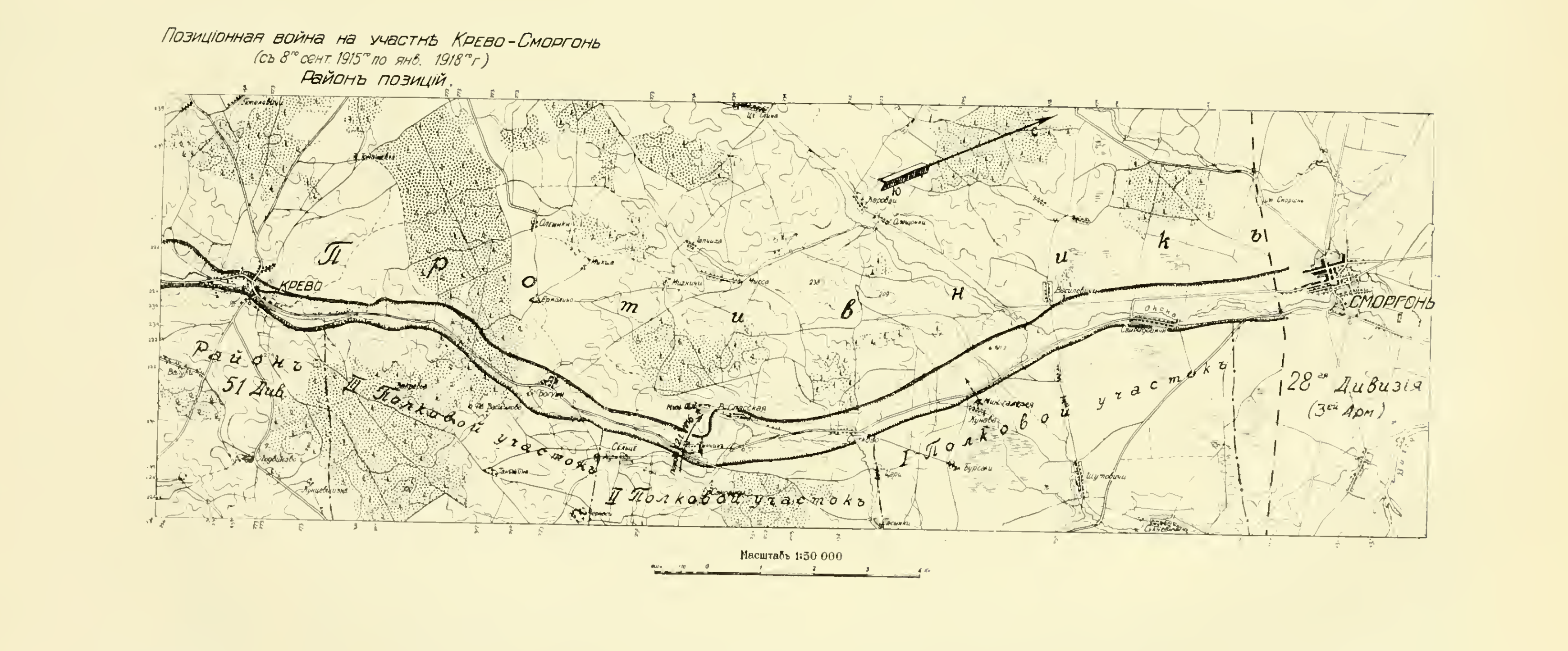
№ 75. В резерве в сел. Раковцы 15 сентября 1915 г.

---

*) Ген. Штаба Кап. Булгаков.

**) В 1916 г. в полку было 3 пул. команды: Максима, Кольта и Люиса. Кап. Гранитов.

Позиціонная война на участкѣ Крево-Сморгонь
(съ 8-го сент. 1915-го по янв. 1918-го г.)
Районъ позицій.

"Уже несколько дней мы здесь деремся (на этой позиции) и пока, слава Богу, не сдают наши соседи! Вчера на наш фронт немцы вели сильнейшую атаку. Я еще ни разу не слыхал такого ураганного артиллерийского огня, какой они развили вчера по нашему участку (главным образом по Мингрельцам), но, слава Богу, наши устояли, а немцев, дошедших до наших окопов, частью перекололи, частью взяли в плен. Сегодня я сижу в резерве, но уже вечером снова ухожу на позицию. 13 сентября у нас снова выбыло 3 офицера. Ранены: Прапорщик граф Медем — последний наш Кавалергард, Прапорщик Гварамадзе и Прапорщик Кисель (из бывших фельдфебелей)".

№ 77. 17 сентября 1915 г. На той же позиции.

"Стоим, слава Богу, все еще на старом месте, а это чего нибудь да стоит. Полк мой, почти весь без остатка, разобрали по чужим участкам и я сегодня один пользуюсь отдыхом, чего уже давно не было!... В течение последних дней у нас на фронте сранительно спокойно. Был только один случай атаки нас немцами, кончившийся однако плачевно для них: частью их перекололи, частью взяли в плен. Пленные говорят, что много у них самоубийств на почве переутомления войной, что сдавались бы массами, но что их держат в страшной строгости — расстреливают без пощады, а к семьям пленных применяют репрессивные меры, поэтому так мало сдаются. Один, между прочим, заявил: "я только две недели в строю и никому еще не причинил зла, а потому и ко мне прошу отнестись милостиво. Я берлинский коммерсант и, если вы мне дадите ваш адрес, я мог бы выслать вам, по окончании войны, много полезных вещей".

..."Уже третий день кипит бой по соседству с нами, причем вся картина артиллерийского боя прекрасно от меня видна, конечно, в бинокль. Нас немцы пока еще не обстреливали, но обстрел возможен каждую минуту. Вчера немцы взяли в оборот Тарасенкова (15 Гр. Тифлисский полк), который поселился в 3/4 версты от меня в имении. В последнем немцы подожгли выстрелами все постройки кроме самого Господского дома и Штабу полка пришлось временно спрятаться в погреб. Наш Тарасенков на редкость дельный, храбрый и толковый человек и из него выйдет образцовый командир. Он даже и сейчас уже заслужил такую репутацию. Кроме того он на редкость симпатичный и сердечный человек.

№ 78. "Все на том же месте. 19 сентября 1915 г.".

Дальше следует 18-дневный перерыв в переписке, так как Полковник Вышинский получил, наконец, долгожданный отпуск. Как известно, в Русской армии отпуска были разрешены впервые 1 августа 1915 года. У нас в полку первыми воспользовались отпуском ветераны: Сабель и Гаттенбергер, уцелевшие из всего боевого офицерского состава полка с первого дня войны.

По возвращении Полковника Вышинского в полк, письма начинаются с № 1 от 7-го октября. "Вчера к ночи благополучно прибыл в полк".

№ 2. Бивак в лесу у сел. Неровка 8 октября 1915 г.

..."Полк, ставший на позицию 21 сентября, пробыл в окопах ровно 2 недели и сменился снова в резерв к моему приезду. У нас на фронте совсем спокойно; немцы, видимо, тоже зарываются в землю

и готовятся к зиме. Весьма возможно, что и мы зазимуем тут. За время моего отсутствия в полку не произошло ничего особенного, только ранили старшего врача, убило двух кашеваров на кухнях, верстах в 4-х за фронтом, да переранило человек тридцать, т .е. в общем — сущие пустяки.

№ 7. На прежнем месте, в землянке, недалеко от сел. Милейков. 16 октября 1915 г.: ...“На фронте совершенно тихо. За 5 дней у меня всего два человека ранено, и то случайными шальными пулями. Сейчас мне донесли, что немцы открыли огонь по нашим окопам из тяжелых орудий; должно быть, надоели тишина и спокойствие”.

23 октября. Находившийся в Царском Селе на излечении от ран Подпоручик Попов удостоен был Высочайшей аудиенции в Александровском дворце в присутствии самого Государя и всей Его Августейшей Семьи.

Государь интересовался боевой жизнью полка и во время разговора, продолжавшегося десять минут, дважды благодарил Подпоручика Попова за службу и соизволил пожать ему руку.

№ 22. Людвинов 10 ноября 1915 г.

“Мы опять на новом месте. Стояли целую неделю на позиции, а вчера вечером опять сменились и стали в дивизионном резерве. Последняя неделя прошла довольно скверно, несмотря на то, что не было собственно боев. мы потеряли убитыми и ранеными до 30 человек, в том числе и одного офицера, Подпоручика Оборина. Оборина этого особенно жалко, он уже “старый” офицер, воевал со мной с мая по последнее время. *(Примечание Ред. Ком.:* Подпоручик Оборин прибыл в полк на р. Бзуру из Алексеевского военного училища).

Оборин, в последних боях был сильно контужен и лечился в Москве. Недавно только вернулся в полк и всего три дня командовал ротой. Приехал в полк счастливым женихом, влюбленным до самозабвения; в январе должна была быть свадьба.

И странно, какое-то предчувствие у него было: за 1/2 часа до смерти он принес, например, расписку другому офицеру в получение у него денег и, когда тот не хотел ее брать, настоял на этом, а через 1/2 часа он был уже убит пулей прямо в голову; ко мне его принесли еще теплого.

№ 27. 19 ноября 1915 г. Людвиново.

“Третьего дня у нас было большое торжество: 2-ой Кавказский Саперный батальон праздновал 50-летие своего основания. Кроме торжественного молебна и парада, под самой немецкой артиллерией, празднество кончилось грандиозным пиром, какого у нас еще не бывало на войне. Саперы выстроили огромное собрание под землей с двумя длиннющими столами человек, примерно, на 400. Все внутри, и стены и потолок, были задрапированы еловыми ветками и все залито светом сотен электрических лампочек. Столы буквально ломились под тяжестью разных вкусных вещей. Была икра разных сортов, сиги, омары, фрукты, виноград. Конечно, вино всевозможных сортов, ликеры, лилось шампанское. Словом пир вышел на славу.

“Недавно, по моему представлению получил Георгия 4-ой ст. Капитан Пильберг, тяжело раненый под Влодавой 4-го августа. А Мануйлова и Тихонова я вторично представил к Владимиру 4-ой степени.

Бои на линии Красностав-Грубешов.

8-ая рота против Берестья 3 июля 1915 г.
Верхн. ряд: Ст. у.-о. **Аверьянов**, георг. крест 4 ст. Ст. у.-о. **Голицын**, кавалер 3-х степ. Георгия. К-р 8 роты подп. **Попов.** Ст. у.-о. **Сазонов**, кав. 3-х степеней Георгия. Ниже по траверсу: (в фуражке) посередине фельдф. **Мезенцев**, ниже ст. у.-о. **Сигида.**

Весна 1915 г. Яблони в цвету. Блиндаж командира 8 роты.

Не знаю только, что из этого выйдет". *(Примечание Ред. Ком.:* потом оба этот орден получили).

№ 30. Обоз I разряда. 24 ноября 1915 г.

"Вчера утром еще я сидел в Богдановке, а вот сейчас сижу уже в 15 верстах оттуда, в обозе I разряда. Получил вчера совершенно неожиданно приказ выехать в тыл для наблюдения за подготовкой рот назначенных на Высочайший смотр и вот я вчера вечером выехал из Богдановки на санях и к ночи прибыл, через Штаб дивизии, сюда, где и выбрал свою резиденцию. Сегодня съездил в обоз II разряда, навел там порядок и вот сейчас, вернувшись снова сюда, сел написать тебе письмо".

27 ноября 1915 г. Обоз I разряда.

"Я все еще сижу в обозе I разряда и готовлю вверенный мне Сводный полк к смотру, в сущности дело сводится к полному безделью, сплю на кровати с полным комфортом, ем за двоих и работаю очень мало. Сегодня мой полк опять сменился с позиции и перешел в резерв. Там, т. е. в полку, командует вместо меня Мачавариани. Теперь решено держать нас на позиции не дольше недели, после чего всегда будет следовать неделя в резерве. Долго ли еще проживу здесь в обозе, сказать трудно, — повидимому до смотра. Вчера, по случаю Георгиевского праздника, у нас здесь состоялся грандиозный парад, которым командовал я и который принимал Генерал Габаев. После парада у нас, Эриванцев, состоялся обед, на который пригласили и Ген. Габаева.

К сожалению, парад был несколько испорчен дурной погодой: и накануне и вчера была оттепель, слякоть, временами шел дождь. Сегодня, к счастью, погода опять начинает, видимо, устанавливаться: опять хватил мороз и небо прояснилось. Вопрос о погоде играет теперь, вообще, огромную роль в нашей жизни; ты себе представить не можешь, как скверно бывает в окопах во время оттепели или дождя. Немедленно в окопах и ходах сообщения между окопами образуется грязь, а местами застаивается такая масса воды, что прямо ходить невозможно, а ведь в такой обстановке приходится жить целую неделю.

... Граф Медем, очевидно, больше не попадет к нам в полк — всех Кавалергардов требуют обратно, так как у них увеличивается число эскадронов и офицеры им самим нужны, так что не только Медем, но и прочие все откомандировываются к себе в полк. Я по этому случаю уже отправил Командиру Кавалергардского полка благодарственное письмо".

Извлечение из Приказа по Кавалергардскому полку:

"Счастлив объявить следующий отзыв Командира 13 Лейб-Гренадерского Эриванского Царя Михаила Феодоровича полка о наших доблестных офицерах, явивших собой пример высокого самоотвержения, пожелав добровольно разделить тяжкие боевые испытания в рядах славных Лейб-Эриванцев":

"От себя и от лица Общества Г. г. офицеров полка, приношу благодарность доблестным Кавалергардам, своей блестящей службой в полку сильно облегчившим нам боевой труд в один из наиболее тяжелых для полка периодов.

Имена Штабс-Ротмистра Бутурлина, Поручиков Флигель-Адъютанта кн. Багратион-Мухранского и Гернгросса, Корнетов Пашкова 2-го, Безобразова и графа Медема, явивших образцы высокой воинской доблести, навсегда останутся в памяти Лейб-Эриванцев!"

Отзыв 28 ноября 1915 г. № 8903.

2 декабря 1915 г. Обоз I разряда. Сел. Городечно.

..."У меня никаких перемен не произошло, сижу попрежнему в обозе I разряда и жду смотра, вступив в командование Сводным полком от корпуса. Государь собирается к нам, но когда приедет еще неизвестно. У нас новый Штаб-офицер в полку — Колчин. Он, как Георгиевский Кавалер, был вызван в Ставку к 26 ноября и там был произведен Государем сразу в Полковники из Капитанов! Вышло это потому, что мною он уже был представлен в подполковники, а Государь сразу произвел его в Полковники, — почти небывалый случай, воображаю какую зависть это возбудит у многих!

..."Вопрос о моем Георгии находится все в том же положении, как и был, т. е. я не был к нему представлен и следовательно не могу его получить. Должен меня представить не Мехмандаров, а непосредственный начальник, т. е. Габаев, а последний, мне это доподлинно известно, меня не представлял.

Вообще, Георгия никто себе "требовать" не может, представление к награде — дело начальства, да к тому же такого "истребованного", "выклянченного" Георгия, мне и не надо! Бог с ним!"

7 декабря 1915 г. Городечно. "Опять мне пришлось вчера кутнуть, вчера был праздник Штаба нашей дивизии и по этому случаю состоялся молебен и завтрак, все в той же саперной землянке, где мы завтракали уже прошлый раз на саперном празднике. Вчерашний праздник сошел очень мило и весело, было не слишком много народу и потому, сравнительно больше порядка. Был опять большой выбор закусок, а вино лилось, буквально, рекой.

Утром, еще до Штабного праздника, я принял парад здесь, в Городечно, где у нас сейчас тоже не мало войск.

Словом, весь день вчера был занят и я вернулся домой только в первом часу ночи. Был вчера также праздник 34 передового отряда Красного Креста, приданного нашей дивизии, и я также заезжал туда поздравить их с праздником. Познакомился я и с другой из сестер милосердия этого отряда. Про одну из них — Рейнеке я тебе, помнится, писал, а другая — Миллер. Обе очень симпатичные девицы из хорошего общества, ведут себя безукоризненно и пользуются в дивизии и особенно у нас в полку большим уважением и даже почитанием. И они питают, прямо, какую-то слабость к Эриванцам, очевидно, за корректное к ним отношение наших офицеров. В том же отряде, кроме двух сестер милосердия, имеется уполномоченный, врачи и человек семь студентов. В общем довольно большая компания".

13 декабря 1915 г. Городечно. "Ничего нового сообщить не могу. Полк стоит на позиции, сегодня ночью сменяется и уходит в резерв, а я сижу в обозе и жду смотра. Это ожидание всех нас сильно измотало, утомило, хоть бы скорее состоялся смотр, или отпустили бы душу на покаяние".

Хазково. 19 декабря 1915 года. 8 ч. утра.

"Сегодня уже второй день, как мы ушли с прошлой стоянки; кажется, наконец, наши ожидания сбудутся.

Сегодня мой полк ушел походом, я же с Шлиттером поеду на автомобиле и потому выезжаю позже.

Условия для походного движения, сейчас зимой, ужасны: все деревни забиты войсками настолько, что буквально яблоку негде упасть. В маленькой хатенке ночует 50-60 человек и все же нельзя всех разместить по халупам и часть людей, поневоле, остается на улице, а ведь на дворе — 15 градусов мороза. Про лошадей и говорить нечего, они почти все ночуют под открытым небом. Нас сегодня ночевало в довольно большой комнате, разделенной двумя перегородками: 6 офицеров, 5 душ хозяев и каких-то баб и человек 12 деньщиков, телефонистов и пр. н. чинов. Можешь себе представить каким воздухом мы дышали?!".

ВЫСОЧАЙШИЙ СМОТР НА СТАНЦИИ УША.

22 декабря 1915 года.

"Итак, наши давнишние ожидания наконец сбылись; сегодня Государь в 9.30 м. утра прибыл сюда и произвел нам смотр. На смотру я командовал Сводным полком от всего нашего корпуса. Кроме того, от моего полка была выставлена рота в почетный караул. Смотр сошел в образцовом порядке и Государь был в самом лучшем настроении духа, а что касается почетного караула, то, говорят, такого караула еще не видели. Последний, под командой Капитана Круповича, представился великолепно! После смотра состоялся завтрак у Государя, к которому, в числе других, был приглашен и я. После завтрака, Государь, прощаясь со мной, заметил: а что лучше, командовать полком или сидеть в Ставке? И на мой ответ, что командовать полком лучше, сказал: — "Совершенно правильно".

После завтрака мы, т. е. я со своими офицерами, опять, случайно, встретили гуляющего Государя и опять Он с нами довольно долго разговаривал, расспрашивал о разных сторонах полковой жизни. Вообще, Государь, видимо, был очень рад встрече с Эриванцами, что несколько раз высказал, как Силаеву, прибывшему вместе с Ним, а также Ген. Мехмандарову и нам. Государь сегодня был в нашей форме. Конечно, благодарил всех офицеров и нижних чинов за службу и высказал наилучшие пожелания. Восторг частей войск был, конечно, велик, многие солдаты прямо ревели.

... А завтра опять направляемся "домой", т. е. к себе на позицию".

Поручик Снарский дополняет описания Полковника Вышинского следующими данными: "Ротой Его Величества (почетный караул) командовал Капитан Крупович. Офицеры: Побаевский, Равтопуло, А. Гогоберидзе и Гаттенбергер. Ассистенты к знамени: Эристов и Кикнадзе. Ординарец — я.

5 ротой командовал Дробышев. Офицеры: Гвелеспани, Агарунов, Казумбеков, Котляревский.

При Вышинском: Полковой адъютант Шлиттер.

Парад был блестящий. Государь очень благодарил. Это последний раз, что мы Его видели.

По прибытии на ст. Уша, Государь принял караул, а затем поехал в поле верхом смотреть остальные части (в том числе и нашу 5 роту). Офицеры Е. В. роты расположились на станции в Царских покоях, против вагона Его Величества. К царскому завтраку был приглашен лишь Командир полка Полковник Вышинский, чины же караула и мы были приглашены в вагон Штаба фронта.

Возвращаясь после завтрака, мы совершенно неожиданно встретили на полотне ж.-д. прогуливающегося Государя. Его Величество остановился с нами и долго с каждым беседовал. Между прочим сказал, что слышал из вагона наше пение, которое Ему понравилось. Пели: Шлиттер, Кикнадзе, Равтопуло, Гогоберидзе и я. При отъезде Государя караул опять выстроился. Уже стоя на площадке вагона тронувшегося поезда, Государь опять нас пропустил церемониальным маршем и мы в последний раз услышали "Царское Спасибо!"

Дальше опять будни... Только Новый, 1916 год, был отмечен празднеством: Ген.-Майор Шаншиев, в то время Командир 8 Эстляндского полка, стоявшего недалеко от нас, вспоминает: "На 1 января 1916 года был приглашен на обед к Эриванцам. Для шика поехал в санях на тройке. Глубокий снег. Приехав, вижу два намета — один обширный для хозяев и гостей, а другой для музыки. Публики за столом до сотни персон. Также дамы. И это вблизи от неприятеля"...

16 марта 1916 г. На позиции. Штаб полка в ф. Милидовщизна.

... "13 марта в Штабе дивизии была получена телеграмма: "Нет ли препятствий к назначению Ген.-Майора Вышинского на вновь учреждаемую должность Помощника Ген.-Квартирмейстера при Штабе Кавказской армии и согласен ли предназначаемый?" Я ответил согласием, так как: 1) мне прямо-таки неудобно отказываться от этой должности, видимо создаваемой специально для меня. 2) Все же эта должность намного лучше и интереснее должности Начальника Штаба дивизии, которой мне здесь не удалось бы, все равно, избегнуть. Затем мне стало очень грустно и как-то не по себе, тяжело будет расстаться с полком, с которым я, как никак, сжился, сросся. Но ничего не поделаешь, нельзя же вечно сидеть Командиром полка. Последнее письмо Ген. Вышинского датировано 20 марта 1916 г.

... "Нового у меня ничего, живем по-старому на том же месте. Я здоров, чувствую себя прекрасно и, вероятно, доживаю последние дни в полку; пока, впрочем, никаких сведений о новом назначении не имею. Очень интересно, кто будет после меня Командиром? Воображаю, какие теперь ведутся в этом направлении интриги?

Вчера ночь у нас провели Попов и Тихонов, а сегодня с утра оба они пошли в окопы командовать ротами. Попов, несмотря на отсутствие руки, не унывает и такой же бодрый, веселый. Он уже успел влюбиться и стал счастливым женихом, жениться собирается, конечно, после войны"...

25 марта 1916 года доблестный и незабвенный наш Командир, Ген. Шт. Ген.-Майор Вышинский сдал полк старшему Штаб-офицеру Полковнику Купцову, вступившему во временное командование полком.

По случаю отъезда Командира, утром был отслужен напутственный молебен, затем состоялся завтрак, а после завтрака Командир отправился прощаться с полком. Весь полк со всеми командами был выстроен

на обширной поляне, проэктируясь на фоне громадного хвойного леса. День был ясный, солнечный и когда 4000 Гренадер по команде Полковника Купцова "Слушай! На-кра-ул!", отчетливо сделав прием, подались на носки, затаив дыхание... и сталь штыков заиграла на солнце... к полку, галопом подскакал Командир.

Полк снова был в полном составе и представлял грозную боевую силу. Раздались слова прощанья; сделав короткий обзор боевой работы полка за 10 месяцев войны, в которые он непрерывно командовал полком, Командир отметил, что самое тяжелое осталось позади, что наступает перелом, что с каждым часом мы все более и более усиливаемся, а противник слабеет... Генерал Вышинский, с громадным подъемом высказал уверенность, что Эриванский полк, вышедший с честью из труднейших положений прошлого года, еще с большей славой донесет свое знамя до дня торжества победы.

После речи Командира отвечал Полковник Купцов и когда уезжавшему Командиру он провозгласил "Ура!", взмахнув своей кавказской шашкой,... то задрожала земля и встрепенулся лес от могучих криков Лейб-Эриванцев.

По случаю назначения Ген.-Майора Вышинского на новый пост, по дивизии был отдан следующий *Приказ:*

ПРИКАЗ

Кавказской Гренадерской дивизии

22 марта 1916 года

№ 126

Действующая армия.

Командир 13 Лейб-Гренадерского Эриванского полка Ген.-Майор Вышинский назначен помощником Ген. Кварт. Штаба Кавказской армии. Ген. Вышинский вступил в командование Лейб-Эриванцами накануне Галицийских боев. С первых же дней командования полком Ген. Вышинский твердо взял в руки управление полком. Всегда ровный и заботливый до мелочей по отношению к подчиненным, исполнительный, как подчиненный, и разумно требовательный и настойчивый в проведении своих требований, Ген. Вышинский справедливо завоевал общие симпатии, как со стороны начальства, так и со стороны подчиненных. Прекрасно разбираясь в обстановке, храбрый по натуре, смелый в своих решениях, Ген. Вышинский труднейшие задачи, выпавшие на долю Лейб-Эриванцев, выполнял с завидной доблестью. Под начальством Ген. Вышинского Лейб-Эриванцы покрыли себя неувядаемой славой не раз — бой под д. Загроды, у д. Домброва, у д. Берестье, двухдневный беспрерывный бой под Влодавой, где Лейб-Эриванцы атаковали, остановили и заставили отойти вчетверо большие силы немцев; бой под Ново-Троками, давший возможность задержать немцев на линии Ново-Трокских озер и закончить эвакуацию Вильно, беспримерный в истории бой за отход от Вильно, все эти боевые действия Лейб-Эриванцев пройдут блестящими страницами в истории полка и свяжут навсегда славное имя Лейб-Эриванцев с доблестным Генералом.

Не было такого трудного положения, из которого бы Ген. Вышинский не вывел с честью своих Лейб-Эриванцев; не было такой боевой задачи, какую бы Лейб-Эриванцы, во главе со своим отважным Командиром, не исполнили бы блестяще.

Справедливо Ген. Вышинский пользовался всеобщей любовью и громадным авторитетом, как у начальства, так и у подчиненных. Расставаясь теперь с грустью с Ген. Вышинским, как прекраснейшим командиром полка, можем себя утешить лишь тем, что на новом видном месте Ген. Вышинский сумеет принести не меньше пользы нашему общему делу, чем он то сделал Командиром Лейб-Эриванцев. От лица службы приношу искреннюю благодарность Г.-Майору Вышинскому за его работу на славу дорогого ему Лейб-Эриванского полка и всей Кавказской Гренадерской дивизии, желаю дорогому Евгению Евгениевичу в дальнейшей его службе блестящего успеха и убежден, что там, где нужен ум, энергия, работоспособность и умение приложить знание к делу, Ген. Вышинский будет желанным и незаменимым работником. В добрый час!

Подлинный подписал: Начальник дивизии Ген.-Лейт. *Габаев.*

С подлинным верно: Нач. Шт. Полковник *Соколов.*

НОВЫЙ КОМАНДИР ПОЛКА

К немалому удивлению всего полка и даже нового Командира, Е.И.В. Государь Император на Пасху 1916 года поздравил своего Флигель-Адъютанта Полковника Силаева, состоявшего в Его Свите, Командиром Лейб-Эриванского полка.

Назначение это никого не удовлетворило и оказалось, в полном смысле слова, неудачным: Полковник Силаев 27 апреля прибыл в Штаб полка, через два-три дня заболел и, не успев даже принять полка, сдал командование полком Полковнику Купцову и 8 мая эвакуировался в тыл. Должность Командира полка, фактически, продолжала оставаться вакантной.

ЗАКЛАДКА II БАТАЛЬОНОМ ПАРАЛЛЕЛИ

в Богушинском лесу

1 мая 1916 г.

Стояние в резерве не означало сплошного отдыха. Обычно целые б-ны отправлялись ежедневно на земляные работы по укреплению позиции. Работы эти были очень изнурительны не столько трудностью самой работы, как хождением по невылазной грязи.

Начиналась весна и поля, с которых сошел снег, были покрыты лужами воды. 1 мая была очередь итти на работу II б-ну кн. Геловани. Когда б-н подошел к указанному участку, его встретили саперы. Оказывается, решено было вынести наше расположение несколько вперед на более сухое и защищенное место в Богушинском лесу. Для облегчения этой задачи саперам приказано было заготовить стальные щиты на целый батальон. Щиты эти и лежали горой на том месте, куда подошел II б-н.

Задача II б-ну была дана следующая: Каждый гренадер должен был взять один щит и, продвинувшись в лесу на указанную линию, за щитом окопаться. Получив задачу и разобрав щиты, II б-н немедленно углубился в Богушинский лес, в котором, как немцы, так и мы имели сторожевые охранения. При движении соблюдалась возможная тишина, чтобы не привлечь на себя преждевременного огня. Операция увенчалась полным успехом, нам удалось вынести свое расположение почти на самую опушку леса и, таким образом, в этом секторе приблизиться к немецким окопам на 100-150 шагов.

Огонь был открыт немцами только тогда, когда б-н, оттеснив сторожевое охранение, стал окапываться за щитами. Артиллерия не стреляла. Разгорелся лишь сильный ружейный и пулеметный огонь. С нашей стороны были незначительные потери. В 8 роте был убит фельдфебель Михалев, Георгиевский Кавалер 4 и 3 степеней.

"В этот день", — вспоминает Подпоручик Попов, участник этого дела, — "в 3 ч. дня я был вызван в Штаб полка. Сдав роту Прапорщику Башмакову, я отправился в Штаб пешком. Рядом со мной, санитары несли на носилках тело Михалева. Так мы подошли к Штабу полка. Михалева санитары положили на завалинке соседней халупы, а я вошел в помещение Штаба полка, где застал сидящего за разборкой бумаг Полкового адъютанта Поручика Снарского.

— А вот, как раз ты мне можешь дать справку: Михалев твоей роты? — спросил Снарский.

— Нет, не моей, а 8-ой. — А что?

— Тут пришла неприятная для него бумага: его разыскивает полиция, так как он должен отбыть тюремное заключение за какое-то жульничество... — Оказывается, в частной жизни он был цирковым клоуном...

— Вот-те на! — вырвалось у меня, — клоуном? Никак не ожидал!

— Как он себя ведет? На высоте? Не знаешь? — спрашивал Снарский и, по его вопросам, зная доброго и сердечного Сашу, я понимал, что он ищет как бы помочь Михалеву выкрутиться из неприятной истории...

— Да, был повидимому "на высоте", сказал я, так как в каком-то другом полку получил двух Георгиев. Но теперь-то ему уже все равно... мы его только что принесли, вот он лежит, посмотри сюда, — сказал я, указывая в окно.

— Так это его сегодня убили?

— Его.

— Так и напишем. Красивый будет ответ, — сказал Саша и вновь углубился в бумаги.

ВЫДЕЛЕНИЕ РОТЫ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛКОВ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ,

отправляемых на фронт союзников.

В 1916-м году наше Главное Командование приняло решение отправить на фронт союзников некоторое количество пехотных полков.

Во исполнение этого решения был принят следующий порядок формирований: Полки, находящиеся на фронте, выделяли из своих рядов роту военного состава. Эта рота становилась первой ротой каждого б-на вновь формируемых полков. Остальные три роты каждого б-на выделялись из состава Запасных полков. Офицерский состав пополнялся частью офицерами тех же запасных полков, частью офицерами прибывающими с фронта. Наш полк сформировал роту военного состава, имевшую в своих рядах гренадер из всех рот полка.

"Командиром роты был назначен Капитан кн. Эристов. Младшими офицерами: Штабс-Капитан Яхонтов (давший помещаемые сведения), Подпоручик Иванов, Прапорщик Самбуров и "X" (Фамилии не помню).

Взводные ун.-оф.: 1 взвода — ст. ун.-оф. Пискунов, 2-го — ст. ун.-оф. Глебов, 3-го — ст. ун.-оф. Кутья, 4-го — ст. ун.-оф. Белоусов. Фельдфебель Подпрап. Манько и Каптенармус Лобанов. Все взводные унтер-офицеры, фельфебель и каптенармус были Георгиевские Кавалеры.

При роте состоял ст. ун.-оф. Испиров, полный Георгиевский Кавалер, предназначавшийся и ставший потом знаменщиком вновь сформированного 14 Особого полка.

В формируемую роту гренадеры шли добровольно, по собственному желанию. Правильность подобной системи формирования сказазалась сразу. Гренадеры сознательно и охотно подчинялись дисциплине, из кожи лезли вон, чтобы не ударить в грязь лицом. Через сравнительно короткий срок (занятия с ротой при обозе велись около месяца) рота наша представляла собой отличную строевую часть, крепкую, как в дисциплинарном, так и в моральном отношении. Для прохождения практически боевой службы рота была поставлена на позицию, где ее и застал приказ о выступлении.

Напутствовать роту, кроме командира нашего полка, прибыл Начальник дивизии Ген.-Лейт. Габаев со своим Н-ком Штаба Полк. Соколовым. После молебна и напутственного слова, сказанного Ген. Габаевым, рота была размещена по вагонам и связь ее с родным полком оборвалась.

Прибыв в Москву, мы узнали, что нас для формирования отправят в Казанский округ и стоянкой нам назначен гор. Казань. Это было начало августа 1916 года.

Командующим Казанским военным Округом был Ген. Сандецкий, державший округ крепкой рукой. Об его требовательности и строгости было много слухов и рассказов.

По прибытии в Казань, рота была размещена в здании реального училища, где уже находились три, ранее нас прибывших роты с позиции, от других полков. Через день или два по прибытии была назначена разбивка по полкам. Наша рота была назначена в 14 Особый полк.

Командир нашей роты, Кап. кн. Эристов был назначен на должность командира батальона в 13 Особый полк, куда и выбыл. В командование ротой вступил я. К сожалению, в скором времени из роты выбыли и Подпоручик Иванов, назначенный в команду конных разведчиков и Прапорщик Самбуров, назначенный в минометную коман-

ду. Прапорщик "Х" (фамилии которого не помню) тоже выбыл из состава роты и, таким образом, из офицеров Лейб-Эриванцев с ротой остался я один.

На следующий день после разбивки стало прибывать пополнение из Запасного полка. Меня сразу поразил их вид. Молодые, рослые, здоровые, как один. Отлично выправленные и дисциплинированные с великолепным духом. По правде сказать, к этому времени от запасных полков я ожидал другого. Тут очевидно сказалась железная рука ген. Сандецкого. И потом, до самого распада и краха, люди показали себя такими же молодцами, которыми они нам показались с первого взгляда, сохранив спокойствие, дисциплину и доброе отношение к своим офицерам до конца, т. е. до расформирования.

Пополнив свои ряды и организовавшись, полк приступил к усиленным занятиям. Обучение шло согласно нашим уставам. Мы ожидали, что будет внесено что-нибудь новое, применительно к той отличной и незнакомой нам обстановке, в которой вскоре мы должны были очутиться. Ходили слухи, что к нам должны прибыть французские офицеры для ознакомления нас с навыками и тактикой, принятыми во французской армии. Но никто так и не прибыл. Обучение производилось по-старому. Обмундированная во все новое, отлично обученная, выправленная и дисциплинированная, наша рота являла собой завидный образец строевой единицы. Отличные ее качества были впоследствии неоднократно отмечены высшими строевыми начальниками. Рота до конца сохранила лучшие традиции своего старого полка, величала себя гренадерами Эриванцами, как-то самоуверенно и свысока смотрела на вновь поступающих, держалась дружно и спаянно между собой. В отношениях не с Лейб-Эриванцами у солдат всегда выявлялась гордость и любовь к своему родному полку. И эта гордость в верность как-то действовали на другие роты полка, вызывали уважение, заставляли считать их не такими, как все. До конца можно было слышать, как величали их гренадерами и Лейб-Эриванцами. Зачастую можно было слышать: "Так было у Эриванцев", "Это говорили Эриванцы".

Рота отлично пела и это стройное исполнение старых Эриванских песен, незнакомых другим, много способствовало взгляду на роту, как на нечто особенное. К концу августа прибыл в полк еще один Эриванец А. Гогоберидзе и был назначен в 13 Особый полк. К концу же августа 1916 года появились слухи, что нас на фронт Союзников не отправят. Вскоре слухи эти подтвердились. Мы получили приказ готовиться к отправке в г. Двинск. Были переброшены в район Штокмансгофа, где и стали на позиции. Здесь я был произведен в капитаны и вступил в командование I б-ном. Командиром же нашей роты был назначен Поруч. Васильев. Поручик Васильев, любимый всем составом роты, был назначен к нам по его собственному желанию, несмотря на свою основательную инвалидность (одна нога короче другой, как следствие ранения). Начавшаяся революция заметного изменения в настроение роты не внесла. Приезжали, конечно, делегаты из столицы, бывали митинги, но никаких беспорядков или эксцессов не было. Рота и полк продолжали свою боевую службу и сохраняли полное доверие к своим офицерам. Во время обозначившегося на-

ступления немцев на Балтийское побережье в районе г. Риги, полк наш был двинут в этом направлении. В это время уже ясно обзначилась тенденция большинства частей прекратить войну и разойтись по домам. В нашем полку подобной тенденции не существовало. Став батальонным командиром, я связи со своей ротой конечно не терял. Беседовал, как с офицерами, так и со своими бывшими гренадерами. Все они высказывались за необходимость защиты своей родины и это были не только одни слова. Порыв и желание сражаться были несомненно налицо. Трудности больших переходов и связанные с этим лишения порыва этого не ослабили и тем давали еще веру в возможность продолжать борьбу с противником. В это время началась замена солдат и офицеров, пробывших на фронте продолжительное время, солдатами и офицерами Запасных полков. В силу этого распоряжения я был откомандирован в Москву в 56 Запасный б-н. Начавшаяся октябрьская революция нанесла последний удар... и рота, в составе полка, была расформирована в общем порядке.

Счастлив удостоверить, что наша рота, оторванная от своего славного полка, если и не вплела новых лавров, в историю нашего полка, то не потому, что не смогла, а только потому, что не имела к тому случая. Боевая служба ее протекала в период позиционной войны, в лихое время. Но и в этот период позиционного стояния было много тяжелых моментов, когда рота проявляла неизменно много доблести, являясь примером для других. Это неоднократно отмечалось высшими строевыми начальниками"*).

ГАЗОВАЯ АТАКА

19 июля 1916 года.

23 июня 1916 года Командующий полком Полковник Александр Никифорович Купцов покинул полк, получив в командование 415 пех. Бахмутский полк. Во временное командование вступил старший Штаб-офицер кн. Шервашидзе. В период командования полком Полк. Шервашидзе, а именно в день второй годовщины войны, 19 июля 1916 года произошла газовая атака участка позиции занимаемого нашей дивизией.

В этот памятный день полк был на Сморгонском участке позиции, занимая выдвинутое уступом положение, впереди самого гор. Сморгонь, примыкая правым флангом к реке Вилии. Растояние между нашими и немецкими окопами здесь было ничтожно, всего 50-60 шагов, чем и объясняется, что газовые волны были выпущены из баллонов (7 волн) не против нашего полка (баллоны требовали значительную площадь), а на участке Тифлисского полка. Газ был пущен ночью и, к несчастью, первые волны газа достигли нашей линии, как раз в тот момент, когда Тифлисцев сменяли Грузинцы. В окопах было двойное количество людей и происходила, обычная в таких случаях, толчея. Гренадеры, захваченные газовой волной, бросились бежать по ходам сообщений, давя друг друга. Поднялась паника...

---

*) Поручик Яхонтов.

Тогда Подполковник Грузинского полка Отхмезури сорвал с себя маску, чтобы его голос слышали обезумевшие люди... и тут же сам погиб. Ходы сообщения наполнились до краев телами гренадер. Картина была, по словам очевидцев, ужасна. К счастью, немцы не использовали момента паники. Они выслали вперед только резведчиков, которых разогнала ураганным огнем наша артиллерия. Потери в указанных двух полках были громадны. Потери были и у Эриванцев и у Мингрельцев, но, сравнительно с первыми, ничтожные. Вся же дивизия потеряла 3.500 человек, из коих большая часть умерла в страшных мучениях.

Поручик Снарский, находившийся в этот день в Штабе полка, свидетельствует: "Из нашего Штаба полка ясно было видно движение волн. На протяжении 13-14 верст в тылу все листья на деревьях пожелтели. У нас в полку потери были в тылу: пострадали обозы I и II разряда.

Видя всех отравленных, которых вели по дороге из Сморгони мимо нашего Штаба полка, у меня осталось самое тяжелое, неизгладимое впечатление: черный цвет лиц, кашель, кровохарканье, крик, стоны... что-то ужасное.

**
*

30-го августа 1916 года в день Св. Александра Невского, ПОЛК отпраздновал ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ своего Августейшего однополчанина Великого Князя Александра Михайловича.

Сам Великий Князь не мог прибыть на торжество по семейным обстоятельствам и прислал благодарственную телеграмму.

Старшим на празднике был Ген. Мехмандаров. Праздник происходил в д. Марково. Деревня была декорирована гирляндами. После молебна и парада состоялся официальный обед, а после обеда "аллаверда" и танцы.

Танцующие дамы — сестры 34 передового отряда Кр. Креста.

НЕОБХОДИМЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ К ПИСЬМАМ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ к ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, касающимся ПОЛКА.

Уже здесь, в эмиграции, когда оказались опубликованными письма и дневники, похищенные у царственных мучеников, нам Эриванцам стало известно, что Государыня Императрица была Высокой покровительницей *ПОЛКА* и принимала интересы и нужды полка близко к сердцу; с другой стороны, эти же письма вскрыли и, неизбежные при всяких высоких назначениях, интриги, которыми со всех сторон опутывался Трон.

Поэтому Историческая Комиссия считает своим долгом дать пояснения к двум письмам Ее Величества, в которых затронуто ИМЯ полка.

Первое письмо датировано 22 июня 1915 г. (См. "Русская Летопись" т. VI). Вот его текст:

"Теперь о другом: я не знаю как хорошенько это объяснить, не буду называть имен, чтобы никто не пострадал. Эриванцы отличный полк; там, где есть опасность, их посылают и держат до конца, так как в них уверены.

Теперь собираются брать из этого полка офицеров и определять в другие полки, чтобы улучшать эти последние. Это совсем неправильно и поражает их в самое сердце. Если Ты возьмешь этих старых офицеров, то полк уже не будет тем, чем он был. Они потеряли достаточно убитыми, ранеными и пленными и не могут обойтись без своих офицеров.

Пожалуйста не позволяй, чтобы полк таким образом был разрушен и оставь этих офицеров; они любят свой полк и поддерживают его славу. Так уже поступили с офицерами 2-ой бригады и они боятся, что настанет и их очередь, и это беспокоит Командира и всех. Но они не осмеливаются что-нибудь сказать — не имеют права. Поэтому они хотят, чтобы их Шеф это знал и не позволил бы, чтобы их боевые офицеры были переведены в другие полки" (22. 6. 1915. № 93).

Это письмо возымело следующий результат, свидетельствует Поручик Снарский: вскоре, последовал рескрипт Его Величества на имя Ген. Мехмандарова, приблизительно такого содержания (цитирую по памяти):

> Очень прошу вас наблюсти, чтобы моих Эриванцев не трогали и не переводили в другие части, без их на то согласия.
>
> Николай.

Письмо это в копии было объявлено в приказе по корпусу, дивизии и полку. После этого нас никуда не трогали.

Произошло же все это вот каким образом: во время игры в крокет с Великими Княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной, в саду Дворцового лазарета, наша молодежь говорила на эту тему с Великими Княжнами. Вел. Кн. Ольга Николаевна отнеслась к этому делу очень сочувственно и, видимо, рассказала об этом Государыне. Письмо было написано, но в нем сказано "теперь собираются брать из полка офицеров", когда на самом деле, офицеры наши были взяты после первых же боев и направлены во 2 бригаду, а именно в Мингрельский полк. С тех пор, подобная опасность действительно "висела" над нами, так как мы, Эриванцы, по сравнению с другими полками нашей дивизии, имели меньше потерь в офицерском составе. Полку известно имя того офицера, который оказал услугу своим товарищам таким "обходным путем",... но так как Государыня не назвала никого, не назовем и мы его.

Гораздо более сложные и неприятные для Полка вопросы послужили темой для второго письма Государыни (датированного 30. 9. 16 № 356). Вот его текст ("Русская Летопись" Т. 6):

"Прости меня, что я вмешиваюсь не в свое дело, но это крик Эриванского сердца, который до нас дошел.

Именно теперь полку нужен настоящий хозяин командир полка, который все ввел бы обратно в старое русло и который мог бы лично сам во всем разобраться и все поставить по своим местам, справедливо и здраво, как это должно быть по закону и как раньше было в полку. Командир нужен совершенно незнакомый полку человек, совершенно самостоятельный, из другой совершенно среды, ему сразу все станет ясно, как свежему человеку, и тогда только, при том условии, полк снова станет таким, каким он был раньше. Бог знает, что грозит нашему полку, какой раскол, если именно теперь не будет настоящего главы полка. Полковник Мачабели добрейшей души человек, мягкий, покладистый, общий любимец всей дивизии, скромный и т. д., но все решительно, кроме него, будут в полку командовать. Да к тому же он большой друг по фамилии, роду, происхождению — "тех". Чтобы Эриванский полк именно теперь получил командира, который всякие "они" и "мы" в корне вырвал бы и командовал бы нашим древним полком для настоящей славы его, а не для окончательного раскола. Не говори никому про это письмо, но оно совпадает с тем фактом, что Силаев просит теперь человека со стороны (может быть из гвардии), который положил бы конец разрушению такого прекрасного дорогого нашему сердцу полка. Мачабели Ангел, но он слишком мягок и грузин, что как раз теперь не то, что нужно полку, в котором имеются партии".

Вот что Полковая Ред. Комиссия считает своим долгом отметить. Первое, основное положение: В полку никаких партий, как таковых, не существовало. Подтверждает это в своих письмах и Ген. Вышинский, который, едучи принимать полк, видимо был предупрежден, что в полку существует грузинская партия. По прибытии в полк он решительно в этом разубедился, что вполне соответствует действитель-

ности. Раз не было партий, то не могло быть речи ни о расколе, ни тем более о гибели полка на этой почве.

Дальнейшие события это самым ярким образом подтвердили, так как Государь на этот раз, вопреки советам Государыни, все таки назначил Командиром Эриванского полка Полковника кн. Мачабели. Князь Мачабели, как известно, в течение пяти месяцев вполне благополучно прокомандовал полком при Царском режиме и принужден был покинуть полк лишь во время революционных потрясений уже в мае месяце 1917 года, причем во все критические моменты ему была обеспечена поддержка о-ва Г. г. офицеров полка.

Полковник кн. Мачабели отлично командовал полком, никаких репрессий, ни расколов в период командования им полком не имело места и, наоборот, мнения всех офицеров сходятся на том, что не произойди революция, именно князю Мачабели выпало бы на долю вписать в Историю полка наиболее блестящие заключительные главы, так как полк в его командование представлял прекрасно оснащенную материально монолитную, проникнутую Кавказским духом, грозную боевую силу.

ДАЛЬНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ СРЕДИНЫ И КОНЦА 1916 года.

В 1916 году летом на фронте II Кавк. ар. корпуса готовилось наступление, но оно не состоялось и было перенесено на оз. Нарочь.

Между прочим, Эриванцы должны были взять немецкую позицию у Богушинского леса, носившую название *"Фердинандов нос"*.

Во время разработки этой операции в обоз II разряда приехал Фл.-ад. Полковник Силаев, но опять заболел и эвакуировался окончательно. В октябре месяце последовало назначение Командиром Эриванского полка, б. офицера 14 Грен. Грузинского полка Полковника князя Георгия Мачабели.

Во время командования полком кн. Мачабели в полку произошли следующие события: 17 ноября ночью Штаб полка подвергся четырехчасовому обстрелу удушливыми снарядами в Г. дв. Цицин. Штаб помещался в блиндаже. Участник эпизода Полк. ад. Шт. Кап. Снарский рассказывает: "Очень сильно был отравлен мой помощник Подпоручик кн. Голицын І-й. Лично я отделался потерей голоса на очень долгое время. Обстрел был ночью; я и кн. Мачабели просидели, не вставая, около камина. Говорят, что это нас, относительно, и спасло. Голицын много бегал, отворял двери и суетился. Балуев же и Дробышев, не выдержав страшного приступа кашля, бросились бежать через обстреливаемое поле в тыл. Пострадали также и гренадеры: связь, телефонисты и ординарцы. Голицын лишился сознания и был эвакуирован".

О дальнейших событиях очень подробно рассказывает в своих воспоминаниях Полковник Гранитов, в то время Капитан, прибывший в полк из Владимирского военного училища, где он с 1913 г. был курсовым офицером. Гранитов, коренной офицер полка выпуска 1905 года из Московского военного училища.

УСИЛЕННЫЙ ПОИСК.

2 января 1917 года.

"Когда я прибыл в полк (6. 11. 16 г.), полком командовал кн. Георгий Мачабели. I б-ном — только что произведенный в подполковники Дробышев, II б-ном — Полковник кн. Гелованн, III б-ном — Полковник Балуев (но он находился в Лебедево, командуя, нештатным еще, б-ном пополнения). В середине ноября б-н признан официально существующим и Полк. Балуев освободил III б-н. IV б-ном командовал Полковник кн. Шерваншдзе. Я принял от Поручика Пивоварова 11 роту, а с середины ноября — III б-н. Полк стоял на позиции Крево-Сморгонь, занимая участок у Богушинского леса. Штаб полка находился в Г. дв. Цицын. В полуверсте от д. Кевлы, правее кладбища, начинался ход сообщения, ведущий к Штабу полка (около 1½ в. длиной). От Штаба же полка, от калитки окружавшего Госп. дом сада, начинался другой ход сообщения, тоже с версту длиной, ведущий к стоящим на позиции б-нам. В декабре 1916 года у нас подготовлялось наступление на крайнем правом фланге фронта у Каллустен (у Митавы). Чтобы приковать германские войска к месту и воспрепятствовать переброске их к месту нашего удара, приказано было произвести энергичные демонстрации с захватом участков неприятельского фронта и с продвижением, где можно, вперед. Нужно сказать, что Штаб нашей дивизии принял эту задачу к исполнению не очень серьезно и первые два поиска, 12-го и 19-го декабря, были произведены малыми силами и носили характер усиленной разведки. Оба раза ко мне являлась команда наших разведчиков, к которой придавалась небольшая команда сапер. Один раз с Подпор. Винча, а другой раз со Шт.-Кап. Котельниковым. В обоих случаях, при помощи движущейся на салазках мины, взрывались проволочные заграждения, захватывались небольшие участки окопов, но при отсутствии резервов, развить успех было невозможно.

Оба эти поиска производились от моего б-на, стоявшего в резерве, причем все мои люди работали под землей в минных галереях, которые велись в направлении к немецким окопам. Таким образом, ни для развития успеха, ни для поддержки, в случае неудачи, у меня не было ни одной роты наготове. Не было также общей работы с артиллерией, а, главное, задача, даваемая из Штаба дивизии, не имела активного характера, а сделать дело можно было.

Немцы удара не принимали и скрывались из окопов моментально после взрыва. Ни в одном случае не удалось захватить ни одного пленного. Были только убитые, по которым удалось установить большое количество эльзасцев среди германских солдат. Я доложил кн. Мачабели, что эти задачи совершенно напрасно поручаются мне — к-ру б-на, так как их, в виду мелкого масштаба действий, легче вести непосредственно разведчикам, или же ввести в действие 1-2 роты от б-на, разработать план атаки заблаговременно с артиллерией и назначить несколько рот для развития успеха и захвата 2-х батарей, места которых были точно определены воздушной разведкой. Кн. Георгий ответил: "И чего ты кипятишься?!". "Штаб дивизии не приказы-

вает, а у нас своих средств нет". Отчасти такая пассивность объяснялась напряженным ожиданием приходящегося на Рождество отдыха, для которого полк, после 35-дневного стояния на позиции, должен был быть отведен в район д. д. Подосинки-Каскевичи. На этот отдых мы и были отведены в ночь с 22 на 23 декабря, а уже, в ночь с 30 на 31 заняли окопы на участке против Г. дв. Тынчин, около которого лежал в развалинах Судковский монастырь. Мой III б-н был на левом фланге полка, левее меня были Мингрельцы (ими командовал Ген. Шт. Полковник Трухачев, вскоре сдавший полк Ген. Шт. Полковнику Шапошникову, — впоследствии маршалу Красной Армии).

Грузинцами командовал Полковник Вишняков, а Тифлисцами — наш Тарасенков. Утро 31 декабря я посвятил обходу и осмотру расположения своего б-на. После обеда побывал у соседей. Соседним со мной б-ном Мингрельцев командовал Капитан Селиванов. Вечером в тот же день я был предупрежден по телефону, что за мной из Штаба полка высланы сани и чтобы я, назначив старшего из ротных командиров вместо себя, ехал в Штаб полка на встречу Нового 1917 года. Старшим был Шт. Кап. Космапенко б. юнкер Владимирского в. училища, бывший у меня на курсе.

Около 9 ч. прибыл в Штаб полка, находившийся в лесу. Командира и офицеров Штаба полка я застал за столом. Присутствовали все к-ры б-нов и Балуев из Лебедева, а также Коля Вачнадзе из обоза II разряда со ст. Пруды. Новогодний ужин прошел весело, во время ужина ко мне подсел Саша Снарский и сообщил на ухо, чтобы я не удивлялся, прочтя в приказе о перемещении меня пз III б-на в IV-ый. Полк. кн. Шервашидзе через несколько дней уезжает командовать 3 Гр. Перновским полком, а я перемещаюсь на его место, чтобы остаться в полку, так как, по секретному распоряжению, все третьи б-ны всей пехоты выделяются для новых формирований. В конце ужина кн. Георгий позвал меня сесть с ним рядом и, под шум разговоров, потихоньку сказал: "завтра в ночь с 1 на 2 января ты со своим б-ном атакуешь немецкие позиции; выбери пункт атаки, разработай план, подумай о помощи тебе со стороны артиллерии и сапер, но не увлекайся: думаю, что ничего серьезного сделать не придется. Около 10 ч. утра у нас по окопам будет проходить Начальник дивизии; ему доложишь о своих предположениях". Около 2 часов ночи я был уже у себя в землянке, до половины четвертого изучал по карте позиции немцев. Саша Снарский дал мне последние кроки, полученные от нашей авиации, по которым за высоким бугром перед центром позиции моего б-на должны были находиться входы в минные галереи, которые немцы вели под наши окопы. Хотя этот бугор был наиболее трудным пунктом для атаки, но зато к нему можно было приблизиться на 280 шагов, так как между нашими и германскими окопами был окоп на одну роту, бывший немецкий передовой пункт, взятый Сибирскими стрелками летом 1916 года и повернутый теперь в сторону немцев. Там у меня стояла 11 рота, бывшая вдвое ближе к немцам, чем к нашей линии окопов. Около 10 ч. утра меня вызвали вправо, на участок I б-на, где я нашел Н-ка дивизии Ген.-Лейт. Добрышина, Бриг. к-ра Ген.-Майора кн. Макаева, нашего Командира кн. Мачабели, Н-ка Шт. дивизии Подполк. Колчинского и Подполк. нашей артил. бригады Фока. Я до-

Подпоручик **К. С. Попов,**
Кавалер Ордена Св. Георгия 4 ст.
и Георгиевского оружия.

ложил Н-ку дивизии мое намерение использовать окоп 11 роты, как исходный пункт для атаки бугра, за которым предполагал найти и уничтожить устья подземных галерей, в которых, по данным наших сапер, шли работы без перерыва круглые сутки.

Штаб дивизии имел свой план, но мое предложение нашло горячих защитников в лице Ген. кн. Макаева и Подполк. Фока. Последний заявил, что с позиции его двух батарей, одной гаубичной и одной полевой легкой, он легко расчистит для меня проход в проволочных заграждениях (Их было 3 пояса: 5 + 7 + 5 рядов кольев в линиях). Н-к дивизии согласился с ними и предложил мне уговориться с Подп. Фоком, который с двумя батареями поступает в мое распоряжение, как и команда пеших разведчиков и К-да сапер с Шт.-Кап. Котельниковым. Время атаки будет сообщено условно, кодом, по телефону, по всей вероятности между 12 ч. ночи и 4 ч. утра с 1 на 2-ое января, т. е. сегодня же.

Одновременно со мной будут действовать на своих участках Тифлисцы и Мингрельцы, тоже по одному б-ну.

Фок сейчас же пригласил меня к себе на наблюдательный пункт разработать план действий. Фок оказался исключительным мастером своего дела. Его наблюдательный пункт напоминал Манглисскую пещеру на Алгетке — в высокой песчаной стене щель, хорошо замаскированная живыми кустами и связанная телефоном с батареями. Когда я указал ему предполагаемый путь наступления, он сейчас же взялся за трубку телефона и сказал мне: — "следите за разрывами", и сейчас же, по его указанию, заработали по одному орудию в стоящих где-то далеко батареях и я увидел разрывы, отметившие две точки на ближайшей к нам линии проволочных заграждений. — "Годится это для начала прохода?" — "Вполне". — "Смотрите дальше".— еще два разрыва против первых, но уже на последней полосе проволоки; получился хорошо намеченный коридор перед пунктом атаки. Последовала команда: "батареям построить веер по четырем точкам и закрепить орудия". Потом он сделал еще одну пристрелку непосредственно по брустверу, причем два орудия все время бросали снаряды по разным направлениям, чтобы незаметна была пристрелка, и мы разошлись.

Около 8½ ч. вечера кн. Георгий позвонил и сказал: — "спи спокойно. вечеринка отложена на один-два дня".

На утро 2 января кн. Георгий говорил со мной по телефону о всяких посторонних предметах и, между прочим, сказал: — "а на прогулку пойдешь завтра под вечер". Я вызвал к себе Н-ка К-ды пеших разведчиков Подпоручика Томашевича, Шт.-Кап. Котельникова, Командира 10 роты Подпор. Афанасьева, К-ра 12 роты Шт.-Кап. Косманенко, с Прапорщиками Карабухиным и Левицким. Косманенко я назначил вместо себя быть Н-ком батальонного участка. 9 роте занять весь участок, распространившись на участок 10 роты. Саперам Котельникова, разведчикам, 10 и 12 ротам на рассвете незаметно перейти в передовой окоп 11 роты и там ждать начала дела. В это самое время я получил из полка и распоряжение Штаба дивизии, которое все дело сводило к простому набегу: в 2 ч. дня артиллерии, по всему фронту дивизии, открыть огонь. Назначенным в дело батареям пробить про-

ходы в проволочном заграждении, остальным бить по брустверу и маскировать пункт удара.

В 2 ч. 50 м. артиллерии перенести огонь за линию окопов, создав огневую завесу на 60 минут времени. Мне в 2.50 начать атаку, найти входы в минные галереи, взорвать их и не позже 3.50 быть уже вне проволочных заграждений, так как в 3.50 м. артиллерийская огневая завеса будет бить по линии бруствера. Никакого развития успеха не предвиделось. А мне при этом сообщалось, что в помощь мне у развалин Судковского монастыря, будет находиться наш IV б-н. Целый б-н, который, если и понадобится мне, то только для развития успеха, т. е. тогда, когда огневая завеса уже пойдет обратно. Я возражал на это и кн. Георгию и Начальнику дивизии, но получил в ответ, что боевой приказ отдан для исполнения, а инициатива подчиненного начальника не должна выходить за пределы поставленной ему задачи. На рассвете, все участники, т. е. 10 и 12 роты, К-да разведчиков и 30 чел. сапер были в "лисьих норах" под окопом 11 роты, которая за ночь сварила на всех чай и жидкую кашу.

Короткий зимний день прошел незаметно, погода была пасмурная и около 2-х часов, когда стали намечаться уже ранние сумерки, пошел реденький снежок. Все благоприятствовало незаметному подходу. В 2 часа загремела артиллерия и засвистели над нашими головами летевшие в обоих направлениях снаряды. В 2ч. 30 м. я вывел из нор разведчиков и сапер и пустил их первой волной на 10 минут раньше срока, а через 5 минут после них 10 роту, тоже ранее срока на 5 минут, чтобы они оказались под проволокой раньше, чем немцы после переноса огня успеют выйти из своих убежищ, чтобы встретить нашу атаку. В 2 ч. 50 м. вышла 12 рота, задача которой: дойти до проволочного заграждения, очистить проход для беспрепятственного отхода ударных частей при возвращении обратно с могущими быть трофеями и ранеными. В случае же неудачи, прикрыть отход. Сам я в это время с телефоном и связниками находился под грушей, что росла перед правым флангом окопа 11 роты. На самом деле, груш было три и они были соединены ходом сообщения с окопом и там был наблюдательный пост. Когда 12 рота подходила к проволочным заграждениям, а разведчики, саперы и 10 рота уже были в неприятельском окопе, за моей спиной разорвался снаряд, действием газов меня бросило в близлежащую воронку и я ткнулся носом в снег и пролежал минут пять без сознания. За это время разнесся слух, что К-р б-на убит... Тем временем разведчики, саперы и 3 взвода 10 роты делали свое дело, последний же взвод 10 роты перед самым бруствером замялся и бросился назад, увлекая за собой взволнованную известием о моей смерти 12 роту, и все они беспорядочной толпой промчались в наступившей темноте мимо меня в окопы 11 роты. Я же, поднимаясь, вообразил, что просто споткнулся и упал в воронку; протекших 5-6 минут я не заметил и был удивлен, не зная что за люди пробежали мимо меня. Окружавшие меня телефонисты говорили, что атака не удалась и ворвавшиеся в окоп наши, повидимому, погибли. В это время я вижу идущего ко мне от немецкой проволоки Прапорщика Левицкого. От него я узнал о бегстве части 10 и 12 роты. Прапорщик Карабухин с тремя связниками и пятью гренадерами находился у прохода в проволочном заграждении, его же,

— Левицкого, прислал ко мне с донесением. Узнав от Левицкого о бегстве какой-то части 10 и всей 12 роты, я вместе с Левицким бросился в окоп, голосом и палкой выгнал оттуда человек 40, привел их к проволоке и сдал под команду Карабухина и Левицкого, а сам с моими шестью связниками вошел в немецкий окоп. Там разведчики и 10 рота уже нашли два входа в минные галереи, а впереди них три тяжелых блиндажа, в которых люди отсиживались во время обстрела. Благодаря ранее срока начатой атаке, я имел всего 8 раненых нашими же снарядами, но зато окоп и блиндажи были захвачены, прежде чем немцы успели оказать сопротивление. Начавшие атаку, точно по приказу, Тифлисцы и Мингрельцы, дойдя до проволоки, приостановились, залегли, порыв остыл и они отошли с большими потерями.

Саперы быстро подготовляли взрывы минных галерей и блиндажей, а разведчики и 10 рота, забросав блиндажи ручными гранатами, вытащили оттуда хауптмана с перебитыми руками и ногами, 9 чел. раненых немецких солдат и одного ефрейтора, взятого в плен после ожесточенного сопротивления. В блиндажах же оставалось по 8-10 ч. убитых, остальные защитники окопа укрылись в минных галереях. Ефрейтор был отправлен в Штаб полка, все же раненые немцы и 8 наших временно были положены при входе в минные галереи, для укрытия от артиллерийского огня. Я же, вызвав от 12 роты носильщиков, приказал начать эвакуацию раненых, к слову сказать, очень трудную, так как внутренний ров был очень глубок, банкетка для стрелков находилась на высоте человеческого роста от дна рва и все это обледенело.

Когда принесенные в первую очередь восемь наших раненых и один убитый были переправлены через бруствер, подбежал Шт.-Кап. Котельников и сказал, что надо немедленно уходить т. к. галереи через 5 минут взлетят на воздух, да и заградительный огонь через 10-12 минут должен был накрыть нас, будучи перенесен на линию бруствера. Пришлось спешно вывести наших людей. Взять с собой и тащить раненых немцев уже не было времени... Когда мы пробегали полосу проволочных заграждений, последовали почти одновременно два взрыва галерей, а затем и трех блиндажей. Почти тотчас после взрывов. наш заградительный огонь начал бить по брустверу, а вскоре по нашем возвращении в окоп 11 роты огонь с нашей стороны прекратился.

Всего наша артиллерия выпустила 4.000 снарядов. Немецкая артиллерия гремела еще с час времени, а потом все смолкло и настала обычная ночная тишина, прерываемая кое-где вспыхнувшей ружейной перестрелкой, или треском короткой пулеметной очереди.

Во всем этом коротком боевом эпизоде едва ли не главную роль сыграл доблестный Подполковник Фок. Не говоря уже о том, что он на наших глазах артистически разделал проход в проволочном заграждении, чем не только физически способствовал успеху атаки, но и дал атакующим уверенность в могучей поддержке огня нашей артиллерии, он кроме того во время пристрелки рассмотрел и, не говоря ничего мне, разбил металлические сети протянутые над бруствером. Этот, не устраненный во-время, сюрприз мог бы иметь для нас трагические последствия.

Вполне "на высоте" оказались: Н-к Команды разведчиков —

Подпоручик Томашевич и К-р 10 роты Поруч. Афанасьев, прибывший ко мне в б-н 26.11.16 из Л.-Гв. Гренадерского полка. Прапорщики Карабухин и Левицкий добросовестно и успешно выполнили свою пассивную задачу.

Молодецки делал свое дело сапер Шт. Кап. Котельников, всегда веселый и мастер своего дела.

К 5 1/2 часам вечера все роты уже разошлись по местам, оставив в 11 роте два взвода до утра, на случай попытки реванша. Все мои 8 раненых и даже "убитый" оказались с легкими ранениями. ("Убитого" тащили за ногу, привязав веревку, лишь бы в темноте не потерять, но по дороге он "воскрес" от сильной встряски и оказался контуженным и легко раненым в голову).

Взятый в плен ефрейтор держал себя молодцом и,... "рассудку вопреки", утверждал, что все у них обстоит блестяще. По его же словам в галереях в это время шла работа и в них находилось большое количество рабочих и инженерные офицеры. Все они погибли".

За это дело Н-к К-ды разведчиков Подпоручик Томашевич, Командир 10 роты Поручик Афанасьев и Шт.-Кап. Котельников получили Георгиевское оружие. Капитан Гранитов — Орд. Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом, а Прапорщик Карабухов и Левицкий Орд. св. Анны 4-ой ст. с надписью "За храбрость". Георгиевские награды, по обстоятельствам революционной поры, не могли быть объявлены.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ЧАСТЕЙ.

В конце декабря 1916 года в полку было получено секретное уведомление, что в непродолжительном времени предполагается переформирование всей пехоты, с приведением всех полков в трехбатальонный состав, для чего все полки должны были приготовить к выделению третьи батальоны, седьмые и четырнадцатые роты, — всего 6 рот. Дивизия таким образом выделяла 24 роты, из которых формировались два трехбатальонных полка, а две дивизии давали третью дивизию. Результатом всего этого было увеличение в 1 1/2 раза числа дивизий. В ночь на 6 февраля 1917 года полк, сменившись перешел из окопов в район ж.-д. ст. Залесье-Михневичи, где в сосновом бору были устроены землянки на два полка. Сначала, как всегда,— баня, а через 3-4 дня началось выделение предназначенных рот и батальонов. Выделенные части отошли верст на 8-10 в сторону Молодечно и расположились в районе с. Олинец по деревням. Наш II Кав. корп. из выделенных рот формировал 176 пех. дивизию с безымянными еще полками под №№ 701, 702, 703 и 704.

III б-н Эриванского полка (К-р б-на Капитан Гранитов) стал I б-ном 701 полка. Таким же образом, III б-н Грузинцев стал II б-ном, а 7 и 14 роты Эриванцев с 7 и 14 ротами Грузинцев дали III б-н того же 701-го полка.

Таким же образом, из рот Тифлисцев и Мингрельцев создался 702 полк, а из рот 51 пех. дивизии 703 и 704 полки.

Командирами полков были назначены: наш кн. Геловани — 701-м. Полковник Балуев — 702-м. Полковник Сагинов (Грузинец) — 703-м

и Сухумского полка Полк. Кириченко — 704-м. Адъютантом 701 полка — Эриванец Поруч. Зиновьев, Н-к пулем. к-ды Шт. Кап. Гварамадзе и Поручик кн. Голицын. Н-к к-ды связи Шт.-Кап. Засыпкин, Команда пеших разведчиков Поруч. Афанасьев с мл. оф. Подпор. Коваленским. Команда конных разведчиков Подпоручик Ангуладзе. Команда саперного взвода Поручик Пурин (Эриванец), Нач. Хоз. части Капитан Габаев. К-р нестроевой роты Поручик Маломуж. Ротами командовали: 1-ой Подпор. Мясников, 2-ой Шт.-Кап. Кербэ, 3-ей Поручик Золотухин, 4-ой Шт. Кап. Косманенко и мл. оф. Карабухин, Левицкий и др.

Во II б-не от Грузинцев не было ни одного кадрового офицера. III сводным б-ном из наших и грузинских рот командовал наш Капитан Багель.

Начальником дивизии был назначен Ген-Майор Никольский, служивший ранее в Пажеском корпусе, храбрый и дельный генерал. Бригадным — очень дельный и храбрый Генерал кн. Гедеванов, бывший Командир 203 п .Сухумского полка.

В скором времени полкам было повелено именоваться: 701-му — 23-м Гренад. Манглисским, 702-му — 24-м Гренад. Навтлугским, 703-му — пех. Сурамским и 704-му — Рионским, а дивизии — 2-ой Кавказской Сводно-Гренадерской. Одновременно с этим, старая Кавказская Гренадерская дивизия стала именоваться 1-ой Кавк. Гренад. дивизией. В связи с этим и форма полков 23-го и 24-го Гренадерских была с серебром, но, в отличие от старой, имела желтый погон с малиновым кантом, а 703 и 704 полки имели форму полков 2-ой бригады пехотных дивизий. Нужно сказать, что вновь сформированная дивизия имела все шансы сразу же стать вполне боеспособной, ни в чем не уступая дивизиям ее сформировавшим, так как в нее вошли б-ны и роты в полном составе, со своими командирами, офицерским и унтер-офицерским составом, не разбавленные добавлением пришлого элемента при формировании. В этом отношении старые полки оказались в худшем положении, так как они, выделив по 6 рот, остались с 10-ю ротами и должны были для доведения себя до 12-ти ротного состава создавать по 2 роты, которые конечно, были сборные.

Сначала все шло, как по-писанному: полки быстро приняли боевую осанку и стали обрастать хозяйством... и готовились в самом непродолжительном будущем окончательно подравняться со старыми полками... как грянула, как гром среди ясного неба, революция... И все пошло прахом.

ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
1917 ГОД.

"В самом конце февраля месяца, точно даты не помню (Кап. Снарский), ночью меня вызвал к телефону Начальник дивизии Ген. Добрышин и приказал в течение ночи сформировать две роты военного состава для отправления рано утром со ст. Молодечно в Петроград для подавления возникших там беспорядков.

Утром Е. В. рота и 5 рота под общим начальством Полк. Колчина при адъютанте отряда Подпоручике Шах-Багове, с пулеметной командой "Кольта" были погружены в эшелоны. Я сам был на вокзале с

Командиром полка. Гренадеры отправлялись с таким подъемом, как никогда. На моих глазах к кн. Вачнадзе (Нач. Хоз. части) подходили гренадеры, пополнившие Е. В. роту из других рот, и просили дать им вензеля, так как они, повидимому, идут защищать Царя: — "Без вензелей стыдно", — говорили они.

Кн. Вачнадзе удовлетворял их просьбу, тут же на вокзале были розданы и одеты вензеля".

Этот эшелон, уже будучи в пути, на одной из станций встретился с поездом Государя (знаменитая ловушка). Его Величество поздоровался с ротами и, узнав из доклада Полковника Колчина, что отряд идет в Петроград для подавления беспорядков, *лично* приказал вернуться обратно, что и было выполнено.

Вернулся отряд абсолютно с другим настроением. На каждой станции в вагоны влезали какие-то личности и о чем-то шушукались с солдатами; в результате — людей, как подменили.

Отречение Государя застало полк в имении Пана Осицимского в Г. дв. Кошевники; акт этот был встречен войсками с недоумением и тревогой.

Революционная буря поднялась не сразу. Горящим фитилем, взорвавшим пороховую бочку, явился знаменитый Приказ № 1.

Даже теперь, спустя столько лет, трудно писать об этих кошмарных днях. В общем доминировало ощущение, что из Государственной машины выпал стержень и весь аппарат распался. Всюду в войсковых частях образовались комитеты разных наименований, пошли митинги, бесконечные митинги. Многие почувствовали благоприятную почву для быстрого личного выдвижения, солдаты же учуяли приблизившийся внезапно конец тяжелой войны.

Вопрос о том, воевать или не воевать, становиться на позиции или нет, стал предметом обсуждения на толкучке митингов.

По существу, война была кончена и на этом можно было бы закончить и наше повествование, но желание использовать весь собранный нами материал до последней строки из уважения к тем трудностям, с которыми он добывался, мы допишем позорные страницы.

Ген. Федоров свидетельствует о следующем:

"Перед Пасхой 1917 года стоявшая в резерве 2 Кавк. Грен. див. взбунтовалась, вызвала к себе Ген. Мехмандарова под предлогом обвинения в измене. Ген. Мехмандаров захватил с собой и меня. Взбунтовавшиеся полки едва не растерзали что-то говорившего им Мехмандарова. Затем нас отвели в какой-то домик, оцепили и судили Комитетом. Присудили сменить Ген. Мехмандарова и передать корпус Ген. Бенескулу, Н-ку 51 пех. дивизии. Во время заутрени на Пасху Ген. Бенескул застрелился под влиянием упреков Штаба армии, вернее Ген. Маркова (впоследствии известного добровольца). Командиром корпуса был назначен Ген. Чеглоков, казачий генерал, вскоре прибывший с южного фронта. В то же время шли приготовления к подготовке большого наступления на фронте Крево-Сморгонь. Была подтянута многочисленная артиллерия больших калибров, устраивались

исходные плацдармы, магазины и дороги для снабжения снарядами. Материальная часть наладилась, но ДУХА НЕ БЫЛО".

Капитан Гранитов дает несколько более подробное описание этих же событий: "В 703 полку н-ком службы связи был некто Ремнев, произведенный в прапорщики из нижних чинов. Ему революция вскружила голову, и он решил стать, не больше не меньше, как Корпусным командиром, пользуясь непопулярностью Ген. Мехмандарова. Ему удалось через комитеты своего 703 полка, где он был председателем, и 704 полка, собрать на митинг почти весь Корпус. Слабее всех была представлена старая Гренадерская дивизия, за дальностью расстояния; зато 51 дивизия и наша 2 Кавказская Гренадерская присутствовали со своими Н-ками дивизий, Н-ками Штабов корпуса и дивизий; словом, митинг был грандиозный.

На митинге, с места же, Ремнев в горячей речи доложил солдатам "все вины" Командира корпуса, не жалевшего, дескать, солдатской крови. Его демагогия и провокация имели успех; неудачная попытка оправдаться растерявшегося Ген. Мехмандарова еще более ему повредила и Ремнев быстро добился бурного выражения недоверия. Горячо протестовавший Н-к нашей дивизии Ген. Никольский тоже получил вотум недоверия, усилиями того же Ремнева. Когда же он поставил вопрос о немедленном избрании нового "Комкора", то неожиданно для него раздались очень дружные голоса в пользу Генерала Бенескула, очень популярного генерала, Н-ка 51 пех. дивизии, который категорически отказался от предлагаемой ему чести. Тогда офицеры, при содействии комитетов нашего Манглисского и Навтлугского полков, добились перенесения этого вопроса с площади на объединенное заседание председателей полковых комитетов и К-ров полков.

На этом собрании удалось убедить Ген. Бенескула принять корпус, чтобы спасти жизнь Ген. Мехмандарова, так как разозленный своей неудачей Ремнев продолжал разжигать толпу. В результате Ген. Бенескул громогласно заявил о своем согласии, а когда раздались бурные приветствия, он потребовал безусловного подчинения его командирскому приказу и буквально вырвал Ген. Мехмандарова из рук Ремнева, который уже нарядил конвой для сопровождения в Минск арестованного Мехмандарова, чем несомненно спас его от смерти.

Ген. Мехмандаров, по приезде в Штаб армии, всю вину своего смещения с должности приписал проискам Ген. Бенескула, который, узнав об этом по телефону, в ту же ночь застрелился.

В дальнейшем, неудачное назначение на пост военного министра и Главковерха Керенского содействовало развалу, и после его неудачных попыток к наступлению наша 2 Грен. див. в августе 1917 года была расформирована и все офицеры вернулись в свои полки".

О событиях революционного периода имеется еще одно показание Прапорщика Евгения Долгополова, явившегося в полк в самом начале революции и пробывшего в полку до последних дней.

Вот как описывает Прапорщик Долгополов то, что он видел и в чем принимал участие: "Дни отречения от Престола Государя Императора и первые дни революции застали меня в маршевом б-не при 10 армии. Два первых дня революции я находился, в числе всех офицеров б-на, арестованным в помещении учебной команды б-на. Затем

нас выпустили на свободу. Я немедленно подал рапорт о направлении меня в 13 Гренадерский полк (как полк наш стал называться после отречения Государя) на предмет совместного служения с моим родственником Шт. Кап. Пчелкиным, который в это время командовал 2-ой ротой полка. В дер. Мороськи, куда меня направили, находились запасные части Кавк. Грен. дивизии и Учебная команда Эриванского и Грузинского полков.

Начальником Гарнизона был Подполковник Крупович. По приезде в дер. Мороськи (у ст. Пруды) я был приятно поражен дисциплиной и порядком, которые царили здесь, так как после разболтанных частей тыла было особенно приятно видеть такие блестящие части, как Учебные команды Эриванцев и Грузинцев. Я был назначен в Эриванский полк, в учебную команду полка, которой командовал в то время Капит. Агарунов. В конце марта я был вызван в полк, который в это время, сменившись с позиции, стоял на ст. Залесье в лесу. В полку еще был порядок, а о митингах даже не слыхивали. Назначили меня вр. исп. должность начальника противогазовой команды, в каковой должности я и провел весь апрель месяц, посещая 2-3 раза в неделю специальные занятия при Штабе корпуса, который находился на ст. Пруды.

В начале мая месяца мне пришлось быть свидетелем, как митинговавшая солдатня расправилась с автором Приказа № 1 товарищем Соколовым, который приехал уговаривать солдат воевать до победного конца... А когда последний, держа речь к толпе, призывал к наступлению, какой-то солдат, подойдя к Соколову сзади, сказал: — "хочешь наступать, так одень каску"... и напялил ему сразмаху каску на самый нос. Это послужило сигналом к избиению Соколова, которого полуживым вырвали из рук толпы".

Так как Соколова избили солдаты новой 2 Кавк. Грен. дивизии, то офицеры, не без злорадства, говорили, что это первое *"СТАТУТНОЕ"* дело дивизии.

"5 мая", — продолжает Прапорщик Долгополов, — "я вступил в командование 2 ротой, направленной с полком на позицию. Полк выступил в полном порядке. Окопы оказались совершенно разрушенными; за 16 дней стоянки мы все время провели в работах по восстановлению окопов. Спать приходилось мало, так как по ночам била немецкая тяжелая и легкая артиллерия, а иногда и чемоданы из минометов. Слава Богу, потери были незначительные. Я сам был легко контужен, но не придал этому никакого значения.

Над немецкими позициями все время висела "колбаса" и нам приходилось быть очень осторожными.

22 мая полк был сменен, отошел опять на ст. Залесье. Отсюда каждую ночь высылались на работы роты и б-ны для постройки различного вида укреплений. Однажды, когда была очередь итти на работу моему б-ну, над нами пролетел очень низко немецкий цеппелин. Б-н сошел с шоссе и залег в канавы. Цеппелин сбросил на Залесье 14 бомб по 2 1/2 пуда. У нас в полку было убито 5 и ранено 7 гренадер".

Митинги, вотумы доверия и недоверия, бессмысленная революционная солдатская фразеология, вообще новая, непривычная обстановка для

старого офицерства была буквально нестерпима. Все отлично понимали, что так продолжать, а тем более выиграть войну — нельзя. И вот, каждый ждал себе вотума недоверия....

Дождался его и наш Командир кн. Мачабели. Вслед за ним ушли, целой пачкой, несколько офицеров. В мае покинули полк кн. Мачабели и Тимченко, в июне — Снарский, Шервашидзе II-ой, Побаевский, Вачнадзе, Агарунов, Багель, Крупович, Равтопуло, Мелик-Адамов, Четыркин, Тихонов, Шах-Багов и др.

На этом ужасном фоне развала вооруженной силы и нашего седого любимого полка промелькнуло несколько эпизодов, которые зафиксируем для памяти.

Эриванский полк не дал революции ни одного офицера. Только двое, один прапорщик и один кадровый офицер, переведенный к нам во время войны из одного из Московских гренадерских полков, проявили себя демагогами и заслужили в офицерской среде репутацию "подлецов". Первый — Прапорщик Тихоницкий, второй — Капитан Гриневич. Остальные держали себя с достоинством и ни в чем не посрамили офицерского звания.

Впрочем, один штаб-офицер однажды "сорвался с нарезов"... протанцевал "казачка" перед толпой (что в другое время прошло бы незамеченным)... и заслужил общее порицание.

Зато общее восхищение заслужил Шт.-Кап. Побаевский: — "Еще одно слово!"... — угрожающе сказал он одному офицеру, позволившему себе оскорбительно отозваться об отрекшемся Государе, — и я"... Привести угрозу в исполнение не пришлось.

Другой раз, придя в Штаб полка и увидя на знамени навешенную красную ленту, Побаевский, вне себя от ярости, сорвал ленту и унес знамя к себе в Пулеметную команду. Через несколько дней любившие его солдаты посоветовали ему немедленно уехать из полка. Побаевский уехал во Францию в один из особых полков. Был на Македонском фронте, вернулся в Добровольческую армию и, приняв участие в вооруженной борьбе с большевиками, погиб в бою под Царицыным смертью героя.

Громадным престижем пользовался в полку и Полковник Пильберг. Последний, после ухода Полковника кн. Мачабели, принял полк. При нем произошел последний боевой эпизод: так называемое июльское наступление Керенского.

В конце июня месяца начались усиленные разговоры о предстоящем наступлении. Приезжал сам Главковерх Керенский с матросом Баткиным уговаривать войска наступать... Но стоило только Главковерху уехать, так сказать "завернуть за угол", как состоялось голосование: наступать или не наступать? После длительных дебатов голоса поделились; приблизительно половина рот была "за" наступление, другая — против. Все команды высказались "за" наступление.

Полком командовал Полковник Густав Карлович Пильберг. Прапорщик Долгополов, единственный свидетель тех дней, набрасывает несколько эпизодов:

"В конце июня месяца мы, офицеры I б-на — Пор. Хлебников, Подпор. Силаев, Дмитриев и я совершили маленькую прогулку в тыл на 5-6 верст. Поздно ночью, возвращаясь в полк к расположению своего I б-на мы сразу почувствовали, что произошло что-то неладное. На-

ступал предутренний рассвет, когда мы подошли к расположению своего б-на на 200-300 шагов. Нас спросили: "Кто идет!?" Видимо, нас поджидали. Мы ответили. Сейчас же мы были окружены толпой солдат. Оказалось, что наше появление было принято с радостью, так как "де" мы поступили не так, как другие офицеры... Оказалось, что I б-н вынес постановление *"не наступать"*, изолировался от других частей и выставил сторожевое охранение в сторону желавших наступать. Выразившие готовность наступать сосредоточились вокруг Штаба полка, в свою очередь, выставив сторожевое охранение и даже выслав конную разведку.

Мы, офицеры I б-на, попав в столь ложное положение, решили уходить следующей ночью к Штабу полка. Мне же было поручено ехать к Командиру полка Полковнику Пильбергу и объяснить ему наше положение. Выехать мне удалось беспрепятственно, сославшись на то, что я еду за провизией. (Б-н, лишившись кухонь, начал голодать). Подъезжая к Штабу полка, я был остановлен н-ком сторожевой заставы Подпор. Белинским II-м. На вопрос куда я еду, я сказал, что еду к моему Командиру полка: на что мне было сказано, что это Командир Эриванского полка, а "не мой" и что "у него нет таких офицеров".

В свою очередь и конные разведчики отпускали вполголоса ядовитые реплики по моему адресу... Тогда я остановил коня и сказал, что вполне понимаю их справедливое негодование, но прошу воздержаться от оскорбительных намеков, так как все, что сейчас происходит — не что иное, как прискорбное недоразумение. По прибытии в Штаб я все объяснил Полковнику Пильбергу. Выслушав меня, Командир полка дружески пожал мне руку и приказал немедленно возвращаться к бунтарям и вместе с другими офицерами б-на сопроводить их до ст. Молодечно, где сдать особому коменданту. Выполнив это приказание, мы должны были присоединиться к полку.

Вернувшись к роте, я собрал людей и объявил им приказ Командира полка и добавил, что через час к ним приедет председатель полкового комитета и прибудет кухня, а я сам, на основании постановления "о свободе выбора", иду туда, куда зовет меня долг и совесть. Увещания наши успеха не имели...

Через два дня я, в числе других г.г. офицеров б-на, был вызван в комиссию по ликвидации банд "противников наступления". На сборный пункт вскоре прибыло начальство из Штаба корпуса и комиссар Штаба фронта с полномочиями Временного правительства — Прапорщик Филоненко. Все бунтующие части корпуса были окружены конными частями и частями, оставшимися верными своим начальникам. Артиллерия приготовилась открыть огонь по бунтовщикам. Только один б-н Тифлисцев, а также группа из 51 дивизии залегли в цепь и открыли стрельбу. Полковник Пильберг повел правильное наступление, артиллерия дала несколько очередей шрапнелью... и все было кончено. Восставшие сдались и сложили оружие. Все бунтовавшие были построены покоем, имея впереди четырех офицеров. На середину карре вышел комиссар Филоненко и от имени Временного Правительства и всего русского народа наградил бунтарей очень нелестными эпитетами.

С офицеров он здесь же сорвал погоны, сказав, что им нет прощения. На этом, все дело кончилось.

Нам же, присутствовавшим офицерам, было предложено под свою ответственность "взять на поруки" тех из бунтарей, которые пожелают возвратиться в полк. В общем, таким образом, вернулось довольно много людей.

В такой сумбурной обстановке подошел день Полкового праздника, который и был отпразднован на фронте в последний раз 29 июня 1917 года.

ИЮЛЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КЕРЕНСКОГО.

Полк, находясь в резерве при обозе II разряда, снова пополнился из запасных б-нов и с 3 на 4 июля выступил на позицию для участия в "Июльском наступлении". Назвать точно участок, на который мы попали, теперь не могу; помню, что начиная с 6 июля началась наша артиллерийская подготовка на фронте в 30 верст от Крево до Сморгони. Около тысячи орудий всех калибров непрерывно стреляли в течение трех дней, разговаривать стало возможно только знаками...

Мы сидели во время артиллерийской подготовки в лисьих норах, имея в окопах только часовых. Немцы сильно отвечали.

На третьи сутки, 9 июля на заре, в предрассветных сумерках, началось наступление. На время боев я был прикомандирован с остатками своей 2 роты к 11 роте, которой командовал Капитан Исаев. От нашего полка шло два б-на с двумя пулеметными командами. Накануне наступления в роты были присланы ножницы для резки проволоки по 2 на каждое отделение, но они не пригодились, все было снесено с лица земли! Были вновь проверены противогазы и розданы ручные гранаты. Когда мы двинулись в атаку, наша тяжелая артиллерия прикрывала нас огнем и продолжала обстрел немецких тылов, не подпуская подойти резервы.

Мы двигались с трудом, пробираясь между огромными воронками от снарядов, перелезая через поваленные деревья, цепляясь за обрывки и завитки проволоки между уцелевшими кольями, среди хаоса остатков немецких окопов... Настроение как у офицеров, так и у гренадер, было бодрое. Мы несли потери только от артиллерийского огня, были у нас и убитые и раненые. Так мы прошли три линии немецких окопов. Дальше не пошли, так как здесь узнали, что впереди-идущие части отошли и вправо и влево. Вправо от нас наступал Женский б-н Прапорщика Бочкаревой*). На этом наступление кончилось. 11 июля нас оттянули в глубокий резерв в м. Городечно.

В конце августа или начале сентября полк выступил на позицию, сменив Сибирские части. Сибиряки перебили часть своих офицеров, воткнули штыки в землю и ушли в тыл.

Участок оказался очень велик. Нас было мало, все ночи мы работали над восстановлением окопов. Немецкая артиллерия часто нас обстреливала. Простояв на позиции 16 дней, отошли в резерв. Здесь нас облагодетельствовало новое завоевание революции: — выборное начало. По началу все прошло довольно безобидно. Кое-кто, заочно, был забаллотирован, почти все офицеры остались на своих местах. Командира

*) **Примечание Ред. Ком.:** Женский б-н сражался доблестно, он глубже всех проник в немецкие линии и понес наибольшие потери.

полка Полковника Пильберга не баллотировали. Но яд есть яд! Далее потекла безотрадная жизнь в разлагающихся частях... В конце декабря 1917 года подошел мой законный отпуск. 24 декабря я уехал домой. По окончании отпуска, 16 января 1918 года я возвращался в полк, но такового на стоянке не застал, а встретил отдельных гренадер, расположившихся по товарным вагонам или висящих на буферах поезда, долженствовавшего отойти со ст. Молодечно".

И вот еще два последних свидетельства о самых последних днях...

"В сентябре 1917 года", — пишет Ген. Федоров, — "я был назначен Командиром 129 пех. дивизии в Пинских болотах и с грустью покидал корпус, с которым сроднился за три года войны. Вместо меня Н-ком Штаба корпуса был назначен Полковник Соколов, в начале войны бывший Ст. адъютантом Штаба корпуса, затем Н-ком Штаба Кавк. Грен. дивизии. Из его письма я знаю, что после октябрьской революции, вероятно уже в январе 1918 г., немцы, невзирая на Брест-Литовский мир, внезапно перешли в наступление, захватив орудия Кавк. Грен. арт. бригады и часть офицеров, а также все попадавшиеся автомобили, в том числе и Штаба корпуса.

Доблестный Полковник Фок выскочил уже из немецкого поезда и бежал. Части отходили и рассыпались, чему немцы не мешали. Штаб корпуса на подводах дошел до Смоленска, где уничтожил архивы, разделил денежный ящик и рассеялся".

Последнее свидетельство полкового казначея военного чиновника Ф. Лазебного:

"Мне пришлось видеть всю мерзость разрушения векового дела революционной массой. Я был свидетелем, как солдаты уничтожали склады, казенное и полковое имущество, как бросали оружие и окопы, как пришлось мне, Полковнику Пильбергу и Подпор. Авдееву спасать *ЗНАМЯ*.

Наши "сознательные" воины, увидя конных германцев, бросили оружие и хлынули в тыл, сметая на своем пути все преграды... И вот, в этот кошмарный и тяжелый день, Штаб полка — Полковник Пильберг, Пор. Марков, Подпор. Авдеев и я,— двинулись в хвосте бегущих солдат к обозу II разряда, где соединились с Хозяйственной частью, захватили *ЗНАМЯ*, предварительно сняв его с древка. Тяжел был путь отступления. До Тулы добрались лишь Полк. Пильберг, Полк. Дробышев, Кап. Котляревский (Н-к Хоз. части), Поручик Авдеев и я.

Через несколько дней уехал Полк. Дробышев. Нам предложено было формироваться под флагом "Красной звезды" — мы отказались. Тогда нам был дан срок в 1 месяц на расформирование. По расформированию полка, мы — Полк. Пильберг, Авдеев и я — решили ехать на Кавказ, но так как со знаменем проехать было невозможно, то мы решили его сдать верному человеку на хранение.

Оставшиеся документы были сданы при описи в архив Лефортовского дворца в Москве".

Так умер старейший полк Российской Императорской армии, прослужив верой и правдой Царям и Отечеству 275 лет*).

---

*) См. Приложение № 32.

ОТ ПОЛКОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

Полк. Владимир Владимирович Шидельский, начавший по своей инициативе, еще в 1924 г. сбор материалов, послуживших базой настоящего труда, обращался ко множеству лиц с просьбой помочь ему достать те или иные, недостающие ему, документы. Многие, подчас совершенно посторонние полку люди, отзывались и присылали ему разные ценные документы. Так Полковник Шидельский вошел в переписку с известным виленским журналистом и художником Владимиром Константиновичем Эттель, который, проживая всего в нескольких десятках километров от полей сражений Лейб-Эриванского полка в последний период войны, близко принял к сердцу просьбу Шидельского и в 1931 году совершил паломничество к местам знаменитых боев в районе Сморгонь-Крево.

Вернувшись из поездки, В. К. Эттель написал и издал на гектографе свои "Путевые заметки" под заглавием *"Сморгонь-Крево-Залесье"*, снабдив их зарисовками с натуры.

Приведем несколько выдержек из этого, редкого теперь, издания.

"Цель моей поездки по местам боевого участка Крево-Сморгонь, к глубокому сожалению, оказалась достигнутой только частично. Отсутствие под рукой точного описания и указаний мест боев, а также их результатов, до крайности затрудняло ориентацию и не дало возможности более тщательно и подробно остановиться на том или ином пункте.

Местное население во время военных действий в большинстве было эвакуировано. Представители старшего поколения, остававшиеся на местах, уже поумирали; молодежь не помнит и не знает ничего.

Появились новые люди, представители новой государственной власти с новыми взглядами и новыми понятиями. Прошлое им чуждо, неинтересно, зачастую, непонятно. Сами они к этому прошлому безразличны или необъяснимо враждебны... и время творит свою разрушительную работу, уничтожая память о Русской жертвенности и Славе. Почерневшие, накренившиеся, поросшие мохом стоят старые Православные кресты над могилами тех, кто отдал все за Родину...

Пройдет еще немного времени и, никому ненужные, исчезнут они навеки, похоронив в людской памяти воспоминания о далеких и грозных днях"...

В. К. Эттель дает нам талантливые зарисовки этих исчезающих памятников Великой войны.

..."Из Залесья дорога, поднимаясь в гору, достигает дер. Михне-

вичи и вливается в улицу около местной церкви. Красивая, построенная из больших камней, Михневичская церковь уже издали видна своими зелеными куполами и крышей. В ограде храма две братских могилы.

В церкви шла служба. Я зашел в церковь. Светлая, уютная, залитая солнцем... Поет крестьянский хор. В огромных храмах, во время торжественного богослужения, невольно нарушается внимание, отвлекается взор, не создается трепетного настроения. Здесь же, в этой убогой деревенской церкви как-то лучше, как-то горячее, как-то искреннее и сердечнее звучат слова молитв...

Здесь совсем особый смысл и особое значение получают бесхитростные и кроткие слова:

— "Помяни, Господи, души раб Твоих воинов русских, за Веру, Царя и Отечество, Честь и Правду жизнь свою положивших; на поле брани павших, в море погибших, от ран скончавшихся, в смуте и распре убиенных и умученных, на чужбине почивших, на родной земле изуверами умерщвленных, неотпетых и непогребенных. Прости им, О Господи, все прегрешения их вольные и невольные и упокой души их в месте горнем.

Подай, милосердный Христе Боже наш, мир и покой душам павших и усопших военноначальников и подчиненных, здесь лежащих и повсюду Православных.

Помяни, Господи, всех чинов Волынского, Павловского, Эриванского, Тифлисского, Мингрельского, Грузинского, Сибирских, Казачьих, армейских, пеших и конных полков воинов, души своя за други положивших. Спаси, Спасе наш, души жен, дев и отроковиц русских с мечем в руках, на сих полях и на всей земле Российской жизнь свою за Правду отдавших и всепрощение даруй им, имена их Ты, Господи, веси. Вечная память и вечный покой!"...

***

Прошли еще года... Отгремели и умолкли громовые раскаты новой войны, пронесшейся по старым полям сражений, исчезли последние кресты-свидетели кровавых событий Великой войны... А в светлой уютной церкви д. Михневичи не звучат больше слова молитв за упокой душ русских воинов, в окрестных полях, лесах и перелесках за Веру, Царя и Отечество живот свой на поле брани положивших и давно сравнены с землей могилы никому неведомых, теперь, Русских воинов...

Но мы, последние Лейб-Эриванцы, работали изо дня в день, из года в год, чтобы воссоздать для потомства —

ПАМЯТНИК ВЕЛИКОЙ ЭПОПЕИ...

И вот, наконец, он готов и нам остается лишь возложить сплетенный нами *ВЕНОК* на необозримую братскую могилу.

СПИСОК № 14.

Г.г. офицерам Лейб-Эриванского полка, разновременно прибывавшим в полк в течение всей войны.

№	Чин и фамилия	Имя отчество	Откуда прибыл
1.	Полковник Тарасенков	Константин Николаевич	Кор. оф. п. из Павлов. в. у.
2.	Капитан Гранитов	Владимир Иванович	Кор. оф. п из Владимир в. у.
3.	Капитан Дробышев	Петр Трофимович	Кор. оф. п. из этапной роты.
4.	Шт.-Ротм. Бутурлин	Сергей Сергеевич	Кавалергард. Е. В. полка.
5.	Шт.-Кап. Лукашевич		Кор. оф. полка из запаса.
6.	Фл.-Ад. Поруч. кн. Багратион-Мухранский	Константин Александрович	Кавалергардского Е. В. п.
7.	Поручик Гернгросс	Евгений Евгениевич	Кавалергардского Е. В. п.
8.	Поручик. кн. Вачнадзе	Александр Михайлович	Кор. оф. п. из отставки.
9.	Поручик Гриневич	Иван Григорьевич	Перевелся из N-го грен. п.
10.	Поручик Гамбурцев	Николай Лаврович	Перевелся из 155 п. Кубин. п.
11.	Поручик Константинов	Александр Алексеевич	Прибыл с маршевой ротой.
12.	Корнет Пашков	Александр Александрович	Кавалергардского Е. В. п.
13.	Корн. гр. Чернышев-Безобразов	Сергей Александрович	Кавалергардского Е. В. п.
14.	Корнет Фриммерман		2-го Л.-Гус. Павлоградск. п.
15.	Подпоруч. Мальцев	Евгений Александрович	Кор. оф. п. из этапн. роты.
16.	Подпоруч. Пивоваров	Михаил Михайлович	Перевел. из 201 Потийск. п.
17.	Подпор. Побаевский	Анатолий Витольдович	Кор. оф. п. из Александ. в. у.
18.	Подпор. Коновалов	Анатолий Евгеньевич	Кор. оф. п. из Павл. в. у.
19.	Подпоруч. Оборин	Владимир Сергеевич	Кор. оф. п. из Алексеев. в. у.
20.	Подпоруч. Афанасьев		Из Л.-Гв. Гренадерск. полка.
21.	Подпоруч. Александров	Георгий Александрович	Кор. оф. п. из Павлов. в. у
22.	Подпоруч. Космоненко	Максим Александрович	Кор. оф. п. из Владимир. в. у.
23.	Прапорщ. Амирджанянц	Сурен Авакимович	Кор. оф. п. из Алексеев. в. у.
24.	Прапорщ. Жилин	Михаил Абрамович	Из запаса.
25.	Прапорщ. Трусевич		Из запаса.
26.	Прапорщ. Шах-Багов	Дмитрий Артемьевич	Из вольноопределяющихся.
27.	Прап. Хан-Сагнахский	Богдан Давидович	
28.	Прап. кн. Сидамон Эристов	Борис Арчиллович	
29.	Прап. Мелик Адамов	Сергей Николаевич	
30.	Прапорщ. Красильников	Сергей Соломонович	
31.	Прапорщ. Попов	Михаил Сергеевич	
32.	Прапорщ. Кисель	Сергей Алексеевич	Из зауряд прап. полка.
33.	Прапорщ. Татаров	Филипп Яковлевич	Из подпрапорщиков полка.
34.	Прапорщ. Орехов		
35.	Прапорщ. Маломуж	Иван Афанасьевич	
36.	Прапорщ. Гусаков		
37.	Прапорщ. Буйлов	Дмитрий Васильевич	
38.	Прапорщ. Фареулидзе	Феодор Филиппович	
39.	Прапорщ. Башмаков	Михаил Николаевич	
40.	Прапорщ. Ковтун	Павел Феодорович	
41.	Прапорщ. Чилов		
42.	Прапорщ. Гавриленко	Михаил Тимофеевич	
43.	Прапорщ. Янко	Григорий Григорьевич	
44.	Прапорщ. Подхалюзин	Алексей Михайлович	
45.	Прапорщ. Богач	Кузьма	Произведен за боевые отличия.
46.	Прапорщ. Ростомов	Иосиф	
47.	Прапорщ. Борисов	Борис Николаевич	
48.	Прапорщ. Тихоницкий	Геннадий Нефедович	
49.	Прапорщ. Ерош	Владимир Лаврентьевич	
50.	Прапорщ. Исаев	Александр Феодорович	
51.	Корнет гр. Медем	Георгий Оттонович	Кавалергардского Е. В. п.

№	Чин и фамилия	Имя отчество	Откуда прибыл
52.	Прапорщ. Левицкий		
53.	Прапорщ. Верещагин	Иван Иванович	Из запаса.
54.	Прапорщ. Карабухов		
55.	Прапорщ. Гварамадзе	Андрей Михайлович	
56.	Прапорщ. Белинский	Дмитрий Сергеевич	
57.	Прапорщ. Белинский	Михаил Сергеевич	
58.	Прапорщ. Ангуладзе		
59.	Прапорщ. Зиновьев	Павел Степанович	
60.	Прапорщ. Федоров	Георгий Николаевич	
61.	Прапорщ. кн. Голицын	Михаил	
62.	Прапорщ. Титов	Иван Васильевич	Из запаса.
63.	Прапорщ. Войнов	Сергей Афанасьевич	
64.	Прапорщ. Оржеховский	Ян Антонович	
65.	Прапорщ. Джапаридзе	Георгий Михайлович	Из запаса.
66.	Прапорщ. Томашевич		
67.	Прапорщ. Софроницкий	Гурий Александрович	
68.	Прапорщ. Кордзайя		
69.	Прапорщ. Губеладзе	Иван Николаевич	
70.	Прапорщ. Покромович	Николай Карпович	
71.	Прапорщ. Мясников	Степан Парфенович	
72.	Прапорщ. Иванов	Борис Сергеевич	
73.	Прапорщ. Самбуров	Сергей Федорович	
74.	Прапорщ. Киселевский	Вячеслав Алексеевич	
75.	Прапорщ. Богданов		
76.	Прапорщ. Марков		
77.	Прапорщ. Авдеев		
78.	Прапорщ. Ножин		
79.	Прапорщ. Корсаков		
80.	Прапорщ. Степанов	Василий Филиппович	
81.	Прапорщ. Солнцев II		
82.	Прапорщ. Кандауров II		
83.	Прапорщ. Снарский II	Николай Иванович	
84.	Прапорщ. Золотухин		
85.	Прапорщ. Тарасюк		
86.	Прапорщ. Засыпкин	Петр Дмитриевич	
87.	Прапорщ. Ковалевский		
88.	Прапорщ. Пурин		
89.	Прапорщ. Кербе	Карл Петрович	
90.	Прапорщ. Циолкович	Владимир Александрович	
91.	Прапорщ. Шаталов		
92.	Прапорщ. Долгополов	Евгений Акимович	
93.	Прапорщ. Силаев II	Борис Викторович	
94.	Прапорщ. Балуев II	Леонид Лаврентьевич	
95.	Прапорщ. Гандахсарьянц	Степан Макарович	
96.	Прапорщ. Абт	Герман Германович	
97.	Прапорщ. Линьков	Александр Иванович	
98.	Прапорщ. Манцевич	Карл Викторович	
99.	Прапорщ. Грищенко		
100.	Прапорщ. Братшау I	Леонид Александрович	
101.	Прапорщ. Братшау II	Александр Александрович	
102.	Прапорщ. Сиземский	Палладий Анатолиевич	
103.	Прапорщ. Арестов		
104.	Прапорщ. Филипковский		
105.	Прапорщ. Валуев	Виктор	
106.	Прапорщ. Агеев		
107.	Прапорщ. Пчелкин	Петр Иосифович	
108.	Прапорщ. Каминский	Андрей Антонович	
109.	Прапорщ. Скобинский	Иван Петрович	
110.	Прапорщ. Цветков	Иллиодор Викентьевич	

Стоят: Подпор. **Попов** и **Вел. Кн. Ольга Николаевна.**
Сидят: Поруч. **Снарский**, поруч. **кн. Гурамов, Вел. Кн. Татьяна Николаевна**, прап. **Мелик-Адамов** и кап. **кн. Гелевани.**

Стоят: Подпор. **Попов**, корнет Александрийского гус. полка **Батюшков.** Сидят: Прапор. **Шах-Багов, Вел. Кн. Ольга Николаевна**, прапор. **Мелик-Адамов**, поруч. Л. гв. Московского полка **Соловьев** и **Вел. Кн. Татьяна Николаевна.**

№	Чин и фамилия	Имя отчество	Откуда прибыл
111.	Прапорщ. Никишин	Стефан Петрович	
112.	Прапорщ. Соломашко	Николай Григорьевич	
113.	Прапорщ. Черепушкин	Дмитрий Николаевич	
114.	Прапорщ. Соколов	Семен Васильевич	
115.	Прапорщ. Куранов	Иван Андреевич	
116.	Прапорщ. Гогоберидзе	Зураб Иванович	
117.	Прапорщ. Попов	Александр Григорьевич	
118.	Прапорщ. Калинин		
119.	Прапорщ. Одувалов-Коронатов	Василий Петрович	
120.	Прапорщ. Миллер	Алексей Павлович	
121.	Прапорщ. Кушнир	Павел	
122.	Прапорщ. Кулин		
123.	Прапорщ. Лешкевич		
124.	Прапорщ. Люперсольский		
125.	Прапорщ. Кокнев		
126.	Прап. Морарь-Мильник		
127.	Прапорщ. Цехановский		
128.	Прапорщ. Детинов		
129.	Прапорщ. Штерн		
130.	Прапорщ. Гущин		
131.	Прапорщ. Ильин		
132.	Прапорщ. Глуховязов		
133.	Прапорщ. Мец		
134.	Прапорщ. Губарев		
135.	Прапорщ. Кулешов		
136.	Прапорщ. Соколин		
137.	Прапорщ. Третьяков		
138.	Прапорщ. Шоршев		
139.	Прапорщ. Зеленин		
140.	Прапорщ. Бухман		
141.	Прапорщ. Гургенидзе	Паад	
142.	Прапорщ. Кошелев	Вячеслав	
143.	Прапорщ. Козел	Илья	
144.	Прапорщ. Цыганков	Дмитрий	
145.	Прапорщ. Малиновский		
146.	Прапорщ. Артеменко		
147.	Прапорщ. Степанов	Василий	
148.	Прапорщ. Зайцев	Иван	
149.	Прапорщ. Цверианов	Карапет	
150.	Прапорщ. Щеглов	Сергей Сергеевич	
151.	Прапорщ. Клим	Антон Сысоевич	
152.	Прапорщик Квартовкин		
153.	Ст. врач Шубенко	Александр Васильевич	
154.	Полковой священник	о. Палладий	
155.	Ст. Советн. Балашов	Владимир Андреевич	доброволец.

СЛАВОЮ И ЧЕСТИЮ ВЕНЧАННЫЕ.

СПИСОК № 15

Г.г. офицерам убитым, скончавшимся от ран и умерших под сенью знамени родного полка в Великую войну.

№	Чин и фамилия	Место кончины	Месяц	Год
1.	Подпоручик Ситников	Сувалки	Сенятбрь	1914 г.
2.	Подпоручик Хржановский	Вост.-Пруссія	Ноябрь	1914 г.
3.	Капитан Солнцев	Венец	Ноябрь	1914 г.
4.	Поручик Козлов I	Венец	Ноябрь	1914 г.
5.	Подпоручик Черепанов	Венец	Ноябрь	1914 г.
6.	Прапорщик Эпров	Венец	Ноябрь	1914 г.
7.	Корнет Фриммерман	Павлово-Кастельно	Апрель	1915 г.
8.	Прапорщик Понятовский	Загроды	Май	1915 г.
9.	Капитан Погорелов	Загроды	Май	1915 г.
10.	Поручик кн. Вачнадзе	Загроды	Май	1915 г.
11.	Фл.-Ад. Поруч. кн. Багратион-Мухранский	Загроды	Май	1915 г.
12.	Прапорщик Оржеховский	Загроды	Май	1915 г.
13.	Прапорщик Воинов	Загроды	Май	1915 г.
14.	Прапорщик Гаврюшко	Загроды	Май	1915 г.
15.	Прапорщик Трусевич	Тухла	Май	1915 г.
16.	Прапорщик Ростомов	Село Лович.	Июнь	1915 г.
17.	Прапорщик Кулин	Галиция	Июнь	1915 г.
18.	Прапорщик Гусаков	Галиция	Июнь	1915 г.
19.	Прапорщик Борисов	Влодава	Август	1915 г.
20.	Прапорщик Попов	Влодава	Август	1915 г.
21.	Прапорщик Подхалюзин	Влодава	Август	1915 г.
22.	Прапорщик Сиземский	Влодава	Август	1915 г.
23.	Поручик Кандауров	Влодава	Август	1915 г.
24.	Подпоручик Мальцев	Влодава	Август	1915 г.
25.	Подполковник Сабель	Вильно с. Олсоки	Август	1915 г.
26.	Прапорщик Орехов	Вильно с. Олсоки	Август	1915 г.
27.	Прапорщик Янко	Вильно с. Олсоки	Август	1915 г.
28.	Подпоручик Оборин	Крево	Ноябрь	1915 г.
29.	Прапорщ. Квартовкин	Крево	Сентябрь	1916 г.

СПИСОК № 16.

Г.г. офицерам получившим ранения в Великую войну.

№	Чин и фамилия	I-й раз	II-й раз	III-й раз
1.	Подполковник Купцов	15-9-14		
2.	Полковник Шаншиев	21-9-14		
3.	Капитан Бутулов	22-9-14		
4.	Шт.-Кап. Шлиттер	22-9-14		
5.	Шт.-Кап. Шидельский	22-9-14		
6.	Шт.-Кап. Жлобо	21-9-14		
7.	Поручик Гогоберидзе	21-9-14		
8.	Подпоручик Шмелев	21-9-14		
9.	Подпоручик Кумпаниенко	21-9-14		
10.	Подпоручик Четыркин	21-9-14	4-8-15	
11.	Прапорщик Гаврюшко	22-9-14		
12.	Зауряд Прапорщик Кисель	21-9-14	6-3-15	13-9-15 года
13.	Капитан Колчин	16-10-14		
14.	Подпоручик Долженков	16-10-14	29-11-14	
15.	Подпоручик Тихонов	16-10-14	4-8-15	
16.	Подполк. Мачавариани	1-11-14		
17.	Поручик Казумбеков	1-11-14		
18.	Капитан Пильберг	26-11-14	4-8-15	
19.	Капитан Балуев	28-11-14	16-6-15	
20.	Капитан Кузнецов	29-11-14		
21.	Шт.-Кап. Крупович	29-11-14		
22.	Шт. Кап. кн. Эристов	28-11-14		
23.	Поручик Киншин	27-11-14	19-5-15	
24.	Заур. Прапорщик Чилов	27-11-14		
25.	Подпор. Гаттенбергер	28-11-14		
26.	Капитан Лазарев	2-3-15		
27.	Прапорщик Детинов	4-3-15		
28.	Прапорщик Гварамадзе	4-3-15	12-9-15	
29.	Прапорщик Татаров	4-3-15		
30.	Кап. кн. Геловани	5-3-15		
31.	Подпор. Агарунов	5-3-15		
32.	Подпоручик Космоненко	5-3-15		
33.	Прапорщик Ростомов	5-3-15		
34.	Прапорщик Гусаков	6-3-15		
35.	Прапорщик Верещагин	14-3-15		
36.	Шт.-Ротм. Бутурлин	19-5-15	20-8-15	
37.	Подпор. Коновалов	19-5-15		
38.	Прап. Шах-Багов	19-5-15	11-8-15	
39.	Прапорщик Тихоницкий	20-5-15		
40.	Прапорщик Мясников	19-5-15		
41.	Прапорщик Ерош	19-5-15	16-6-15	
42.	Поручик Снарский	2-6-15		
43.	Прапорщик Мелик-Адамов	2-6-15		
44.	Прапорщик Маломуж	6-6-15		
45.	Поручик Гернгросс	16-6-15		
46.	Подпоручик Попов	5-7-15		
47.	Прапорщик Сафроницкий	4-8-15		
48.	Прапорщик гр. Медем	13-9-15		

СПИСОК № 17.

Г.г. офицерам, награжденным Георгіевскими наградами — Орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием.

№	Чин и фамилия	Место подвига	Год
	ОРДЕНОМ СВ. ГЕОРГИЯ 4-й СТ.		
1.	Капитан Кузнецов	За Сувалки	1914 г.
2.	Капитан Колчин	За Сувалки	1914 г.
3.	Шт.-Капитан Степанов	За Сувалки	1914 г.
4.	Капитан кн. Гелловани	За Баргово	1914 г.
5,	Капитан Сабель	За Ленг	1914 г.
6.	Фл.-Ад. Поручик кн. Багратион-Мухранский	За Загроды	1915 г.
7.	Подпоручик Попов	За Берестье	1915 г.
8.	Капитан Пильберг	За Влодаву	1915 г.
	ГЕОРГИЕВСКИМ ОРУЖИЕМ		
1.	Капитан Пурцеладзе	За Сувалки	1914 г.
2.	Поручик Багель	За Сувалки	1914 г.
3.	Подпоручик Гаттенбергер	За Пржече	1914 г.
4.	Подполковник Балуев	За Пржече	1914 г.
5.	Шт.-Ротмистр Бутурлин	За Павлово-Ново	1915 г.
6.	Полковник Вышинский	За Любачев	1915 г.
7.	Капитан Тимченко	За Борова-Гура	1915 г.
8.	Подполковник Сабель	За Тухлу	1915 г.
9.	Шт.-Кап. кн. Шервашидзе	За Тухлу	1915 г.
10.	Подпоручик Побаевский	За Тухлу	1915 г.
11.	Полковник Тарасенков	За Осередек	1915 г.
12.	Подпоручик Попов	За Облычин	1915 г.
13.	Поручик Афанасьев	За Крево	1917 г.
14.	Подпоручик Томашевич	За Крево	1917 г.

СПИСОК № 18.

Георгиевские Кавалеры полка с основания Ордена.

№	Чин и фамилия	Место подвига	Год
1.	Полковник Карягин	За Ганжу	1804 г.
2.	Майор Лисаневич	За Ганжу	1804 г.
3.	Полковник Котляревский	За Мигри	1810 г.
4.	Майор Дьячков	За Асландуз	1812 г.
5.	Майор Терешкевич	За Ленкорань	1812 г.
6.	Майор Клюки фон Клюгенау	За Елизаветполь	1826 г.
7.	Полковник Барон Фредерикс	За Карс	1828 г.
8.	Подполковник Кашутин	За Ахалцих	1828 г.
9.	Полковник Бельгард	За Елису	1844 г.
10.	Майор Барон Врангель 6-й	За Баш-Кадыклар	1853 г.
11.	Майор кн. Шаликов	За Баш-Кадыклар	1853 г.
12.	Подпоручик Витковский	За Баш-Кадыклар	1853 г.
13.	Полковник Моллер	За Кюрюк-Дара	1854 г.
14.	Полк. кн. Тархан-Моуравов	За Кюрюк-Дара	1854 г.
15.	Шт.-Кап. Кавтарадзе 2-й	За Кюрюк-Дара	1854 г.
16.	Шт.-Кап. Святополк-Мирский	За Кюрюк-Дара	1854 г.
17.	Майор Визиров	За Карс	1855 г.
18.	Поручик Шереметев	За Китури	1858 г.
19.	Поручик Шлиттер	За Китури	1858 г.
20.	Полковник Толстой	За Ардаган	1877 г.
21.	Подполковник Микеладзе	За Ардаган	1877 г.
22.	Майор фон дер Нонне	За Ардаган	1877 г.
23.	Капитан Шлиттер	За Ардаган	1877 г.
24.	Подполковник кн. Путятин	За Авлиар	1877 г.
25.	Капитан Яковлев	За Авлиар	1877 г.
26.	Шт.-Кап. Савониус	За Авлиар	1877 г.
27.	Капитан Кузнецов	За Сувалки	1914 г.
28.	Капитан Колчин	За Сувалки	1914 г.
29.	Шт.-Кап. Степанов	За Сувалки	1914 г.
30.	Капитан кн. Геловани	За Баргове	1914 г.
31.	Капитан Сабель	За Ленг	1914 г.
32.	Фл.-Ад. Поручик кн. Багритион-Мухранский	За Загроды	1915 г.
33.	Подпоручик Попов	За Берестье	1915 г.
34.	Подполковник Пильберг	За Влодаву	1915 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРИЛОЖЕНИЯМ

Настоящий труд был закончен в сентябре 1949 года в том виде, в каком он изложен в предыдущих главах и, *Полковое Объединение* ждало возможности издать труд *Полковой исторической Комиссии,* так как это издание требовало очень значительной суммы денег, которой объединение полка не располагало.

Через *пять* лет, в конце 1954 года, дочь нашего б. командира полка И. Е. Вышинская, сочла своим долгом передать в *Историческую Комиссию* архив ее покойного отца, только что полученный ею из Константинополя, где вместе с другими вещами он находился в большом сундуке, который ее мать Анна Оттоновна (скончавшаяся в эмиграции в 1939 г.) при эвакуации из Константинополя в 1924 году вынуждена была сдать на хранение в Оттоманский банк, не имея средств везти тяжелый груз во Францию.

Таким образом, сундук этот пробыл на хранении в указанном банке *тридцать два года!* И только теперь мог быть выкуплен, после выполнения многочисленных и сложных формальностей.

Этот, в полном смысле слова исторический, *"клад"* заключал в себе нижеследующие документы:

1. Две полевых книжки с копиями переписки нашего командира полка.
2. Описание боев 13 Лейб-Гренадерского Эриванского Царя Михаила Феодоровича полка с 31 мая по 7 июня 1915 года. (21 стр. большого формата, напечатанные на машинке).
3. Копии Высочайших телеграмм, полученных полком с 20 мая 1915 года.
4. Приказ по Кавк. Гренад. дивизи от 5 июля 1915 года за № 120.
5. Список Г. г. офицерам полка, находящимся на лицо к 15 мая 1915 года. (День вступления в командование полком).
6. Приказ по II Кавказскому армейскому корпусу от 4 сентября 1916 г. № 166 (Секретно).
7. Список Г. г. офицеров полка по старшинству.
8. Приказ Кавк. Грен. дивизии от 8 июня 1915 г. № 101.
9. Ведомость движения офицерского состава полка с 1 сентября 1914 года по 31 декабря 1915 года.
10. Записная книжка командира полка Ген. Шт. Полковника Вышинского, с указанием всех передвижений полка (по дням и часам) за время командования им полком.
11. Заключение комиссии по разработке вопроса о переходе II Кавк. арм. корпуса в наступление в районе Вербушки - Новоселки, на фронте Крево-Сморгонь (5 стр. текста больш. форм.).

Все перечисленные документы, по условиям сегодняшнего дня, уже не могли быть внесены в общий текст труда, так как это требовало бы полной, капитальной переделки всей работы. Поэтому *Историческая Комиссия* решила поместить все вновь обретенные материалы в особую главу — *"приложений"*, расположив их в хронологическом порядке. Ведомость же движения офицерского состава, как и все остальные списки, не будут помещены в тексте, т. к. с одной стороны это даст значительную экономию в печати, а с другой потому, что все сохранившиеся в архиве Ген. Вышинского ведомости списочного состава Г. г. офицеров были использованы Комиссией для поверки и пополнения имевшихся в тексте предлагаемого труда списков.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

ОПИСАНИЕ БОЕВ

13 Лейб-Гренадерского Эриванского Царя Михаила Феодоровича полка с 31 мая по 7 июня 1915 года.

31 мая в 4 ч. 20 м. утра I и II б-ны вернулись с саперных работ на участке Мингрельского полка у сел. Тухла.

Уже ночью участок Мингрельцев и Тухлу немцы усиленно обстреливали тяжелыми и легкими снарядами. С 7 ч. утра, согласно приказанию Начальника дивизии, переданному по телефону, IV б-н был выслан в распоряжение к-ра 16 Гр. Мингрельского полка к сел. Каче Буды, а вслед за ним и III б-н в распоряжение к-ра 15 Гр. Тифлисского полка к с. Тухла.

В 8 ч. утра было приказано выступить и мне с остальными двумя б-нами к опушке леса, что северо-восточнее д. Тухлы, где я должен был получить дальнейшие указания, оставаясь в резерве Начальника дивизии. Батальоны выступили в 8 1/2 ч. утра и шли лесом. В пути б-ны подверглись обстрелу неприятельской артиллерии, бившей по в беспорядке отходящим раненым и обозам различных частей. У вр. штаба Мингрельского полка, находившегося в лесу сев.-вост. сел. Тухла, я донес Начальнику дивизии о своем прибытии и, получив от к-ра Мингрельцев полк. кн. Макаева ориентировку и направление на Тухлу, продолжал движение. При этом узнал, что кн. Макаеву неизвестно о назначении в его распоряжение IV б-на Эриванского полка.

Около 9 1/2 ч. утра, подойдя с двумя б-нами к опушке леса у Тухлы, я, приостановив б-ны, выехал с одинарцами на рекогносцировку и нашел свои III и IV б-ны.

Со слов к-ра III б-на оказалось, что III б-н, подойдя к опушке леса у Тухлы, неожиданно увидел перед собой шагах в 700-800 густые неприятельские цепи, а за ними большие колонны противника с артиллерией, двигавшиеся со стороны дер. Тухла. Не видя нигде Тифлисцев, к-р III б-на понял, что Тухла занята немцами, а потому решил задержать противника, заняв опушку леса, для чего 9, 10 и 11 роты выдвинул в передовую линию, а 12 роту поставил в резерве за правым флангом.

Позицию б-ну удалось занять скрытно и когда немцы повели на-

ступление на участок б-на колоннами, то метким и сильным огнем ружей и пулеметов были остановлены и, развернувшись, частью разбежались, частью же стали окапываться.

Одновременно к-р IV б-на, не найдя в штабе Мингрельцев никого и узнав от прапорщика того же полка Канделаки, что окопы Мингрельцев, д. Тухла и д. Камиениска заняты уже немцами, также решил окопаться левее III б-на на опушке леса фронтом на указанные деревни и задержать обнаруженное наступление противника, для чего приказал ротам занять позицию в следующем порядке: 16, 13 и 14 ротам в передовой линии, а 15 р. в резерве за левым флангом, для обеспечения от обхода со стороны дер. Фельбах и Камиениска. Дозоры, высланные от б-на к последней деревне, нашли ее занятой немцами, а к лесу зап. д. Камиениска обнаружили движение неприятельской колонны не менее двух рот с пулеметами, которая вскоре открыла огонь по расположению б-на. Неприятельские силы в колонне с артиллерией в это время продолжали двигаться с запада на восток. Роты и пулеметы б-на открыли по последним сильный огонь с прицелом 25-30, после чего батареи противника поехали рысью, а прикрытие, рассыпавшись в цепь, направилось на батальон. Одновременно от Камиениска в направлении на батальон, а также и на Фельбах двигались густые цепи, а за ними большие неприятельские силы колоннами. Подпустив немцев, б-н обстрелял их сильным ружейным и пулеметным огнем, благодаря чему цепи стали окапываться, а колонны, рассеявшись, собираться и видимо приводиться в порядок. К этому времени подошел I б-н и занял позицию на западной опушке леса севернее д. Тухла, фронтом на нее и правее III б-на, II же б-н остался в резерве полка: 5 и 6 роты за III б-ном, для обеспечения правого фланга, а 7 и 8 роты за IV б-ном, для обеспечения от охвата слева. По занятии позиции I б-ном, командир его донес о движении неприятельских цепей южнее Мурованка в направление на восток и что IV б-н Грузинского полка, заняв дер. Сойнове, наступает по направлению Мурованка и находится от фланга I б-на назад шагах в 2 000. Левее нашего расположения других частей не было. Около 10 ч. утра немцы повели энергичное наступление на III и I б-ны силами на каждый от 6 до 9 рот. Оба б-на, выждав и допустив противника на близкую дистанцию, открыли по нем ураганный ружейный и пулеметный огонь, который заставил немцев, понеся громадные потери, отхлынуть назад, залечь и приступить к самоокапыванию. В отбитии этой атаки отлично действовал взвод пулеметов под командой Подпоручика Побаевского, взявшего немцев под перекрестный обстрел.

В 10 1/2 ч. утра противник вновь перешел в наступление, но был отбит, опять-таки понеся огромные потери.

Таким образом к 11-ти часам утра I и III б-ны отбили по две атаки противника, наступавшего в превосходных силах, нанеся ему громадный урон, но немцы были настойчивы и, видимо, в очень больших силах, так как к ним подходили все новые и новые подкрепления. К этому же времени IV б-н вторично остановил попытку немцев перейти в наступление ружейным и пулеметным огнем. Надо сказать, что всем названным б-нам приходилось отбивать атаки немцев, находясь все время в исключительно трудном положении и под очень сильным

ружейным, а главное артиллерийским огнем тяжелых и легких батарей, от которого роты несли большие потери. Приблизительно в это время был убит командир 12 роты прапорщик Трусевич.

При создавшейся обстановке, имея в своем распоряжении четыре б-на, я решил атаковать д. Тухлу и, когда в 10 ч. 45 м. утра была установлена связь со штабом дивизии, и я доложил н-ку дивизии о положении дел и своем решении, то получил подтверждение перейти в энергичное наступление. К этому времени обозначился обход нашего правого фланга значительными силами немцев, но эта попытка была также блестяще отбита огнем, по инициативе командира I б-на капитана Сабеля.

В 11 ч. 15 м. дня получено донесение командира III б-на, что у самой дер. Тухла выехала на позицию батарея противника с большим количеством пулемотов. Несмотря на это, я все же приказал наступать, и III б-н начал движение перебежками. Приблизительно к 11 1/2 ч. дня уже ясно обозначился обход немцами нашего левого фланга, о чем я несколько раз докладывал по телефону Н-ку дивизии. Для прикрытия моего левого фланга Н-к дивизии к полудню выдвинул к сел. Кобыльница Русска один б-н Грузинского полка.

В 12 ч. дня было совершенно неожиданно получено приказание Н-ка дивизии отходить на тыловую позицию Луковец-Вельки Очи, возможно дольше задерживаясь, причем указывалось, что мне подчинен и Грузинский полк, III б-н которого был выдвинут влево на сел. Кобыльница Русска, а остальные б-ны находились правее нас. Полку ставилось задачей обеспечить отход частей дивизии. Получив приказание об отходе, я приказал I и IV б-нам оставаться на занимаемой позиции, а III, как наиболее пострадавшему, отходить в голове, затем II б-ну и последними уже — I и IV б-нам с командой разведчиков и 4 пулеметами. К 12 ч. 15 м. дня наступление на д. Тухлу было приостановлено, II и III б-ны начали отходить, а I и IV отбивали уже новые яростные атаки немцев, которые, заметив отход цепей III б-на, немедленно сами перешли в контратаки. Последние все были отбиты ружейным и пулеметным огнем, что дало возможность прочим частям отойти спокойно и в полном порядке.

Батальонам было отдано приказание отходить в направлении к перекрестку дорог у выс. 239, что у леса Паньска Нива. Получив приказание об отходе, к-р I б-на капитан Сабель назначил для прикрытия отхода 2 и 3 роты и к-ду разведчиков с 2 пулеметами, а Е. В. и 4 ротам приказал отходить.

Получив донесение, что IV б-н уже отошел, а Фельбах занят немцами, которые продолжают движение на сев.-восток, капитан Сабель приказал ротам отходить на линию IV б-на Грузинского полка, действовавшего правее нас, причем сообщил ему о своем отходе. Одновременно у с. Ставки к северу от Фельбаха завязалась ружейная перестрелка наших разведчиков с немцами, причем один раненный германец был взят нашими разведчиками в плен.

Успеху отхода первого б-на своими блестящими действиями оказал незаменимое содействие под ураганным огнем артиллерии, ружейным и пулеметным огнем противника подпоручик Побаевский со своим взводом пулеметов, выводя последние вперед и отбивая атаку против-

ника, направленную на фронт батальона, и тем заставляя немцев все свое внимание обратить на себя. Огонь пулеметов был настолько действительным, что немцы, как скошенные, падали, а остальные начинали окапываться. IV б-н успел отойти раньше I б-на, прикрывая сильным ружейным и пулеметным огнем левый фланг II и III б-нов от немцев, сильно наступавших в северо-восточном направлении. Для прикрытия отхода, к-ром IV б-на были назначены 13 и 14 роты; когда последние начали отходить, немцы бросились в атаку силами до 1 1/2 б-нов. Поручик кн. Шервашидзе с своими двумя пулеметами под сильнейшим огнем противника, лично руководя ими, решительно остановил своим огнем натиск противника в превосходных силах, причем сдерживал его в течение 20 минут и заставил окопаться.

Этого времени вполне хватило IV б-ну для отхода и занятия новой позиции на опушке леса Паньска Нива, куда затем отошел и поручик кн. Шервашидзе с пулеметами и ротой прикрытия.

Около 2-х часов дня II и III б-ны подошли к перекрестку дорог у выс. 239; несколько позднее подошел и IV б-н, которому было приказано, расположившись на опушке леса, что у перекрестка дорог севернее дер. Кобыльница Русска, прикрыть слева отход полка, действуя в самой тесной связи с III б-ном Грузинцев, занимавшим Кобыльницу Русска, и с I б-ном Эриванского полка, отходящим правее. IV б-ну было приказано отходить в направлении на сел. Вельки Очи. Роты III б-на Грузинского полка медленно, шаг за шагом отходили на IV б-н Эриванского полка, отбиваясь от наседавшего на него противника. Попытки же противника охватить правый фланг Грузинского полка парализовались и отбивались сильным огнем IV б-на Эриванского полка. Дер. Кобыльница Русска была зажжена неприятельскими снарядами. Приказав к-рам II и III б-нов отходить далее на село Луковец, я со штабом выехал вперед для ознакомления с новой позицией, назначенной полку. После моего отъезда на IV б-н противник повел наступление со стороны восточной окраины Кобылница Русска.

К этому времени к-р I б-на, прикрывая отход всего полка, также подошел к южной опушке леса Паньска Нива и, увидя, что противник занял Фельбах и повел энергичное наступление на перекресток дорог у выс. 239 на IV б-н, открыл ему во фланг сильнейший ружейный и пулеметный огонь. Так как и IV б-н встретил противника огнем, то последний отхлынул назад и стал окапываться. Эта остановка немцев дала возможность I и IV б-нам спокойно продолжать отход в указанном направлении, при этом IV б-н отходил в тесной связи в III б-ном Грузинского полка, поддерживая друг друга ружейным и пулеметным огнем.

К 4 ч. дня II и III б-ны подошли к Луковцу, где правый фланг Эриванцев должен был быть у сел. Луковца. Решив сейчас же занять позицию, я поставил с правого фланга на нее II и III б-ны от Луковца через выс. 228 и далее лесом в направлении на Вельки Очи.

Позиция оказалась уже заранее подготовленной с проволочными заграждениями, но с весьма ограниченным обстрелом в лесу (шагов 40-50). Вправо и влево от нас наших частей никого не было, так как отход Грузинцев на указанную им позицию, вследствие целого ряда недоразумений, несколько задержался. К 7 ч. вечера к позиции подо-

шел и IV б-н и расположился вместе с III б-ном Грузинского полка правее с. Вельки Очи. Немного позже на позицию вышел в полном порядке и I б-н и стал в окопы левее III б-на. В промежуток между IV и I б-нами была поставлена для связи, до подхода Грузинцев, команда разведчиков Эриванского полка. Лишь к полуночи подошли б-ны Грузинцев и заняли свои места. IV б-н, смененный Грузинцами, занял место I б-на, а последний с командой разведчиков были оттянуты к рассвету в резерв полка за участок III б-на на намеченную тыловую позицию, где ему приказано было окопаться. Таким образом б-ны расположились в следующем порядке: от Луковца влево II б-н, левее III, а далее IV б-н. I б-н в резерве за III б-ном. Левее полка — Грузинцы, а правее IV Кавалер. корпус, но между кавалерией и нашим правым флангом образовался промежуток не менее ½ версты. Став на позицию и выслав разведку и сторожевое охранение, роты занялись устройством козырков, бойниц, блиндажей и ходов сообщения. Ночь с 31 мая на 1 июня прошла спокойно.

1 июня с утра расположение полка не изменилось. На фронте было спокойно. Настроение отличное, люди накормлены. Высланные на разведку 3 взвода казаков 36 Донского полка под командой есаула Полякова вскоре вернулись, потеряв ранеными две лошади. Около полудня немцы в одиночку и мелкими партиями начали появляться на фронте расположения полка. Дозорами II б-на был убит вместе с лошадью германец 43-го артиллерийского полка, а дозорами IV б-на рядовой 203-го пех. полка. Вскоре обнаружилось наступление сперва редких, а затем густых цепей противника на фронте II б-на и на фольварк Бабчево.

К 10 1/2 ч. утра обнаружилось также наступление на Грузинцев левее нас. К этому времени дозоры и секреты III и IV б-нов, действовавшие в лесу, отошли к своим окопам и донесли, что по лесу двигаются густые цепи противника, поддержанные сзади колоннами. Фронт и тыл полка сильно обстреливался неприятельской тяжелой и легкой артиллерией. Особенно доставалось II б-ну, расположенному открыто, т. к. по б-нам расположенным в лесу противнику приходилось стрелять вслепую и без пристрелки. Вслед за этим противник повел атаку на левый фланг III и весь IV б-ны силой до 2 б-нов, но, бросившись в атаку с криком “ура” по-русски и, наткнувшись на проволочные заграждения, был встречен сильным ружейным и пулеметным огнем, понес значительные потери и принужден был отойти. Одновременно немцы перешли в атаку по всему фронту, но всюду отбиваемые с тем же успехом, отходили назад и ввиду того, что в лесу наш обстрел был ограничен на 50-60 шагов, приводились вблизи в порядок и к 4 ч. дня перешли вторично в яростную атаку в силах, на участке нашего полка, не менее 2-3 полков пехоты. Настроение людей после отбития первой атаки было уже настолько повышенное, что успех дальнейший не вызывал никаких сомнений. Сильно этому способствовало и поведение г. г. офицеров, особенно к-ров б-нов, обходивших непрерывно свои окопы под сильным огнем противника и воодушевлявших гренадер своим спокойным и веселым видом. Около 6 ч. вечера было сообщено, что левый фланг Грузинцев у Вельки-Очи под натиском превосходным сил противника очистил названную

деревню и подался назад. За неимением резерва, в помощь Грузинцам я выслал на их левый фланг 2 сотню 36 Донского полка, а к штабу Грузинского полка полуроту 4 роты. У меня же с моего правого фланга получались тревожные донесения о том, что конница, обнажила наш фланг и что немцы уже подходят к д. Луковец. Капитан Тимченко, к-р II бна, по своей инициативе выслал один взвод роты для занятия сев.-зап. окраины д. Луковец, после чего донес, что между нами и кавалерией имеется большой промежуток до 2 верст никем не занятый, за исключением 35 гусар, находящихся в Луковце, и что, повидимому, противник направляет свой главный удар на этот разрыв, накапливаясь в ф. Бабчево, в обход нашего правого фланга. Тогда я приказал выслать 2, а затем Е. В. роту под начальством капитана Сабеля, для занятия сев.-зап. окраины д. Луковец и для обеспечения также правого фланга. Е. В. рота вскоре была мною возвращена обратно, т. к. нажим на центр полка все усиливался, капитан же Сабель, сознавая серьезность положения, остался при 2 роте. Около 5 ч. вечера обнаружилось наступление на правый фланг II б-на и 2 роту, сопровождаемое сильной стрельбой ружей, пулеметов и артиллерии противника.

От ф. Бабчево немцы силой до 7 рот и из лесу, что левее ф. Бабчево пытались несколько раз перейти в наступление с целью захватить Луковец, но сильный огонь ружей и пулеметов под руководством к-ра б-на капитана Тимченко, бравший противника во фланг, каждый раз останавливал его. В то же время противник вел атаки, главным образом, на левофланговые роты III и IV батальонов, а капитан Сабель донес, что в направление от д. Сопле на Миельники двигается колонна не менее полка пехоты с артиллерией.

В 6 ч. 30 м. вечера наступление немцев по всему фронту усилилось и из Штаба дивизии было сообщено по телефону, что полковник Воскресенский с остатками Тифлисского полка выдвинется для прикрытия правого фланга к выс. 226, который и занял к 7 ч. 55 м. вечера. К этому времени капитан Сабель, к-р I б-на, донес, что на 2 роту двигаются большие колонны противника, которые он с одной ротой задержать не будет в состоянии и которые от него уже в полуверсте. Кроме того мною получено извещение, что кавалерия отошла и что Тифлисцы, будучи обойдены и не в силах держаться, тоже отходят. В 8 ч. вечера было получено приказание Н-ка дивизии начать отходить на позицию у р. Млахи. Я приказал I б-ну прикрывать отход полка, а остальным б-нам начать постепенный отход в направлении уже ранее им указанном на новую позицию. Когда я отдавал приказание об отходе, полк уже отражал новую яростную атаку противника остановив ее сильным ружейным и пулеметным огнем, после чего б-ны начали отходить в боевом порядке, не теряя огневого соприкосновения с противником и часто останавливаясь, для отражения наседающего противника, что вполне удавалась, после чего б-ны снова продолжали отход. В этот день, кроме отличных действий всех к-ров б-нов, проявивших выдающееся самоотвержение, храбрость и мужество, воодушевлявшее сильно людей при обстановке исключительной трудности, выделились также начальник пулеметной команды поручик *кн. Шервашидзе,* подпоручик Побаевский и н-к команды разведчиков

прапорщик *Хан Сагнахский,* оставленный со своей к-дой при I б-не, для прикрытия отхода.

Насколько хорошо действовали офицеры пулеметчики, можно судить из результатов отбития яростных атак противника, причем подпоручик Побаевский, потеряв при одном пулемете почти всю прислугу (7 чел.) под сильным и действительным огнем противника лично продолжал стрельбу.

Когда б-ны начали отходить, я отправился в тыл для выяснения новой позиции. Указанной р. Млахи на самом деле не оказалось и позицию удалось найти лишь благодаря тому, что она была обозначена несколькими саперами. К полуночи начали собираться б-ны. К этому же времени удалось подвезти кухни и накормить людей. К рассвету роты были расставлены на свои места и приступили к самоокапыванию.

I б-н прибыл последним ввиду того, что во-первых он прикрывал отход полка, а главное, на него сильно наседали немцы, что не давало возможности двигаться быстро. Таким образом, удерживая и отбивая огнем ружей и пулеметов яростные атаки немцев на фронт б-на и будучи почти окружен, так как фланги его были обнажены и кавалерия противника уже их обошла, капитан Сабель, в этой исключительно трудной обстановке, отходил медленно, воодушевляя гренадер своей необыкновенной неустрашимостью и хладнокровием, отдавая приказания, переходя из роты в роту, пренебрегая очень сильным и действительным огнем противника, и прибыл с б-ном в 3 ч. утра, когда уже все роты занимали позиции, укрепив ее в достаточной степени, и приготовились отразить новый натиск противника. Немалое содействие I б-ну оказала команда разведчиков с прапорщиком Ханом Сагнахским во главе.

Позиция полком была занята следующим образом: на правом фланге IV б-н, левее уступом впереди I, далее III б-н. В резерве за I б-ном II б-н, выделивший 8 роту на левый фланг для обеспечения его.

2 июня к рассвету Грузинцы заняли позицию левее нас, вправо же от нас никого не было, в виду чего я выставил туда полтора эскадрона кавалерии, а к-р IV б-на, капитан Пильберг, по своей инициативе, выслал на опушку леса вправо один взвод 15 роты для охранения правого фланга.

В это время вправо за лесом шла сильная стрельба, и я для обеспечения своего правого фланга подтянул бывший в резерве II б-н к штабу полка в дер. Домброво и приказал ему занять позицию вправо от дороги. Резервный б-н этот расположился так: 5 и 7 роты заняли позицию вправо от дороги фронтом на лес и окопались здесь, 6 рота стала левее дороги. В 6 ч. утра я попросил по телефону Н-ка дивизии поторопить высылку полков 51 пех. дивизии и получил ответ, что уже выслан 204 Ардагано-Михайловский полк, который в 8 ч. утра действительно подошел и занял позицию правее меня на опушке леса Крушина.

К 8 ч. утра уже завязался бой, и наши позиции противник обстреливал сильным огнем тяжелой и легкой артиллерии.

Одновременно против фронта полка, вдали у леса, начали пока-

зываться сначала отдельные люди, видимо дозоры, а затем отдельные всадники, за которыми двигались густые цепи и колонны противника. Бывший при полку I дивизион Кавказской гренад. артил. бригады открыл огонь и настолько меткий, что колонны противника рассеялись, а цепи залегли. К 9 ч. утра наступление возобновилось, артиллерия противника перенесла огонь в тыл участка и на резервный II б-н, а подъехавшие легкие батареи противника открыли огонь по окопам полка. Правее же Ардаганцев шел сильный бой, кончившийся к 10-11 часам утра (сообщено по телефону) отходом дравшихся там частей 51 пех. дивизии. Узнав об этом, капитан Тимченко выдвинул 7 роту с пулеметом еще более вправо и занял позицию к юго-западу от с. Домброво фронтом на запад. К 10 ½ ч. утра противник перебежками дошел на дистанцию 400-700 шагов до наших окопов.

Наши гренадеры частым ружейным и пулеметным огнем, нанеся немцам значительный урон, остановили наступление и заставили их окопаться. К этому времени на правом фланге полка Ардаганцы отошли назад и противник стал обходить мой правый фланг. К 11 ч. дня IV б-н полка и затем III б-н также стали отходить без каких либо указаний с моей стороны, как после выяснилось, по недоразумению. С началом своего отхода командир левофланговой 8 роты сообщил о нем соседним влево Грузинцам, которые также начали отходить и уже после этого на позицию больше не возвращались. Узнав по телефону и убедившись, что б-ны полка начали отходить, я командировал всех ординарцев и офицеров, бывших при мне, в разных направлениях вернуть полк на свою позицию, а сам выехал сперва к IV б-ну, а затем в III б-н, чтобы вернуть их на старую позицию. Вскоре мне удалось восстановить полный порядок и вернуть все роты в свои окопы, причем немцы, успевшие местами продвинуться вперед, все были оттеснены.

Командовавшему III б-ном, поручику Гернгроссу, пришлось занимать свои окопы, выгоняя немцев из них штыками. В 12 ч. дня я донес Н-ку дивизии, что положение полка вполне устойчивое и что все роты заняли свои места. Немцы лежали в 400-600 шагах и окапывались.

К этому времени оба фланга полка оказались уже обнаженными. Грузинцы, очистив свою позицию, больше на нее не вернулись, а Ардаганцы, продвинувшиеся было несколько вперед, вскоре также отошли. Около 12 ч. дня противник повел на участок полка атаку, дважды лихо остановленную ружейным и пулеметным огнем. К этому же времени уже был обнаружен обход противником нашего правого фланга пехотными, а левого фланга кавалерийскими колоннами. Таким образом, под угрозой обхода с флангов и находясь под фронтальным и фланговым огнем противника, полк продолжал доблестно вести бой, отражая все новые и новые атаки немцев. К 2 ч. дня обходящие колонны немцев стали угрожать тылу, отдельные роты подверглись опасности быть отрезанными, ввиду чего в начале 3 часа б-ны начали постепенно отходить назад. Выбрав тыловую позицию к востоку от д. Домброво на буграх, я принял отходящие роты и, распределив их по участкам, поставил на новую позицию. Тут под ураганным огнем артиллерии полку пришлось окапываться. Все это удалось произвести в

полном порядке под прикрытием II б-на капитана Тимченко, который, занимая своим б-ном позицию вправо от сел. Домброво, обеспечил правый фланг полка после обнаженя его частями 51 пех. дивизии и сдерживал напор немцев, угрожавших не только флангу, но и тылу полка. Когда б-ны первой линии начали отходить на тыловую позицию, капитан Тимченко, несмотря на губительный ураганный огонь тяжелой и легкой артиллерии и пулеметов, задержался на старой позиции, хотя вправо части 51 пех. див. уже отошли, а налево окопы IV б-на были заняты немцами и последние, вслед за отходящими ротами, повели энергичную атаку на фронт полка и в обход левого фланга II б-на. Атаку эту полку, уже занявшему тыловую позицию, удалось остановить, но положение II б-на все ухудшалось, так как после отхода полка, немцы, приостановившись было на линии II б-на, затем вновь перешли в наступление с целью охватить левый фланг его. Одновременно из леса Крушино в обход правого фланга двинулись также большие колонны. Капитан Тимченко с удивительным спокойствием и выдающимся самоотвержением, личным примером под очень сильным огнем противника воодушевляя людей, продожал держаться на своей позиции и, отбросив огнем немцев к лесу, обстрелял колонны, обходившие его справа. Немцы залегли и стали окапываться. Вправо же вновь обнаружилось движение колонны в обход правого фланга, невзирая на наш сильный огонь. К этому времени, около 4 ч. дня мною уже было получено от Н-ка дивизии приказание об отводе полка, ввиду тяжелого положения, за тыловую позицию у сел. Борова-Гура. Распоряжение это немедленно было передано к-рам б-нов, причем отход полка мною было приказано прикрывать II б-ну капитана Тимченко.

После отхода полка на достаточную дистанцию капитан *Тимченко,* не теряя с ним связи, приказал 6 роте с пулеметом занять позицию на буграх с 3 деревьями, а затем под прикрытием ее огня начал отходить туда и с остальными ротами своего б-на. Несмотря на сильный огонь противника, б-н отошел в полном порядке на новую позицию, где продолжал отбивать настойчивые и яростные атаки немцев, заставив их окопаться в 200 шагах и отказаться от дальнейших попыток преследования отходящих частей. После того стал отходить в направлении на дер. Лисиани, перед которой б-ну дважды приходилось останавливаться для отбития наседавших немцев, а затем, вслед за отхдом полка, б-н отошел постепенно к лесу юго-западнее дер. Борова-Гура.

Таким образом, капитан *Тимченко* при исключительно трудных условиях, вывел свой б-н сравнительно с незначительными потерями, а главное дал возможность прочим частям полка, дивизии и даже корпусу, выиграть время и отойти в порядке на новую позицию. На левом фланге отход всего боевого порядка прикрывался капитаном *Сабелем* с I б-ном. Когда капитан *Сабель* увидел, что окопы соседних рот уже заняты немцами, то приказал и своему б-ну начать отход на тыловую позицию на опушку леса, что к юго-востоку от дер. Домброво, где б-н остановился для отражения атаки на левый фланг со стороны Кровице - Лазова и Лясдворский. Заставив противника остановиться и окопаться здесь, б-н, под угрозой нового обхода слева, отошел в направлении на Флисы, где опять остановился и развернулся в боевой порядок. Здесь

уже капитан *Сабель* получил мое приказание отойти за реку Завадовку на новую позицию у сел. Борова - Гура.

Здесь полк занял позицию на юго-западной опушке леса у сел. Борова-Гура. В боевой линии стали II и IV б-ны, за ними в резерве I и III б-ны, На этой позиции полк продержался до 2 часов утра 3 июня, будучи обстреливаем редким артиллерийским огнем.

В виду значительной убыли, я приказал свести полк в два сводных б-на: I б-н под командой капитана *Сабеля* из рот I и IV б-нов и II сводный б-н из рот II и III б-нов под командой полковника *Тарасенкова*. В 2 ч. ночи с 2 на 3 июня, на основании приказания, полученного мною от Н-ка дивизии, полк двинулся на новую позицию и занял ее от высоты 249, что западнее дер. Дольна и до буквы "Z" в надписи "Kroszny" фронтом на дер. Закацие и Борова-Гура в следующем порядке: I сводный б-н на правом, II сводный б-н на левом фланге. Правее нас расположился Потийский полк, левее нас Грузинский полк. Артиллерия противника начала обстрел участка полка, главным образом, тяжелыми снарядами с полудня 3 июня и продолжала его до наступления ночи.

В продолжение всего дня наблюдались дозоры противника вдали на опушке Борово-Гурского леса; но немцы, видимо, не решались двигаться на нас, понеся накануне громадные потери.

За Борово-Гурским лесом весь день наблюдалось движение значительных колонн противника, как и на фронте соседей, преимущественно к нашему левому флангу.

В 7 ч. 40 м. вечера было получено приказание всей дивизии отойти по дороге Башуда, Дольна, Вельке-Ляс, Хотылюб и занять новую позицию от высоты 245 до фольварка *"М. Н."*. Отход было приказано начать в 10 ч. вечера; однако, соседи вправо, видимо, не выдержав натиска противника, начали отход уже около 8½ ч. вечера и открытым уходом из окопов обнаружили наше намерение. Благодаря этому около 8¾ час. противник силою до 6 рот повел энергичное наступление на участок II свод. б-на и усилил огонь артиллерии по всему расположению полка.

Наступающие цепи были остановлены ружейным огнем. Наступление немцев однако возобновилось с началом отхода полка, когда полковник Тарасенков, по своей инициативе, задержался на старой позиции и тем дал возможность прочим частям полка отойти благополучно и без потерь, несмотря на сильный огонь противника по всему участку и тылу полка. Своим необыкновенным мужеством, хладнокровием и выдающимся самоотвержением полковник *Тарасенков* сильно ободрял людей.

Второе наступление, перешедшее в яростную атаку, было отбито главным образом огнем ружей. После чего б-н, отпустив отходящие части на порядочную дистанцию, начал постепенный отход, выделив для своего прикрытия одну роту, присоединившуюся к полку вместе с ротой I св. б-на около 6 ч. утра.

В период с 10 до 12 ч. ночи противник пытался несколько раз перейти в наступление, но будучи обнаруживаем ракетами, каждый раз сильно обстреливался ружейным огнем и останавливался.

4 июня. Около 3 ч. ночи полк, за исключением рот, оставленных

Полковник **Г. К. Пильберг,**
Кавалер ордена Св. Георгия 4 ст.
Выпуска 1905 г. из Виленского юнкерского училища.

на старой позиции, подошел к дер. Осередек и, получив горячую пищу, занял позицию.

Полк занял позицию по указанию саперных офицеров от креста, что к юго-западу от с. Осередек по дороге и до леска к юго-востоку от этого селения. Позиция эта совершенно не отвечала приказу по дивизии, о чем мною немедленно было сообщено Штабу дивизии. К 9 ч. утра 4 июня выяснилось, что полки 51 пех. дивизии ушли далеко вправо и заняли позицию от выс. 245, что к западу от сел. Осередек, вследствие чего между моим правым флангом и левым флангом Потийского полка получился незанятый промежуток в две версты. Половину этого промежутка было приказано занять вверенному мне полку, вследствие чего расположение последнего пришлось растянуть более чем вдвое. Правый участок позиции занял I сводный б-н капитана *Сабеля*, левее II св. б-н полковника *Тарасенкова.*

Левее нас стали Грузинцы. По занятии позиции роты сейчас же приступили к устройству окопов, козырьков и блиндажей. Штаб полка расположился в лесу, что северо-восточнее дер. Осередек; там же стали две роты полкового резерва.

День 4 июня прошел сравнительно спокойно, однако к вечеру от конных разъездов начали поступать сведения о движении противника на фронт полка.

5 июня. К утру уже обозначался подход значительных сил противника. В 10 ч. 45 м. утра я вернулся с объезда позиции и сообщил Н-ку Штаба дивизии, что лично видел на буграх обоих сводных б-нов немецких дозорных, которые обстреливали ружейным огнем всех, выходящих из окопов. Против Грузинцев в это время готовилось наступление. После моего возвращения мне доложили, что противник открыл сильный огонь по участку полка из тяжелых и легких орудий.

Одновременно противник повел наступление в стык между Грузинцами и 8 ротой (II сводн. б-на), пользуясь пересеченной местностью. Вскоре части противника показались и против остальных рот полка. Сначала были замечены густые цепи и вдали в укрытых местах, особенно на опушке леса южнее *"М. Н."* и у дер. Хотылюб, наблюдалось движение групп начальников, а затем вторая линия цепей, за которыми двигались колонны. К 1 ч. дня против I б-на наступавшие части противника были остановлены сильным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем и начали окапываться в 800 шагах. Против II св. б-на наступление все усиливалось и можно было уже насчитать не менее 2 б-нов пехоты исключительно немецкой, а затем и мелкие кавалерийские партии, видимо, австрийцев. Подпустивши немцев на дистанцию 600 шагов обстреляли их, нанеся им большие потери. Немцы бросились бежать, преследуемые артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем. В 2 ч. дня на фронте полка была отбита уже одна атака и противник возобновил вновь наступление сначала против левофланговой 8 роты. Подпущенный командиром последней на дистанцию 300-400 шагов, был обстрелян залпами, а затем частым огнем и опять обращен в бегство. Одновременно из лощины, что у дер. Хотылюб, противник, накопившись, повел наступление на участок I б-на уже густыми цепями, поддерживаемый сзади колоннами. Около 2½ ч. дня такое же наступление обнаружилось против всех рот II св. б-на. Невзирая на губи-

тельный огонь нашей артиллерии и на то, что все колонны противника рассеивались огнем ружей и пулеметов, немцы, все с большей энергией, продолжали наступление. Таким образом немцы дошли на дистанцию 200-300 шагов, где все роты б-нов, под личным руководством командиров их, а особенно II св. б-на полковника *Тарасенкова,* своими спокойными распоряжениями воодушевлявших и беспрерывно обходящих роты б-нов, развили настолько сильный огонь, что немцы вторично, а на некоторых участках рот и в третий раз, были отбиты с огромным уроном и кинулись бежать.

Часть же залегла и приступила к самоокапыванию против I б-на на дистанции 600-800 шагов, а против II б-на около 900 шагов. Но, видимо, немцы решили, во что бы то ни стало, овладеть нашими окопами и вскоре возобновили наступление опять по всему фронту. Тут была командирами б-нов замечена уже и примесь австрийцев.

Весь день немцы все усиливали артиллейский огонь и к вечеру, предполагаю, что общее количество батарей, с постепенно подходящими подкреплениями, у противника дошло до 4 легких и двух тяжелых, не считая, кроме того, бравших участок с левого фланга. Поведенная новая атака была отбита с тем же успехом, как и предыдущая.

До 6 ч. вечера новых попыток к наступлению противник не обнаруживал. После 6 ч. вечера, после артиллерийской подготовки немцы начали накапливаться в рощице против 8 роты, а затем перешли в наступление, главным образом, против Грузинцев и левого фланга Эриванского полка. Против же 6 роты на правом фланге полка, на участке I св. б-на, из лощины у дер. Хотылюб немцы возобновили наступление сначала цепями, а затем и колоннами, но наша артиллерия их частью рассеяла, а остальных отогнали назад ружейный и пулеметный огонь названных рот.

Таким образом, на участках б-нов было отбито несколько яростных атак. После отбития последней атаки, противник, видимо, все же решил продолжать наступление, подойдя ночью на близкую дистанцию. Оставшиеся впереди окапывались и распространялись и вправо и влево. Насколько было возможно, мы нашим огнем препятствовали их работам.

К ночи полк выслал разведку и приступил к исправлению сильно попорченных за день артиллерийским огнем противника окопов. Ночью противник ничего не предпринимал. Успешным действиям полка, помимо всех чинов его от к-ров батальонов и до последнего гренадера, в значительной степени способствовали отличные и согласованные действия батарей I дивизиона Кавказской гренадерской артиллерийской бригады под начальством полковника Казбек и командиров батарей полковника Стопани и капитана Фока. В трудную минуту боя артиллерия наша, по первому же указанию из передовых цепей, искусно и быстро сосредоточивала огонь на наиболее важных направлениях, чем, в значительной степени, содействовали общему успеху дела.

6 июня. С утра противник открыл сильный артиллерийский огонь по всему участку полка, причем одновременно из леса и дер. Хотылюб немцы повели наступление перебежками в, приготовленные за ночь, окопы против I св. б-на в 900 шагах и против II св. б-на в 600-800 шагах, где, видимо, сейчас же приступали к усовершенствованию их.

В эту же ночь на 6 июня был взят в плен австриец 95 пех. Австрийского полка, показавший, что в первой линии стоят австрийцы, а сзади в лесу приводится в порядок немецкая пехотная дивизия, сильно пострадавшая в бою 5 июня. Говорил также, что в каждом полку осталось чуть ли не по одному сводному б-ну, их же дивизия в довольно большом составе выдвинута вперед.

Около 3 часов дня бонаружилось наступление против II св. б-на Грузинского полка, но оно было быстро остановлено огнем, после чего противник не предпринимал больше ничего до вечера, продолжая обстреливать участок полка огнем артиллерии, который около 10 ч. вечера усилился и прекратился лишь к полуночи.

7 июня. К 2-м часам ночи с 6 на 7 июня противник пытался снова перейти в атаку, открыв сильный пулеметный огонь по нашим окопам, причем секретами были обнаружены колонны, двигавшиеся по роще в 500 шагах от расположения 8 роты. По колоннам был открыт ураганный ружейный огонь, поддержанный соседними ротами б-на, причем на фронте 8 роты была зажжена солома, разложенная заранее и осветившая всю местность, что дало возможность ротам открыть огонь по противнику и задержать дальнейшее наступление его. Остаток ночи ясно слышны были стоны раненых и несомненно установлено, что уборка таковых производилась до рассвета.

Потери в полку за период боев с 31 мая по 7 июня 1915 г.: Прапорщик Трусевич — убит. Поручик Снарский и Прапорщики Мелик-Адамов и Маломуж — ранены; Капитан Сабель, Поручик Геригросс и Подпоручик Попов — контужены, но все трое остались в строю.

Убито гренадер — 150 чел., ранено — 300, контужено 200.

Считаю своим служебным долгом отметить, что несмотря на необыкновенно тяжелые арьергардные бои и на небывалый еще с начала кампании артиллерийский огонь, который иногда сравнивал окопы с землей, несмотря на громадные разрушения и потери, командуемый мною полк выполнил свой долг с честью. Ничто не могло поколебать то великое мужество и самоотвержение, с которыми дрались все чины полка, начиная с командира батальонов и до последнего гренадера.

Особенно должен отметить деятельность командиров батальонов, полковника *Тарасенкова,* капитана *Тимченко,* капитана *Пильберга,* капитана *Сабеля* и офицеров пулеметчиков поручика кн. *Шервашидзе* и подпоручика *Побаевского,* а также и всех командиров рот, не терявших в самые трудные минуты присутствия духа. Своим личным примером, спокойной распорядительностью и часто уместной инициативой они оказывали незаменимое содействие общему успеху дела, сильно воодушевляя людей, выказывая полное пренебрежение грозившим им смертельным опасностям, лично руководя вверенными им частями в передовых цепях под очень сильным огнем противника. В рядах гренадеров царил все время бодрый молодцеватый дух, заставлявший их совершать подвиги беззаветной храбрости.

Командир полка *Полковник Вышинский.*
Полковой Адьютант *Штабс-Капитан Шлиттер.*

12. VI. 1915. *ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.*

Глобокоуважаемый Владимир Емельянович! (Гаврюшко).

Письмо Вашей матушки от 25 мая с Вашей припиской получил только сегодня благодаря тому, что полк с 18 мая по сей день находится в беспрерывных передвижениях и боях. Просьба Вашей матушки уже исполнена, вещи покойного брата Вашего были отправлены из полка тотчас же после смерти его с его деньщиком.

Надеюсь они уже прибыли в целости по назначению.

Покойный брат Ваш Юрий Емельянович получил смертельную рану в левый бок в бою 20 мая. Вынесенный под сильнейшим огнем на перевязочный пункт он был доставлен в полевой подвижной госпиталь, в котором и скончался на следующий день. В виду того, что после боев 19 и 20 мая мой полк 21 мая был отведен в резерв, мы взяли тело покойного Вашего брата из госпиталя в полк и вечером 21 числа на биваке в лесу отслужили по нем панихиду, на которую прибыли и две сестры милосердия того госпиталя, в котором покойный скончался. После панихиды, под салюты неприятельской артиллерии, мы отправили дорогого нам покойника в г. Любачев, где он похоронен на кладбище, рядом с другими убитыми офицерами нашего полка. Считаю долгом засвидетельствовать, что покойный, будучи выдающимся офицером и товарищем, пользовался в полку исключительной любовью и уважением и преждевременная смерть его глубоко всех поразила. Смерть Юрия Емельяновича произвела на всех прямо ошеломляющее впечатление, хотя смерть постоянно витает среди нас и к этому здесь давно уже привыкли. Да послужит утешением Вашей матушке и Вам наше общее сочувствие Вашему тяжелому горю и сознание, что Ваш сын и брат пал смертью героя, защищая родину.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Е. Вышинский.

12. VI. 1915 г. *ПРИЛОЖЕНИЕ № 3.*

Глубокоуважаемая Елена Федоровна, (Г-же Погореловой).

Ваше письмо от 26 мая получил только сегодня 11 июня, благодаря тому, что полк с 18 мая и до сего дня находился почти в беспрерывных боях и передвижениях. Вашу просьбу о доставке Вам вещей покойного Вашего супруга я уже исполнил, надеюсь Вы уже получили их в полной исправности. Точно также, согласно Вашей прсьбы, Вам отправлено тело Вашего супруга, причем для сопровождения его я назначил батальонного сигналиста, бывшего с ним в последние минуты его жизни. Уверен, что он Вам передал все, чему был свядетелем. С своей стороны считаю долгом засвидетельствовать, что покойный Анатолий Яковлевич, командуя в бою первым батальоном, пал во главе последнего славной смертью героя. Я был лично свидетелем лихого наступления к немецким позициям его батальона, увлекаемого вперед личным примером покойного.

Высоко ценя заслуги павшего героя, я вошел с представлением

по команде о посмертном производстве его в подполковники за боевое отличие.

Да послужит эта справедливая оценка заслуг покойного и общее горячее сочувствие друзей и товарищей по полку Вам, хоть слабым утешением в Вашем тяжком горе.

Всегда готовый к услугам

Е. Вышинский.

12. VI. 1915 г. *ПРИЛОЖЕНИЕ № 4.*

Глубокоуважаемая Елизавета Викторовна!

Позвольте от всего сердца поблагодарить Вас за Ваше любезное письмо, привезенное мне молодым Гернгроссом, горячее спасибо Вам также за конфеты, присланные нам; здесь на позиции они показались нам особенно вкусными.

По поводу геройской смерти покойного князя Константина Александровича я уже написал Ее Высочеству. К великому сожалению, к тому, что я написал в этом официальном письме, могу прибавить лишь очень мало. О том, как нас всех и в особенности меня, только что вступившего в командование полком, поразила эта неожиданная смерть Князя, едва прибывшего к нам, говорить излишне. Мы долго просто не могли прийти в себя, просто не могли свыкнуться с этой мыслью, настолько она казалась нам просто невозможной, дикой.

Как Вам, вероятно, уже известно, покойный князь прибыл к нам в полк лишь на рассвете 17 мая, а на рассвете 18 мая мы уже выступили в поход и далее в бой, в котором он и пал смертью героя.

Имея ввиду особенную опасность нашей пехотной службы, я решил оставить его, на первых порах, при себе, т. е. при штабе полка, назначив его в команду связи. Об этом я и заявил ему днем 17 мая, но встретил со стороны князя сильнейший отпор. Он мне прямо заявил, что не желает оставаться при штабе полка, а желает сразу принять роту. Другим же офицерам он даже заявил, что если я ему не дам роты, он сейчас же уйдет в Мингрельский полк. При таких условиях не исполнить его просьбы вполне законной, я, конечно, не мог и к вечеру 17 числа назначил его командиром 2 роты, которую он должен был принять 17 утром. Но не успел я отдать приказа, как князь Константин через Командира батальона снова обратился ко мне с просьбой дать ему не 2 роту, а одну из рот второго батальона, мотивируя свою просьбу тем, что во всех батальонах полка уже есть кавалергарды, кроме 2 батальона. Я снова заколебался, но потом именно боязнь ответственности заставила меня согласиться и я назначил его командиром 5 роты. Во главе этой роты князь и погиб геройской смертью, бросившись вперед на немецкие окопы.

Вспоминаю свой последний разговор с покойным. Я говорил о том, насколько мы пехотинцы ценим помощь кавалергардов, готовых делить с нами труды и опасности и вот Князь заметил, что обыкновенно дружба между частями войск заключается за бокалом вина, а между нашими полками — кавалергардами и эриванцами дружба будет навеки запечатлена нашей кровью! О последних часах жизни покойного

мог бы дать ценные указания Прапорщик Оржеховский, бывший в бою у него младшим офицером в роте, но он пропал без вести в этом бою и потому опросить его не было возможности. Все опрошенные мною товарищи в один голос говорят, что покойный был до конца в самом лучшем настроении, все рвался вперед и своим примером буквально увлекал за собой людей роты. Тяжелое время пришлось нам пережить, со дня моего вступления в командование полком и по сей день мы почти все время были в боях, в которых полк понес большие потери, как офицерами, так и нижними чинами. Очень сожалею, что мне перед принятием полка не пришлось повидаться и поговорить с Захарием Аслановичем; о многом хотелось мне поговорить с ним.

Очень прошу Вас передать ему мой сердечный привет, когда будете писать ему.

Искренно преданный Вам

Е. Вышинский

Г-же Е. В. Мдивани.

26. VI. 1915 г. *ПРИЛОЖЕНИЕ № 5.*

Глубокоуважаемый Абель Гаврилович! (Кн. Макаеву).

Командир II батальона Капитан Тимченко доложил мне, что во время вчерашней ночной атаки особенно выделился подпоручик Попов, бросившийся вперед на австрийцев во главе роты с револьвером в руке и увлекший своим примером не только свою роту, но и людей соседних рот. По мнению Капитана Тимченко Подпоручик Попов вполне заслуживает представления к награждению Георгиевским оружием на основании ст. 2 § 112.

Зная Подпор. Попова, как прекрасного ротного командира, давно заслужившего своей храбростью и распорядительностью репутацию выдающегося боевого офицера, я, тем не менее, не могу взять на себя решение вопроса о представлении его к Георгиевскому оружию и прошу Вас, как начальника боевого участка, высказать мне откровенно свое мнение, считаете ли Вы возможным представить его к этой высокой награде.

Искренно Вам преданный

Е. Вышинский

30. VI. 1915 г. *ПРИЛОЖЕНИЕ № 6.*

Подполковнику Купцову.

Из рот поступают постоянные жалобы, что людям не отпускается положенный от казны чай и сахар.

Требую настоятельно, чтобы чай и сахар выдавался ротам полностью. Если интендантство не отпускает, то полк должен докупать недостающее, но роты должны получать все, что положено от казны.

Необходима скорейшая доставка *сапог* и сапожного товара для починки их, а также шаровар.

Полковник Вышинский.

8. VII. 1915 года. *ПРИЛОЖЕНИЕ № 7.*

Многоуважаемый Георгий Евгениевич!
(Полк. Вишнякову. К-ру Грузинск. п.).

Сейчас ко мне пришел мой денщик Павловский и заявил мне, что жена его, проживающая на фольварке Путновице, была занята нагрузкой вещей на подводу для вывоза семьи в тыл, когда к ней пришли солдаты Грузинского полка и насильно отняли подводу (без лошадей). Очень прошу Вас приказать вернуть взятую повозку, тем более, что она принадлежит нашему же гренадеру Эриванцу.

Искренно Вам преданный

Е. Вышинский

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8.

Кому Полковнику Воскресенскому (К-р 15 гр. Тифлис. п.)
от Полковника Вышинского.
1915 г. 9 июля. 10 час. 40 мин.
из Вульки Путновицкой.

Где кончается мой правый фланг в лесу, загнутый назад, точно сказать, вернее описать не могу. Составляет его твой батальон, которому приказано *обязательно* войти в связь с твоим же батальоном в селении Майдан-Хута.

Думаю, что это лучше всего можно будет осуществить высылкою сильных застав, напр., во взвод каждая, которые все время ходили бы между этими двумя батальонами. Мой левый фланг (в окопах) примыкает к дороге, что проходит на север через букву "а" слова Вулька-Уханская. Прикажи выслать в этом направлении взвод или полуроту и она наверное наткнется на мой фланг.

Полковник Вышинский.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9.

Кому. Генерал-Майору Бельгарду (к-р 1 бр. Кавк. Гр. Див.)
от кого. Полковника Вышинского.
1915 года 10 июля
Из селения Вулька Путновицкая.

Вечером 2 июля 13 Л.-Гр. Эриванский полк стал на позицию Генрикувка-Берестье, сменив на ней Мингрельцев и Тифлисцев. Весь день 3. VII. шел сильный бой на левом фланге корпуса против 3 Гвардейской дивизии, а правее нас против — 49 дивизии. На фронте полка было сравнительно тихо, лишь одиночные артиллерийские выстрелы.

4 июля немцы перешли в энергичное наступление против Эриванского и Грузинского полков. С 7 1/2 час. утра Германская артиллерия открыла сильнейший огонь, как тяжелыми, так и легкими снарядами преимущественно по левофланговому III батальону Эриванского полка. Окопы буквально засыпались пулями, осколками и целыми снарядами, причем число попаданий последними было, относитель-

но, весьма велико. Под прикрытием этого огня немцы перешли в энергичное наступление против всего участка полка. Несмотря на огонь нашей артиллерии, всячески препятствовавшей этому наступлению, они до самого вечера продолжали наступать против полка, производя постепенное накапливание в более укрытых местах. До ночи продолжался артиллерийский огонь, временами ослабевавший, временами же носивший ураганный характер и обративший окопы, в особенности 10 и 11 рот, на левом фланге полка в груду развалин, в которой перемешались люди, земля, доски и бревна. Несмотря на этот убийственный огонь, Эриванцы в течение целого дня стойко держались на месте, исправляя повреждения в окопах и останавливая своим огнем всякую попытку немцев перейти в атаку. Немцы неоднократно переходили в наступление, бросались на наши окопы в атаку, но все эти атаки неизменно отражались нашим огнем. К концу дня 10 и 11 роты были настолько обессилены, что пришлось сменить их свежими ротами из резерва.

Ночь на 5.VII прошла спокойно, немцы оставались впереди наших проволочных заграждений, окопавшись в расстоянии от 300 до 600 шагов.

С рассветом 5 июля начатое накануне наступление немцев продолжалось. Снова, пользуясь удобными подступами, они стали накапливаться против различных участков позиции, главным образом, против 8 и соседних с нею рот. Вообще в этот день, главный удар был направлен на II б-н и хотя обстреливался и III б-н, но значительно слабее, чем накануне.

Бой начался уже с 3 1/2 часов утра, причем вначале артиллерия приняла лишь слабое участие в нем. Вначале бой ограничивался лишь ружейным огнем, местами очень сильным.

К 6 ч. утра неприятельская артиллерия, как и накануне, открыла сильнейший артиллерийский огонь по ротам II батальона. Если накануне против III б-на огонь был уже силен, то 5 числа сила огня превзошла все, что до сих пор пришлось переживать полку. Окопы рот II б-на, в особенности 8 роты, были разрушены сплошь на всем их протяжении, не осталось ни одного неповрежденного участка, ни одного целого козырька, все обвалилось, засыпая людей и пулеметы. Число попаданий цельми снарядами было также, как и накануне, весьма велико. В то же время, под прикрытием этого огня, немцы перешли вновь в наступление, но каждая новая попытка их подойти к проволочным заграждениям отражалась ружейным и пулеметным огнем. Положение рот было тем более тяжелым, что наша артиллерия, вследствие недостатка снарядов, а затем по условиям местности и близости неприятеля от наших окопов, не могла оказать своей пехоте должной поддержки и последней всю тяжесть боя пришлось вынести на своих плечах.

Потери в ротах были очень велики, в особенности много было контуженных, Сильнее других пострадали роты II б-на, больше всего 8 рота, ротному командиру этой роты Подпоручику Попову оторвало кисть левой руки. Часам к 11-12 здоровых нижних чинов в 8-ой роже уже не оставалось. Из роты мне сообщили, что: “в роте остался

лишь один ефрейтор, да и тот раненный". В виду такого положения и продолжавшихся беспрерывно попыток немцев двинуться в атаку именно на эту роту, мною к полудню было приказано в окопы 8 роты поставить из резерва 3 роту, а 7 роту усилить взводом 2 роты. Такая ураганная стрельба производилась до полудня, после чего огонь стал постепенно ослабевать, не прекращаясь, однако, до самого вечера.

В течение дня немцы, постепенно накапливаясь, подползли местами до 100-150 шагов, но ближе продвинуться не смогли, отбиваемые нашими ротами ружейным и пулеметным огнем. Несмотря на убийственный огонь неприятельской артиллерии, а также огромные потери, роты стойко держались в своих окопах и свели к нулю всю его небывалую артиллерийскую подготовку.

К ночи наиболее выдвинутые части неприятеля, видимо потеряв надежду на успех, стали отползать назад. К ночи же мною было решено перейти в контратаку с целью сбить разрозненные части противника, взяв их во фланг; но уже около 9 часов вечера было получено распоряжение Начальника дивизии об отмене назначенной контратаки, а в 1 ч. 45 м. ночи на 6 июля последовало распоряжение об отходе на новую позицию, в виду отступления 49-ой пех. дивизии.

Таким образом, Эриванцы втечение двух суток отражали яростные атаки немцев и стойко удержались на занятых позициях, несмотря на убийственный артиллерийский огонь, наносивший огромные потери и производивший большие опустошения в окопах.

Штаб полка во время боя 4 и 5 июля находился на винокуренном заводе Шистовице, в сфере действительного артиллерийского огня. Потери в полку за 4 и 5 июля: 1 раненый и 4 контуженных офицера и около 450 нижних чинов убитыми и ранеными, не считая свыше 300 контуженных и ушибленных, вернувшихся в строй частью к вечеру, частью же в течение ближайших дней.

Полковник Вышинский.

Описанные бои отмечены нижеследующим приказом:

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10.

ПРИКАЗ

Кавказской гренадерской дивизии
5 июля 1915 года № 120
Действующая армия.

Мною получены телеграммы:

"Чувством глубокой гордости любуясь работой Ваших доблестных войск, приношу признательность Начальникам, благодарю героев нижних чинов, особенно лихих гренадер 357. Горбатовский".

"Очень рад объявить телеграмму Командующего армией с изъявлением его благодарности. Предписываю немедленно объявить ее всем чинам корпуса и в особенности нижним чинам, находящимся в передовой линии. Уверен, что доблестные войска и далее вполне

оправдают своими геройскими действиями лестное мнение Его Высокопревосходительства.

Мехмандаров".

2. "Сердечно благодарю за геройское отбитие атак доблестных Кавказских гренадер и Ардагано-Михайловцев и в особенности *Эриванцев, Грузинцев и артиллеристов* и их руководителей за их великолепную работу, способствовавшую отбитию атаки. Душевно благодарю достойных начальников участков Полковников *ВОСКРЕСЕНСКОГО* и *ВЫШИНСКОГО,* энергией которых удержана позиция, благодарю также командира Грузинского полка полковника *Вишнякова* и командующего Ардагано-Михайловским полком Полковника *Тимченко-Ярещенко,* героям нижним чинам мое сердечное спасибо.

Мехмандаров".

Счастлив гордиться молодцами гренадерами, заслужившими столь лестные похвалы Командующего армией и Командира корпуса.

Тяжесть боев вчера и сегодня всецело вынесена на плечах Эриванцев и Грузинцев, Тифлисцы частью заменили наиболее пострадавшие роты Грузинцев, частью поддержали их сегодня в контратаке на противника, ворвавшегося в разбитый тяжелой артиллерией окоп 5 роты Грузинцев. II батальон Тифлисцев, под командой капитана Иванова, оказал неменьшую услугу, очистив сегодня ночью с 4 на 5 июля развалины деревни Берестье и фольварк от противника, занявшего эти пункты с вечера.

Получив задачу определить, кто наступает на гренадер путем разведки, с целью захвата пленных, Капитан Иванов, при содействии разведчиков Грузинского полка, ночью лихо вышел из-за линии наших окопов, выбил штыками караул и сильные заставы немцев, занявших фольварк и деревню Берестье, частью их уничтожил, частью взял в плен и остальных обратил в бегство. Коротким наступлением на ф. Облычин заставил немцев очистить занятые с вечера позиции и отойти.

Воспользовавшись успехом, капитан Иванов собрал с убитых отличительные знаки форм противника и тем дал возможность выяснить какие части Германской армии на нас наступали, а опрос пленных дополнил эти сведения.

От сердца благодарю капитана Иванова, г. г. офицерам глубокий мой поклон за их беззаветное мужество и умелое руководство в производстве этого лихого поиска, а Тифлисским гренадерам мое сердечное спасибо.

Тяжело нам, но помните, что немцам не легче. Чем упорнее и настойчивее враг, тем крепче должны быть мы. Мы защищаем родную землю. Вся Россия на нас смотрит. Бодритесь, молодцы гренадеры, еще не раз заслужим благодарность за лихой отпор врагу.

От лица службы приношу глубокое спасибо Начальникам боевых участков Полковникам Воскресенскому и Вышинскому, Командиру Грузинцев Полковнику Вишнякому и вр. командующему Мингрельцами подполковнику князю Мачабели за их энергию, стойкость и умелое руководство вверенными им частями, г. г. офицерам и молодцам гренадерам сердечное спасибо.

Пушкари гренадеры и 1 батарея 2 Кавк. мортирного дивизиона поистине вызывают восторг своей работой; за братское чувство взаимной выручки гренадеры и пехота низко кланяются и шлют горячую благодарность за выручку.

Сердечно благодарю Командира бригады Полковника Папа-Федорова, Командира дивизиона Полковника Ржевуцкого и г. г. офицеров славной Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, молодцам гренадерам-пушкарям мое сердечное спасибо.

Эриванцев и Грузинцев особо благодарю. Да послужит этот бой, как и в прошлые века, где вы друг друга выручали, символом братства, дабы всегда, в тяжелую минуту боевой обстановки, вы были бы готовы подать друг другу помощь.

Подлинный подписал: Вр. Командующий дивизией,

Генерал-Лейтенант ГАБАЕВ

С подлинным верно: Полковой Адъютант

Поручик Снарский.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11.

28 июля 1915 г. Действующая армия.

Дорогой Захарий Асланович!

Вы себе представить не можете, как я жалел, что не пришлось с Вами повидаться перед принятием полка; очень уж много было у меня вопросов, на которые ответ я мог получить только от Вас. По прибытии в полк много раз собирался написать Вам, но события разыгрались с такой головокружительной быстротой, что было не до писем; ведь с 31 мая мы все спим не раздеваясь и в настоящее время занимнем уже 14 по счету позицию! С течением времени большинство сомнительных вопросов разрешилось само собой, но все же остались еще и такие, по которым я хотел бы знать Ваше мнение. В числе последних на первом месте вопрос о Подполковнике Мануйлове. Этот штаб-офицер, недавно вернувшийся в полк и в настоящее время командующий батальоном, на днях обратился ко мне с ходатайством о его реабилитации. Как мне доложил подполк. Мануйлов, он, командуя II б-ном, участвовал с полком в боях с 21 сентября по 5 октября, когда был эвакуирован вследствие контузии, полученной им 24 октября. В боях с 21 по 24 сентября II б-н действовал вполне успешно и удержался на позиции в то время, как III б-н отошел. Удачные действия II б-на были оценены и Вами, т. к. все 4 ротных командира получили за эти бои награды; награжден за эти же бои орд. Св. Владимира 4-ой ст. и К-р IV б-на Подполк. Мачавариани. Подполк. же Мануйлов не только не получил за эти бои никакой боевой награды, но еще был представлен Вами к увольнению в отставку по болезни, хотя он был эвакуирован не по болезни, а вследствие контузии, о которой по его словам, лично доложил Вам.

Вот что мне доложил подполк. Мануйлов с ходатайством о восстановлении его доброго имени.

Так как сейчас в полку нет ни Снарского, бывшего в этот период помощн. адъютанта, ни Шлиттера, которые только и могли бы дать мне по этому вопросу необходимые разъяснения, то мне по необходимости приходится обратиться за ними к Вам. Не откажите черкнуть мне, в чем тут собственно дело?

Действительно ли он был представлен Вами к увольнению по болезни и нет ли тут недоразумения, так как у него ведь имеется перевязочное свидетельство, в котором указано, что он контужен. Точно также и в вопросе о награде, нет ли тут недоразумения, или быть может упущения? В утвердительном случае, вероятно, еще можно поправить дело. Если же он не был представлен к награде Вами сознательно, то в чем тут дело? Непредставление подполк. Мануйлова както не вяжется с фактами, с представлением его подчиненных и вообще с рассказами офицеров об этих боях. Буду Вам очень благодарен, если Вы меня ориентируете в этом, так как мне здесь чрезвычайно трудно разобраться в этих вопросах.

Прошу Вас передать Елизавете Викторовне мой искренний привет. Крепко жму Вашу руку.

Искренно преданный Вам

Е. Вышинский

ПРИЛОЖЕНИЕ № 12.

Кому: Начальнику Кавк. гренадерской дивизии
От: К-ра 13 Л.-Гр. Эриванского полка
30 августа 1915 года № 55. Из села Верждсле.

Рапорт.

В виду того, что в приказе по Кавказской гренадерской дивизии от 5 сего августа за № 143 ход событий во время боев 3 и 4 августа под Влодавой изложен не вполне точно, представляю Вашему Превосходительству описание этих боев.

Приложение: описание боев 3 и 4 августа со схемой к ним.

Командир полка *Полковник Вышинский.*
За Полкового Адъютанта *Поручик Снарский.*

Бой 3-го августа.

К вечеру 2 августа 1915 года 13 Л.-Гр. Эриванский Царя Михаила Феодоровича полк занял позицию к юго-западу от селения Столенские Смоляры и укрепился на ней, в ожидании подхода немцев.

В ночь на 3 августа было получено распоряжение о спешном выступлении полка к с. Орхов, на смену частям 77 пех. див. После ночного марша полк к 10 ч. утра прибыл к с. Орхов, где и остановился в лесу. В виду того, что к этому времени выяснилась полная невозможность сменить одним Эриванским полком всю 77 дивизию, имевщую в передовых окопах 14 рот, Начальником дивизии было сделано распоряжение о расположении полка в резрве у дома лесопромышленника, близ ур. Подгурое, к вост. от жел.-дор. станции Влодава.

Здесь, в 3 ч. дня 3 августа, мною был получен приказ Командира корпуса о временном подчинении полка Начальнику 77 пех. дивизии и о немедленном выступлении к жел.-дор. странции Влодава для атаки германской позиции к западу от этой станции и для выбития немцев из окопов 77 дивизии, уже занятых ими к этому времени. Начальником 77 пех. дивизии Ген.-Майором Феодоровым, полку была поставлена следующая задача: атаковать германские позиции на участке 307 пех. полка, в лесу севернее шоссе, что идет на запад от жел.-дор. ст. Влодава, т. е. между шоссе и опушкой леса, идущей параллельно шоссе от горы Нигоров к дому Дорожн. сторожа, у пересечения шоссе жел. дорогой. Наступление Эриванцев должно было послужить сигналом к общему переходу в наступление, как полков 77 пех. дивизии левее нас, так и Усть-Двинского и Виндавского полков, действовавших правее нас. Полку было приказано выбить немцев из занятых ими окопов 307 полка, после чего продвинуться далее вперед и отбросить противника за Буг, действуя при этом в полной связи с соседними частями. В 3 1/2 ч. дня полк выступил с бивака у дома лесопромышленника и к 5 ч. дня уже развернулся против указанного участка по линии железной дороги. Для атаки полк был мною распределен следующим образом: II и III батальоны были назначены мною в первую линию, I батальон в резерве за III батальоном, т. е. за левым флангом.

Во втором батальоне в цепь было выслано две роты (5 рота была в прикрытие к артиллерии). В III — 3 роты и по одной роте оставлено в батальонном резерве. К 6 час. вечера мною было приказано двинуться вперед. Роты Эриванцев быстро и энергично двинулись вперед и вскоре достигли первой линии окопов, слабо занятых остатками рот 307 пех. полка, еле сдерживавших натиск немцев. Не останавливаясь в этих окопах, роты безостановочно двинулись дальше, увлекаемые ротными командирами и вскоре с криками "ура!" бросились в штыки на немцев, успевших уже закрепиться против рот 307 пех. полка и вырыть здесь порядочные окопы. Большинство немцев, сидевших в этих окопах было захвачено в плен, часть была переколота, часть бросилась бежать. Не задерживаясь на первой линии немецких окопов, Эриванцы продолжали стремительное наступление до опушки леса, где заняли уже без труда первоначальную линию окопов 307 полка, а вслед за ними и вторую линию немецких окопов, где немцы тщетно пытались задержаться. Выбитые и из этих окопов, немцы бросились бежать назад к Бугу. При наступлении Эриванцев особенно энергично продвигались вперед правофланговые роты II батальона: 6 р. Прапорщика Исаева и 7 р. — Прапорщика Борисова, убитого во время этой атаки. Роты эти прошли, таким образом, четыре линии окопов и подошли почти к самому Бугу, откуда их к ночи пришлось отвести несколько назад в окопы 77 дивизии, ввиду слишком выдвинутого положения их. Левофланговые роты III батальона вначале несколько отстали, но часам к 8 вечера подравнялись с ротами правого фланга и также заняли первоначальные окопы 307 полка на опушке леса.

Во время наступления, между ротами II и III батальона образо-

вался прорыв, который немедленно, по собственной инициативе (телефонная связь была порвана) был занят Командиром I батальона. Таким образом, часам к 8 вечера задача, возложенная на полк Начальником 77 пех. дивизии *была выполнена с полным успехом* и Эриванцы, сбив немцев с занятой ими позиции, заняли первоначальную линию окопов 77 дивизии.

При этой атаке Эриванцами захвачего до 150 пленных, причем большинство их было направлено в Штабы 77 и 45 пех. дивизий и лишь незначительная часть в Штаб Кавказской гренадерской дивизии.

Дальнейшему развитию успеха Эриванцев помешали действия соседей слева. Здесь, части 77 пех. дивизии во время описанной атаки Эриванцев не только не продвинулись вперед, но напротив подались назад, теснимые немцами. Одновременно с этим в тылу, видимо под влиянием неудачи полков 77 пех. дивизии, произошла паника, при чем часть артиллерии и обоз в беспорядке бросились назад по шоссе. В возникновении этой паники не последнюю роль видимо сыграл и вид многочисленных, взятых Эриванцами, пленных — большая группа последних, шедшая под конвоем по шоссе, была принята многими за германскую воинскую часть, прорвавшуюся к нам в тыл.

В бою 3 августа батальонами командовали: I — кап. Пильберг, II — Подполк. кн. Шервашидзе, III — Подполк. Мануйлов.

Потери в бою 3 августа: офицеров убито два — (Прапорщики Борисов и Попов), ранено три (Поручик Тихонов, Подпоручик Четыркин и Прапорщик Софроницкий); нижних чинов убито и ранено 361 человек.

Приложение: схема.

Командир полка *Полковник Вышинский*

Бой 4 августа у жел.-дор. станции Влодава.

К ночи на 4 августа 13 Л.-Гренад.-Эриванский Царя Михаила Феодоровича полк, выбивший немцев из окопов 77 пех. дивизии и занявший эти окопы, оказался в выдвинутом вперед, примерно на версту, положении, с совершенно обнаженным левым флангом, на котором в ближайшем соседстве, в лесу, прочно засели немцы.

К утру 4 августа, с отходом в тыл соседнего батальона Усть-Двинского полка, также обнаженным оказался и правый фланг полка. В течение всей ночи немцы поддерживали беспрерывный ружейный огонь, как фронтальный, так и фланговый.

Тяжелое положение полка в связи с неудачей, постигшей части 77 пех. дивизии, побудило Начальника Кавказской гренадерской дивизии, сменившего в течение ночи Начальника 77 пех. дивизии, назначить в помощь полку сперва один (II), а затем один (III) батальон Грузинского полка. Оба эти батальона прибыли к расположению Эриванского полка в течение ночи и к рассвету должны были, развернувшись вдоль железной дороги — левее Эриванского полка, двинуться через лес, выбить из него немцев и также занять первоначальные окопы полков 77 пех. дивизии, выйдя на одну линию с Эриванцами. В то же время правее Эриванского полка был направлен

Мингрельский полк, который также должен был восстановить прежнее положение и примкнуть к Эриванцам справа. К утру выяснилось, что ночная контратака Грузинцев не увенчалась успехом: Грузинцы продвинулись было вперед, но неожиданно попали под сильный пулеметный огонь и, понеся большие потери, дальше продвинуться не смогли и отошли назад на линию железной дороги.

Таким образом и к утру 4 августа, несмотря на присылку двух батальонов Грузинцев, выдвинутое вперед положение вверенного мне полка ничуть не улучшилось, оставаясь критическим, ввиду прочного занятия немцами леса на левом фланге полка. Для обеспечения последнего в течение ночи с фронта полка был снят II батальон, который к утру и расположился частью за левым флангом полка, близ жел.-дорожной станции, частью же вдоль шоссе фронтом на юг. Утром 4-го августа левый боевой участок Полковника Вишнякова был усилен еще двумя батальонами Тифлисцев, а затем еще одним батальоном Горийского полка под общим начальством Полковника Воскресенского.

К полудню оба батальона Тифлисского полка также развернулись, примерно, по линии жел. дороги левее Грузинских батальонов и также перешли в наступление с целью выбить немцв и занять первоначальные окопы 77 пех. дивизии.

С раннего утра 4 августа немцы открыли по расположению полка сильнейший артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь. Примерно до 2 часов дня по всему фронту велся сильный огневой бой, причем хотя Грузинцам и Тифлисцам и не удавалось продвинуться вперед, однако и немцы вперед не продвигались. Эриванцы же крепко держались на занятой ими еще накануне позиции, все еще надеясь, что соседям удастся потеснить немцев и выровнять положение.

Около 2 час. дня Командир Тифлисского полка получил через своего ординарца донесение, что оба батальона Тифлисцев, действовавшие на левом фланге, прорваны немцами и отошли с своих позиций назад. Вслед за тем было получено сведение, что немцы начинают обходить левый фланг III батальона Грузинского полка, действовавшего правее Тифлисцев. Под угрозой этого обхода III б-н Грузинцев также вскоре отошел. Вслед за тем, также под угрозой обхода слева, подался назад и II б-н Грузинцев.

Таким образом, к началу третьего часа дня левый фланг и тыл Эриванцев снова оказался совершенно обнаженным и вверенный мне полк, занимая слишком выдвинутую вперед позицию, оказался в весьма критическом положении.

Вслед за батальонами Грузинцев очередь дошла и до Эриванских рот. Немцы, двигаясь на север вдоль линии жел. дороги, направили свой главный удар на роты II батальона, стоявшие в резерве за левым флангом для обеспечения последнего близ жел.-дор. станции Влодава. Потеснив нашу фланговую 8 роту, немцы быстро начали распространяться в тылу у нас, вдоль линии железной дороги, выставив для обстреливания последней несколько пулеметов. Приблизительно к тому же времени, Мингрельцы, действовавшие правее нас, также отошли на линию железной дороги, обнажив и правый фланг полка, на который немцы также устремились из лежащего вблизи леса.

Таким образом был момент, когда вверенный мне полк был окружен немцами со всех четырех сторон. Телефенная связь со штабом полка к этому времени была уже порвана.

При таких условиях командирам батальонов, получившим от меня лишь указание держаться на позиции во что бы то ни стало, конечно ничего другого не оставалось, как начать отходить назад, пробиваясь штыками сквозь немецкие роты и пулеметы, уже занявшие в тылу линию железной дороги. Отход полка, несмотря на исключительно тяжелые условия, был совершён с сравнительно небольшими потерями и в возможном порядке, причем многим ротам пришлось бросаться в атаку на немцев и прокладывать себе дорогу штыками.

При этом отходе Командир I б-на Капитан Пильберг спас 5 батарею Кавк. грен. бригады от захвата ее немцами. Выйдя с остатками рот на названную батарею, своевременно не получившую распоряжения об отходе и уже попавшую под ружейный огонь наседавших немцев, Капитан Пильберг, по собственной инициативе, тотчас же выслал перед батарею цепь, чем заставил немцев отхлынуть, остановиться и тем дал возможность батарее сняться с позиции и отойти назад.

В виду вынужденного отхода частей с позиции и возможного прорыва немцев вдоль шоссе, около 3-х часов дня в мое распоряжение были направлены вначале две роты, а затем весь II б-н Горийского полка. Присоединив эти свежие части к остаткам Эриванских батальонов, я около 4-х часов дня предпринял контратаку немцев, уже успевших распространиться в лесу к востоку от железной дороги.

Контратака эта была проведена вполне успешно и немцы быстро были отброшены назад за линию железной дороги.

Заняв позицию вдоль последней, укрепившись здесь и войдя в связь вправо с Мингрельцами и влево с Тифлисцами, Эриванцы и Горийцы оставались здесь до ночи на 5 августа, когда было получено распоряжение об отходе на новую позицию в тылу.

Потери в бою 4 августа: офицеров ранено 3. (Кап. Пильберг, Поручик Кандауров, Прапорщик Подхалюзин), контужены 2 (Подполковник Мануйлов и Корнет Безобразов). Пропало без вести 2 (Подпоручик Мальцев и Прапорщик Сиземский), заболел 1 (Корнет Папков). Нижних чинов убито, ранено и пропало без вести 734 человека.

Общая же потеря за два дня 3 и 4 августа, составляет: офицеров 13 человек и нижних чинов 1.095 человек.

Всего участвовало в этом бою, считая и Командира полка и чинов штаба полка, 26 офицеров, следовательно потеря в офицерском составе составляет 50 %.

Командир полка *Полковник Вышинский*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 13.

Копия сношения Начальника Штаба Кавказской Гренадерской дивизии 23 августа 1915 года за № 4379.

Командиру 13 Лейб-Гренадерского Эриванского полка.

Командир корпуса вернул все Ваши представления ниж. чинов

Виленские бои 1915.

Слева направо: Капит. **Дробышев**, капит. **Тимченко**, шт.-кап. **Шлиттер**, капит. **Лазарев**, поруч. **Снарский** и поруч. **Гогсберидзе**. Второй ряд: Поруч. **Кн. Шервашидзе**, капит. **Кн. Шервашидзе**, прапор. **Кн. Сидамонов-Эристов**.

Крево-Сморгонь 1915.

Сидят: Поруч. **Кикнадзе**, шт.-кап. **Кн. Эристов**, капит. **Колчин**, полк. **Вышинский**, капит. **Тимченко** и подпор. **Гаттенбергер**. Стоят: Подпор. **Побаевский**, поруч. **Аргунов**, поруч. **Гвелесиани**, шт.-кап. **Крупович**, поруч. **Гриневич**, прапор. **Жилин** и подпор. **Зродловский**.

за Галицийские бои с приказанием вновь представить за все время, начиная с прибытия в Германию и кончая Влодавскими боями 78 нижних чинов к крестам и 50 нижних чинов к медалям, причем к высшим степеням возможно меньшее количество.

Приложение: 127 списков.

Полковник Соколов.

С подлинным верно:
Вр. и об. Полкового Адъютанта *Поручик Гвелесиани.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 14.

Кому: Начальнику Кавказской гренадерской дивизии.
От кого: Командира Эриванского полка
1915 года 11 октября. № 590.

Рапорт.

За бои под Влодавой 3 и 4 августа сего года Командиром корпуса было пожаловано вверенному мне полку 54 Георгиевских креста и 54 Георгиевских медали, о чем мне и было сообщено Штабом дивизии полевой запиской от 8 августа за № 4481.

Во исполнение этого распоряжения мною тогда же было представлено к наградам 108 человек.

Затем при надписи от 30 сентября за № 5175 все мои представления были возвращены мне обратно с указанием, что корпусный командир все эти представления отклонил.

Полагаю, что такое решение корпусного Командира может быть основано на недоразумении и на незнакомстве высшего начальства с тем, что было сделано полком в этих боях, ввиду того, что полк 3 августа временно находился в подчинении начальнику 77 пех. дивизии.

Считаю долгом доложить Вашему Превосходительству, что 3 августа вверенный мне полк, получив в 3 ч. дня приказание Командира корпуса выступить к железно-дорожной станции Влодава в распоряжение начальника 77 пех. дивизии, а от последнего распоряжение немедленно атаковать германцев на участке севернее Влодавского шоссе, в 6 час. вечера пошел в атаку и к 8 часам вечера не только выбил немцев из занятой ими позиции и вновь занял окопы оставленные частями 77 пех. дивизии, но и продвинулся значительно дальше вперед, почти к самому Бугу и лишь полное отсутствие поддержки со стороны соседних частей заставило нас к ночи ограничиться занятием окопов 77 пех. дивизии. Во время этой атаки ротами вверенного мне полка было взято в плен до 150 германцев, доставленных несколькими партиями в Штаб Кавказской гренадерской, 77 и соседней 45 дивизий. Таким образом, 3 августа вверенный мне полк блестяще выполнил поставленную ему серьезную и трудную задачу, причем, как было сказано, было взято в плен до 150 человек.

Вслед за блестящей атакой 3 августа, полку на следующий день пришлось уже отбиваться от значительно превосходных сил противника, причем полк с честью вышел из самого опасного положения,

хотя к концу боя был уже окружен немцами со всех сторон и отдельным ротам пришлось пробиваться в штыки.

В боях 3 и 4 августа полк потерял из 26 офицеров, участвовавших в этих боях (считая и чинов штаба полка), 13 человек, т. е. 50 % и 1095 нижн. чинов. Подробное описание Влодавских боев было представлено мною Вашему Превосходительству в последних числах августа месяца.

Из изложенного, Ваше Превосходительство, усмотрите, что последнее решение Командира корпуса можно объяснить лишь недоразумением, в особенности после того, как полку было объявлено о пожаловании Его Высокопревосходительством за эти бои 108 наград.

Прошу Вашего ходатайства перед Его Высокопревосходительством Командиром корпуса о выяснении этого вопроса и разрешении представить за эти бои к наградам 108 нижн. чинов, как это было объявлено полку первоначально. При этом считаю долгом доложить Вашему Превосходительству, что постоянное сокращение числа наград и вычеркивание высшим начальством нижних чинов уже представленных к наградам непосредственными начальниками угашает дух, притупляет чувство предприимчивости и инициативы, подрывает веру в обещание начальства и создает в частях весьма нежелательную атмосферу недовольства, с чем в настоящее время нельзя не считаться.

Полковник Вышинский

Полковой Адъютант *Капитан Шлиттер.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 15.

Секретно.

Кому: Начальнику Кавказской Гренадерской дивизии
от: Командира 13 Л.-Гр. Эриванского полка.
1915 года 4 декабря № 645. Фольварк Неровка.

Рапорт.

Рапортом от 11 октября сего года за № 590, я просил ходатайства Вашего Превосходительства о выяснении перед Его Высокопревосходительством Командиром корпуса вопроса о назначении наград нижним чинам вверенного мне полка за бои под Влодавой 3 и 4 августа. Как мною уже было донесено Вашему Превосходительству, за названные бои Командиром корпуса было пожаловано вверенному мне полку 54 Георгиевских креста и 54 Георгиевских медали, о чем мне и было сообщено Штабом дивизии полевой запиской от 8 августа за № 4481.

Во исполнение этого распоряжения, мною тогда же было представлено к наградам 108 человек.

Затем при надписи от 30 сентября за № 5175 все мои представления были возвращены мне обратно с указанием, что корпусный Командир все эти представления отклонил. Считая подобное отклонение Командиром корпуса наград, ранее им же пожалованных, лишь следствием недоразумения, так как мне известна всегдашняя отзывчивость Его Высокопревосходительства к нуждам подчиненных, особенно

в отношении наград за боевые подвиги нижним чинам и строевым офицерам, вновь ходатайствую перед Вашим Превосходительством об утверждении пожалованных за Влодавские бои наград.

При этом доношу, что за эти бои, в которых полк потерял 50 % своего офицерского состава и свыше 1000 нижних чинов и выбил германцев с укрепленной позиции, взяв в плен не менее 150 человек, была объявлена в приказе по корпусу благодарность мне, было приказано представить к наградам всех участвовавших в этих боях офицеров, лишь нижние чины вверенного мне полка до сего времени не получили за эти бои ни одной награды.

При этом доношу, что до сего времени я не счел возможным даже объявить нижним чинам об отклонении Командиром корпуса наград, о пожаловании коих им было объявлено еще 8 августа лично Командиром корпуса при посещении им на походе у фольварка Забава полка, когда Его Высокопревосходительство благодарил за блестящую боевую службу каждую роту в отдельности и при нижних чинах приказал мне представить к наградам достойнейших.

Считая подобное явление совершенно недопустимым, прошу Вашего ходатайства о разрешении мне представить за эти бои к наградам наиболее отличившихся нижних чинов, если Командиром корпуса вновь будет отклонено утверждение наград, пожалованных Его Превосходительством, согласно сношения начальника штаба дивизии от 8 августа с. г. за № 4481.

Командир полка *Полковник Вышинский.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 16.

Командир 13 Лейб-Гренадерского Эриванского
Царя Михаила Феодоровича полка
по часть. стр.
"25" февраля 1916 г. № 2532.
Действующая армия.

Начальнику Кавказской Гренадерской дивизии.

Рапорт.

О возобновлении ходатайства о награждении ниж. чин. Георгиевскими крестами 4 ст. за Влодавские бои.

Возвращая при сем 62 представления к Георгиевскому кресту 4 степени нижних чинов вверенного мне полка за Влодавские бои 3 и 4 августа, согласно надписи Начальника штаба корпуса от 16 января за № 373, доношу для доклада Командиру корпуса, что основанием для возбуждения настоящего ходатайства послужило следующее обстоятельство: Полевой запиской от 8 августа 1915 г. за № 4481 Штабом дивизии мне было сообщено, что Командир корпуса за бои под Влодавой пожаловал вверенному мне полку 54 Георгиевских креста и 54 медали.

Во исполнение этого распоряжения мною тогда же было пред-

ставлено к наградам 108 нижних чинов, причем были представлены достойнейшие, оказавшие в названных боях наиболее выдающиеся подвиги.

Вслед за тем, при надписи от 30 сентября за № 5175 все мои представления были возвращены мне обратно, с указанием, что корпусный Командир все эти представления отклонил. Таким образом за бои 3 и 4 августа, когда полк потерял 50% своего офицерского состава и свыше 1000 н. чинов и взял в плен не менее 150 немцев, наиболее отличившиеся нижние чины, совершившие статутные подвиги, не получили никаких наград, хотя за эти бои получили награды все офицеры и некоторые нижние чины, представленные уже позже, во вторую очередь. Так как представленным нижним чинам о пожаловании этих наград было объявлно еще 8 августа прошлого года, когда Командир корпуса, при посещении им на походе у фол. Забава полка, благодарил за блестящую боевую службу каждую роту в отдельности и при нижних чинах приказал мне представить к наградам достойнейших, то я до сего времени не счел возможным даже объявить нижним чинам об отклонении Его Высокопревосходительством этих наград.

Не допускаю и мысли, чтобы нижние чины могли усомниться в том, что какое бы то ни было распоряжение или обещание Командира корпуса касательно награждения их за боевые подвиги может быть не исполнено, хотя бы такое распоряжение, как в данном случае, и было отдано по ошибке.

Зная всегдашнюю отзывчивость Командира корпуса к нуждам подчиненных, особенно в отношении наград за боевые подвиги нижним чинам и строевым офицерам, ходатайствую о награждении упомянутых в представлениях нижних чинов Георгиевскими крестами 4 степени.

При этом докладываю, что из числа представленных 8 августа, на основании полевой записки Штаба дивизии за № 4481, 108 нижних чинов, мною в настоящее время представляются лишь 62 нижних чина, наиболее отличившихся, которые своими статутными подвигами вполне заслужили эту боевую награду. Награждение их Командиром корпуса в настоящее время побудит не только награжденных, но и весь полк оказать новые геройские подвиги в предстоящих нам серьезных боях.

Приложение: переписка с представлением 62 нижних чина к Георгиевскому кресту 4 ст.

Командующий полком *Генерал-Майор Вышинский.*
Вр. и. об. полкового адъютанта *Поручик Гвелесиани.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 17.
(черновик)

На № 4474.

Рапорт.

Доношу Вашему Превосходительству,

что командовавший I батальоном вввереного мне полка Капитан Сабель остался на поле сражения в бою 15 августа у сел. Олсоки при следующих обстоятельствах: Следуя с 4 нижними чинами, взятыми из

рот для связи со своим батальоном, Капитан Сабель по мере наступления полка, видимо, принял слишком влево, оказавшись против промежутка между I и II батальонами. Совершенно неожиданно Капитан Сабель и бывшие при нем нижние чины, видимо, попали в засаду. Капитан Сабель выхватил шашку и с криком "ура" бросился на немцев. Немцы открыли стрельбу, причем одним из первых выстрелов Капитан Сабель был ранен и упал. Бывшие при нем нижние чины бросились было к нему, но двое из них тоже были либо ранены, либо убиты; остальные двое, видя, что Сабель уже окружен немцами, отошли. В это время к месту боя подошла часть людей 3 роты под начальством Прапорщика графа Медема, который бросился было вперед с целью спасти Сабеля, но, ввиду значительно превосходных сил немцев, попытка эта успеха не имела и Прапорщик граф Медем, никем не поддержанный, вынужден был отойти.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 18.

Кому: Дербент, Дагестанской области.
Елене Федоровне Погореловой.
Контора Нотариуса Бельковского.
Действующая армия. 12 октября 1915 года.

Многоуважаемая Елена Федоровна,

Посылаю Вам при сем вырезку из "Русского Инвалида" с Высочайшим приказом от 22 сентября, коим покойный супруг Ваш, за отличие в делах против неприятеля, произведен в подполковники. Да послужит Вам эта посмертная боевая награда и общее сочувствие всех чинов полка утешением в Вашем большом горе.

Пользуясь случаем, прошу Вас сообщить мне, не может ли полк оказать Вам какую-нибудь помощь или поддержку, например, в смысле определения детей в учебные заведения или принятия их под покровительство Алексеевского Комитета? В утвердительном случае, прошу Вас подробно сообщить мне, в чем может выразиться наше содействие. Поверьте, что нами будет сделано все от нас зависящее для облегчения Вашего тяжелого положения и для обеспечения Вашим детям возможности получения соответствующего образования.

Искренне Вас уважающий *Е. Вышинский.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 19.

Кому: ур. Манглис. Тифлисской губ.
Е.В.Б. Раисе Григорьевне Мальцевой.

Ваше письмо от 8 сентября я получил только на днях, посланной же Вами телеграммы вовсе не получил.

Относительно судьбы Вашего супруга Подпоручика Мальцева, к сожалению, не могу сообщить Вам ничего определенного. В бою под Влодавой 4 августа он при отходе роты остался почему-то в окопе, причем путем опроса нижних чинов его роты так и не удалось выяснить, был ли он ранен, или же просто захвачен в плен немцами, уже успевшими отрезать часть роты. Во всяком случае, имеется полное основание предполагать, что супруг Ваш жив и находится в плену.

Надо полагать, что он сам при первой же возможности подаст Вам весточку о себе.

Будьте уверены, что если в полку будут получены какие-либо сведения о судьбе Вашего супруга, они немедленно же будут сообщены Вам.

Искренне Вас уважающий *Е. Вышинский.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 20.

Кому: Вологодской губернии, Грязовецкого уезда
Ведерковское Правление.
Воскресенской Великорецкой Церкви
Священнику о. Анатолию Сиземскому.
Действующая армия. 12 октября 1915 года.

Многоуважаемый Отец Анатолий,

Ваше прошение от 28 августа получил только на днях и сейчас же отвечаю Вам, чтобы рассеять Ваше сомнение относительно судьбы Вашего сына, вкравшееся благодаря оплошности полковой канцелярии, неправильно заполнившей бланк билета, выданного деньщику Вашего сына; о смерти Вашего сына нет никаких решительно данных. По нашим сведениям он числится без вести пропавшим и таковым он показан и в официальных списках. О судьбе Вашего сына мне известно следующее. В бою 4 августа у ст. Влодава полку пришлось отбиваться от превосходных сил противника, причем нам пришлось отойти с части нашей позиции. Сын Ваш, как и надлежит ротному командиру, отходил с ротой последним; когда же рота вышла из леса, то оказалось, что ротного командира при роте уже не было. Куда он девался, никто из нижних чинов не мог объяснить.

Возможно, что он, отходя последним, был просто отрезан и захвачен в плен наседавшими немцами; возможно, что он при отходе был ранен и затем подобран немцами; возможно, конечно, что он и убит; но, повторяю, каких-либо положительных данных о его судьбе в полку не имеется и есть полное основание надеяться, что он жив и находится в плену.

Будьте уверены, что если только мною будут получены какие-либо сведения о Вашем сыне, то таковые немедленно будут мною сообщены Вам.

Относительно высылки Вам денег, которые могли остаться в полку после Вашего сына, мною даны соответствующие указания хозяйственной части полка.

Что касается наград, к которым Ваш сын был представлен мною, то таковые еще не утверждены начальством. По утверждении их и по получении их в полку, все знаки отличия будут высланы Вам.

В заключение считаю долгом сообщить Вам, что сын Ваш, несмотря на кратковременность своего пребывания в полку, сумел заслужить репутацию храброго офицера и дельного, толкового ротного командира.

Да послужит Вам общее сочувствие всех офицеров полка утешением в Вашем горе.

Искренне Вас уважающий *Е. Вышинский.*

Кому: Ярославль. Сенная площадь № 8
Е. В. Б. Софии Александровне Борисовой.
Действующая армия. 12 октября 1915 года.

Глубокоуважаемая София Александровна,

Письмо Ваше от 24 сентября получил только на днях и лично берусь за исполнение тяжелой обязанности сообщить Вам то, что известно в полку о последних часах жизни Вашего сына, славного юноши, павшего смертью героя во главе командуемой им 7 роты вверенного мне полка. Дело было 3 августа, когда полку было приказано перейти в атаку против немцев от жел.-дор. станции Влодава в западном направлении. К 6 часам вечера полк двинулся вперед. Ваш сын со своей ротой наступал в передовой линии. Полк быстро двинулся вперед лесом, причем немцы были выбиты из последнего и отброшены к Бугу. Однако, вслед за тем они бросились на наши роты в превосходных силах и мы были вынуждены податься несколько назад. Вот в этот-то период, при продвижении полка вперед, Ваш сын, следуя во главе роты и увлекая своим примером нижних чинов, по показаниям последних был убит наповал ружейной пулей, причем вынести его не удалось; несколько нижних чинов, бросившихся к нему, были тут же убиты и рота, попав под сильнейший огонь и понеся большие потери, под натиском немцев — была вынуждена отойти назад.

Из числа офицеров свидетелей смерти Вашего сына не было, показания же нескольких нижних чинов все сходятся на том, что сын Ваш убит.

Полагаю, что надежды на то, что он мог быть тяжело ранен и подобран немцами мало.

Несмотря на сделанное мною распоряжение и на старания всех чинов полка вынести тело покойного, это не удалось ни 3 ни 4 августа и полк после тяжелого, хотя и славного боя с превосходным в силах противником, был вынужден отойти, потеряв в эти два дня убитыми и ранеными 50% своего офицерского состава.

Таким образом, Ваш сын погиб в лесу к сев.-западу от железнодорожной станции Влодава, где вероятно, и предан земле германцами.

О последних часах жизни Вашего сына очевидцы передают, что он был все время в самом лучшем, бодром настроении и ничто решительно не могло предвещать столь печального конца. Фотографических снимков Вашего сына, насколько мне известно, в полку не сохранилось, по крайней мере у уцелевших офицеров; часть офицеров, занимавшихся фотографией, погибла частью в этом бою, частью — в последующих. Если бы впоследствии в полку нашлись какие-либо фотографические снимки, на которых снят Ваш покойный сын, то будьте уверены, что они будут высланы Вам. То же могу сказать и относительно знаков отличия. Хотя покойный и был представлен мною к нескольким наградам, однако, таковые еще не утверждены и в полку не получены. По получении знаков отличия в полку они будут Вам доставлены.

В заключение считаю долгом сообщить Вам, что Ваш покойный сын, павший смертью героя, пользовался в полку всеобщей любовью и уважением товарищей офицеров и громадным авторитетом среди своих подчиненных нижних чинов. Лично я, как и батальонные командиры, высоко ценили его, как выдающегося боевого офицера и опытного ротного командира, всегда выходившего с честью из самых трудных положений. Смерть его произвела на всех его товарищей сослуживцев огромное впечатление, хотя мы к подобным случаям уже давно привыкли.

Да послужит Вам самое горячее сочувствие всех чинов полка утешением в Вашем горе.

Искренне Вас уважающий *Е. Вышинский.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 22.

Кому: Госпоже Обориной. Москва.
Действующая армия. 22 ноября 1915 года.

Милостивая Государыня!

... С полной готовностью сообщу Вам все, что могу и знаю; сделал бы это и раньше, если бы я знал что-нибудь о семейном положении покойного, но только из письма М-м Крупович я впервые узнал, что у него в Москве есть мать.

Как уже я телеграфировал Вам, тело покойного будет отправлено в Москву, как только будет получено разрешение на перевозку его. Ходатайство об этом уже давно возбуждено, но почему-то разрешения все еще не могу добиться.

Тогда же будут Вам доставлены и вещи, оставшиеся после покойного. Последним составлена опись и привезет их Вам денщик. Если только будет возможно, то об отправке тела и вещей Вам будет сообщено телеграммой.

О последних днях и часах жизни и об обстоятельствах смерти Вашего сына могу сообщить Вам следующее: Ваш сын убит ружейной пулей в голову в десятом часу вечера 6 ноября в то время, когда он, стоя в окопе и руководя работами по укреплению позиции, отдавал приказания унтер-офицеру. Немцы открыли огонь по нашим работавшим гренадерам и одна из пущенных наугад пуль поразила его. Свидетель его смерти унтер-офицер показал, что покойный совершенно спокойно говорил с ним о распределении рабочих, подняв при этом голову из окопа, (рабочие все были не в окопе, а впереди его) и, вдруг вскрикнув: — *"ах!"*, упал. Когда унтер-офицер бросился к нему, он был уже мертв. Смерть была мгновенная, без страданий, и когда его принесли ко мне, к штабу полка, лицо его выражало полное спокойствие. В течение последних дней своей жизни покойный был вообще в очень хорошем настроении, был бодр, весел, очень много говорил, лично у меня просился в отпуск в январе месяце; по некоторым намекам я понял, что он собирался жениться, словом ничего не предвещало такого печального конца. Лишь в самый день смерти 6 ноября у него в 10 роте был убит солдат, такой же юноша, как и он, и смерть этого солдата произвела на него особенное впечатление.

Утром 6 числа он в разговоре с товарищами сам удивлялся этому, ведь убитых и раненых ему приходилось видеть не раз и не мало, но ни разу смерть солдата не произвела на него такого впечатления. За полчаса до смерти он принес двум офицерам, у которых занял деньги, расписки с просьбой на имя казначея уплатить его долг, а когда его товарищи отказались взять расписки, он настоял на этом, заметив, что его могут еще "как-нибудь подвалить". Товарищи, обратив внимание на его мрачное настроение, старались рассеять его, развлечь, но он вскоре ушел в свою роту, а немного спустя по окопам распространилась печальная весть, что убит Подпоручик Оборин. Ближайшие товарищи его убеждены в том, что у него было какое-то предчувствие катастрофы. Вот все, что я могу сообщить об обстоятельствах смерти и о последних часах жизни покойного.

В заключение, считаю долгом сообщить Вам, что Ваш покойный сын, павший смертью героя, пользовался в полку всеобщей любовью и уважением товарищей офицеров и громадным авторитетом среди своих подчиненных нижних чинов. Лично я, как и батальонные командиры, высоко ценили его, как выдающегося боевого офицера и опытного образцового ротного командира, всегда выходившего с честью из самых трудных положений.

Смерть его произвела на всех его товарищей-сослуживцев огромное впечатление, хотя мы к подобным случаям уже давно привыкли.

Да послужит Вам самое горячее сочувствие всех чинов полка утешением в Вашем великом горе.

Всегда готовый к услугам и искренне
Вас уважающий *Е. Вышинский.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 23.

Кому: Командиру Кавк. грен. артиллерийской бригады.
От: Командира 13 Л.-Гр. Эриванского полка.
22 ноября 1915 года. Фольв. Богдановка.

Сим удостоверяю, что в боях 4 и 5 июня 1915 года у дер. Оседедек Командующий 1 батареей Капитан Фок проявил выдающуюся храбрость и самоотвержение и, искусно руководя огнем своей батареи, оказал вверенному мне полку полное содействие в отражении повторных ожесточенных атак противника на вверенный мне полк.

Таких блестящих результатов Капитан Фок достиг лишь благодаря своей исключительной храбрости; находясь в течение обоих этих дней, 4 и 5 июня, безотлучно на передовом наблюдательном пункте в окопе 8 роты вверенного мне полка под сильнейшим ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника, подвергая свою жизнь явной опасности, причем, для лучшего наблюдения за противником, влезал на находившееся около окопа дерево.

Командир 13 Л.-Гр. Эриванского полка *Полковник Вышинский.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 24.

Кому: Командиру Кавк. грен. артиллерийской бригады.
От: Командира 13 Л.-Гр. Эриванского полка.
22 ноября 1915 года. Фольв. Богдановка.

Сим удостоверяю, что в боях 4 и 5 июня 1915 года у сел. Осередек, Командир 2 батареи Кавк. грен. артиллериской бригады Полковник Стопани проявил совершенно исключительную храбрость и искусство в управлении огнем своей батареи, чем оказал 13 Лейб-Грен. Эриванскому полку полное содействие в отражении повторных ожесточенных атак противника на позицию, занятую названным полком. В течение обоих этих дней Полковник Стопани безотлучно находился на линии передовых рот, на наблюдательных пунктах под сильнейшим ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника. Вначале, сидя на дереве близ окопа, Полк. Стопани оттуда руководил огнем батареи, затем, сбитый оттуда неприятельской артиллерией, перешел на другой наблюдательный пункт в окопе 7 роты вверенного мне полка, где и оставался до конца боя, все время подвергая свою жизнь явной опасности.

Командир 13 Л.-Гр. Эриванского полка *Полковник Вышинский.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 25.

Кому: Командиру Кавк. грен. артиллерийской бригады.
От: Командира 13 Л.-Гр. Эриванского полка.
22 ноября 1915 года. Фольв. Богдановка.

Сим удостоверяю, что в боях 4 и 5 июня 1915 года у сел. Осередек I дивизион Кавк. гренад. артиллерийской бригады, в составе 1 и 2 батарей, под командой Полковника Казбека, оказал вверенному мне полку совершенно исключительное содействие в отражении повторных ожесточенных атак противника. Таких выдающихся результатов Полковнику Казбеку удалось достигнуть благодаря проявленной им совершенно исключительной энергии, храбрости и самоотвержению.

Проведя часть обоих этих дней на наблюдательном пункте, Полковник Казбек все время лично руководил огнем дивизона, направляя таковой по пунктам наибольшего сосредоточения противника и тем парализуя каждую попытку его продвинуться вперед.

Наблюдательный пункт все время находился в сфере самого действительного ружейного, пулеметного и артиллерийского огня и Полковник Казбек, находясь на этом пункте, подвергал свою жизнь явной опасности.

Командир 13 Л.-Гр. Эриванского полка *Полковник Вышинский.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 26.

Кому: Командиру Кавк. гренад. артиллерийской бригады.
от: Командира 13 Л.-Гр. Эриванского полка.

Препровождая при сем, согласно сношения Вашего Превосходительства, засвидетельствование подвига, совершенного в боях 4 и 5

июня Капитаном Фоком, считаю долгом доложить, что в течение обоих этих дней не меньше отличий было оказано и Командиром 2 батареи Полковником Стопани, руководившим огнем своей батареи с передового наблюдательного пункта, находившегося в окопе 7 роты, с исключительной храбростью и самоотвержением и так же сидевшим на дереве, пока его не сбили оттуда артиллерийским огнем. По словам моих офицеров, действия Полковника Стопани в этих боях были выше всякой похвалы.

Точно так же не могу умолчать и о выдающейся, беззаветной храбрости, проявленной Полковником Казбеком, который с явной опасностью для жизни лично руководил огнем своего дивизиона. Успешным отражением атак 4 и 5 июня на вверенный мне полк мы в одинаковой мере обязаны блестящим действиям всего дивизиона, т. е. и 1 и 2 батарей, а поэтому с своей стороны ходатайствую о повторном представлении к Георгиевскому оружию обоих командиров батарей, а также и командира дивизиона.

Приложение: Свидетельства за №№ 52, 53 и 54.

Полковник Вышинский.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 27.

Кому: Корнету Пашкову.
Петроград, Ломанский переулок № 17.
1 декабря 1915 года.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Ваше письмо от 14 ноября получил. Конечно очень сожалею, что приходится расстаться с Вами. Мы все так сжились с Вами, что уход из нашей среды Кавалергардов большая потеря для нас, но само собою разумеется, что всем Вам нужно вернуться в полк, раз последний в Вас нуждается, тем более, что мы, Эриванцы, в настоящее время очень богаты офицерами: — сейчас у нас до 60 человек...

Желая Вам всего наилучшего и дальнейших боевых успехов, остаюсь искренне Вас уважающий

Е. Вышинский.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 28.

Кому: Начальнику Кавказской гренад. дивизии.
От: Командира 13 Л.-Гр. Эриванского полка.
6 декабря 1915 года. № 646. Фольварк Богдановка.

Рапорт.

При надписи Вр. и. д. Начальника Штаба дивизии от 29 ноября с. г. за № 6914 мне был препровожден наградной лист на Полкового Адъютанта вверенного мне полка Капитана Шлиттера, возвращенный

Дежурным Генералом Штаба 8 армии, при сношении от 10 ноября с. г. за № 736080. Наградной лист возвращен на основании приказания Верховного Главнокомандующего сего года за №56.

Подробное ознакомление с этим приказанием привело меня к убеждению, что в данном случае отказ в награждении Капитана Шлиттера просимой наградой — орденом Св. Анны 4-ой ст. с надписью "за храбрость", основан, видимо, па недоразумении, так как в упомянутом приказании, перечисляющем должности, на коих офицерам нельзя получить больше трех боевых наград, должность полкового адъютанта не значится. В этом приказании значатся лишь офицеры всех штабов и управлений, личные ординарцы, ординарцы, командиры нестроевых рот, заведывающие хозяйством и оружием в полках.

Перечисление отдельных должностей в полку, без упоминания адъютантов, только подтверждает, что полковые адъютанты этим приказом не имелись ввиду.

Сверх того, опыт войны показал, что в то время, как личные адъютанты и ординарцы начальствующих лиц и офицеры высших войсковых штабов, равно как и командиры нестроевых рот и начальники хозяйственных частей в полках во время боев почти вовсе не подвергаются опасности, или, во всяком случае, подвергаются ей весьма редко, полковые адъютанты в каждом бою рискуют быть убитыми или ранеными, так как полковые штабы всегда находятся в сфере артиллерийского, а весьма часто и ружейного огня, не говоря уже о специальных поручениях, часто возлагаемых на адъютантов командирами полков, исполнять которые приходится всегда под артиллерийским и ружейным огнем противника.

В подтверждение этого считаю долгом доложить, что во вверенном мне полку Полковой Адъютант Капитан Шлиттер ранен ружейной пулей в грудь навылет 22 сентября 1914 года, а временно исполнявшие должность Адъютанта — Поручик Снарский тоже ружейной пулей в бедро 2 июня 1015 года, а Поручик Гвелесиани контужен тяжелым снарядом 17 апреля 1915 года. Кроме того из числа офицеров, бывших при штабе полка, и следовательно подвергавшихся такой же опасности, как и полковой адъютант, разновременно были ранены: Начальник команды службы связи Капитан кн. Эристов 28 ноября 1914 года осколком снаряда в ногу и Поручик Гогоберидзе 22 сентября 1914 года осколком снаряда в лопатку и ногу. Словом, все без исключения офицеры, перебывавшие за время войны в штабе вверенного мне полка, были ранены и контужены.

При таких условиях причисление Полкового Адъютанта к категории офицеров, указанных в приказании Верховного главнокомандующего № 56, считаю несправедливым, почему прошу ходатайства Вашего Превосходительства о выяснении этого вопроса и о награждении Капитана Шлиттера просимой наградой, безусловно заслуженной этим доблестным офицером.

Приложение: Наградной лист.

Полковник Вышинский.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 29.

Кому: Командиру 14 Гр. Грузинского полка.
От: Командира 13 Л.-Гр. Эриванского полка.
12 декабря 1915 года.

Как начальник боевого участка, свидетельствую о выдающейся доблести Капитана Отхмезури в бою 13 сентября у сел. Малявичи. Когда, с оставлением своих позиций частями 51 пех. дивизии, угрожал обход слева левому флангу Гренадерской дивизии, действуя с особым спокойствием, он, отбив атаку огнем, остановил продвижение противника, что дало возможность нам удержаться на позиции, а остальным частям, собравшись, вновь выйти на линию нашей дивизии.

Командир 13 Л.-Гр. Эриванского полка
Полковник Вышинский.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 30.
(Черновик)

В приказ по полку 20.III.16 года.

Полковой адъютант Капитан Шлиттер, вследствие сильного недомогания, последствия тяжелого ранения, вынужден был оставить свою должность, которую занимал в течение более 8 лет. Прекрасно знакомый с делом, всегда вежливый, тактичный по отношению к товарищам, строгий и требовательный, но вместе с тем отзывчивый и заботливый в отношении подчиненных, Капитан Шлиттер давно заслужил в полку общую любовь и уважение.

Пробыв с полком 15 месяцев тяжелой кампании, отличаясь выдающейся храбростью и спокойствием даже в самые тяжелые минуты, Капитан Шлиттер в роли полкового адъютанта являлся для меня в боях незаменимым помощником.

Расставаясь ныне с Капитаном Шлиттером, сердечно благодарю его за самоотверженную работу на пользу родному полку и шлю ему лучшие пожелания в дальнейшей службе.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 31.

ЖУРНАЛ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

За время командования полком Ген. Шт. Полковника Вышинского

1 9 1 5 г о д .

Май.
14 „ Высадка последнего эшелона в г. Любачеве.
18 „ Выступление из Любачева к Загродам.
19 „ С 3 часов утра бой у д. Загроды.
21 „ К 5 ч. утра отход к Закопце.
22 „ С полуночи к д. Карапети в резерв.
23 „ К 3.30 утра возвращение в Закопце.
24 „ Вечером выступление в Мекиш Новый.
25 „ К 2.30 ночи стали на позицию.
26 „ К 3 ч. утра прибыли на бивак у с. Ставки.
31 „ Бой у с. Тухлы и отход к Луковцу.

Июнь.

1 „ Бой у с. Луковца.
2 „ Бой у Домбровки, отход к с. Борова-Гура.
3 „ Бой у с. Дольна, отход к с. Осередек.
5-6 „ Бой у с. Осередек.
13 „ В 9 ч. вечера отход на позицию у м. Нароль.
14 „ Бой у м. Нароль. Вечером отход к д. Тарнаватке.
15 „ Бой у с. Лузинец и у с. Пасеки.
16 „ Бой у с. Ксенжостаны и ф. Лабуне.
17 „ Ночной марш к д. Генрикувка. Бивак у с. Скибице.
25 „ Ночная атака II б-ном ф. Облычин.

Июль.

2 „ Занятие позиции у д.д. Генрикувка-Берестье.
4-5 „ Бой у д.д. Генрикувка-Берестье.
6 „ В 4 ч. утра отход к м. Ухане.
8 „ Бой и отход на тыловую позицию.
9 „ В 2.30 утра контратака.
19 „ К 1 ч. ночи отход к кол. Теосин.
22 „ В 1 ч. 30 ночи отход за р. Буг к с. Гуща.
17 „ В 4 ч. утра отход в резерв за д. Богдановку.

Август.

1 „ В 10 ч. вечера отход к Смолярам-Столенским.
3 „ Ночью отход к г. Орхову. В 6 ч. вечера атака всем полком переправившихся через р. Буг немцев у ст. Влодава.
4 „ Бой у ст. Влодава.
5 „ Под утро отход на позицию у с. Мельники.
6 „ Вечером смена. Отход к ст. Малорыто.
7 „ Марш к ф. Забава.
8 „ Марш к с. Люцевичи.
9 „ Марш к с. Лука.
10 „ Марш к сел. Осовцы.
11 „ Посадка на ст. Погодино.

ДЕЙСТВИЯ ПОЛКА В ВИЛЕНСКОМ РАЙОНЕ.

Август.

13 „ В 4 ч. утра высадка на ст. Ландворово.
14-15 Бой у с. Пломяны и с. Олсоки.
15-17 В резерве у Жукишек.
18 „ Наступление к Новоселкам.
20 „ Переход к с. Жукам и атака д. Зайдрости.

Сентябрь.

27/8 по 3 сент. На Ново-Трокской позиции.
4 „ Отход к Чернобылю.
5 „ Отход к с. Крижовка.
6 „ Отход к г. Шумск.
7 „ Бой у г. Шумска.
8 „ Отход к Журавам.
10 „ Отход к Смолянке.

11 „ Отход к Крево.
12 „ В резерве в с. Раковцы.
13 „ Бой у Новоселок.
14-21 В резерве в с. Раковцы.

Октябрь.
21/9—5/10 На позиции у Черкасов.
5-10 В резерве у Неровки.
10-16 На позиции Новоселки-Огароды.
16-20 В резерве 51 див. у Фрапусто.
20-23 В арм. резерве в Запрудзе.

Ноябрь
24/10—1/11 В арм. резерве в Забрезье.
2-9 На позиции у Новоселки.
10-20 В резерве у Людвиново.
20-27 На позиции Балабан-Крево.

Декабрь
27/11—4/12 В корпусн. резерве у Неровки.
4-13 На позиции Балабан-Крево.
13-22 В корпусн. резерве у Неровки.
22-29 На позиции.

Январь 1916 г.
29/12—8/1 В резерве.
8-25 На позиции.

Февраль.
25/1—10/2 В резерве.
10-20 На позиции.
20-27 В резерве.

Март.
28/2—12/3 В Рамзели-Дзераки.
13-22 На позиции у с. Богуши.

На этом запись кончается. 25/III 1916 г. Генерал Вышинский уехал.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 32.

СЛОВО

сказанное командиром кадра полка А. Г. Кузнецовым в день

ТРЕХСОТЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ

29 июня 1942 года в Париже.

На меня, как на старшего Лейб-Эриванца и командира кадра полка выпала почетная задача, сегодня, перед Вами, господа, отметить знаменательную дату: трехсотлетнюю годовщину основания Лейб-Эриванского полка.

Задача столь же почетная, как и трудная. Что можно сказать в нескольких словах о полке, прожившем 300 лет?!

Какую сторону деятельности полка отметить?! Что опустить?!

Что важно отметить именно *сегодня,* когда мы стоим перед ка-

ким-то рубежем, проникнуть за который никому не дано, а наше будущее, будущее России и нашего полка, представить себе еще труднее, поэтому как-то невольно в такой момент стараешься найти в нашем прошлом — указания на будущее.

Не даром мы прожили 300 лет и являемся обладателями такой истории, какой нет ни у одного полка Российской Императорской Армии.

В нашей истории есть места, на которых интересно остановиться, именно в связи с переживаемыми событиями. Жизнь нашего полка на протяжении 300 лет не раз висела на волоске и его история могла прерваться и не дожить до 300-летнего юбилея.

В 1805 году мы были Егеря под № 17 и больше ничего. Полк не имел даже знамени и история его никого еще не интересовала, так как в 1784 году, всего за 21 год перед тем, одним росчерком пера, славный предок наш Бутырский полк, был переформирован в Егерский Корпус и драгоценная нить истории, значения которой тогда явно не сознавали в наших верхах, таким образом, оборвалась, затерявшись в различных архивах.

Так вот, в 1805 году, когда полк находился в военных действиях против персиян, случился эпизод, когда, вообще говоря, Эриванцев, в их последующем виде, могло и не быть, потеряй они тогда бывшие при них два орудия 7 Артиллерийского полка.

Путь от крепости Шах-Булаха к замку Мухрат, преграждала глубокая промоина, которая грозила погубить не только остатки отряда Карягина, но и пресечь нашу историческую известность.

Нас спас своей *верностью долгу* и своей находчивостью рядовой Гаврила Сидоров. Это он, проложив "живой мост", не дал порваться нити, идущей к нам из глубины нашей истории, возбудив интерес к полку, воспитавшему такого солдата, который даже в ту воинственную эпоху, полную подвигов, сумел поразить воображение своих современников. Это рядовой Гаврила Сидоров вывел нас на широкую историческую дорогу.

Уже в 1816 году, при переформировании 17 Егерского полка в 7 Карабинерный, в приказе по армии сказано: "Из Егерских полков, *так как 17 Егерский оказал всех более отличных подвигов против неприятеля в здешнем краю,* то оный, на основании Высочайшего повеления производится в Гренадерские и именоваться ему впредь — 7 Карабинерным.

С этого момента мы на виду.

Лишь сто лет тому назад, в 1842 году, Император Николай I, понимавший воспитательное значение истории, впервые указал на славную кровную связь Бутырцев и Карабинер, которые славу, Бутырским полком приобретенную, постоянно поддерживали... а Бутырский полк по словам той же Высочайшей грамоты, постоянно отличался мужеством и храбростью в делах с врагами отечества и стяжал неувядаемую славу в дни побед Полтавской и Кагульской.

С этого момента, а особенно с 14 ноября 1850 года, когда Государю Императору Николаю I благоугодно было назначить шефом Эриванского Карабинерного полка Наследника Цесаревича, будущего Императора Александра II, Эриванский полк неизменно отличается свои-

Стабилизация фронта у Крево-Сморгони 1915 г.

Первый слева: Капитан **Колчин,** кавалер Орд. Св. Георгия 4 ст., выпуска 1894 г. из Тифлисского юнк. учил., капитан **Кн. Геловани,** подпор. **Гаттенбергер** и полковник **Вышинский.**

ми Государями за верную и доблестную службу Престолу и Отечеству. Императоры Александр II, Александр III, Николай II и Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, последовательно состоят в списках полка и Шефство царствующего Императора становится как бы традиционной привилегией полка.

Эта привилегия полка не являлась, однако, результатом случайных милостей Монархов, но она была награждением полка за его непрерывные подвиги.

Время не позволяет описать хотя бы особо выдающиеся эти подвиги Бутырцев, Егерей, Карабинеров-Эриванцев, но достаточно будет их напомнить и упомянуть имена ряда выдающихся их командиров и офицеров, чтобы сразу воскресить всю историю нашего полка — настолько общеизвестны каждому русскому человеку названия сражений, участниками которых был полк и имена его командиров.

На заре своей жизни Бутырцы имели своим командиром-шефом ген. Гордона и под его начальством участвовали в походах на Крым, поддержали Петра Великого в его борьбе с Царевной Софией, отличались под Азовом и подавили восстание в 1698 году в отсутствие Царя

Затем под начальством кн. Солнцева-Засекина полк покрыл себя неувядаемой славой в Полтавском сражении.

В царствование Императриц Анны Иоановны и Елизаветы Петровны Бутырский полк участвовал со всей доблестью во всех войнах.

В Семилетней войне Бутырцы проявили свои выдающиеся боевые качества при Грос-Егерсдорфе и Цорндорфе, а при Екатерине Великой в Ларго-Кагульской операции.

В 1783 году Бутырский полк направляется на Кавказ, где он поступает в распоряжение Суворова и где он блестяще участвует в разгроме Ногайцев на Кубани.

Уже в составе Егерей Кубанского Корпуса, полк, под новым наименованием, участвует во взятии Дербента и Ганджи.

Под наименованием 18 Егерского полк переваливает Кавказский хребет и вступает в Грузию для ее защиты. В битве на р. Иоре, он на голову разбивает лезгин. Тут впервые в официальных документах появляются имена блестящих однополчан Карягина и Котляревского. Здесь же зарождается вековая доблесть и слава Кавказской Армии.

Под именем 17 Егерского, в начале XIX столетия, под командой Карягина, полк оказал одни из самых блестящих подвигов своей трехвековой истории. Участие во взятии Ганджи, в боях под Аскераном, при штурме Шах-Булаха и в бою под Загамом, а после кончины Карягина, при штурме Мигры, в сражении под Асландузом и при взятии Ленкорани — все это главы самых блестящих подвигов в рядах Кавказских войск, среди которых Егеря под № 17 занимают первое место.

В Персидскую войну 1826-28 годов, под названием 7 Карабинерного, полк доблестно участвует в Елизаветпольском сражении, при атаке Сардар-Абада и во взятии Эривани. В воздаяние его подвигов в эту кампанию, полку Высочайше повелено, приказом от 29 октября 1827 года, именоваться Эриванским.

Затем, Эриванцы проявляют свои исключительные боевые качества в войне с Турцией в 1828-29 годов, при взятии Карса, в сражении под Ахалцыхом, у Бардуза, у Каинлы и при покорении Эрзерума.

В 1830 году Эриванцы участвуют в борьбе с мюридизмом, берут Закаталы, Гимры, Елису и штурмуют аул Салты.

В Восточную войну Эриванцы блестяще дерутся под Баяндуром, Баш-Кадыкляром, Кюрук-Дара и при штурме Карса. Исключительные по своей доблести действия полка в эту кампанию дали ему высокие Георгиевские награды на знамена и наименование Лейб-Гренадерского. Затем опять начинается борьба с мюридами при участии полка в штурме Китуры и при пленении Шамиля на Гунибе.

В войну с Турцией 1877—78 годов Эриванцы блестяще штурмуют Ардаган, Карс, дерутся под Араватаном, на Аладже, под Авлиаром и занимают Эрзерум. За их доблестные действия они получают опять Георгиевское знамя 4 батальону и Георгиевские петлицы.

В Ахал-Текинской экспедиции полк участвует одним батальоном и на другой окраине России пронес свое блестящее имя в боях у Денгли-Тепе.

В Русско-Японскую войну полк дал одну роту. Три доблестных Эриванца погибли смертью храбрых в боях в эту кампанию.

Наконец, в Великую войну Эриванцы были направлены на Западный фронт и участвовали в ней до самого конца, а затем потянулись и в Белую Армию. Нам, участникам этих войн, не подобает оценивать нашу боевую деятельность за этот период нашей истории, но мы не можем не вспомнить наших 54 офицеров и несколько тысяч гренадер, павших во славу родного полка.

Наш трехсотлетний юбилей, доживи мы до него в нормальных условиях, праздновался бы на виду у всей России. Рухнул Трон, рухнула Россия и мы, осиротевшие, потерявшие в боях и застенках Чека столько братьев, мы, Эриванцы, последняя горсть людей, сумели гордо пронести имя полка и в огне Гражданской войны и в тяжелой эмигрантской скитальческой жизни. Но теперь, как и прежде, со словами полковой песни "с бодрым духом, Эриванцы, сомкнем штыки", проникнемся до конца своей миссией. Ведь все те качества, носителями которых мы являемся, не преходящи — к ним тянутся возвышенные души. Во все времена, у всех народов доблесть, храбрость, верность и самопожертвование считались качествами абсолютной ценности. Эриванцы всегда были верны России и Династии, создавшим полк и его возвеличившим.

Наша история — история войн России на всех ее границах, за все время существования Российской регулярной армии.

Вот почему мы можем верить в возможность перейти и через новый ров, вырытый Божественным Промыслом на нашей исторической дороге.

Нас уже нельзя "зачеркнуть" одним росчерком пера, — за нами наша история.

Мы не можем затеряться, как затерялись списки Бутырцев и Егерей в Моздокском и Георгиевском архивах, ибо мы живы и в нас живет седой, увенчанный ТРЕХСОТЛЕТНЕЙ славой — наш полк.

Мы донесли в сохранности все, что вверила нам наша история и поэтому мы вправе верить, что еще на нашей жизни увидим, как потянутся к нам с "того берега" молодые героические души, чтобы воспринять от нас донесенное нами духовное сокровище.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris-13e

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Mr C. POPOFF
32. avenue Charles de Gaulle, Montmorency (S. et O.). France.